

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СО РАН

М. В. ШИЛОВСКИЙ
ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1905–1907 гг. В СИБИРИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук *М. Н. Колоткин*

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
НОВОСИБИРСК
2012

УДК 323
ББК 63.3(2)532
Ш 59

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института истории СО РАН

Рецензенты:

д-р ист. наук *В. Г. Кокоулин*
канд. ист. наук *Д. А. Ананьев*
канд. ист. наук *А. К. Кириллов*

Шиловский М. В.
Ш 59 Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири /
отв. ред. М. Н. Колоткин; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние,
Ин-т истории. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. –
320 с.
ISBN 978–7692–1255–0.

В монографии впервые в отечественной историографии анализируются основные события революции 1905–1907 гг. в Сибири, участие в них различных социальных групп населения региона, организаций политических партий и общественных формирований. Выявляются основные этапы социального катаклизма. Подробно рассматривается позиция властей, факты погромных акций в Омске, Томске, Барнауле, Красноярске и Иркутске, обусловленные противостоянием либерально-революционной демократии и «патриотически» настроенных обывателей. Обращается внимание на специфику завершения процесса оформления региональной многопартийности и избирательные кампании в 1-ю и 2-ю Государственные думы.

Монография предназначена для специалистов-историков, студентов и преподавателей истории вузов и школ, всех интересующихся историей Сибири начала XX в.

ISBN 978–7692–1255–0

© Шиловский М. В., 2012
© Оформление. Издательство СО РАН,
2012

ВВЕДЕНИЕ

Среди активно изучаемых событий отечественной истории XX в. особняком стоит революция 1905–1907 гг. В калейдоскопе меняющихся оценок, сенсационных «открытий» и «закрываний» о ней просто постарались забыть. До сих пор применительно к Сибири социальный катаклизм ассоциируется с мифологизированными образами, созданными в 1930–1940-е гг.: руководящей ролью не существовавшей тогда большевистской партии, вооруженными восстаниями в Красноярске и Чите, предательской ролью либералов, оппортунистической деятельностью меньшевиков и т. п.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Отдельные аспекты истории Первой русской революции в свое время получили освещение в историографических публикациях Н. И. Брюханова, Н. В. Блинова, М. В. Ивановой, В. П. Воноткова, Л. М. Горюшкина, Э. Р. Кадикова, Ю. Ю. Патылицыной¹. Определенный вклад в историографию проблемы внес и

---

¹ *Брюханов Н. И.* Некоторые вопросы освещения в исторической литературе военно-боевой работы красноярских большевиков в годы Первой русской революции // Тр. Новосиб. гос. мед. ин-та. 1960. Т. 34, кн. 1; *Блинов Н. В.* Вооруженные восстания 1905 г. в Сибири в советской историографии // Изв. СО АН СССР. Новосибирск, 1976. № 6, вып. 2; *Он же.* К историографии рабочего движения в Сибири (исследования 1935–1959 гг.) // Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. Новосибирск, 1980; *Вонотков В. П.* Историография большевистского руководства профессиональным движением в Сибири (1905–1907 гг.) // Из истории организаторской и воспитательной работы ленинской партии в Сибири. Томск, 1979; *Горюшкин Л. М.* Историография Сибири (период капитализма): учеб. пособие. Новосибирск, 1979; *Горюшкин Л. М., Миненко Н. А.* Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XX вв.). Новосибирск, 1984; *Иванова М. В.* В. И. Ленин и организации РСДРП Сибири в годы Первой русской револю-

автор настоящего исследования². Вместе с тем системный анализ накопленного творческого наследия еще предстоит осуществить, как и оценить это наследие в свете современных теоретических и методологических подходов, применяемых при изучении социальных катаклизмов и общественно-политического движения.

Первые публикации, посвященные событиям революции, представлены очерками, написанными на базе личных впечатлений и материалов местных газет, они появились в период 1907–1917 гг.³ Большое значение для развития исследований по теме имело празднование 20-летнего юбилея революции, а также активная деятельность местных отделений Истпарта. Так, в связи

ции (к историографии вопроса) // *Большевики в борьбе за организацию революционного движения в Сибири и на Дальнем Востоке*. Томск, 1980; *Кадилов Э. Р.* Современная историография сибирских эсеров в начале XX в.: некоторые дискуссионные и нерешенные проблемы // *Актуальные вопросы отечественной истории XVI – начала XX вв.* Томск, 2006; *Он же.* Отечественная историография эсеровского подполья в Сибири в начале XX в.: учеб. пособие. Омск, 2008; *Патылицина Ю. Ю.* Либерально-оппозиционное движение в Сибири в начале XX в. в советской историографии 1960–1980-х гг. // *Исторический ежегодник*. 2006. Омск, 2007.

² *Шиловский М. В.* Первая русская революция в Сибири (к историографии проблемы): учеб. пособие. Новосибирск, 1983; *Он же.* Историография борьбы большевиков Сибири с кадетами в период революции 1905–1907 гг. // *Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: тез. науч. конф., посв. 80-летию революции 1905–1907 гг.* Омск, 1985; *Горюшкин Л. М., Шиловский М. В.* О книге Н. И. Кабацкого «Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905–1907 годов» // *Большевики во главе трудящихся масс Сибири в трех российских революциях*. Новосибирск, 1986; *Шиловский М. В.* Состояние историографического изучения деятельности сибирских организаций РСДРП в период Первой русской революции // *Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX вв.* Новосибирск, 1986; *Он же.* Итоги и перспективы изучения событий революции 1905–1907 гг. в Сибири // *Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: Материалы Всерос. науч. конф.* Томск, 2007.

³ *Итоги двадцатого октября, или Нечто о томских событиях*. Томск, 1906; *В-дский [Вологодский]*. Из хроники освободительного движения в Сибири // *Сиб. вопросы*. 1906. № 2; *Серебрянников И. И.* «Красные дни» в Иркутске [1905 г.] // *Сиб. вопросы*. 1907. № 20–23; *Он же.* «Дни свободы» на севере Сибири // *Сиб. вопросы*. 1908. № 8; *Альтшуллер М. И.* Земство в Сибири. Томск, 1916; *Россохин Г. С.* События в Томске в октябре 1905 года. Томск, 1917.

с годовщиной в Томске 19 декабря 1925 г. состоялось торжественное заседание, открытое председателем местного окрисполкома, на котором с воспоминаниями о событиях второй половины октября 1905 г. в городе выступили их непосредственные участники и очевидцы⁴. Авторами первых публикаций стали участники революции 1905–1907 гг.⁵ Поэтому фактографическую основу этих работ составили воспоминания.

В целом работы, появившиеся во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. по истории Первой русской революции в Сибири, можно условно разделить на две группы. К первой относятся обобщающие сочинения ведущих историков-марксистов того времени: В. И. Невского, Е. М. Ярославского, М. Н. Покровского и их учеников, которые анализировали события изучаемого социального катаклизма в стране и касались в связи с этим отдельных аспектов революционного движения в Сибири⁶. Для них характерно наличие оценочных суждений, исходящих из общих их представлений о Сибири начала XX в. Например, М. Н. Покровский писал об отсутствии у революционного движения здесь массовой классовой базы, о том, что оно было пред-

⁴ ГАНО, Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 168.

⁵ *Неупокоев В.* Читинское восстание 1905 г. // Жизнь Бурятии. 1925. № 7–8; *Орлов П.* 1905 год в Омске // Сиб. огни. 1925. № 4–5; *Шемелев В. И.* Барнаул в 1905–1906 гг. // Сиб. огни. 1925. № 4–5; *Баранский Н. Н.* Социал-демократическое движение в Сибири в эпоху революции 1905 г. // Северная Азия. 1926. № 5–6; *Окунцов П. А.* Участие Забайкалья в революционном движении рабочего класса. Чита, 1927.

⁶ *Покровский М. Н.* Русская история в сжатом очерке. М., 1923. Ч. 3, вып. 1; *Невский В. И.* Очерки по истории РКП(б). М., 1924. Т. 1; *Он же.* Вооруженное восстание в 1905 г. // История пролетариата в СССР. 1930. № 3–4; *Он же.* Рабочее движение в январские дни 1905 г. М., 1930; *Ярославский Е. М.* Декабрьское восстание 1905 года. М.; Л., 1925; *Лесковский Я.* Движение среди войск в Красноярске в 1905 г. // Пролетарская революция. 1925. № 10; *Черкасов П.* Революционное движение в войсках Сибирского и Туркестанского военных округов // Армия в Первой революции. М.; Л., 1927; *Ростов Н.* Техник Григорович. М., 1927; *Мильштейн А.* Пролетариат в революционном движении Сибири // Пролетариат в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1930; *Крицман Л. Э.* Борьба пролетариата против Русско-японской войны // История пролетариата в СССР. М., 1930. Вып. 3–4; *Максаков В. В.* Железнодорожники Сибири в революционном движении 1905 г. // История пролетариата в СССР, 1931. № 6; *Кальвари М.* Читинская республика // Борьба классов. 1935. № 12.

⁷ *Покровский М. Н.* Указ. соч. С. 463.

ставлено лишь «пришлым железнодорожным элементом»⁷. Вслед за ним В. Д. Вегман утверждал, что в Сибири в 1905 г. «была только революционная рябь», а Н. Н. Баранский заявлял, что «...сибирская железная дорога породила все сибирское движение» и что революция 1905–1907 гг. за Уралом была «железнодорожной революцией»⁸.

Пересмотр подобных утверждений наметился на рубеже 1920–1930-х гг. В трудах В. И. Невского и А. А. Мильштейна гипотетически формулируется трактовка революционного процесса в регионе, исходящая из признания наличия здесь предпосылок для буржуазно-демократической революции и участия в ней различных социальных групп местного социума⁹. В центре внимания исследователей рассматриваемой группы находились события конца 1905 г. в Чите и Красноярске, интерпретируемые как вооруженные восстания. Причину их поражения В. И. Невский видел в изолированности региона от пролетарских центров России и преобладании зажиточного крестьянства, враждебно относящегося к пролетариату. В целом же исследователи 1920-х – первой половины 1930-х гг. невысоко оценивали революционную активность сибирского крестьянства, «не стесненного земельной теснотой и прижимом помещика»¹⁰.

Вторую группу составили исследования сибирских историков, в которых события конца 1905 г. являлись центральным сюжетом¹¹. Выгодно отличается от большинства перечисленных сочинений обширная статья А. А. Ансона, посвященная восста-

---

⁸ Вегман В. Д. Сибирь на пути к 1905 году // 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 5; Баранский Н. Н. Указ. соч. С. 77.

⁹ Невский В. И. Советы и вооруженные восстания в 1905 г. М., 1932. С. 243; Мильштейн А. А. Указ. соч. С. 324.

¹⁰ Мильштейн А. А. Указ. соч. С. 308.

¹¹ Ансон А. А. Карательные экспедиции в Сибири в 1906 году // Сиб. огни. 1923. № 3; Он же. 1905 год в Красноярске // Сиб. огни. 1925. № 4, 5–6; 1926. № 1; Вегман В. Д., Ямин В. М. Пятый год на Сибирской магистрали // 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925; Вегман В. Д. 1905 год в Новониколаевске // Сиб. огни. 1925. № 4–5; Гирченко В. П. Основные моменты революционного движения 1905 года в Бурятии // 1905 год в Прибайкалье. Верхнеудинск, 1925; Зыбин В. 1905 год // Там же; Новогрешнов Я. 1905 год в Красноярске. Красноярск, 1925; Чаплинский В. Революционное прошлое Забайкалья. Владивосток, 1925; Юхнев П. М. Аграрные движения на Алтае в 1905 году // Сиб. огни. 1925. № 6.

нию в Красноярске. Автор широко использует архивные материалы, воспоминания, периодику, листовки и т. д. Я. Новогрешнов затронул и такой, впоследствии дискуссионный, вопрос, как политическая ориентация газеты «Красноярский рабочий». По его мнению, в редакции повременного издания преобладали меньшевики. Такая характеристика определялась воспоминаниями Б. З. Шумяцкого, заявившего, что редакция газеты «была фактически и без борьбы захвачена меньшевиками»¹².

Особенности процесса изучения Первой русской революции в регионе во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. проявились в усилении позиций профессиональных историков, в концентрации научной разработки проблемы в Иркутске, Чите, Томске, Москве. Увидели свет монографические исследования М. К. Ветошкина, В. И. Дулова, Ф. А. Кудрявцева, Н. Н. Яковлева, среди которых следует выделить сочинения профессионального революционера и историка М. К. Ветошкина¹³. Используя значительный архивный материал, периодическую литературу, воспоминания, он, по определению Н. В. Блинова, «по сравнению со своими предшественниками сделал значительный шаг вперед в систематизации накопленных исследовательских знаний, в их обобщении и в раскрытии основных черт рабочего движения от его возникновения до кульминационных событий Первой русской революции»¹⁴. В его работах отражена многогранная деятельность сибирских организаций РСДРП, степень их влияния не только в крупных городах, но и различных районах региона. Вместе с тем при оценке усилий отдельных комитетов РСДРП Сибири (Омского, Красноярского, Томского, Ир-

---

¹² Шумяцкий Б. З. Первый сибирский Совет рабочих и солдатских депутатов // Сиб. огни. 1924. № 5. С. 107.

¹³ Дулов В. И. Революционная и научная деятельность М. К. Ветошкина // Зап. Бурят. НИИ культуры и экономики. Улан-Удэ, 1958. Вып. 25; Ермилова Т. Н. М. К. Ветошкин о вооруженных восстаниях в Сибири в 1905–1907 гг. // Общественно-политическая жизнь Сибири XX века. Новосибирск, 2003. Вып. 5; Ветошкин М. К. Сибирские большевики в период Первой русской революции. М., 1939; Он же. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1947; Он же. Очерки по истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1953; Он же. Революция 1905–1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955.

¹⁴ Блинов Н. В. К историографии рабочего движения в Сибири. С. 218.

кутского) у М. К. Ветошкина имелись серьезные противоречия, упрощения, декларации. Суть его концепции сводилась к констатации присутствия и соответствующего преобладания в партийных организациях отдельных большевиков (В. В. Куйбышев, С. М. Киров) или меньшевиков, которые определяли ее политическую ориентацию. Отсутствовал в книгах М. К. Ветошкина анализ периода отступления революции. Следует согласиться с мнением Н. В. Блинова о том, что названный автор «в 30–50-е гг. явно преувеличивал социально-экономическое значение открытия движения по Сибирской железной дороге накануне революции 1905 г., а вместе с тем и меру классово сформированности сибирского отряда рабочих... Им был принят в конечном счете путь распространения на сибирское движение всех основных положений, составляющих в «Истории ВКП(б)» характеристику российского пролетариата и его борьбы. Но если для России эти положения, хотя и односторонне, в главном отражали путь рабочего класса, то для характеристики рабочего движения в Сибири, где промышленный пролетариат в заметных размерах лишь начал формироваться в конце XIX – начале XX в., они были недостаточны, нуждались в серьезных доказательствах. Заимствуя утвердившиеся общие выводы, М. К. Ветошкин оказался в противоречии со многими фактами»¹⁵.

В предвоенные и послевоенные годы выходит ряд биографических работ, посвященных руководителям «Читинской республики» В. К. Курнатовскому, А. А. Костюшко-Валюжаничу, И. В. Бабушкину¹⁶. Для этого времени характерно усиленное внимание к истории «Читинской республики», как в плане расширения тематики исследований, так и увеличения их количества. Так, в статьях Ц. Г. Арановича исследовалось участие военнослужащих Читинского гарнизона в событиях 1905–1906 гг.¹⁷ «Командование гарнизона, – отмечал он, – лишенное возмож-

¹⁵ Блинов Н. В. Указ. соч. С. 221.

¹⁶ Ершов Д. Иван Васильевич Бабушкин. М., 1939; Ольхон А. Большевик Костюшко-Валюжанич. Иркутск, 1939; Окулова Е. Константин Курнатовский. М., 1948.

¹⁷ Аранович Ц. Г. Солдатское восстание в Чите (1905–1906 гг.) // Военно-истор. журнал. 1940. № 9; Он же. Солдатское революционное движение в Чите в конце 1905 г. и в начале 1906 г. // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 2, вып. 1.

ности опереться на какую-либо кадровую часть, как бы устранилось временно от власти, ожидая прибытия не тронутых революционной агитацией солдат с маньчжурского фронта. Так, в итоге реального соотношения сил, на этом этапе развертывания событий в Чите, фактическая власть переходит в руки рабочих и солдат»¹⁸. Получается, что не только рабочие и солдаты взяли власть в свои руки, но и местная администрация устранилась от исполнения своих обязанностей и тем самым передала власть восставшим.

В ряде других работ основное внимание обращается на период с ноября 1905 г. по январь 1906 г., т. е. на время существование «Читинской республики»¹⁹. В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев, В. П. Гирченко считали, что рабочие установили свою власть в городе в конце ноября 1905 г., парализовав деятельность царской администрации. О. Чаадаева ограничила время существования «республики» декабрем 1905 – январем 1906 г. В отличие от них А. А. Мильштейн заявил: «...за короткий отрезок времени всеобщей октябрьской стачки и вооруженного восстания рабочий класс Читы под руководством большевистской организации создал боевую дружину, захватил почту и телеграф, фактически стал хозяином на железной дороге»²⁰. Как видим, у него речь идет о захвате власти только на железной дороге.

Таким образом, период с середины 1930-х до середины 1950-х гг. характеризуется появлением и сосуществованием противоречивых тенденций. С одной стороны, наблюдалось усиление внимание историков к вооруженным восстаниям в Чите и Красноярске, была разработана их концепция. Расширилась проблематика исследований. Однако данный процесс сопровождался появлением ошибочных и спорных суждений. Искусственно внимание историков ограничивалось выяснением планов восставших по организации отпора карателям и причин, восприпятствовавших этому. Исследователи рассматриваемого перио-

¹⁸ Аронович Ц. Г. Солдатское революционное движение. С. 215.

¹⁹ Чаадаева О. Железнодорожники Сибири в революции 1905–1907 гг. // Парт. работник ж.-д. трансп. 1940. № 6; Мильштейн А. Вооруженное восстание в Сибири в 1905 году // Историк-марксист, 1940. № 8; Дулов В., Кудрявцев Ф. 1905 год в Восточной Сибири. Иркутск, 1941; Гирченко В. П. Революция 1905–1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1949.

²⁰ Мильштейн А. Указ. соч. С. 20.

да так и не смогли ответить на целый ряд вопросов, прежде всего о степени захвата власти восставшими в упомянутых городах. Ряд положений, выдвинутых тогда, носил декларативный характер и не подкреплялся фактами. Например, серьезной ошибкой В. И. Дулова, Ф. А. Кудрявцева, О. Чаадаевой, В. П. Гирченко, А. А. Мильштейна являлось утверждение о существовании в Чите Совета рабочих депутатов и Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Авторы не смутило отсутствие сведений о существовании таких советов в документах.

В рассматриваемое время активизировалось изучение событий Первой русской революции в Иркутске (упомянутая выше монография В. И. Дулова, Ф. А. Кудрявцева, обширная статья Н. Н. Яковлева²¹), но их авторы выступили последовательными сторонниками концепции М. К. Ветошкина, объясняющей слабые стороны революционного движения происками меньшевиков. Интенсивно анализировались во второй половине 1930-х – первой половине 1950-х гг. сюжеты о роли военнослужащих Маньчжурской армии в революционном процессе и усилия железнодорожников региона по их быстрейшему возвращению в места постоянной дислокации с театра военных действий. Именно тогда в законченном виде М. К. Ветошкин формулирует концепцию «революционной эвакуации». Основу ее составило заимствованное у М. Н. Покровского и Н. Н. Баранского утверждение о захвате железнодорожными стачечными комитетами дороги с целью ускорить перевозку войск из Маньчжурии. Автор дополнил это положение утверждением о специфическом характере Октябрьской всеобщей политической стачки в Сибири, где рабочие «бастовали на сибирских железных дорогах для того, чтобы усилить работу этих железных дорог»²². М. К. Ветошкин уточнил понятие «революционная эвакуация». Им оперировали многие исследователи, но в чем же именно выражалась революционность в ходе перевозки войск – никто не пояснял. По мнению Михаила Кузьмича, «солдатская масса была полна сочувствия к крестьянскому движению, готова была поддержать это движение и всеми силами рвалась до-

²¹ Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Тр. Моск. ист.-арх. ин-та. 1954. Т. 6.

²² Ветошкин М. К. Вооруженные восстания в Сибири в 1905 г. // Сиб. огни. 1940. № 4–5. С. 213.

мой». Поэтому ускорение перевозки солдат объективно способствовало усилению крестьянских волнений, расширяло и углубляло революционное движение. А для этого и был необходим захват железной дороги.

В первой половине 1950-х гг. на большом фактическом материале В. Е. Полещук опроверг выдвинутое М. Н. Покровским, Н. Н. Баранским и М. К. Ветошкиным утверждение о начале эвакуации военнослужащих из Маньчжурии в октябре 1905 г. и доказал, что Октябрьская всеобщая политическая стачка воспрепятствовала возвращению военнослужащих с Дальнего Востока и это было на руку революции, так как лишило самодержавие возможности использовать войска для ее удушения²³. Вместе с тем указанный автор показал, как в ходе стачки были сорваны планы эвакуации армии, предполагавшие отправку в Европейскую Россию верных правительству казачьих и пехотных частей. Начиная с декабря 1905 г., для ограничения размаха солдатских волнений в Маньчжурии командование вынуждено было начать отправку запасных. И уже тогда для их скорейшей перевозки железнодорожные комитеты захватили управление движением на дороге, а социал-демократы развернули агитацию среди перевозимых военнослужащих.

В конце 1930-х гг. работа Г. У. Бузурбаева положила начало изучению участия в революции 1905–1907 гг. сибирского крестьянства²⁴. С привлечением большого фактического материала автор анализирует основные формы борьбы крестьянства Алтайского округа с администрацией Кабинета его императорского величества. Однако некритическое отношение к источникам привело к тому, что Г. У. Бузурбаев неверно интерпретировал некоторые факты. Например, по его мнению, подкрепленному ссылкой на соответствующий документ (отчет Барнаульского комитета РСДРП), в начале 1906 г. в состав указанного комитета входило 30 деревенских социал-демократических групп²⁵. До настоящего времени не установлено существование хотя бы одной из них. В другом случае, доверяясь источнику, он утверждает о

---

²³ Полещук В. Е. Революционное движение в Маньчжурской армии в 1905 г. // Ист. зап. 1954. Т. 49. С. 316.

²⁴ Бузурбаев Г. У. Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905–1907 гг. Новосибирск, 1939.

²⁵ Там же. С. 35.

100 тыс. экз. листовок, выпущенных Бийской группой РСДРП, хотя еще В. И. Шемелев установил, что издавала их группа бийских интеллигентов во главе с мировым судьей В. Петровым²⁶.

Кроме отмеченных выше, в конце 1930-х – начале 1950-х гг. увидели свет работы популярно-краеведческого характера²⁷. В послевоенный период было подготовлено несколько кандидатских диссертаций, посвященных отдельным сторонам деятельности большевиков Сибири в период революции 1905–1907 гг.²⁸ Но результаты сочинений обнародованы тогда только в авторефератах, не вместивших в себя весь объем информации, полученных их авторами.

Начало следующего этапа оказалось связано с празднованием 50-летнего юбилея Первой русской революции в 1955–1957 гг. По моим подсчетам, тогда увидели свет 7 монографий²⁹, ряд

²⁶ Шемелев В. И. Барнаул в 1905–1906 гг. // Сиб. огни. 1925. № 4–5.

²⁷ Пушкарев Г. С. С. М. Киров в Тайге // Сиб. огни. 1938. № 3/4; Бузурбаев Г. У. В. В. Куйбышев в Сибири. Новосибирск, 1939; Федоров В. Ф. Томское студенчество в революционном движении (1898–1905) // Тр. Томск. мед. ин-та. Томск, 1949. Т. 16; Очерки истории города Томска. Томск, 1954; Кудрявцев Ф. А. 1905 год в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1936; Хантаев П. Т. Национальное движение в Бурятии в период Первой русской революции. Улан-Удэ, 1939; Тышкилов П. П. Военная работа верхнеудинских большевиков в период Первой русской революции // Уч. зап. Бурятского пед. ин-та. 1954. Вып. 6.

²⁸ Лашков И. Г. Образование большевистских организаций Западной Сибири и их роль в Первой русской революции: автореф. канд. дис. М., 1950; Тышкилов П. П. Большевистские организации в Прибайкалье в период Первой русской революции: автореф. канд. дис. М., 1951; Макаров Н. Б. Революционные волнения и восстания в железнодорожных войсках в период Первой русской революции: автореф. канд. дис. Л., 1951; Зайцевский А. В. Томская организация РСДРП в период первой русской революции 1905–1907 гг.: автореф. канд. дис. Томск, 1953; Ключников А. И. Большевики во главе борьбы трудящихся масс Сибири в период русской революции (1905–1907 гг.): автореф. канд. дис. ... М., 1954.

²⁹ Ветошкин М. К. Революция 1905–1907 гг. в Сибири и на Дальнем Востоке. Чита, 1955; Груш Д. Б. Большевики Красноярска в годы Первой русской революции. Красноярск, 1955; Дулов В. И., Кудрявцев Ф. А. Революционное движение в Восточной Сибири в 1905–1907 гг. Иркутск, 1955; Кияница А. П. Большевики Северного Казахстана в период Первой русской революции. Алма-Ата, 1955; Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы Первой русской революции. Иркутск, 1956; Карпенко З. Г. Рабочие и крестьяне Кузбасса накануне и в годы Первой русской революции. Кемерово, 1955; Акулов М. Р. Профсоюзное движение в Сибири до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957.

популярных и краеведческих изданий³⁰, около 40 статей в тематических сборниках и повременных изданиях. Изучение проблемы получило отражение в очерках истории областных и краевых организаций КПСС, в которых отдельные главы посвящались дореволюционному периоду; их авторы использовали результаты конкретных исследований, но некоторые игнорировали их. К 1990 г. подобные издания имели практически все территории региона – от Кургана до Якутска, исключая Томск и Новосибирск. Парадоксально, а может быть закономерно, но очерки не были подготовлены как раз там, где трудились высококвалифицированные специалисты.

Из других обобщающих трудов, подготовленных сибирскими учеными, отдельные аспекты проблемы нашли отражение в третьем томе «Истории Сибири»³¹. Затруднительно характеризовать позиции авторов шестой главы этого сочинения, целиком посвященного Первой русской революции. Объясняется это тем, что она написана группой историков (А. Т. Коняев, Г. А. Терюшков, П. А. Бородавкин, В. И. Дулов, Ф. А. Кудрявцев), каждый из которых внес в рассматриваемые вопросы свой вклад. В третьем томе анализируются события в Сибири в общем потоке революционного движения, отмечается ведущая роль рабочих, руководимых большевиками, выделяются отдельные события, характеризующие активность масс, прежде всего в октябре и декабре 1905 г. Вместе с тем в главе делается попытка увязать результаты исследований, вышедших к середине – второй половине 1960-х гг., с традиционными выводами, сложившимися в 1930–1950-е гг. Крайне осторожно освещаются некоторые дискуссионные проблемы истории революции 1905–1907 гг. в Сибири. Такое положение привело к тому, что авторы обошли молчанием ряд спорных вопросов. В частности, ничего не говорится, применительно к Красноярску, о выборах в городскую думу, в развитии восстания главным тормозом традиционно

³⁰ Вендрих Г. А. 1905 год в Иркутске. Иркутск, 1955; Зобачев И. Г. Сибирь в Первую русскую революцию в 1905–1907 гг. Новосибирск, 1955; Кондриков Б. В. Омск в революции 1905–1907 гг. Омск, 1955; Логвинов В. К. Революционная печать Красноярска. Красноярск, 1955; Тышкилов П. П. Революция 1905–1907 гг. в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1955; Крапивенский С. Э., Разгон А. И. Рабочие Тайги в Первую русскую революцию. Кемерово, 1957; Бородкин А. П. Революционные события на Алтае в 1905–1907 гг. Барнаул, 1958.

³¹ История Сибири. Л., 1968. Т. 3.

объявляется прапорщик А. А. Кузьмин, но уже не находящийся под влиянием меньшевиков или эсеров, а возглавляющий группу «либеральствующих элементов..., вошедших в солдатский комитет». Допускается грубая ошибка в том, что в городе дислоцировалось два железнодорожных батальона, хотя в тексте речь идет только об одном³².

Вплоть до середины 1980-х гг. проявлялся «стабильный интерес» к истории сибирских социал-демократических формирований периода революции 1905–1907 гг. По моим приблизительным подсчетам, по этой теме защищено две докторские диссертации (М. К. Ветошкин, Н. И. Кабацкий), еще в трех (В. М. Самосудов, Н. Н. Щербаков, Н. В. Блинов) она доминирует. Их «подпирают» 26 кандидатских диссертаций, имеющих историко-партийную направленность (Н. И. Брюханов, Д. Б. Груш, Л. И. Давыденко, В. П. Вонотков, М. В. Иванова, А. В. Зайцевский, А. И. Ключников, Б. В. Кондриков, А. Т. Коняев, Я. М. Кофман, И. А. Кулинич, П. З. Курусканов, И. Г. Лашков, Г. П. Марина, Н. В. Пашкова, Г. А. Порхун, А. И. Романов, И. М. Светлолобов, В. М. Слободян, Г. А. Терюшков, Г. С. Тофорова, П. П. Тышкилов, К. А. Чебыкин, А. С. Шершнева, А. А. Штырбул, Е. П. Яровенко и др.).

Главный же итог изучения истории местных объединений РСДРП заключался в преднамеренной подмене социал-демократии большевизмом, искусственном размежевании на большевиков и меньшевиков на уровне первичных организаций. Примерно две трети публикаций по рассматриваемому сюжету в заголовках использовали клише «деятельность большевиков по...», «борьба большевиков за...», «осуществление большевиками...», хотя РСДРП вплоть до весны 1917 г. была единой. Внутрипартийные конфликты, выяснение отношений, тенденция к расколу были характерны для руководящих партийных структур и отдельных лидеров, отчетливо проявляясь во время партийных съездов и конференций. На местах, в частности в Сибири, формирования были не объединенными, а едиными, занимавшими по тем или иным программным и тактическим вопросам меньшевистские или большевистские позиции.

В литературе деление на меньшевиков и большевиков часто осуществлялось в 1930–1960-е гг. искусственно, исходя из

---

³² История Сибири... С. 280, 278.

последующей политической ориентации того или иного лица, а потом ретроспективно распространялось на дореволюционный период. М. К. Ветошкин, Н. Н. Баранский, Б. З. Шумяцкий стали видными деятелями РКП(б), значит, и в 1905–1907 гг. они являлись последовательными большевиками. Примкнул бывший руководитель Красноярского объединенного Совета солдатских и рабочих депутатов периода Первой революции А. А. Мельников в 1917 г. к меньшевикам, значит, будучи руководителем объединения, он проявил непоследовательность, нерешительность и вообще проводил соглашательскую политику. Искусственное размежевание сопровождалось таким же разделением заслуг и просчетов. Причем большевикам отводилась роль безусловных лидеров в революционном процессе, организаторов всех наиболее радикальных и массовых выступлений. На меньшевиков возлагалась ответственность за все слабые стороны, ошибки и неудачи. Раскол, произошедший на II съезде РСДРП, имел характер разногласий в верхах. Более того, в Сибири из-за слабой связи с центральными партийными органами даже активисты имели смутное представление о характере разногласий. Для иллюстрации можно сослаться на самый солидный по объему сборник документов по анализируемой теме, изданный в 1958 г.³³ Из 207 опубликованных в нем документов лишь пять касаются внутрипартийных разногласий, из них четыре принадлежат центральным партийным органам и только один упоминает о существовании в регионе меньшевиков (протокол заседания Западносибирской конференции РСДРП от 13 сентября 1906 г.). Вплоть до 1970-х гг. не изучалась деятельность либералов, эсеров, монархистов.

В 1985 г. появилось постановление ЦК КПСС «О 80-летию революции 1905–1907 гг. в России», в очередной раз затвердившее ее концептуальную схему, далекую от исторических реалий начала XX в., но в ее рамках надлежало освещать революционные события: «В авангарде освободительной борьбы народа шла партия большевиков во главе с В. И. Лениным – партия нового типа, осуществившая на деле соединение революционной теории с рабочим движением. Революция 1905–1907 гг. была первой в мировой истории революцией, в которой марксистская

---

³³ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: док. и материалы. Новосибирск, 1958.

партия выступила как самостоятельная сила со своей программой, четко разработанной стратегией и тактикой»³⁴. Заметим попутно, что ни одно из положений этого тезиса не соответствовало действительности. Не существовало в 1905–1907 гг. «партии большевиков». Не было абсолютного преобладания социал-демократов в среде общественно-политических группировок региона, и они в совокупности являлись частью освободительного движения.

Во исполнение постановления руководящего партийного органа в Сибири в 1985 г. прошло три научные конференции: специализированная в Омске («Революция 1905–1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма») и еще две в Томске и Шушенском. Всего, если судить по программам, на них заявлено 83 доклада и сообщения; в том числе по различным аспектам деятельности организаций РСДРП – 27 (из них 15 посвящены большевикам), 10 – по другим политическим партиям и движениям (эсеры, кадеты, областники), 8 – по рабочему классу, 9 – по крестьянству, 3 – посвящено военным, 2 – учащимся, 1 – буржуазии, 1 – В. В. Куйбышеву. Еще 17 участников предполагали проанализировать различные вопросы революционного движения в регионе до и после социального катаклизма. Остальные доклады носили ритуально-пропагандистский характер: «Воспитание рабочего класса Сибири на героических подвигах участников революции 1905–1907 гг.» или «Первая русская революция в России и некоторые вопросы современного революционного движения». Как видим, приоритет уже традиционно отдавался изучению большевиков и их воздействия на основные группы местного социума. Вместе с тем конференции 1985 г. зафиксировали пробуждение интереса к другим политическим объединениям, именно тогда заявили о себе будущие ведущие специалисты в области исследования эсеров, меньшевиков, анархистов, кадетов, октябристов: С. В. Макаруч, О. А. Харусь, А. А. Штырбул, Г. А. Порхун, А. Л. Афанасьев, Г. А. Ноздрин, Ю. П. Родионов, А. Е. Плотников и др.

После 1985 г. происходит обвальное падение интереса к «опальной» революции. Прекратилось проведение тематических конференций. За истекшие 25 лет увидели свет только два

---

³⁴ Вопросы истории КПСС. 1985. № 2. С. 3–4.

сборника научных трудов³⁵. Примерно такая же ситуация фиксируется в целом по России³⁶. В связи со 100-летним юбилеем Первой русской революции властями активно использовалась тактика умолчания или произвольного препарирования событий. Так, с соответствующим размахом праздновалось 100-летие российского парламентаризма (открытие I-й Государственной думы в апреле 1906 г.), но забыли упомянуть, что обещание создать законодательный представительный орган у императора Николая II в октябре 1905 г. буквально вырвала волна революционных выступлений. О происходивших изменениях можно судить на основе анализа указателя работ по истории партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. за 1985–2000 гг. из историографического сочинения А. П. Толочко³⁷, включающего 373 наименования, в том числе 204 затрагивают Первую русскую революцию. Я сгруппировал их по двум периодам: 1985–1990 гг., когда происходил переход к новым парадигмам в освещении проблемы, причем большая часть вышедших тогда публикаций несла традиционные оценки событий 1905–1907 г. в регионе, и 1991–2000 гг. Далее, все опубликованное по проблеме подразделил еще на две группы. В первую включил публикации, относящиеся к 1905–1907 гг.; во вторую – работы по истории Сибири начала XX в., в которых революционные события составили часть более обширных временных интервалов. Итак, в историко-партийном плане по первой группе в 1985–1990 гг. указатель зафиксировал 58 наименований, в 1991–2000 гг. – 34; по второй группе – соответственно 21 и 72 наименования. Таким образом, представленные данные свидетельствуют об устойчивом снижении интереса в течение всего анализируемого периода к событиям Первой русской революции в Сибири. Вместе с тем постепенно возрастало число публикаций, в которых эти события фрагментарно рассматривались в обобщающих трудах, относящихся к началу XX в.

³⁵ Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке: сб. науч. тр. / под ред. А. П. Толочко. Омск, 1995; Русская революция в контексте истории: материалы регион. науч. конф. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск, 2008.

³⁶ Первая революция в России: взгляд через столетие / под ред. А. П. Корелина. М., 2005. С. 9.

³⁷ Толочко А. П. Современная историография партийно-политического движения в Сибири в начале XX в. Омск, 2001. С. 93–138.

На этом фоне прекратилось целенаправленное изучение и осмысление деятельности сибирских организаций РСДРП. На другом полюсе наблюдался устойчивый интерес к немарксистским политическим объединениям (неонародники, либералы, консерваторы, сибирские областники), разработка истории которых началась 25 лет назад и привела к появлению обобщающих работ и защите диссертационных сочинений А. П. Толочко, О. А. Харусь, В. В. и В. Г. Третьяковыми, Н. П. Курускановой, М. В. Станковой, Е. Л. Бузмаковым, Н. В. Макарьевой и др. Из немногочисленных новых сюжетов, рассмотрение которых определилось в последнее время, следует отметить публикации А. П. Михеева, Г. А. Ноздрина, А. П. Толочко, Н. П. Курускановой, И. П. Серебренникова, А. А. Штырбула о революционном терроре; О. А. Харусь, Г. А. Порхунова, С. В. Макаrchука, Д. В. Филиппова об участии средних городских слоев и муниципалитетов в событиях 1905–1907 гг. Из числа наиболее удачных публикаций последнего времени, полностью или частично посвященных различным аспектам революции, следует назвать сочинения Р. С. Буктугутовой, О. В. Ищенко, С. В. Макаrchука, Н. Н. Медведевой, А. А. Штырбула³⁸. Определенный вклад в изучение проблемы внес и автор³⁹.

Как уже отмечалось выше, характерной чертой современного этапа изучения Первой русской революции стало возрас-

³⁸ Буктугутова Р. С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. Кокшетау, 2006; Ищенко О. В. Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск, 2010; Макаrchук С. В. Кузбасс в революции 1905–1907 годов: общество, партии, власть. Кемерово, 2006; Медведева Н. Н. Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006; Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX в.). Омск, 2008.

³⁹ Шиловский М. В. Элементы двоевластия в Иркутске (октябрь–декабрь 1905 г.) // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – нач. XX в.). Иркутск, 2008; Он же. Элементы двоевластия в отдельных городах Сибири (октябрь–декабрь 1905 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири XVIII–XXI вв. Новосибирск, 2008. Вып. 3; Он же. Томская демонстрация 18 января 1905 г. // Гео-Сибирь-2009: сб. материалов V Междунар.о науч. конгресса. Новосибирск, 2009. Вып. 6; Он же. Специфика погромов в городах Сибири в октябре 1905 г. // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер. история. Иркутск. 2009. № 1; Он же. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010.

тание числа обобщающих публикаций по истории Сибири начала XX в., в которые включены революционные события. Речь идет о работах, посвященных прошлому городов, областей, краев. Для них, применительно к анализируемой проблеме, характерен «объективистский» подход, сводящийся к краткому изложению фактического материала, без соответствующих обобщений и идеологических клише недавнего прошлого. При таком подходе перечисляются уже хорошо известные для 1905–1907 гг. события. Ничего плохого в этом для популярных работ нет. Авторы их очистили исследовательское поле от наиболее одиозных и не соответствующих историческим реалиям изучаемого периода выводов и оценочных суждений. Но по-прежнему активно поднимаемые факты и сюжеты исследованы недостаточно. Наиболее яркий пример – история ставших хрестоматийными Красноярской и Читинской «республик».

В современных публикациях они подаются следующим образом. Чита: «С 5 декабря (1905 г. – *М. Ш.*) отряд дружинников под руководством А. А. Костюшко-Валюжанича начал захват оружия на военных складах и в вагонах. В итоге в руках восставших оказалось большое количество оружия – более 36 тыс. винтовок, несколько сот револьверов, взрывчатка. Оружие отправлялось и на другие станции Забайкальской дороги. Работа правительственных органов была практически парализована. Власть перешла в руки восставших. Позже сложившуюся ситуацию назовут «Читинской республикой»⁴⁰. Красноярск: «В дек[абре] 1905 в Красноярске образовался объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов, который фактически взял в свои руки управление городом. Этот период получил название «Красноярской республики»⁴¹. «Республики» эти активно изучались не одним поколением историков, но анализировались исключительно действия или намерения восставших. Никто до сих пор не попытался рассмотреть действия властей, никто не ответил на вопрос, а было ли двоевластие или полный захват власти в упомянутых городах?

---

⁴⁰ Константинов А. В., Константинова Н. Н. Очерки истории Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002. С. 232.

⁴¹ Григорьев А. А. Первая российская революция в Енисейской губернии // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 465.

Во многом сложившаяся ситуация связана с радикальным изменением отношения к социальным катаклизмам типа революции у отечественной политической элиты. Поскольку Первая русская революция завершилась поражением, ее пытаются позиционировать вовсе не как революцию, а как бессмысленный и беспощадный российский бунт. Хотя с позиции теории «естественных прав» человека борьба за них правомерна, в том числе и посредством революции. Так, в «Декларации независимости» США (1776) заявлялось: «Если же данная форма правительства становится губительной для... обеспечения прав и свобод граждан... то народ имеет право изменить или уничтожить ее... Но когда длинный ряд злоупотреблений и узурпации... проявляет намерение предать... народ во власть неограниченного деспотизма, то он имеет не только право, но и обязан устранить такое правительство». А во Всеобщей декларации прав человека по этому поводу сказано: «Каждый народ имеет право на вооруженное восстание как крайнюю форму борьбы с тиранией».

Подводя итоги процессу изучения революции 1905–1907 гг. в Сибири, воспроизведу соответствующий вывод из коллективной монографии «Первая революция в России: взгляд через столетие»: «Считается, что научную историю Великой французской революции стали писать только после ее первого столетнего юбилея. Возможно, аналогичная ситуация складывается ныне и вокруг истории революции 1905–1907 гг. в России. Серьезный современный читатель хочет знать о мотивации поведения различных общественных сил, задействованных в революции, и об альтернативных «развилках» исторического процесса, когда события могли пойти в 1905–1907 гг. не так, как они пошли в реальной действительности, и о том, почему это произошло. Его интересует, как представляли себе цели своего участия в революции сами народные массы и какие модели будущего развития страны предлагали им те или иные политические партии, насколько эти модели были реальны в условиях России и как они соотносились с «классическим» моделями, опробованными в буржуазных революциях в Англии, Франции, Германии и других странах⁴².

---

⁴² Первая революция в России: взгляд через столетие. С. 9–10.

ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Обширный корпус источников, как опубликованных в различного рода сборниках, так и архивных, по истории Первой русской революции в Сибири можно разделить на две большие группы – исходящие от органов государственной власти, в том числе местных, и образовавшиеся в ходе деятельности субъектов общественно-политического процесса (организации политических партий, движения, общественные формирования, муниципалитеты, стачечные комитеты, профсоюзы, а также отдельные лица).

К первой группе относятся законы и нормативные акты верховной власти (указы, манифесты), приказы, распоряжения, инструкции, объявления министерств и ведомств, а также местных органов государственного управления (генерал-губернаторов, губернаторов, командующих войсками военных округов, прокуратуры, судебных инстанций, жандармских и охранных управлений и подведомственных им структур (штабов, правлений, канцелярий и др.), делопроизводственные и отчетные материалы (рапорты, отчеты, докладные записки, обзоры, приговоры судов, следственные материалы, телеграммы и т.п.). В ряде случаев они являются единственными свидетельствами практических усилий отдельных лиц и организаций в политической сфере. Регулярное оперативно-агентурное наблюдение за партийными структурами, неформальными объединениями, отдельными лицами давал определенный «улов», отложившийся в виде агентурных донесений, копий с перлюстрированных писем, показаний арестованных, изъятых при обысках и ликвидации прокламаций, других нелегальных изданий, отчетов, протоколов собраний, конференций, митингов и т.д. Делопроизводственные документы властных структур страдают субъективизмом и отличаются стремлением составителей снять с себя ответственность за происходящее.

Специфика выявления и использования архивных источников, отражающих усилия субъектов общественно-политической жизни региона в избранных хронологических рамках, заключается в том, что из-за нелегального характера, неперiodичности и фрагментарности деятельности политизированных формирований они не оставили после себя фондообразований в местных архивах. Истпартовские фонды бывших партийных

архивов Омска, Новосибирска, Красноярска и Иркутска, формировавшиеся в первой половине 1920-х гг., аккумулируют разрозненные документы (листовки, резолюции, воспоминания, письма, протоколы собраний и т.д.), отображающие в основном повседневную работу социал-демократического подполья.

Значительная, подчас уникальная информация о разных сторонах изучаемых событий содержится в воспоминаниях их участников, очевидцев и современников, а также в их письмах (Г. Н. Потанин, И. И. Попов, Н. Н. Баранский, М. К. Ветошкин, В. Е. Мандельберг, А. И. Макушин, П. И. Макушин, И. Г. Гольдберг и др.). Как я показал на примере ситуации с формированием блока воспоминаний по истории Томского погрома 20–22 октября 1905 г.⁴³, непосредственно после него участники и очевидцы из числа дружинников, осажденных в здании Управления Сибирской ж.д., членов Томского комитета РСДРП освещали произошедшее в духе осуждения действий властей, спровоцировавших или организовавших погром. В 1925 г. в потоке воспоминаний обвинительный уклон усиливается, хотя в них содержится уникальная информация об отдельных эпизодах бурной жизни Томска в октябрьские дни, вступающая в противоречие с обвинительной риторикой мемуаристов. Последующие воспоминания, написанные в 1935–1955 гг., часто теми, кому в 1905 г. было 9–12 лет, воспроизводят уже каноническую версию погрома. После убийства в 1934 г. С. М. Кирова началась фальсификация его биографии, в том числе и томского периода (1904–1908 гг.). В частности, ему приписывалось руководство дружинниками на Новособорной площади 20 октября 1905 г., а также спасение части их из горящего здания железнодорожного управления.

Среди источников богатством фактического материала выделяется периодическая печать. Газеты, прежде всего частные, являются единственным источником информации о многих сторонах деятельности политических формирований, о проявлениях общественной инициативы (собрания, митинги, конференции, сходки, похороны и т.д.). Да и сами организации политических партий стремились иметь собственные легальные и нелегальные повременные издания. Видные партийные функционеры и политические ссыльные активно сотрудничали в местной перио-

---

⁴³ *Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г... С. 8–9.

дике. Значение ее как источника по истории общественно-политической повседневности определяется еще и тем, что газеты и журналы были тогда единственным средством (легальным или нелегальным) массовой информации и политического воспитания. Специфика информационного поля сибирских СМИ заключалась в наличии цензуры, даже после дарования политических свобод Манифестом от 17 октября 1905 г. Среди наиболее важных носителей информации о событиях революции 1905–1907 гг. в Сибири следует назвать тобольский «Сибирский листок», томские «Сибирскую жизнь» и «Сибирский вестник» (до декабря 1905 г.), иркутскую газету «Восточное обозрение» (до февраля 1906 г.), московские «Сибирские вопросы» (с декабря 1905 г.).

Существенным подспорьем при анализе общественно-политического движения, событий 1905–1907 гг. в регионе служат созданные в 1980–1990-е гг. сибирскими историками хроники рабочего, крестьянского и общественного движения⁴⁴.

Таким образом, мы имеем довольно значительный корпус источников, очень разнохарактерных по содержанию, разнотипных по форме, к тому же дисперсно рассеянных в громадной совокупности материалов. Они составляют солидную источниковую базу, достаточную для освещения узловых событий Первой русской революции в Сибири, и позволяют решить поставленные исследовательские задачи. Вместе с тем в ряде случаев недостаток источников или полное их отсутствие заставляет делать гипотетические предположения или прибегать к методу экстраполяции.

Объектом настоящего исследования является Сибирь, ее сельское и городское население. Предметом – события Первой русской революции в регионе. Цель исследования – реконструировать событийную сторону изучаемого социального катаклизма, участие в нем различных социальных групп местного социума, политических и общественных формирований, позицию властных структур.

---

⁴⁴ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение в Сибири 1861–1907 гг.: хроника и историография. Новосибирск, 1985; Рабочее движение в Сибири. 1905 г. – июнь 1907 г. / плж ред. В. П. Зиновьева. Томск, 1990. Т. 2; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск, 1994; Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. / под ред. В. П. Зиновьева. Томск, 1995. Вып. 2.

Территориальные рамки включают Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии, Акмолинскую (Омск), Забайкальскую и Якутскую области. Хронологические рамки охватывают общепризнанный период революции от событий 9 января 1905 г. до 3 июня 1907 г. Специальный раздел посвящен кануну социального катаклизма, связанного с началом Русско-японской войны в конце января 1904 г., существенно повлиявшего на положение дел в регионе, в том числе в общественно-политической сфере.

Глава 1

СИБИРЬ НАКАНУНЕ СОЦИАЛЬНОГО КАТАКЛИЗМА 1905–1907 гг.

Начало строительства Транссибирской железнодорожной магистрали (1891 г.) обусловило распространение модернизационных процессов на Азиатскую Россию, включение ее в систему общеимперских рыночных отношений, резкое ускорение здесь экономических, социальных, общественно-политических и культурных процессов. В 1896 г. в постоянную эксплуатацию сдается участок Челябинск–Обь (1400 верст), в 1899 г. «отрезок» Обь–Иркутск (2520 верст), в 1895–1900 гг. осуществлялось строительство Забайкальской железной дороги от Слюдянки до Сретенска, в 1903 г. начинается сквозное движение по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) и в сентябре 1904 г. завершается строительство Кругобайкальской железной дороги.

Магистраль стала крупнейшим предприятием региона. На участке Челябинск–Иннокентьевская (Иркутск) для обеспечения движения построили 16 мастерских, 26 депо, 400 станций и разъездов. Подвижной состав насчитывал 1200 паровозов и 26 тыс. вагонов¹. В 1904 г. на дороге трудилось 88 450 чел.² Данное обстоятельство позволило одному из руководителей Сибирского союза РСДРП Н. Н. Баранскому утверждать: «На Сибирской дороге революцию делали совершенно новые для Сибири люди, приехавшие со стороны за тысячи верст»³. Действительно, среди строителей, а затем рабочих и служащих дороги, особенно квалифицированных специалистов, преобладали выход-

¹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 174.

² Земеров Б. И. Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1974. С. 37.

³ Баранский Н. Н. Социал-демократическое движение в Сибири в эпоху революции 1904 г. // Северная Азия. 1926. № 5/6, с. 78.

цы из Европейской России. Но постепенно положение менялось, и если в Красноярских железнодорожных мастерских в 1901 г. из 1464 рабочих лишь 297 (20,3 %) являлись сибиряками, то в 1904 г. их доля выросла до 48 %⁴.

О том, как происходило превращение приезжих и местных крестьян в пролетариев и горожан, можно судить на примере Новониколаевска. Среди зафиксированных в 1894 г. первых его 348 домо- и землянковладельцев данные о сословной принадлежности сохранились на 347 чел. Из них 292 (83,1 %) являлись крестьянами. По месту выхода 46 чел. (13,2 %) составляли жители с. Кривошеково и Кривошековской волости, т. е. проживавшие на месте развернувшейся стройки. Еще 46 чел. прибыли из различных уголков Томской и Тобольской губерний. Европейская Россия по месту выхода была представлена 19 губерниями, давшими в совокупности 184 крестьянина (63 %), в том числе: Вятская губ. – 50 чел., Пермская – 41, Пензенская и Нижегородская – по 14, Саратовская – 13, Симбирская – 9, Казанская – 8, Тамбовская – 7, Рязанская – 5 и т.д. На новом месте по роду занятий выборка (292 чел.) распределилась следующим образом: 135 чел. (46,2 %) являлись рабочими, 66 (22,6 %) «занятий не имело», а все остальные владели 17 специальностями, в том числе: 17 плотников, 6 торговцев, по 4 железнодорожных рабочих и каменщика, по 3 – портных, пекарей, подрядчиков, сторожей; по 2 сапожника, мясника, железнодорожных служащих и т.д. Таким образом, большая часть приехавших на стройку крестьян свою адаптацию начинали в качестве малоквалифицированной рабочей силы (разнорабочие) или занимались трудом, хорошо им знакомым (плотники, кучера, кузнецы, мясники, столяры и т.д.).

Как для любой новостройки, для Новониколаевска была характерна высокая текучка кадров. Из первопосельщиков немногие остались здесь жить после завершения строительства железнодорожного моста, мастерских и станции. Им на смену пришла новая волна мигрантов. Подтверждает мое предположение «Список лиц, имеющих право участвовать в избирательном собрании по выборам уполномоченных на 1-ое четырехлетие по гор. Новониколаевску на 1904 г.». Он включает 818 из-

---

⁴ Блинов Н. В. Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972. С. 49.

бирателей, имевших недвижимость – дома, оцененные на сумму от 100 руб. и выше. Только у 78 чел. (9,5 %) оно начинается или включает 1894 г., когда составлялся первый список. Причем совсем немного его фигурантов адаптировались и прижились здесь: бывший крестьянин Вятской губ. В. О. Лоскутов, владелец дома, оцененного в 350 руб.; его земляк М. А. Овечкин (280 руб.); бывший крестьянин Оренбургской губ. М. Я. Щепин (700 руб.). Они и в далеком 1894 г. имели все шансы стать горожанами, поскольку первый был подрядчиком, второй – торговцем, третий имел две избы.

Следующий замер включения крестьян в индустриальную среду можно осуществить на основе анализа сведений однодневной переписи населения Новониколаевска, осуществленной 23 октября 1905 г. В поселении тогда проживало 26 028 чел., в том числе 19 769 домохозяев и членов их семей, 11 949 квартиросъемщиков. Кроме того, еще 1–1,5 тыс. временных жителей приходили или приезжали на заработки. К производственной сфере относилось 15 мельниц, лесопильный, пивоваренный, кожевенный и 10 маслобойных заводов, 12 прядильных и две шубные мастерские, 35 кирпичных сараев, 22 прачечные. Кроме того, действовало около 200 мастерских (столярные, кузнечные, сапожные, слесарные и т.д.), 212 торговых заведений, 5 трактиров и 11 постоянных дворов, до десятка винных и пивных складов. Примерно половину работающих составляли крестьяне, выходцы из Европейской России, еще четверть – бывшие сибирские крестьяне и мещане. Внутригородские перевозки осуществляли 250 легковых и 400 ломовых извозчиков.

Еще одним способом вертикальной мобилизации крестьян в сибирском городе становится предпринимательская деятельность, особенно после финансовой реформы 1898 г., позволявшей заниматься бизнесом, выкупая не дорогие гильдейские, а более дешевые промысловые свидетельства и оставаясь в прежнем сословии. Так появилась категория торгующих крестьян. Крестьянами по сословному положению были видные местные предприниматели: мукомолы А. И. Рубов, И. Е. Петров, Т. С. Лобастов, П. П. Ильиченко, Г. Н. Степашкин, И. Найденов, С. Н. Белогорлов, П. А. и И. П. Хохловы; владельцы пивной лавки И. А. Щепочкин, трактира и ресторана Д. К. Скопин; совладельцы завода «Труд» И. Я. и Н. Я. Гордеевы, И. Ф. Костин; владельцы – слесарной мастерской С. И. Трученков, завода фруктовых

вод Н. А. Адрианов, кондитерского и булочного завода И. А. Лебедев, склада кишок Н. Г. Тислинов и Я. З. Попов, табачно-мажорочной фабрики А. М. Агеев и И. П. Проскураков, маслобойни Г. И. Монахов. К ним можно добавить 22 владельца крупных торговых предприятий⁵.

Железная дорога дала мощный импульс промышленному развитию Сибири. Хотя в 1894 г. здесь насчитывалось 143 фабрично-заводских предприятия с 6,5 тыс. рабочих, общая их численность к 1897 г. составила 363,1 тыс. чел.⁶ В начале XX в. крупными промышленно-транспортными узлами стали Омск (3800 рабочих), Красноярск (3300), Тюмень (3200), Томск (2900), Чита (2000), Иркутск (1200). Поскольку институт фабричной инспекции распространили на Сибирь только в 1913 г., в рассматриваемое время в этой сфере царил произвол предпринимателей в установлении своих условий найма и порядков на предприятиях, неподвластных действию закона 1886 г. К тому же, как выяснила Т. В. Доронина, «для сибирских рабочих было характерно восприятие хозяина не как лица, воплощавшего другую, равноправную сторону трудового соглашения, а как работодателя-отца, который «милостью Божьей» может обеспечить работой и куском хлеба рабочего и его семью, спасти от голода и нищеты. Тем более, что ситуация на рынке труда в рассматриваемый период выглядела не лучшим образом. Почти в каждом сибирском городе свирепствовала безработица, вызванная активным массовым переселением с 90-х гг. XIX в.»⁷

Что касается рабочего движения, то оно на рубеже веков стало преимущественно организованным (имеющим цели, планы, продуманные требования, организационные структуры). В 1895–1904 гг. в таких протестах участвовало 50,1 % стачечников⁸. Как отмечают составители хроники рабочего движения в

---

⁵ Шоловский М. В. Адаптация крестьян к городской среде Новониколаевска в начале XX в. // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2008. С. 16–17.

⁶ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 175, 178.

⁷ Доронина Т. В. Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 198–199.

⁸ Зиновьев В. П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири. XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 203.

Сибири, в предреволюционное десятилетие «главной силой движения вместо мануфактурного приискового рабочего стал рабочий механизированного производства – железнодорожного транспорта и обрабатывающей промышленности. Рабочее движение стало пролетарским по форме своего выражения, а основным оружием борьбы явилась ... стачка. Резко возросла активность движения. Если в 1861–1894 гг. ежегодно происходило менее 4 стачек и 5 волнений, то в 1895–1904 гг. – ежегодно 32 стачки и 8 волнений. Повысилась организованность борьбы. Под влиянием социал-демократической пропаганды и агитации рабочие Сибири включились в борьбу политическую»⁹.

Сооружение Транссиба привело к существенному притоку переселенцев и росту численности жителей региона. Население Сибири (Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Акимовская, Забайкальская, Якутская области) увеличилось с 1858 по 1897 г. с 2,7 до 6 млн чел., в 1901 г. составило 6,6 млн чел., а в 1906 г. – 7,4 млн чел. При этом сельское население за 1897–1906 гг. возросло с 5,6 до 6,7 млн чел., а городское соответственно с 467 до 665 тыс. чел.¹⁰ Всего за 1881–1905 гг. в Сибирь переселилось 1 259 478 чел.¹¹ Динамика численности аборигенных этносов региона выглядела следующим образом: 1858 г. – 648 тыс. чел., 1897 г. – 870 тыс., 1906 г. – порядка 900 тыс. чел.

Для формирования колониального земельного фонда начинается планомерное ограничение землепользования коренных жителей, имеющее целью перевод их на оседлость. Эта акция в сочетании с форсированным переселением привела к существенному ухудшению этнополитической ситуации в Сибири в начале XX в. Среди переселенцев в степную и лесостепную зоны региона преобладали не северорусские уроженцы, а выходцы из южных районов Европейской России и Украины. «В отличие от мигрантов XVII и даже XVIII в. переселенцы на-

⁹ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1989. Т. 1. С. 117, 120.

¹⁰ *Пронин В. И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 90 (табл. № 1).

¹¹ *Ноздрин Г. А.* Массовые переселения в Сибирь в конце XIX – начале XX вв.: роль государства и адаптационные стратегии // Массовые аграрные переселения на восток России (конец XIX – середина XX в.). Новосибирск, 2010. С. 39, 41.

чала XX в. испытывали подсознательный страх перед “необъятной неведомой страной”, труднее вписывались в сибирскую природно-климатическую среду и приспосабливались к ней. Они не имели опыта и традиций повседневного общения с иноэтническим населением, а поэтому чаще всего относились к аборигенам с опаской и пренебрежением, видя в них “непонятных конкурентов”», – констатирует Л. И. Шерстова¹². Изучавший взаимоотношения переселенцев и казахов в начале XX в. профессор Г. К. Гинс замечал по этому поводу: «Русский крестьянин, в массе, даже не хочет считать за человека дикого номада (“у него не душа, а пар”), и пока номад не станет таким же, как он “человеком” по своим привычкам и потребностям (что во многих частях степи уже произошло), до тех пор идет процесс внутренней глухой борьбы населения»¹³.

Новый правительственный курс в отношении коренных народов Сибири выразился в ломке традиционной системы самоуправления, изменений в налоговой сфере и землеустройстве, в процессе которого «инородцы» из собственников земли превращались в ее пользователей. Эти действия направлялись на выравнивание правового статуса аборигенов с местным русским крестьянством. Правовой основой этого стали такие нормативные акты, как закон от 19 января 1898 г. «О замене взимаемых в Сибири подушных сборов (в том числе ясака. – М. Ш.) государственной оброчной и поземельной податями»; «Временное положение о крестьянских начальниках» (1898), распространенное и на коренное население; положение «О видах на жительство (паспортах. – М. Ш.) для инородцев» от 8 июня 1898 г. Все это сопровождалось увеличением податных обязанностей, а самое главное, в представлениях аборигенов – утратой национальной идентичности. Поэтому алтайцы, шорцы, буряты, хакасы пытаются сохранить свою сословную принадлежность и всячески сопротивлялись введению нового порядка управления.

Изменение положения в аборигенной среде отразилось на конфессиональной ситуации у них. С одной стороны, ударными темпами осуществлялось их приобщение к православию. Но

---

¹² Шерстова Л. И. Факторы обострения межэтнических отношений в Южной Сибири в начале XX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003. С. 239, 240.

¹³ Гинс Г. К. Переселения и колонизация. СПб., 1913. С. 28.

большинство современных исследователей констатируют чисто внешнее усвоение догматов христианства «инородцами», сохранение традиционных религиозных представлений, прежде всего шаманизма. С другой стороны, активное «наступление» на народы юга Сибири вели другие мировые религии – ислам и буддизм. Следствием указанных тенденций становится формирование двоеверия у большинства аборигенов региона. Еще один вариант реализации «национальной идеи» в религиозной оболочке дали в начале XX в. алтайцы, попытавшиеся создать «новую алтайскую веру», более известную как бурханизм. Объясняя причины его возникновения, Г. Н. Потанин в письме к В. Г. Короленко от 5 января 1905 г. писал: «Результатом долгого соприкосновения алтайцев-шаманистов с русским христианством и населением было падение престижа шаманов. Пошатнулась вера во власть шаманов над природой. Это с одной стороны, а с другой – в народное сознание вошла мысль об излишней жестокости кровавых жертвоприношений. Исторический ход поставил алтайцев под действие престижа, с одной стороны, христианского общества, а другой – монголо-буддийского. Административные и торговые условия давали перевес русскому влиянию над монгольским, но религиозное самоопределение алтайцев не склонилось в пользу православия; гуманное учение Христа заслонялось для них изуверским характером миссионерской практики. Алтайская православная миссия распространяла Христово учение полицейскими мерами»¹⁴. Попытка начать пропаганду нового учения Четом Чалпановым летом 1904 г. была насильственно пресечена местными властями с привлечением русских крестьян.

Курс на приобщение аборигенных этносов Сибири к западной модели цивилизационного развития приводит к социокультурному расколу внутри формирующихся национальных элит, которые отстаивают альтернативные варианты национального самосознания, ориентирующиеся не только на западную цивилизацию в лице России, но и на интеграцию народов Центральной Азии, исповедующих буддизм (панмонголизм) и ислам. Однако значительная часть аборигенов делала сознательный выбор в пользу русского образа жизни и культурного развития. Результатом этого стало появление в «инородческой» сре-

---

¹⁴ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1992. Т. 5. С. 74.

де выдающихся представителей интеллигенции, ориентирующихся на западную цивилизацию: М. Н. Богданова, Н. Ф. Катанова, Г. Г. Гуркина, А. Н. Букейханова, Г. В. Ксенофонтова, В. В. Никифорова и др. Начинает формироваться программа первоочередных мероприятий, направленных на защиту интересов «инородцев», развитие национальной культуры. Так, в августе 1904 г. на Первом съезде инородцев Якутской области впервые принимается решение о необходимости ходатайствовать перед правительством об отмене ссылки в Якутию¹⁵.

В конце XIX – начале XX в. в мировоззрении и повседневной жизни сельских обывателей сочетались две противоположные тенденции. С одной стороны, крестьяне постоянно демонстрировали незаинтересованность в существовании государства и начальников вообще. В рамках общинной психологии крестьянский мир старался отгородиться от официальной опеки, вмешательства в его внутренние дела. Поэтому утаивались размеры посевных площадей, условия приема в общину, источники мирских доходов, искажалась отчетность и существовала практика ведения параллельных «темных» записей выборными сельскими должностными лицами. В ходе внутринадельного межселевания принимались специальные резолюции, типа «землю разделить между собой по совести, не доводя до сведения начальства». С другой стороны, крестьяне постоянно добивались от власти различного рода льгот, пособий, разрешения спорных вопросов в нужном им ракурсе. При этом проявлялись изворотливость, прекрасное знание законов, элементы социальной демагогии.

Представление о вольных землях являлось мощной побудительной причиной переселенческого движения. Г. М. Карнаухов воспроизводит показательный в этом плане диалог между политическим ссыльным и стариком-старожилом Д. М. Кухаревым. На вопрос: «Чем же Вам нравится Сибирь, глухая, таежная страна? последний ответил: «Только што там в матушке Расеи хорошего? Кругом жандармы да палки, унижение да изгальство, подневольность, да неволя. Человек там ничто: хуже скотины какой – все его лупят да приговаривают. Свободы там нет, мил человек!... А тут, в матушке Сибири вольность для челове-

---

¹⁵ Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX – 1917 г.). Новосибирск, 2002. С. 74.

ка есть. Посмотри кругом: и просторы и земли, реки и леса. Власть притеснительная слабая супротив российской. В зубы никто не тычет, в глаза не колет»¹⁶.

В конце XIX – начале XX в. аграрный сектор региона интенсивно развивался на рыночной основе. Выросли торговое земледелие и скотоводство. Стремительный скачок произошел в области маслоделия. Социальная структура деревни изменилась в плане выделения сельского пролетариата и зажиточных слоев. «При этом в старожильческих селах, казачьих станицах шло выделение сельской буржуазии, в переселенческих поселках – выделение сельского пролетариата»¹⁷.

В 1890-е гг. крестьянское движение продолжало нарастать и в 1900–1904 гг. по числу выступлений достигло наибольшего размаха за весь пореформенный период. Усиливается противостояние между старожилами, новоселами и аборигенами. В районах массового вселения переселенцев обостряется проблема обеспечения лесоматериалами. Размеры бесплатного отпуска леса новоселам постоянно уменьшаются. В Tobольской губернии они снизились в 1895–1901 гг. с 3891 до 422 куб. м. Количество бревен, отпускаемых бесплатно, сократилось со 194,1 тыс. в 1896 г. до 86,5 тыс. в 1900 г. В Алтайском округе лес переселенцам предоставлялся бесплатно в обмен на выполнение повинностей по уходу за кабинетскими лесными дачами¹⁸. Всего же, по данным хроники крестьянского движения, за указанный период зафиксировано 202 выступления, в том числе: отказ от уплаты податей – 62 случая, самовольные коллективные порубки леса – 30, самовольный захват угодий – 27, неподчинение властям – 16, столкновения переселенцев со старожилами – 11¹⁹.

Несмотря на увеличение количества горожан, их доля в общей численности населения оставалась стабильно низкой (13 %). В 1897 г. в Азиатской России насчитывалось 48 городов, 28 декабря 1903 г. статус безуездного города получил Новониколаевск.

¹⁶ ГАНУ. Ф. р-75. Оп. 1. Д. 146. Л. 4.

¹⁷ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 199–200.

¹⁸ Ноздрин Г. А. Указ. соч. С. 23.

¹⁹ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 316–319.

Только в 14 из них количество жителей составляло от 10 тыс. чел. и выше. В связи со строительством железной дороги существенно выросла численность населения Омска (с 37,4 тыс. чел. в 1897 г. до 62,6 тыс. в 1904 г.), Новониколаевска (с 7,8 до 26,3 тыс. чел.), Томска (с 52,2 до 67,4 тыс. чел.), Мариинска (с 8,2 до 15,6 тыс. чел.), Красноярска (с 26,6 до 52,0 (1907 г.) тыс. чел.), Иркутска (с 51,5 до 91,1 (1907 г.) тыс. чел.), Читы (с 11,5 до 39,1 тыс. чел.). На треть увеличилось количество горожан в Барнауле (с 21,0 до 33,3 тыс. чел.), незначительно увеличилось их число в Тобольске, Тюмени, Таре, Ишиме, Тюкалинске, примерно на тысячу прибавилось за 1897–1906 гг. количество обитателей в Якутске (с 6535 до 7653 чел.). Сфера влияния городов на прилегающую округу по сравнению с предшествующим временем существенно не изменилась и определялась, по расчетам А. Р. Ивонина, радиусом в 120–130 км.²⁰

Начальная стадия индустриализации привела к серьезным подвижкам в социальной структуре сибирских городов. В них происходит стабильный рост численности основных групп интеллигенции, за исключением духовенства и военных. Среди чиновников возрастает доля местных уроженцев (примерно с 20 % в 1860-х гг. до 38,6 % в начале XX в.)²¹, повышается их образовательный уровень. Усиливалось несоответствие между сословной принадлежностью горожан и их реальным положением в общественной структуре, что означало размывание сословных устоев (по данным переписи 1897 г. 2 % обывателей Томска занимались сельским хозяйством, а к крестьянскому сословию принадлежало 39 % их). Наплыв крестьян-переселенцев тормозил формирование социокультурного пространства поселений и изменения в менталитете горожан.

Специфику трансформационных процессов можно отследить на примере Томска, который к началу XX в. являлся быстрорастущим многофункциональным центром. Численность населения в нем выросла с 14 тыс. чел. в 1858 г. до 67,5 тыс. в 1904 г. (второе место в Сибири после Иркутска). Прирост насе-

²⁰ *Ивонин А. Р.* Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000. С. 32–33.

²¹ *Ремнев А. В.* Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997. С. 229–230.

ления происходил за счет переселенцев из Европейской России и местных крестьян. Поэтому, по данным на 1897 г., мещане составляли 44,2 %, а крестьяне – 39,2 % городского населения²². В Томске не было крупных промышленных предприятий, но численность наемных рабочих к 1905 г. составила 5328 чел. Кроме них, наиболее крупными группами, работавшими по найму, были в 1897 г.: прислуга (5062 чел.) и занятые в торговле (1044 чел.). За 1866–1900 гг. количество только постоянных торговых заведений увеличилось в 2,5 раза (с 432 до 1084). Еще в 1892 г. в городе насчитывалось 1020 ремесленников примерно 49 профессий. Поскольку основным средством перевозки грузов и пассажиров выступал гужевой транспорт, в начале 1905 г. уплатили сборы на право заниматься промыслами 516 легковых извозчиков, 230 ломовых и 20 водовозов²³. Для содержания этой транспортной инфраструктуры требовалась целая армия ремесленников и кустарей: кузнецов, шорников, изготовителей телег, саней, содержателей постоялых дворов и т. д.

На другом полюсе в рассматриваемое время быстро росла численность средних городских слоев «нового типа», составив к 1905 г. порядка 11 тыс. чел. Среди них существенное место занимали чиновники губернских и уездных структур, служащих Управления Сибирской железной дороги (1,5 тыс. чел.). Томск являлся единственным в регионе вузовским центром, в нем имелись университет и Технологический институт, в которых обучалось порядка 2 тыс. студентов. Кроме того, в 10 средних учебных заведениях (гимназии, училища, духовные семинарии) образование получало около 4 тыс. чел.

Применительно к большей части городских поселений региона применим вывод О. А. Тяпкиной: «Типичным малым городом второй половины XIX в. был административный центр округа с медленно растущим, преимущественно мещанским по составу населением, пополнявшимся в основном за счет местных уроженцев, а также ссыльного элемента; выполнявший товарно-распределительные функции по отношению к своей округе благодаря ярмаркам и базарам; со слаборазвитой промышлен-

---

²² Дмитриенко Н. М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 215.

²³ Шиловский М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010. С. 12.

ностью, обрабатывающей сельскохозяйственное сырье в расчете на местный спрос, и сохранением значительной доли лиц, занятых аграрным трудом»²⁴. Скромнее была представлена в такого рода городах интеллектуальная составляющая. Так, в Таре (8339 чел. в 1904 г.), по данным переписи 1897 г., в профессиональном отношении интеллигенция делилась на следующие группы: учебная и воспитательная деятельность – 12 чел., наука, литература, искусство – 2, медицина – 4, почтово-телеграфные служащие – 2, священнослужители – 14 чел. Большинство лиц умственного труда служили в административных учреждениях, суде, полиции – 115 чел., а на общественной и сословной службе – 34 чел.²⁵

Среди населения городов абсолютно преобладали русские. Конфессиональная ситуация в Азиатской России в начале XX в. выглядела следующим образом: православные – 4 940 378 чел., старообрядцы – 239 642, католики – 35 152, лютеране – 15 372, иудеи – 34 792, магометане – 126 574 чел.²⁶ С точки зрения последующих событий, необходимо уделить внимание еврейской и польской диаспорам. Наиболее массовые еврейские общины сложились в Тобольске, Каинске, Томске, Мариинске, Иркутске. Так, в Томске к 1905 г. проживало около 4 тыс. евреев, но их доля среди местных купцов составляла 28 %²⁷. В сибирском социуме евреев воспринимали как автономную этническую группу, подвергшуюся аккультурации. Они в основном носили русские фамилии, одевались, как сибиряки, подобно старожилам обладали «чувством человеческого достоинства и отсутствием высокомерия», использовали преимущественно русский язык внутри общины. Следствием этого стала успешная интеграция евреев в сибирское общество к началу XX в. Присущая сибирякам толерантность являлась профилактическим средством от антисемитизма, проявлений которого регион не знал до 1905 г.

²⁴ Тяпкина О. А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. Новосибирск, 2008. С. 227.

²⁵ Алисов Д. А. Культура городов среднего прииртышья в XIX – начале XX вв. Омск, 2001. С. 172.

²⁶ Население и землевладение России по губерниям и сравнительные данные по некоторым европейским государствам: Стат. справочник. СПб., 1906. Вып. 1. С. 17.

²⁷ Гончаров Ю. М. Очерки еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2005, с. 59.

Данное обстоятельство констатировал в 1909 г. адвокат Н. Я. Левин. Развивая его мысль, П. В. Вологодский отмечает: «Так называемый еврейский вопрос никогда не имел в Сибири такого острого значения, какое он имеет в Европейской России, в черте еврейской оседлости. Правда, в последнее время и в Сибири замечаются попытки обострить этот вопрос, но, как справедливо заметил по этому поводу... Левин, это явление наносное, искусственное, культивируемое “навозными” элементами. Так называют сибиряки всех тех, кто привезен в Сибирь с культуртрегерскими задачами. Своеобразные условия сибирской жизни и не могли создать остроты отношений христиан к евреям. Обширные пространства Сибири, редкость населения, незначительность евреев в ней, обширное поприще применения труда и предприимчивости, недостаток ремесленников, отсутствие стеснительных до последнего времени распоряжений о расселении евреев в Сибири выработали совершенно своеобразный тип чисто сибирского еврея. По своему облику, поговору, по привычкам одеваться и держать себя, по образу жизни он мало чем отличается от коренного сибиряка. Он также несколько индифферентен к религии, как индифферентен и сибиряк. Я родился в глухой сибирской деревне и вырос в большом трактовом селе, где евреи были и землепашцами, занимались ямщиной и мелкой торговлей и вели с христианами обычное знакомство и справляли с ними деревенские праздники»²⁸. Не было их доминирующего положения в местных политических и неформальных объединениях. Среди видных социал-демократов можно назвать В. М. Броннера, В. Е. Мандельберга, Б. З. Шумяцкого, М. Губельмана; эсеров – И. Д. Янкелевича, И. Г. Гольдберга, М. И. Бланкова; либералов – Р. Л. Вейсмана, М. Р. Бейлина, Д. Д. Вольфсона, И. А. Новомейского, З. И. Помуса, Я. Д. Фрезера.

Польская диаспора в Сибири была представлена ссыльными, чиновниками и офицерами, инженерами и машинистами на железной дороге. Обращает на себя внимание высокая доля поляков, занятых в новых для Сибири начала XX в. отраслях (продажа лекарств, производство колбас, кондитерских изделий, фотодело, гостиничный бизнес, слесарно-механическое производство и др.). Не случайно поляки наряду со студентами и же-

---

²⁸ Дело о погроме в Томске в 1905 г. (отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 89, 93–94.

лезнодорожными служащими выступали носителями модернизационных процессов. Поэтому среди пострадавших и погибших во время погрома 20–22 октября 1905 г. в Томске их оказалось больше, чем евреев²⁹.

Росту политической активности сибиряков мешал низкий уровень образования. По данным переписи 1897 г., лишь 9,6 % жителей региона были грамотными, а образование выше начального имели 0,8 %. Интеллигенция и средние городские слои становятся главными субъектами общественно-политической жизни. По подсчетам А. Е. Плотникова, число лиц с высшим образованием в 1897 г. в регионе составляло 3335 чел., а количество работников умственного труда – 35,3 тыс. чел.³⁰ По моим подсчетам, интеллектуальный потенциал Сибири к 1905 г. вместе с политическими ссыльными можно определить в 18–20 тыс. чел. Подавляющая его часть (более 90 %) концентрировалась в городах.

Большое воздействие на развитие общественно-политической активности сибиряков оказали периодическая печать (15 газет и 16 журналов в 1904 г.), органы городского самоуправления, общественные неполитические формирования (благотворительные, культурно-просветительные, досуговые, научные, религиозные, профессиональные и т. д.). Консолидации либеральной оппозиции способствовала деятельность учрежденных в 1902 г. губернских и уездных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Как отмечал И. И. Попов, они «подняли интерес не только к местному самоуправлению, но и вообще к общественным вопросам»³¹. В работе комитетов приняли участие представители различных направлений общественной мысли.

Исключительно региональным фактором активизации общественно-политической жизни являлась политическая ссылка. Только в 1901–1903 гг. сюда направляется для отбытия нака-

---

²⁹ Шиловский М. В. Томский погром 20–22 октября 1905 г. ... С. 144–145.

³⁰ Плотников А. Е. Численность, состав, территориальное размещение интеллигенции Сибири (по переписи 1897 г.) // Проблемы источниковедения и историографии Сибири дооктябрьского периода. Омск, 1990. С. 29.

³¹ Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 160.

зания 1251 революционер³². Многогранное воздействие политических ссыльных на повседневную жизнь Сибири в 1894 г. В. А. Обручев оценил следующим образом: «Политические же преступники обычно пользуются всеобщей симпатией... Преимущественно преступники этого рода переносят в Сибирь отечественную культуру, пробуждают народную мысль, основывают школы, способствуют процветанию кустарных промыслов и ремесел, занимаются изучением страны»³³. В политической же сфере они стояли у истоков и являлись мощным резервом пополнения кадров местных радикальных политических организаций и движений. Относительно вклада этой группы «невольных» обитателей региона прокурор Иркутской судебной палаты в аналитической записке от 30 мая 1907 г. указывал: «Смута в здешнем крае несомненно стоит в прямой зависимости от политического положения Европейской России, откуда получает свое питание и поддержку как материальными средствами, так и личным составом революционных деятелей, которые в лице административно ссыльных не мало сделали для подготовки в крае почвы для нее»³⁴.

Оценивая состояние умов сибирского социума, местные жандармы в ежегодно составляемых политических обзорах фиксировали (Томская губерния, 1892 г.): «В крестьянском сословии замечается недостаток средств к жизни, вследствие дурного географического положения, климатических и почвенных условий. По характеру своему и низкой степени умственного развития сословие это относится совершенно равнодушно к делам политическим; встречаются местности, в которых население стоит на самой низкой ступени умственного развития, и, поглощенное ежедневным добыванием насущного куса хлеба, имеет самое смутное представление о Боге и Верховной власти. Мещанское сословие, промышляя средства к жизни самыми разнообразными путями, находится как бы в угнетенном состоянии и, по-видимому, чуждо стремлению к саморазвитию и политике. Купеческое сословие, как наиболее выдающееся по иму-

---

³² Вишневецкий В. М., Мещерский А. П. Из истории социал-демократической ссылки в Сибири накануне Первой русской революции // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 65.

³³ Обручев В. А. В старой Сибири. Иркутск, 1958. С. 190.

³⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 6. Л. 29 об.

щественному цензу, но чуждое самообразования и подавленное увлечением к делу торговли, в смысле наживы, – проявляет апатию к делам общественным и политическим, хотя оно и составляет интеллигенцию в округах». Общий же вывод звучал для правоохранителей «оптимистически»: «Таким образом, настроение умов (губернии. – *М. III.*) представляется спокойным и благонадежным в политическом отношении»³⁵.

В этих условиях наиболее активным участником политического процесса, «факельщиком» революции выступала немногочисленная местная интеллигенция. Даже ее элитарные слои формировались в основном «из народа». Мое предположение подтверждает данные о происхождении и роде занятий родителей 171 профессора Томского университета, которые получили высшее образование в основном до революции, а высокое ученое звание – в 1917–1945 гг. Среди них выходцами из мещан были 31 чел., лиц духовного звания – 30, чиновников и служащих – 29, дворян – 18, крестьян и казаков – 13, купцов – 7, рабочих и менеджеров – по 5, интеллигенции (юристов, врачей, учителей, офицеров, профессоров) – 31 чел.³⁶ Основой для воспроизводства элитарной интеллигенции в изучаемое время становятся все сословия и профессиональные группы России, имеющие хотя бы элементарное образование, а сама эта интеллигенция была разночинной, что в свою очередь свидетельствовало об интенсивности процесса ликвидации сословных перегородок в российском обществе начала XX в.

Для сибирской интеллигенции был характерен низкий уровень религиозности, многие из них (Г. Н. Потанин, П. В. Вологодский, В. А. Караулов, Вл. М. Крутовский, Д. Е. Лаппо, А. В. Адрианов и др.) находились под надзором полиции. Ее оппозиционность подпитывалась отсутствием в Сибири земских учреждений, поздним (самый конец XIX в.) проведением судебной реформы. Следует указать на стойкую неприязнь интеллигентов к государственным институтам, по поводу чего В. О. Ключевский замечал, что в России «государству служат худшие люди, а лучшие – только худшими своими свойствами»³⁷. Для Азиат-

³⁵ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1893. Д. 152. Ч. 44. Л. 2.

³⁶ *Шиловский М. В.* История старейшего в Сибири университета в лицах // Вопросы истории Сибири XX в. Новосибирск, 1999. С. 155.

³⁷ *Ключевский В. О.* Соч. М., 1990. Т. IX. С. 387.

ской России рассматриваемого периода была характерна слабая политическая дифференциация средних городских слоев. Применительно к Томску конца XIX в. отмечается: «Первоначальные политические воззрения участников тайных кружков и сходков не были определенными, будущие либералы, социалисты разных мастей учили одну и ту же азбуку политической борьбы, разделяя общие оппозиционные настроения»³⁸.

Общественно-политические взгляды «новых» средних слоев отличались радикализмом. Наиболее массовые группы их (врачи, учителя, студенты), участвуя в просветительной деятельности, главным препятствием в этой сфере считали «экономическую необеспеченность» и активно помогали радикалам. Преподаватели и учащиеся активно включились в общественно-политическую жизнь региона. За 1900–1904 гг. зафиксировано 54 выступления студентов томских вузов и 14 учащихся средних учебных заведений Сибири³⁹. В 1896 г. прошла первая сходка студентов Томского университета, в 1899 г. состоялась их забастовка, в 1903 г. студенты организовали первую в Томске демонстрацию, переросшую в масштабное столкновение с полицией и обывателями. Даже большевик В. Д. Виленский-Сибиряков позднее (1925 г.) признал высокую общественно-политическую активность томской профессуры в начале XX в.⁴⁰ А вот как охарактеризовал позицию профессоров Технологического института попечитель учебного округа Л. И. Лаврентьев: «В смутное время 1904 и 1905 гг. профессора института, несколько не стесняясь, стали на сторону революции (за исключением, быть может одного или двух: вполне ручаться только за одного)»⁴¹. Центрами концентрации либералов становятся городские думы и неполитические общественные формирования.

На противоположном фланге консервативные круги группировались вокруг мещанских и купеческих обществ. Их основу составляли купцы, священники, чиновники. В 1883 г. Н. М. Яд-

³⁸ Томск. История города от основания до наших дней / под ред. Н. М. Дмитриенко. Томск, 1999. С. 166.

³⁹ *Иценко О. В.* Студенческая и учащаяся молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск, 2010. С. 233.

⁴⁰ Сов. Сибирь, 1925, 20 дек.

⁴¹ Изв. Омск. гос. ист.-краевед. музея. Омск, 2002. № 9. С. 279.

ринцев следующим образом презентовал типичного представителя сибирской буржуазии: «Слава отечества ему (купцу. – *М. Ш.*) представлялась по-своему. Это слава огромного лабаза во главе с чумазым, прогресс в виде грабежа, прерываемого для оживления, как революциями, злостными банкротствами; ум в наживании грошей, мужество в бесстыжих глазах, добродетель в прощении безнадежного долга, самопожертвование и подвиг в постройке приюта после 25-ти лет грабежа»⁴². Еще в 1884 г. общее собрание Томского мещанского общества принимает решение: «Вообще всех ссыльных, а тем более поселенцев, а также и евреев в среду своего общества никогда не принимать»⁴³.

Прелюдией к черносотенным погромам конца 1905 г. стало участие «простого народа» в избиении студентов, устроивших демонстрацию в феврале 1903 г. Тогда же в Томске распространялась прокламация «Патриотическое воззвание» с рефреном: «Долой с горизонта земли русской всех этих крамольников-молокососов... Долой этих недоучек-лентяев, не желающих учиться тому, чему правительство старается их учить для пользы русского гражданства, предоставляя им всевозможные льготы... Студенчество... тяготится всякою властью, оно дерзнет не признавать даже власти страшного имени Бога, вовсе не веря в его существование... В этом гнилом контингенте мнимых студентов господствует польский и жидовский элементы, первый – исконный враг России..., а второй – как известно каждому, враг всего человечества». Воззвание завершалось призывом «к русскому патриоту и христианину»: «Долой всю эту негодную тварь!... Погрози им своим внушительным русским кулаком!»⁴⁴.

Важным элементом общественно-политической жизни Сибири конца XIX – начала XX в. стало формирование организаций радикальных политических партий. У их истоков стояли политические ссыльные и местная молодая интеллигенция. В качестве примера приводим результаты экспресс-анализа биографий таких активистов – организаторов РСДРП региона: Н. Н. Баранский, А. А. Беляков, В. М. Броннер, А. С. Ведерни-

---

⁴² *Ядринцев Н. М.* Кондрат на поприще литературы // Вост. обозрение. 1883. 11 авг.

⁴³ Из истории земли томской. Город и горожане: управление и самоуправление. 1604–1917 гг.: сб. док. и материалов. Томск, 2006. С. 180.

⁴⁴ *Ищенко О. В.* Указ. соч. С. 198–199.

ков, М. К. Ветошкин, П. И. Воеводин, Е. А. Грознов, И. Ф. Гусев, В. А. Гутовский, С. М. Киров (Костриков), Г. И. Крамольников, П. А. Красиков, И. М. Майский (Ляховецкий), В. Е. Мандельберг, К. А. Попов, Л. Н. Скорняков, А. А. Ширямов, И. С. Якушев, Е. М. Ярославский. Итак, «актив» по современным меркам был молодым (данные на 1905 г.): пятеро в возрасте до 20 лет, четверо до 25, четверо до 30, пятеро до 35 и только один «старичок» – И. Ф. Гусев, которому исполнилось 43 года. Социальный состав самый пестрый и опровергающий положение об исключительно пролетарском составе РСДРП: четверо – из крестьян, четверо – из семей служащих, двое – из рабочих, по одному из семей учителя, юриста, ссыльнопоселенца, купца, торговца. Интерес представляет образовательный уровень активистов: 10 чел. получили среднее образование, причем пятеро учились в вузах и были исключены за участие в революционном движении. С. М. Киров приехал в Томск для поступления в Технологический институт, двое (П. А. Красиков, В. М. Броннер) окончили вузы позже. Трое имели высшее образование, трое – начальное. Так что интеллектуальный потенциал был достаточно высоким: 15 % имели высшее образование, 25 – незаконченное высшее, 25 – среднее, 15 % – начальное. Кстати, Новосибирская областная организация КПСС по первым трем показателям такого уровня достигла только в 1968 г.⁴⁵ Студенты являлись в основном юристами и медиками. Достаточно высокой в выборке оказалась доля ссыльных (11 чел., или 55 %). Таким образом, у истоков социал-демократии региона стояли достаточно образованные молодые люди – преимущественно сибиряки, выходцы практически их всех сословий и социальных групп, приобщившиеся к революционному движению или в Европейской России, или уже в марксистских кружках Сибири. Большинство из них подверглись репрессиям и за Уралом оказались не по своей воле.

По социальному составу в формированиях РСДРП и ПСР преобладали интеллигенты, учащиеся, служащие. «Среди нас могли быть и рабочие, – вспоминал член Томского комитета РСДРП В. И. Тихов, – но это не был основной элемент, у нас больше был элемент разночинцев, с участием молодежи и железнодорожников. Из железнодорожного управления было по-

---

⁴⁵ Новосибирская организация КПСС в цифрах. Новосибирск, 1981. С. 48.

рядочно людей, типографские рабочие, железнодорожные рабочие и студенчество»⁴⁶. Правоохранители, в свою очередь, отмечали, что главную опору социал-демократических формирований «составляли на самом деле не рабочие, а революционная интеллигенция, да учащаяся молодежь. Сколько-нибудь широко и прочно привлечены к организациям были только типографчики Томска, да железнодорожные рабочие Читы»⁴⁷.

Первые марксистские кружки создаются в 1896 г. А. А. Беляковым в Омске и В. Е. Воложаниным в Томске, в 1898 г. они появляются в Красноярске, Чите, Иркутске, Новониколаевске и Тобольске. В 1899 г. под руководством кружковцев состоялась забастовка рабочих Омских железнодорожных мастерских. Несколько раньше неустановленной группой предпринимается попытка организации на Сибирской железной дороге стачки. Для этого на некоторых станциях распространяются гектографированные листовки «К паровозным бригадам депо Обь, Тайга, Боготол, Красноярск, Илань, Нижнеудинск, Иркутск». Первой свои интересы начала отстаивать «рабочая аристократия», наиболее квалифицированные категории железнодорожников (машинисты паровозов). Одновременно с рабочими в регионе функционировали многочисленные марксистские кружки учащейся молодежи.

Весной 1901 г. создается Сибирский социал-демократический союз, с помощью которого оформляются комитеты РСДРП в Томске (осень 1901 г.), Красноярске (ноябрь 1901 г.), Чите (март 1902 г.), Иркутске (весна 1902 г.), Омске (март–апрель 1903 г.). К осени 1901 г. томские социал-демократы закончили устройство первой нелегальной типографии и начали массовый выпуск листовок. В июле 1903 г. в Иркутске состоялась первая конференция Сибирского социал-демократического союза. После II съезда РСДРП (июль–август 1903 г.) объединение в соответствии с принятым на нем уставом стало региональным и получило откорректированное название – Сибирский союз РСДРП. Под руководством и при активном участии эсдеков прошли первые организованные выступления местных рабочих. Усиливается, хотя не получает преобладание среди них, пролетарское

⁴⁶ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 21. Л. 37.

⁴⁷ Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб., 1908. С. 10.

представительство. В ряде комитетов вплоть до 1905 г. сохранялось деление на рабочие и интеллигентские (городские) организации, что объяснялось удаленностью железнодорожных узлов от городских кварталов. Каждая из организаций имела собственную типографию и осуществляла регулярное издание прокламаций. В подпольной типографии Сибирского социал-демократического союза многочисленными тиражами выпускалась агитационно-пропагандистская продукция. В 1901–1904 гг. сибирскими социал-демократами было отпечатано 278 наименований листовок, 15 брошюр и 4 нелегальных газеты⁴⁸.

Первые эсеровские организации в Сибири создаются ссыльными народниками в Иркутске и Томске в 1902 г. Томские эсеры приняли активное участие в первых политических демонстрациях томских студентов 18 и 20 февраля 1903 г., участники которых несли красные флаги с надписями «Да здравствует социализм», «Долой самодержавие». По поводу этих событий они издали четыре прокламации с четким указанием на политическую принадлежность составителей: «Издание социалистов-революционеров», «Томский союз студ. с.-р. организация», «Социалист-революционер», «Издание социально-революционной группы»⁴⁹. Летом 1904 г. упомянутые выше формирования объединились в Сибирский союз ПСР. Кроме того, в ряде городов региона (Омск, Красноярск, Барнаул, Чита) существовали разрозненные группы социалистов-революционеров, еще не оформившиеся как организации. Сибирские эсеры до 1905 г. издали 24 наименования листовок, 3 брошюры и 1 нелегальный журнал⁵⁰.

Ведущая роль интеллигенции во всех политизированных формированиях определяло специфическое положение сибирского областничества, оказавшего определенное воздействие на общественно-политические процессы периода Первой русской революции. Оно представляло систему взглядов части местной

---

⁴⁸ *Курусканова Н. П.* Нелегальные издания сибирских социал-демократов (1901 – февраль 1917 гг.). Омск, 2002. С. 10, 18, 33, 34.

⁴⁹ *Каминский А. А.* Влияние политической ссылки на деятельность эсеровских организаций Западной Сибири накануне Первой русской революции // Политическая ссылка и революционное движение в России. Новосибирск, 1988. С. 84.

⁵⁰ *Курусканова Н. П.* Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.). Омск, 2000. С. 8–10, 58–59.

интеллигенции на прошлое, настоящее и будущее региона, как специфической территории в составе Российского государства, а также общественно-политическое движение, пытавшееся пропагандировать эти взгляды. Его лидер Г. Н. Потанин и активные сторонники А. В. Адрианов, В. И. Вагин, Д. М. и П. М. Головачевы, В. И. Анучин, П. В. Вологодский, Вл. М. Крутовский, Н. Н. Козьмин активно выступали за проведение в регионе земской реформы, развитие образования, улучшение условий существования аборигенного населения, защищали интересы старожильского крестьянства в ситуации массового переселенческого движения. В рассматриваемое время у сторонников движения окончательно складывается представление о Сибири как колонии в экономическом и политическом отношении. Если Н. М. Ядринцев отмечал определенные различия между Сибирью и Европейской Россией в географическом плане, то П. М. Головачев и А. В. Адрианов сформулировали вывод о существовании здесь особого этнографического типа русских, сформировавшегося под воздействием природно-климатических условий и взаимодействия с аборигенами⁵¹.

Радикализации настроений сибиряков во многом способствовала Русско-японская война, ближайшим тылом которой стал регион. Ее начало сопровождалось молебнами и патриотическими манифестациями во всех крупных городах. Только в 1904 г. в Сибирском военном округе (Тобольская, Томская, Иркутская, Енисейская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Якутская области) призвали в армию около 160 тыс. чел. Кроме того, в июне того же года начался призыв ратников ополчения, давший 39 тыс. чел. Доля мобилизованных от общего количества трудоспособных мужчин колебалась в пределах 7–8,5 %. Но на самом деле деревня потеряла, по признанию одного из волостных писарей, «цвет работников»⁵².

Помимо мобилизации, Сибири пришлось испытать другие тяготы войны. Прежде всего, именно здесь развертывалась сеть госпиталей и лазаретов для раненых и заболевших. Города на-

---

⁵¹ Головачев П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М., 1902. С. 144; Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск, 1904. С. 30.

⁵² Шиловский М. В. Русско-японская война и Сибирь // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 33.

воднили военные; практически все общественные здания, прежде всего учебные заведения, использовались для постоа войск, содержание которых оплачивали обыватели и муниципалитеты. Регион стал основным районом заготовки для действующей армии продовольствия и фуража. В деревне производилась реквизиция лошадей. Резко сокращаются объемы коммерческих перевозок. В совокупности все перечисленные факторы вызвали существенный рост цен на потребительские товары, дефицит ввозимого сахара и керосина. Массовый призыв станичников привел к сокращению поголовья лошадей и посевных площадей, следствием чего явился голод в восточной части Забайкальской области в 1905 г. Война сопровождалась ухудшением криминальной и криминогенной обстановки, прежде всего в Восточной Сибири. «Особенно тяжело война уже отразилась в Сибири, – резюмировал П. М. Головачев, – где на военную службу призваны и запасные, часто отцы семейства, самостоятельные хозяева. Крестьянское благосостояние, подорванное в Сибири целым рядом неурожаев и трудными моментами окончательного перехода натурального хозяйства в денежное, должно теперь окончательно пошатнуться»⁵³.

Однако вместо победных реляций с театра военных действий поступал поток информации о непрерывных поражениях и отступлениях, которые в тылу напрямую связывали с «полной несостоятельностью нашего государственного строя»⁵⁴. По свидетельству иркутского врача, социал-демократа В. Е. Мандельберга, сибиряки стали непосредственными очевидцами «всей гнили, всего неурейства всей нашей государственной машины; она у нас, так сказать, на глазах банкротилась»⁵⁵. Происходит радикализация общественного сознания. В общем пессимистическом тоне местной публицистики с лета 1904 г. наметилась тенденция реанимации вопроса о введении земских учреждений. «Война дает нам первый толчок, – взывало иркутское «Восточное обозрение», – чтобы начать вести разговор о старом и вечно новом вопросе – о настоятельной необходимости для Сибири земства»⁵⁶. При характеристике положения ре-

---

⁵³ Головачев П. М. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 195.

⁵⁴ Сибирская жизнь. 1905. 11 июля.

⁵⁵ Мандельберг В. Е. Из пережитого. Давос, 1910. С. 65.

⁵⁶ Вост. обозрение. 1904. 22 мая.

гиона в годы войны всячески подчеркивалось его оскуднение и неспособность обеспечить потребности армии продовольствием, из чего делался вывод, что единственным спасением в создавшейся кризисной ситуации может быть организация в Сибири земства⁵⁷.

На этом фоне растет популярность социалистических идей. «Много нехорошего видело русское население во время Русско-японской войны, и оно потеряло свою веру в то, что правительство может хорошо управлять страной. Нередко люди, даже патриотически настроенные, не знали, что делать и бросались в крайности, хватаясь хотя бы за тот же социализм», – так объяснял данное обстоятельство видный сибирский предприниматель И. В. Кулаев⁵⁸. В ходе войны местные социал-демократы выдвинули идею организации Всеобщей политической стачки, направленной на прекращение военных действий. Было выпущено несколько антивоенных листовок; в одной из них – «К солдатам» звучал призыв: «Назад солдаты! Назад, братья! Не надо войны: ее придумал царь. Пока царь над нами, до тех пор и горе с нами. Долой царскую власть, долой монархию»⁵⁹. На состоявшейся 1 декабря 1904 г. сходке в Томском технологическом институте, собравшей около 300 чел., принимается резолюция с призывом: «Уничтожение самодержавия, созыв Учредительного собрания, прекращение войны, полную свободу и гарантии свободы личности и учреждение демократической республики с законодательной властью в руках народа»⁶⁰.

Одним из радикальных проявлений протестной кампании накануне революции стал «романовский протест». 18 февраля 1904 г. в Якутске 56 вооруженных политических ссыльных забаррикадировались в доме купца Романова и предъявили письменные требования об отмене ущемляющих их права распоряжений местных властей. Противостояние закончилось перестрелкой, в результате которой были убиты два солдата и один осажденный, а трое ранены. Ссыльные 7 марта сдались и впослед-

⁵⁷ Головачев П. М. Историческая роль войны с Японией в русском освободительном движении. Б. м., 1906 С. 41.

⁵⁸ Кулаев И. В. Под счастливой звездой. Воспоминания. М., 1999, с. 187.

⁵⁹ Революционное движение в Забайкалье 1905–1907 гг.: сб. документов и материалов. Чита, 1955. С. 46.

⁶⁰ Ищенко О. В. Указ. соч., с. 292.

ствии были приговорены к 12 годам каторжных работ каждый, включая семерых женщин.

Революция застала врасплох местную администрацию. В массе своей губернаторы, воинские начальники, чины полиции и жандармерии оказались не готовы к организации противодействия масштабным выступлениям, не имея ни опыта, ни инициативы. Пожалуй, только Степной генерал-губернатор (Омск), командующий войсками СибВО, профессор и бывший начальник Академии Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин оказался на уровне требований времени. «В Омске генерал-губернатором был Сухотин, человек твердый, прямой и умный», – вспоминал С. Ю. Витте. Его коллега, иркутский военный генерал-губернатор, граф П. И. Кутайсов в должность вступил в августе 1903 г., имея в послужном списке опыт работы военным агентом (атташе) в Лондоне и губернатора в Нижнем Новгороде. С. Ю. Витте характеризовал его как «неглупого человека, но бесконечно болтливое и несерьезное деятели»⁶¹. Близко наблюдавший за деятельностью чиновника в 1905 г. редактор газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов характеризовал ее следующим образом: «Цусима и Мукден окончательно смутили Кутайсова, и он стал открыто либеральничать. Положим, в октябре он опять сбрендил – свихнулся направо и арестовал стачечный комитет, опасаясь, что последний арестует его самого. Но до этого, летом, а потом и в октябре еще до манифеста, П. И. Кутайсов возбуждал вопрос об амнистии для политических, как административных, так и сосланных по суду на поселение и каторгу»⁶².

В Тобольской губернии болезненный губернатор А. П. Лаппо-Старженецкий в начале 1905 г. фактически отошел от дел, и «исполнение обязанностей начальника губернии было возложено на вице-губернатора Н. М. Тройницкого, которому не хватало ни административного опыта, ни решительности»⁶³. Енисейскую губернию к началу 1905 г. возглавлял имевший богатый военный и административный опыт (служил в Якутске, Киеве, Вар-

⁶¹ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 759.

⁶² Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 258–259.

⁶³ Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000. С. 404.

шаве, Иркутске, Приамурье) генерал-майор Н. А. Айгустов, которого в августе 1905 г. уволили в отставку по состоянию здоровья. Еще больше не повезло Томску. В начале ноября 1904 г. местный губернатор, генерал-майор К. С. Старынкевич получил новое назначение и вскоре выехал к новому месту службы. 23 декабря на эту должность назначается харьковский вице-губернатор, статский советник и камергер В. Н. Азанчеевский-Азанчев, только в начале апреля 1905 г. прибывший в Томск и вступивший в исполнение обязанностей. Местные СМИ сообщили обывателям, что он – из дворян Московской губернии, работал уездным предводителем дворянства, а затем примерно год пробыл в должности вице-губернатора в Харькове. Из формулярного списка этого должностного лица явствует, что он родился в апреле 1864 г., а к моменту вступления в должность ему исполнилось 38 лет. Окончил юридический факультет Московского университета и начал работать в Московской судебной палате. В 1890 г. избран предводителем дворянства в Карачевском уезде Орловской губернии и одновременно председателем уездной земской управы. С декабря 1902 г. – саратовский, а с 1903 г. – харьковский вице-губернатор. Новый начальник губернии не имел навыков управления крупными территориально-административными образованиями, да еще в экстремальной ситуации. Его назначение свидетельствовало о кадровом дефиците управленцев подобного уровня и падении престижа органов губернской администрации.

Без руководства осталась и томская городская полиция, поскольку 27 декабря 1904 г. скончался полицмейстер П. П. Аршаулов. На его место 16 января 1905 г. назначается змеиногорский уездный исправник, коллежский советник П. В. Никольский, прибывший в Томск 19 января. В 1880-е гг. он работал здесь приставом и начальником пересыльной тюрьмы, но опыта руководства правоохранительной структурой крупного городского поселения не имел. К тому же томская полиция переживала не лучшие времена, связанные с резким всплеском уголовных преступлений, необходимостью надзора за политическими ссыльными и обывателями, большим объемом канцелярской переписки и исполнением многочисленных административных функций (обеспечение надлежащего санитарного состояния, выдача паспортов, выявление бродяг и т.д.).

Ахиллесовой пятой местных административных органов являлся дефицит чиновников. Так, штатом Томского губернского правления, установленным в 1895 г. для управления территорией, ныне включающей Новосибирскую, Томскую, Кемеровскую области, Алтайский край и Республику Алтай с населением 2,1 млн чел.(1901 г.), предусматривалось 57 чиновников от губернатора до экзекутора. Из этого количества нужно вычесть 28 делопроизводителей и их помощников, 9 узких специалистов (губернский врачебный инспектор, фармацевт, губернский ветеринар, губернский инженер, губернский архитектор и т. д.). Собственно управленческие функции сосредоточивались в руках 9 чел.: губернатора, вице-губернатора, трех советников, двух неперменных членов по крестьянским делам, двух чиновников особых поручений⁶⁴.

Местные администраторы не могли опереться на силовой ресурс, поскольку из гарнизонов сибирских городов на фронт были отправлены кадровые подразделения, а вместо них остались запасные батальоны, укомплектованные в основном из призывников 1904 г., преимущественно из крестьян. Текущая военная служба, связанная с войной, по компетентному заключению К. А. Чернова в отношении Томска, «вызвала понижение уровня дисциплины, на что неоднократно указывало в своих приказах командование гарнизона. Так, начальник гарнизона в 1904 г. неоднократно отмечал появление «праздношатающихся» военнослужащих на улицах города в нетрезвом виде, нарушение формы одежды, неотдание чести старшему по званию начальнику» и т.д.⁶⁵ К тому же не надо забывать, что на военнослужащих активно пытались воздействовать радикалы, прежде всего через устную агитацию и распространение листовок.

Таким образом, к началу 1905 г. в Сибири сложились предпосылки для социального катаклизма, происходили сближение и активизация усилий сторонников либерально-эволюционного и радикально-революционных направлений в общественно-политическом движении, ядро и наиболее деятельную силу ко-

---

⁶⁴ Палин А. В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004. С. 170–171.

⁶⁵ Чернов К. А. Военный гарнизон г. Томска в 1904–1905 гг. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в.: материалы Всерос. науч. конф. Томск, 2007. С. 113–114.

того в регионе составляла интеллигенция. Ведущую роль среди радикалов играли маргинальные слои молодежи. Их внутренний мир и мировоззрение раскрываются на примере реалиста Ячменева – персонажа рассказа П. Кузьминых, опубликованного в литературном журнале Шадринского реального училища «Улей»: «Несколько поколений отцов должны были корчиться на работе для того, чтобы он, Ячменев, представитель может быть седьмого или восьмого поколения, мог кончить реальное училище и университет. И как кончить. Лучшие его силы уйдут на бесплодную работу, на глупое репетирование». Не видит он перспективы и в возвращении к деревенской жизни. «Раньше Ячменев думал, что в деревне, вследствие близости к природе, к постоянному физическому труду, люди здоровее. Все нервничают, злятся. С какой стати его отцу бить лошадь по морде поленом? – Почему его мать целый день бешено ругает сестру? – Отчего дети нервничают, злятся, ругаются? Нервность от истощения, истощение от бедности, бедность от невежества, невежество от бедности и т.д.»⁶⁶. Неуверенность в будущем, восприятие в примитивной форме социалистических представлений, ухудшение условий жизни в связи с войной 1904–1905 гг. провоцировали вызревание революционных настроений.

Данное обстоятельство определялось комплексом причин и прежде всего хроническим отставанием политической модернизации от изменений в экономической сфере. Наличие же в российской ментальности двух альтернативных культур – авторитарной и демократической – способствовало при благоприятных условиях (кризисы, войны, революции) выдвижению на первый план демократического сознания и образа действий. Ощущение надвигающегося катаклизма констатировали не только либералы и революционеры, но и представители правящей элиты. Так, дядя императора, великий князь Сергей Александрович 19 сентября 1904 г. писал Николаю II: «Мы переживаем страшно трудные времена и враги внутренние в тысячу раз опаснее врагов внешних. Брожение умов, напр[имер], в Москве нехорошее, я слышался со всех сторон того, что никогда прежде не слышал. Умудри тебя Господь вывести Россию и спасти ее!»⁶⁷.

⁶⁶ Цит. по: *Ершов М. Ф.* Очерки провинциального мира Зауралья: города и люди конца XVIII – начала XX вв. Ханты-Мансийск, 2010. С. 231–232.

⁶⁷ Исторический архив. 2006. № 5. С. 105.

Глава 2

ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО. ЯНВАРЬ–СЕНТЯБРЬ 1905 г.

1.1. НЕПОСРЕДСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ

Применительно к Сибири вряд ли можно говорить о четкой грани, обозначившей начало революции реакцией на события 9 января 1905 г. в Петербурге. Уже в конце 1904 г. крупные города региона, железнодорожные узлы вступили в полосу революционного брожения. На всем протяжении Транссиба социал-демократы готовили политическую забастовку. Еще до 9 января Сибирский союз РСДРП распространил отпечатанные большими тиражами несколько листовок, посвященных подготовке к акции. В одной из них следующим образом объяснялся ее замысел: «Прекратить движение теперь... Это – спасение десятков тысяч людей, одетых в серые шинели! Это – великая заслуга перед многомиллионным народом. Всеобщая стачка по линии Сибирской дороги, сознательно устроенная против войны, – это первый шаг восстания народа против монархии!... Всеобщая стачка сибирских рабочих – первый шаг к революции. Рухнет монархия, и на место царя и его правительства встанет освобожденный народ, который не наказывает борцов за свободу. Ведь победителей не судят»¹. В другой прокламации от имени того же органа подчеркивалась всероссийская значимость предполагаемой акции: «Остановка движения по Сибирской дороге отзовется на всю Россию, воодушевит всех, тысячи поднимутся на борьбу. Всеобщая стачка будет первым шагом к крушению царской монархии... Продолжать войну нельзя!... Да здравствует всеобщая стачка против войны на 5000 верст вдоль линии Сибирской дороги!»² Поднять тогда железнодорожников на массовое выступление не удалось, но сама пропагандистская кам-

¹ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: док. и материалы. Новосибирск, 1958. С. 38–39.

² Омская организация РСДРП в Первой русской революции 1905–1907 гг.: сб. док. материалов. Омск, 1956. С. 23.

пания по ее раскручиванию имела определенный эффект в плане политического воспитания.

Одновременно с конца 1904 г. по инициативе либералов в России началась банкетная кампания, приуроченная к 40-летию введения судебных уставов 20 ноября 1864 г. Предполагалось в ноябре–январе провести собрания интеллигенции, на которых высказаться за проведение конституционной реформы. До 9 января 1905 г. такого рода мероприятия состоялись в 34 городах России³. Первый сибирский банкет провели в Красноярске 6 декабря 1904 г.⁴

Первые официальные телеграммы о событиях Кровавого воскресенья появились в сибирских газетах 12 января 1905. В них сообщалось: «Фанатичная проповедь, которую в забвении святости своего сана вел священник Гапон и преступная агитация злонамеренных лиц возбудили рабочих настолько, что они 9 января огромными толпами стали направляться к центру города; в некоторых местах между ними и войсками, вследствие упорного сопротивления толпы подчиниться требованиям разойтись, а иногда даже нападали на войска, произошли кровопролитные столкновения, войска вынуждены были произвести залпы на Шлиссельбургском тракте, у Нарвских ворот, у Троицкого моста, в 4-й линии, на Малом проспекте Васильевского острова, у Александровского сада на углу Невского проспекта и улицы Гоголя... К 8 часам вечера убитых 76, в том числе околоточный, раненых 233»⁵. Находившийся в момент расправы в Москве редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» И. И. Попов телеграммой сообщил о произошедшем в Иркутск⁶.

12 января в Иркутске, Красноярске (вторично) и Томске прошли вечера-банкеты, но уже приуроченные к более нейтральному событию – 150-летию Московского университета, более известному как «Татьянин день». О том, что произошло в Иркутске, жандармы лапидарно сообщили «вверх»: «12 января

³ Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 294.

⁴ Абов А. (Ансон А.). 1905 год в Красноярске // Сиб. огни. 1923. № 4. С. 116.

⁵ Сиб. жизнь (Томск). 1905. 12 янв.

⁶ Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 247.

1905 года в зале гостиницы «Гранд-Отель» по случаю 150-й годовщины Московского университета состоялся банкет, организованной группой либеральных врачей города Иркутска. На банкете говорились речи, которые в основном сводились к тому, что авторы их настаивали на предъявлении Правительству требований: политической свободы и участия выборных представителей в законодательстве страны. Выступления социал-демократических представителей не видно»⁷. В дополнение к этой информации И. И. Попов сообщил, что участники банкета знали о случившемся 9 января и «по этому поводу присяжный поверенный Б. С. Орнштейн произнес великолепную речь. Было много и других речей». Всего на мероприятии присутствовало 123 чел.⁸ Председателю Общества врачей Б. А. Ельяшевичу губернатор объявил замечание за посылку в адрес Московского университета «тенденциозного адреса»⁹.

Несколько иной характер приобрело аналогичное мероприятие в Томске. Еще в ноябре 1904 г. здесь «среди местной адвокатуры возникла мысль устроить банкет, на котором прогрессивная часть общества могла бы высказаться по поводу предполагаемых в России реформ. Сначала эта мысль была встречена общим сочувствием. Но так как затем... никаких окончательных резолюций по поводу банкета выработано не было, то мысль об его устройстве вскоре была оставлена; взамен же банкета решено было устроить 12 января 1905 г. вечер по случаю Татьянина дня и 150-летия существования Московского университета»¹⁰. В состав комиссии по его проведению вошли присяжные поверенные Р. Л. Вейсман, М. Р. Бейлин, А. А. Кийков, М. П. Головачев, П. В. Вологодский, инженер А. А. Жемчужников, С. П. Швецов и Г. Н. Потанин. Она решила пригласить на мероприятие в железнодорожное собрание примерно 500 чел. по именным платным билетам.

«Когда вечер начался, – доносил позднее начальник губернского жандармского управления (ГЖУ), – то устроителями было замечено, что в помещение собрания стали проникать лица с

⁷ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 224. Л. 2.

⁸ Попов И. И. Указ. соч. С. 247; Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 47.

⁹ Романов Н. С. Указ. соч. С. 52.

¹⁰ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 55. Л. 2.

поддельными билетами и народу набралось свыше предполагаемого числа. Были лица всяческого рода званий и профессий, а большинство – студенты и рабочие»¹¹. Попытка задержать их на входе вызвала отрицательную реакцию. Раздались крики: «либеральные болтуны, премудрые пескари, боязливые зайцы»¹². Под давлением толпы контроль на входе сняли, и в помещении, по оценке правоохранителей, собралось около 700 чел.¹³

Собравшиеся отвергли предложенную организационной комиссией кандидатуру на пост председателя политического ссыльного, эсера С. П. Швецова и избрали Г. Н. Потанина. Последний произнес, «вследствие старческого возраста своего» невнятно вступительную речь, чисто литературного характера, хотя и содержащую положение о том, что «всякое право надо отстаивать силой»¹⁴.

Следующим выступил читинский рабочий, социал-демократ К. Кузнецов. Начав с напоминания о только что пролитой в Петербурге народной крови, как вспоминает Ф. Виноградов, «он поздравил присутствующих с началом революции» и предложил почтить память погибших героев вставанием¹⁵. Затем член комитета Сибирского союза РСДРП Н. Н. Баранский призывал к проведению вооруженной демонстрации в Томске и забастовке на железной дороге. Его поддержал видный местный социал-демократ Н. К. Колобов. Тем самым характер мероприятия существенно изменился, «образовалась чисто противоправительственная сходка», в ходе которой выступавшие резко осуждали кровавую расправу 9 января, призывали к активным революционным действиям. Всего на вечере, трансформировавшемся в митинг, выступили 13 ораторов. Он закончился поздно вечером пением революционных песен.

Следует заметить, что Н. Н. Баранский говорил еще раз; он выразил сочувствие «павшим в борьбе за народ героям – Балмашеву, Сазонову и Сикорскому» и просил собравшихся пе-

¹¹ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии: сб. док. Томск, 1955. С. 21.

¹² ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 55. Л. 2 об.

¹³ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 20.

¹⁴ ГАОО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 55. Л. 3.

¹⁵ Виноградов Ф. Дело о митинге в Томске по поводу 9 января 1905 года // Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 34.

рейти к обсуждению тех мер борьбы с правительством, которые он предложил в первой своей речи. После этого была резолюция, которую в виде листовки издали социал-демократы и которая получила широкое распространение в городе¹⁶. Она призывала к уничтожению самодержавия посредством восстания народа и последующего созыва Учредительного собрания. В качестве конкретной меры предлагалось поддержать «призыв Сибирского социал-демократического союза к всеобщей политической стачке по линии Сибирской железной дороги». Предложенного Баранским призыва к проведению вооруженной демонстрации в Томске в резолюции не содержалось.

Митинг 12 января 1905 г. в Томске получил всероссийскую огласку. О нем, как о крупной политической акции, сообщалось в «Кратком обзоре социал-демократической деятельности в Сибири» за первую половину 1905 г.¹⁷, а министр внутренних дел потребовал от местных властей «принимать самые энергичные меры» в случае повторения подобных событий¹⁸.

Сопоставляя имеющиеся данные, следует отметить ряд характерных моментов в анализируемом событии. Во-первых, участие социал-демократов не было экспромтом; как вспоминает Ф. Виноградов, они знали о готовящемся банкете и решили использовать его в своих целях¹⁹. Во-вторых, представляет интерес фрагмент второго выступления Н. Н. Баранского, в котором упоминаются эсеры-террористы С. В. Балмашев, Е. С. Созонов, Сикорский, а также разъяснение в приложении к «Резолюции» митинга. В нем говорится, что социалисты-революционеры не предложили своей резолюции на вечере. Эти факты свидетельствуют о присутствии на митинге эсеров. Упоминание же о «мучениках» освободительного движения свидетельствует о том, что томские социал-демократы на практике пытались проводить тактику «левого блока». К тому же в рассматриваемое время не существовало четкой грани между либералами и радикалами, а также внутри этих группировок. Местный социал-демократ М. Попов вспоминал: «Мы впитывали идеи того времени – и социал-демократические, и эсеровские – без како-

¹⁶ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 20–21.

¹⁷ Большевики Западной Сибири... С. 111.

¹⁸ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 22.

¹⁹ Виноградов Ф. Указ. соч. С. 33.

го-либо подразделения. Наоборот, общие симпатии в одном случае склонялись в одну сторону, в другом – в другую»²⁰. Кстати, Сибирский союз социалистов-революционеров осудил практику проведения «банкетной» кампании. В листовке «Ко всему трудящемуся люду и солдатам» (январь 1905 г.) по этому поводу говорилось: «Народ должен сам вступить за свое дело. Но для народа мало того, что требовали земцы и на банкетах. Это все необходимо: свобода нужна как воздух, без нее нельзя дышать. Но трудящемуся народу нужно, чтобы плоды его трудов принадлежали ему, а не расхищались присосавшимися к нему пиявками»²¹.

За участие в подготовке и проведении оппозиционных мероприятий Г. Н. Потанин, А. А. Кийков, Н. К. Колобов в Томске и присяжный поверенный П. И. Кусков в Красноярске были привлечены к дознанию. Г. Н. Потанина даже арестовали, но после снятия показаний 7 февраля освободили с отдачей «под особый надзор полиции по месту жительства в г. Томске»²². Следствие закончилось составлением обвинительного заключения, дело было передано для рассмотрения в Омскую судебную палату. Но после объявления амнистии по политическим преступлениям 21 октября 1905 г. оно было прекращено. Тем не менее в досье охраны на Григория Николаевича появилась еще одна запись: «В январе 1905 г. Потанин был привлечен к дознанию при Томском ГЖУ в качестве обвиняемого по делу об антиправительственной манифестации, происходившей в Томском железнодорожном собрании. Дознанием было установлено, что Потанин, будучи избран участником означенной манифестации руководителем прений о мерах борьбы против правительства, произнес речь, которую закончил призывом отстаивать всякое право силою и оказал противодействие полиции, пытавшейся прекратить манифестацию»²³.

²⁰ Цит. по: *Блинов Н. В.* Распространение марксизма и формирование социал-демократических организаций в Сибири. Томск, 1972. С. 93.

²¹ Цит. по: *Курусканова Н. П.* Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.): учеб. пособ. Омск, 2000. С. 62.

²² *Селиверстов С., Кузгумбаева Ж.* Один день из жизни Григория Николаевича Потанина // *Нива (Астана)*. 2002. № 6. С. 115.

²³ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 352. Л. 1.

Вообще, реакция в Сибири на Кровавое воскресенье была достаточно сдержанная и запоздалая. Помимо Томска, до конца января 1905 г. железнодорожники при активном участии социал-демократов провели сходки, митинги, выпустили листовки в Иркутске (40 участников), Чите, Красноярске (четырежды с количеством участников от 40 до 400 рабочих), станциях Обь (Новониколаевск), Тайга, Иланская, Зима, Нижнеудинск, Иннокентьевская, Слюдянка. Кроме того, на событие отреагировали политические ссыльные Якутска, выпустившие гектографированную листовку «Январские дни в Петербурге» и социал-демократы Барнаула²⁴. Возможно, такая реакция была связана с отсутствием информации о происходящем в стране. В частности, на следующий день после митинга Г. Н. Потанин в письме в Москву к В. Н. Семидалову интересовался: «Как отразилось восстание на местной жизни, на митингах и союзах, какие перспективы определяются, действительно ли красные партии разбиты в корень до невозможности поправиться?»²⁵

А тем временем в Томске накануне 18 января 1905 г. распространяется прокламация местного комитета РСДРП, призывающая: «Все как один бросайте работу, смело высыпайте на улицу. Вооружайтесь! Царская полиция должна побежать перед вами». Солдатам местного гарнизона рекомендовалось «в тот день, когда прозвучит призыв» комитета РСДРП «дружно выходить на улицу и смело соединяться с рабочими и студентами под красным знаменем социал-демократии». К акции должны были примкнуть все граждане, предварительно закрыв магазины, лавки и вооружившись. Параллельно с демонстрацией предполагалось начать общегородскую забастовку²⁶. Кроме того, накануне в городе разбрасывается и расклеивается еще одна, краткая по содержанию, листовка Томского комитета РСДРП, обращенная к рабочим, студентам и всем гражданам с призывом выйти на улицу во вторник 18 января «под красным знаменем социал-демократии». Провозглашались лозунги: «Долой царскую монархию!», «Долой войну!», «Да здравствует всеобщая стачка по линии Сибирской дороги!», «Да здравствует революция во

²⁴ Подсчитано по: Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1990. Т. 2. С. 55–60.

²⁵ ТГИАОМ. Научный архив. Оп. 14. Д. 12. Л. 28.

²⁶ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 23–24.

всей России!». Таким образом, инициатива проведения демонстрации принадлежала местным социал-демократам. При этом они ориентировались на радикальные методы и в листовке с элементами фатализма заявляли: «Своей борьбой, своей кровью должны мы разбудить тех, кто еще спит»²⁷.

В. П. Зиновьев высказал предположение, что «демонстрацию памяти жертв решили провести на девятый день гибели петербуржцев, согласно православным обычаям»²⁸. Но девятый день приходился на 17 января. В упомянутых листовках ничего о православной традиции не сообщалось, кроме сентенции «Кровь петербургских рабочих лилась не напрасно!». К тому же правоохранительные органы в духе этой самой традиции ожидали проведение демонстрации именно 17 января, поэтому, согласно донесению и. д. губернатора, в этот день «в центральном пятом полицейском участке сосредоточили усиленный наряд чинов»²⁹.

О позиции томских управленческих структур в сложившейся ситуации можно судить по фрагменту донесения и. д. губернатора, коллежского советника С. И. Бирюкова министру внутренних дел от 29 января 1905 г.: «С 12-го января в городе начали усиленно циркулировать слухи о том, что 18-го января будет устроена вооруженная антиправительственная демонстрация студентов, учащихся средних учебных заведений, граждан, рабочих, в том числе железнодорожников. Для отвлечения полиции предполагается устроить поджог или взрыв правительственного учреждения, а также силой проникнуть в отделение Госбанка с целью похищения денежных средств и ограбление оружейного магазина. Военным дано было указание выступить по первому требованию администрации»³⁰. Как видим, никаких профилактических мер администрация не приняла, поставив себя в положение ожидающей стороны. Не было введено патрулирование военными, не усиливалась охрана банков и т. д.

Примерно в 10 часов 18 января фиксируется «усиленное движение учащейся молодежи»(студенты, курсистки, акушерки)

²⁷ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 24.

²⁸ Томск. История города от основания до наших дней. Томск, 1999. С. 170.

²⁹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 157. Л. 5.

³⁰ Там же. Л. 4–5.

по направлению к университету. В 11:00 они стали группироваться на Почтамтской улице (ныне ул. Ленина). Для наблюдения посылается полицейский наряд. Когда он прибыл на место, «собравшиеся успели уже объединиться в толпу». Ее численность должностные лица определили в 200 чел., участник акции Г. Д. Потепин до 300 чел.³¹ Следует согласиться с И. В. Черновой в том, что правоохранителями «была проявлена нерасторопность, поскольку инструкция требовала разгонять демонстрации в момент их формирования, и такой момент в данном случае был упущен»³².

Демонстранты двинулись вниз по улице по направлению к набережной р. Ушайки. «Они несли четыре красных флага, один из которых был с кистями, и пели песни революционного содержания. Флаг с кистями на длинном древке нес переодетый в гражданское платье студент высокого роста, подвязанный башлыком, второй флаг нес студент с рябой физиономией, и последние два флага несли женщины».

Встает вопрос о маршруте движения демонстрантов. Они не пошли к Новособорной площади, где находились резиденция губернатора и губернское управление, а двинулись к городскому полицейскому управлению, явно провоцируя правоохранителей. К тому же движение осуществлялось по наиболее многолюдной центральной части города, очевидно, с целью привлечь внимание обывателей.

Процессию окружили полицейские, которые начали угрожать (увещевать) «участников скопища разойтись». В ответ идущие демонстрировали револьверы, молотки, ломы, палицы, отказываясь расходиться и склоняли на свою сторону гороховых, сообщая им, что «будут избивать начальников-чиновников». Дойдя до строящегося пассажа Второва, толпа повернула обратно и «дошла до магазина Заславского, а отсюда снова вернулась к дому Второва». Демонстранты явно не знали, что им делать, но, с другой стороны, провоцировали полицейских на активные действия. Исчерпав возможности увещевания, согласно

---

³¹ Там же. Л. 5; Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 27; Большевики Западной Сибири... С. 49.

³² Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. 200 лет на страже порядка. Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX – XX вв. Томск, 2002. С. 97.

инструкции, чины полиции врезались в толпу, «с тем, чтобы, разделив ее на две части, направить затем каждую с улицы в сторону, окружить, отобрать флаги и арестовать участников». В ответ раздался залп из револьверов. Ранения получили помощник пристава, околоточный надзиратель и пять городских.

В воспоминаниях большевика Г. Д. Потепина утверждается, что залп, причем вверх, дала боевая дружина комитета РСДРП, охранявшая демонстрацию³³. Но эти сведения документально не подтверждаются. Более того, кассовые отчеты Сибирского союза и Томского комитета РСДРП за 1904–1905 гг. не фиксируют случаев покупки оружия, за исключением единичного факта приобретения за 12 руб. револьвера в августе 1905 г.³⁴ По всей видимости, дружин у социал-демократов и эсеров в начале 1905 г. еще не было, а револьверы принесли имеющие их участники демонстрации, заранее договорившиеся начать стрельбу в случае нападения полицейских. Один из руководителей местного комитета РСДРП В. М. Броннер признавал: «Залпы были с той и другой стороны, с той и другой стороны были жертвы»³⁵.

«После этого чины полиции, – сообщается в донесении управляющего губернией, – обнажив шашки и стреляя из револьверов, при помощи благомыслящих граждан и прибывшей к месту происшествия полусотни казаков, также встреченных выстрелами из толпы, рассеяли скопище и арестовали свыше ста человек. Красные флаги и часть револьверов, а равно холодное оружие, у демонстрантов отобраны». Всего арестовали 115 участников демонстрации, в том числе 24 студента университета и 30 – Технологического института³⁶. Сухие протокольные фразы не раскрывают драматизма происходящего и взаимной ожесточенности противоборствующих сторон. О них можно судить хотя бы по фрагменту рапорта полицмейстера П. В. Никольского по поводу назначения пенсии городовому Н. С. Анань-

³³ Большевики Западной Сибири... С. 49.

³⁴ ГАНО, Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 101. Л. 1–6; Центральные большевистские газеты 1905 года о Сибири: сб. док. и материалов. Новосибирск, 1980. С. 78–82.

³⁵ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

³⁶ *Ищенко О. В.* Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.): дис. .... д-ра ист. наук. Омск, 2011. С. 389.

еву, «который пробился в середину толпы и пытался отобрать красный революционный флаг, был ранен выстрелом в упор из револьвера, пуля попала в грудь, пробила легкое и застряла там»³⁷. Характерно, что в перечне трофеев на первом месте стоят красные флаги, полицейский получил серьезное ранение за попытку отобрать один из них. Революционной символике противостоящие стороны уделяли особое внимание.

Часть оказавшихся за оцеплением студентов и частных лиц попыталась вновь организовать толпу, из которой раздались выстрелы по полицейским и казакам, но они были рассеяны. «Около 3 часов дня все арестованные были водворены в места заключения, и порядок на улице был совершенно восстановлен». В числе жертв смертельно раненый знаменосец, типографский рабочий И. Е. Кононов и тринадцатилетний ученик ремесленного училища И. Елизаров, 23 демонстранта получили ранения. Следовательно, вся демонстрация и ее разгон продолжались четыре часа. На следующий день и. д. губернатора через газеты обратился, как бы оправдываясь, к населению: «Ввиду происшедшего 18 сего января уличного беспорядка, вызвавшего большое скопление публики на улицах, объявляю во всеобщее сведение, что администрация в силу закона обязана принять самые решительные меры к устранению, если понадобится вооруженной силой, всякого массового беспорядка»³⁸.

Началось следствие, которое было прекращено после амнистии по Манифесту 17 октября 1905 г. Начальник местного охранного отделения 3 февраля 1905 г. доносил, что в демонстрации приняли участие 13 служащих управления Сибирской железной дороги, большая часть которых была вооружена³⁹. Но информационную войну администрация проиграла. В глазах общественного мнения, прежде всего интеллигенции, именно она должна была нести ответственность за зверскую расправу над демонстрантами. Прокурору Томского окружного суда начали поступать коллективные жалобы по поводу преступных действий чинов полиции и казаков⁴⁰. Участников демонстрации поддержал профессорско-преподавательский состав томских

³⁷ Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. Указ. соч. С. 97.

³⁸ Сиб. вестник (Томск). 1905. 19 янв.

³⁹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 157. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Л. 32–34.

вузов. В тот же день в Технологическом институте состоялось собрание профессоров и доцентов для обсуждения сложившейся ситуации и отношения к «вопиющему произволу полиции». Критике подверглись не только действия местных властей, но и вся правительственная политика в целом. Мнение собравшихся выразил председательствующий, профессор университета В. В. Сапожников, который в своем выступлении подчеркнул, что «факты, подобные сегодняшнему, не единичны и допустимы только при нашем режиме». Собравшиеся постановили через прокуратуру добиваться гласного суда над полицейскими⁴¹.

А радикалы начинают формировать свою версию происшедшего. Уже 24 января 1905 г. на сходке студентов Томского университета большинством в 222 голоса принимается резолюция, в которую включаются следующие фразы: «Преступная наглая политика самодержавного правительства... стала особенно понятна нам во всей ее возмутительной зверской жестокости после событий 18 января на улицах Томска, когда город был отдан в бесконтрольную власть казаков и полиции, без всякого предупреждения начавших избивать мирных граждан... Рубили шашками, били нагайками, топтали ногами и увечили упавших, стреляли в них из револьверов и винтовок без всякого разбора, не щадя ни женщин, ни детей. Улицы Томска обгарились невинной кровью убитых. Более сотни человек изувеченных, избитых было взято в участок, где полиция продолжала над ними свою жестокую расправу. Много изувеченных разошлось по домам»⁴². Местные эсеры, отреагировавшие на происшедшее специальной листовкой, также не жалели красок: «Вот пятнадцатилетняя девочка-гимназистка лежит на окровавленной мостовой с изуродованным черепом, – это ученица 5-го класса местной гимназии Полякова, возвращаясь из гимназии домой, была застигнута казаком, который обнаженной шашкой раскроил ей голову... Вот тринадцатилетний ученик ремесленного училища Елизаров, которого в упор застрелил городской, когда тот, с булкой в руках, хотел перебежать улицу... Вот юноша рабочий Иосиф Кононов лежит у забора Второвской постройки, распростершись в огромной луже крови, он убит пулей казака: но палачам показалось этого мало и они чем-то тяжелым совершен-

---

⁴¹ *Ищенко О. В.* Указ. соч. С. 390.

⁴² Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 29.

но раздробили ему грудь. Вот неподалеку от него старик с предсмертным храпом в груди судорожно приподнимает с мостовой голову, и его голова снова бессильно падает на мостовую... Озверевшая полиция продолжает осыпать пулями в упор рабочего, умирающего старика, женщину»⁴³. В распространяемой по этому поводу информации ничего не говорилось о том, что демонстранты вооружились револьверами, молотками, дубинками, ломami и первыми открыли стрельбу, ранив двух полицейских чиновников и пять городских. Сформированный имидж демонстрации активно использовался для массовой дискредитации органов местного государственного управления и правоохранительных структур, нагнетая напряженность в городском сообществе.

Соответствующим образом препарированный имидж томской демонстрации активно использовался сибирскими социал-демократами в пропагандистских целях. В листовке Омского комитета РСДРП «К омским рабочим» (апрель 1905 г.) по ее поводу сообщалось: «В одном Томске было до 200 раненых и несколько убитых, не говоря уже о заточенных в тюрьмах»⁴⁴. Участники и современники рассматриваемого события сравнивали его с Кровавым воскресением в Петербурге. В листовке, появившейся сразу же после разгона демонстрации, от имени группы студентов-технологов отмечалось, что вслед за сотнями убитых рабочих и студентов в столице настала очередь и Томска. Акцентировалось, что шествие было мирным, а «рабочие и студенты заявили свой протест против порядков, завещанных татарскими предками теперешнего царя». В произошедшей трагедии «виноват... наш строй и его олицетворение – царь и Бирюков... Мы царю этого никогда не простим»⁴⁵.

В пропагандистских целях радикалы использовали похороны И. Е. Кононова, состоявшиеся 30 января. В специально выпущенной по этому поводу прокламации Томского комитета РСДРП обращают на себя внимание два аспекта. Во-первых,

---

⁴³ Цит. по: *Курусканова Н. П.* Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.): учеб. пособ. Омск, 2000. С. 63.

⁴⁴ Омская организация РСДРП в Первой русской революции 1905–1907 гг. С. 40.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 3. Ч. 43. Л. 10–11.

соответствующая презентация демонстрации 18 января и гибели покойного: «Он пал... а полицейская сволочь, словно стая воронов, кружилась над ним». Во-вторых, как повторяющийся рефрен, призыв: «Соединимся под знаменем социал-демократии и нанесем окончательный удар царской монархии»⁴⁶. Сравнительно небольшая по численности процессия (до 200 чел. по данным правоохранительных органов), в основном студенты и типографские рабочие, без духовенства проследовала по центральным улицам города. В похоронах принял участие Г. Н. Потанин.

После событий 12 и 18 января по предложению попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьева, «дабы предотвратить бурное проявление студенческого настроения», университет закрыли до 24, а Технологический институт до 27 января. 26 января в университете состоялась массовая сходка студентов (до 300 чел.) по вопросу о прекращении занятий. После ее окончания, часть участников «бросилась к актовому залу, выломала ближайшую дверь и, ворвавшись в зал, пробила, по видимому палкой, нижнюю часть портрета его императорского величества государя императора»⁴⁷. Подобное деяние относилось к наиболее тяжким государственным преступлениям. В создавшихся условиях советы вузов принимают решение ходатайствовать о их закрытии для занятий до 1 сентября 1905 г. При этом ряд профессоров Технологического института решили обратиться в Министерство народного просвещения (МНП) с заявлением относительно того, что при существующем государственном строе «восстановление нормального хода занятий невысказано».

Таким образом, демонстрация 18 января 1905 г. в Томске оказалась полной неожиданностью для местной администрации и показала неготовность правоохранительных органов к предупреждению и пресечению массовых организованных акций радикального объединения. Вместе с тем, радикалы и либералы использовали эти события в своей агитации для массовой дискредитации структур местного государственного управления и правоохранительных органов, нагнетая напряженность в городе. Кроме того, события 12 и 18 января свидетельствовали о сближении позиций радикалов и либералов, радикализации местной интеллигенции.

---

⁴⁶ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 32.

⁴⁷ Там же. С. 30.

В масштабах России два человека, принадлежавшие в рассматриваемое время к разным политическим группировкам, синхронно констатировали данное обстоятельство. Либерал В. А. Маклаков: «Деятели 90–900-х годов пришли к заключению, что для того, чтобы вернуть Россию на путь неоконченных реформ, надо сначала Самодержавие уничтожить. Можно ли было достигнуть и этого без революции? Это казалось сомнительно, но либералы не останавливались перед такой опасностью; они против Самодержавия вошли в союз с революционными партиями»⁴⁸. Видный чиновник МВД, консерватор В. И. Гурко: «Однако при охватившем в то время страну революционным психозе из этих двух течений (радикального и либерального. – *М. Ш.*) явное преобладание получает, даже в земской среде, течение радикально-демократическое; представители либеральных профессий примыкают к нему почти в полном составе»⁴⁹. Применительно к Сибири консолидацию либералов в изучаемый период отметил Д. И. Илимский. По его мнению, до 1905 г. «либерализм вполне сливался с областническим оппозиционным течением. Все областники были в известной степени либералами и все либералы – областниками, так как в те времена на первом месте в сибирской программе стояла борьба с бюрократией за равноправие колонии с метрополией. Классовая физиономия партий была тогда не важна для сибиряков и общественная ценность всякого деятеля определялась его отношением к самовластной бюрократии»⁵⁰.

События 9 января 1905 г. подтолкнули образованные слои к радикальным действиям и усилению давления на власть. Характерный в этом плане эпизод воспроизводится в письме попечителя Западно-Сибирского учебного округа Л. И. Лаврентьева, написанном сразу же после демонстрации 18 января: «Вчера вечером приходил ко мне один профессор с выражением соболезнования раненым студентам и курсисткам, привезенным в наши клиники в числе 7 человек, привезен туда же и городо-

---

⁴⁸ Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 13.

⁴⁹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 440.

⁵⁰ Илимский Дм. Сибирский либерализм // Сибирская деревня (Красноярск). 1913. 1 дек.

вой, смертельно раненый, обремененный большим семейством (говорят, будто 8 человек детей). К демонстрантам у этого профессора осталось весьма возбужденное сочувствие, к защитнику же порядка ровно никакого, он даже об этом не хотел говорить. И это профессор, клиницист и оператор (хирург. – *М. Ш.*), для которого, казалось бы, жизнь человеческая должна быть одинакова, должна быть дорога, не зависимо от того, что умирающий социал-демократ или полицейский чин»⁵¹.

Рассматриваемые события выявили еще одну пассионарную силу революции – молодежь. «Она также выступала заступательницей максималистских революционных эксцессов, – считают *О. В. Волобуев* и *В. В. Шелохаев*, – прямых и решительных действий против власти. Социалистические партии делали на нее ставку, вовлекая в революционную деятельность даже ту часть молодежи, которая еще не выработала собственную общественно-политическую и жизненную позицию, была подвержена влиянию радикализма и революционного романтизма. Недовольство самодержавным режимом, полицейским контролем, бюрократическим засильем, обида за отсталость страны, бедность, темную крестьянскую жизнь побуждали молодых людей искать выход своим негативным эмоциям и размышлениям о неблагополучии и несовершенстве российской жизни в революционных исканиях»⁵².

2.2. АКТИВИЗИРУЮТСЯ ЛИБЕРАЛЫ

В январе–марте 1905 г. усиливается стачечное движение железнодорожников с выдвижением экономических (восьмичасовой рабочий день, повышение расценок, увеличение квартирных денег, улучшение снабжение лавок продуктами, своевременная выдача зарплаты и др.) и политических (созыв Учредительного собрания, демократические свободы, восстановление на работе уволенных) требований. Своеобразным эпицентром выступлений становится Красноярск. 17 января здесь забастовали рабочие железнодорожных мастерских и депо. Более 1 тыс. их под руководством местного комитета РСДРП вышли на цент-

⁵¹ Вестн. Томск. гос. ун-та. 2005. Декабрь. № 289. С. 182.

⁵² *Волобуев О., Шелохаев В.* «Великие потрясения» 1905–1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль. 2005. № 1. С. 186.

ральную улицу городу, подошли к резиденции губернатора, где участников акции рассеяла полиция. Стачка продолжалась три дня, было арестовано 22 ее активных участника⁵³. 17–19 февраля 1,5 тыс. рабочих железнодорожных мастерских вновь бастовали, 4 марта началась новая стачка с выдвижением экономических требований (2,5 тыс. чел.). Активно бастовали железнодорожники Читы (28–30 января, 12, 21 и 22 февраля, 15–21 марта), Омска (15 февраля), Верхнеудинска (26 марта). Вслед за железнодорожниками к борьбе за свои права подключились типографские рабочие Иркутска (8 стачек в феврале–марте 1905 г.), Томска, Красноярска, рабочие и служащие казенных винных складов Иркутска и Ишима. В конце февраля начались забастовки учащихся фельдшерских школ в Красноярске и Иркутске. Кое-чего удалось добиться. В частности, в феврале последовал правительственный указ о введении девятичасового рабочего дня на российских железных дорогах. Всего из учтенных за первые три месяца 1905 г. 38 стачек на долю железнодорожников пришлось 23 случая, типографских рабочих – 7, рабочих обрабатывающей промышленности – 5, горняков – 1 случай⁵⁴.

В течение февраля–марта сибирские социал-демократы продолжали призывать к проведению всеобщей забастовки на Сибирской и Забайкальской железных дорогах, как своеобразного детонатора к вооруженному восстанию. Об этом говорилось в прокламации Красноярского комитета РСДРП «К красноярским рабочим» (не ранее 19 февраля 1905 г.), воззвании «О «царских милостях» к рабочим Сибирской и Забайкальской железной дороги Сибирского союза РСДРП(март 1905 г.)⁵⁵. Первая половина 1905 г. стала для социал-демократов региона периодом количественного роста и организационного укрепления. В это время оформляются партийные группы в Барнауле, Верхнеудинске, на станциях Нижнеудинск, Слюдянка⁵⁶. В первом но-

⁵³ Груш Д. Б. Большевики Красноярска в годы Первой русской революции. Красноярск, 1955. С. 24.

⁵⁴ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 240.

⁵⁵ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: док и материалы. Новосибирск, 1958. С. 61–66.

⁵⁶ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроники, статистика. Томск, 1990. Т. 2. С. 61–62.

мере газеты Сибирского союза РСДРП «Сибирский социал-демократический листок» (июль 1905 г.) сообщалось, что Союз «из кучки социал-демократов-интеллигентов превратился в значительную организацию, которая объединяет в себе по всей Сибири не менее 500 социал-демократических работников»⁵⁷. Местные эсеры (Иркутск) призывали солдат «восстать за народ, тогда придет конец безумной трате вашей крови, конец народному горю, конец неправой, позорной войне»⁵⁸.

В свою очередь, центрами концентрации либеральной оппозиции становятся городские думы. 18 января в Томске, 26 января в Красноярске они приняли резолюции о сочувствии жертвам 9 января⁵⁹. 18 февраля 1905 г. был опубликован указ императора Николая II Сенату, разрешающий частным лицам и организациям подавать в Кабинет министров предложения об усовершенствовании «государственного благоустройства». В тот же день был подписан рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина о созыве особого совещания для выработки условий создания законосовещательного органа (Булыгинской думы) из «достоинейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей» для предварительной разработки законодательных предположений при «непременном сохранении незыблемости основных законов империи».

Реакция в Сибири на предполагаемый созыв законосовещательной Думы была отрицательной. Радикалы отвергли ее с ходу. «Подготовкой к восстанию ответим мы, если нас пригласят в комиссию, подготовкой к восстанию ответим мы, если рабочий класс вовсе не будет приглашен в комиссию министра Булыгина», – резюмировалось в специально выпущенной по этому поводу прокламации Сибирского союза РСДРП⁶⁰. Иркутский комитет РСДРП в своем «Летучем листке» от 15 июня 1905 г. в передовой «Министерская стряпня» пояснял: «И сейчас мы сплошь и рядом встречаем либералов, кричащих хоть какое бы то ни было избирательное право, но лишь бы созыв “народ-

⁵⁷ Сиб. социал-демократический листок. 1905, июль.

⁵⁸ Цит. по: *Курусканова Н. П.* Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1091 – февраль 1917 г.). Омск, 2000. С. 65.

⁵⁹ *Мосина И. Г.* Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 53.

⁶⁰ Большевики Западной Сибири... С. 100.

ных” представителей... Эта, созываемая им (Бульгиным. – *М. Ш.*) Государственная Дума будет лишь жалким сборищем людей без всяких действительных прав, без всякого значения. Вершить же и делать все по-прежнему будет то же самодержавие, ни на что неспособное, никому не внушающее никакого уважения, опозоренное и гнусное самодержавие, прикрытое лишь жалкими тряпками “народного представительства”»⁶¹. Непосредственной реакцией на проект либералов стала обширная статья профессора-юриста Томского университета И. А. Малиновского «Общество и правительство», в которой, с одной стороны, констатируется: «В начале XX века общественное мнение с замечательным единодушием указывает на всю непригодность бюрократии и на неотложную необходимость участия выборных представителей от населения в государственных делах», а с другой стороны, говорится о несостоятельности совещательных собраний народных представителей⁶².

В Иркутске, в феврале 30 гласных городской думы предложили организовать комиссию для составления адреса на высочайшее имя и записки в Кабинет министров о преобразовании государственного строя. Об атмосфере, царившей во время ее работы, И. И. Попов свидетельствовал: «При обсуждении адреса предлагались поправки и дополнения. Между прочим В. В. Жарников внес предложение, чтобы царь никогда не носил военной формы; кто-то предлагал требовать особого парламента для Сибири»⁶³. 28 марта на частном совещании гласных текст адреса и записки, а также инструкцию депутату на съезд городских деятелей утвердили⁶⁴. Еще дальше пошли гласные Томской городской думы, обсудившие царский рескрипт на своем заседании 8 марта 1905 г. Принимается следующий текст адреса на высочайшее имя: «Государь! Ведь не даром коренной русский народ создал пословицу: “До Бога высоко, до царя далеко”. И в особенности далеко до Государя было нам сибирякам, которые до сих пор не имеют даже ни земских учреждений, ни суда при-

⁶¹ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

⁶² Малиновский И. Общество и правительство // Сибирская жизнь. 1905. 23, 25 февр.

⁶³ Попов И. И. Указ. соч. С. 250.

⁶⁴ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 52.

сяжных. Эта далекость от Государей – источник всех наших государственных и общественных бед ... Зная Вашу, Государь, милостивую любовь к Сибири и к Томску, историческим течением жизни поставленному во главе городов далекого края, осмеливаемся просить, чтобы на возвышенном Вашим Величеством собрании доверием народа обремененных людей Сибирь и Томск были представлены и при том во всяком случае пропорционально населению не меньше, чем Европейская Россия: ведь, сибиряки теперь идут впереди бойцов на Дальнем Востоке и население Сибири несет тяготы войны больше, чем Европейская Россия».

На этом же заседании делегату от городского самоуправления на всероссийский съезд городских самоуправлений П. В. Вологодскому формулируется наказ: «Необходимо предложить представителям города отстаивать, что городские общины должны быть самоуправляющимися в смысле самоопределения, самоизбрания и самообложения и должны широко ведать все местные нужды, как духовные, так и материальные: санитарные, образовательные, благоустройства, безопасности и т. д., а также иметь своих представителей в коллегиях местных учреждений, содержимых на общие государственные средства, по крайней мере тех, с которыми тесно и широко связаны интересы населения, напр[имер], средние и младшие учебные заведения; за свою деятельность городские общины должны отвечать только перед судом. Отношения между городскими общинами и государством должны быть определены законом, и право голоса в городских общинах должны иметь все русские подданные – плательщики основных городских налогов, без различия пола, племени и вероисповедания, достигшие 25 лет, прожившие в городе не менее года и не ограниченные в правах по суду»⁶⁵. Таким образом, гласные Томской городской думы выдвинули четкое требование полной независимости муниципалитетов от государства.

Продолжая играть в независимость, гласные на том же заседании 8 марта отказали полицмейстеру, ходатайствовавшему о приобретении для его служебных поездок коляски, а 15 марта городская управа направила губернатору ходатайство о назначении министрами внутренних дел и военным дознания о действиях чинов полиции и казаков 18 января 1905 г.⁶⁶

---

⁶⁵ Сибирская жизнь. 1905, 10 марта.

⁶⁶ Там же. 15 марта.

Новый импульс деятельности либеральной оппозиции придал рескрипт императора Николая II иркутскому генерал-губернатору, графу П. И. Кутайсову от 3 апреля 1905 г. о необходимости введения земства на восточных окраинах империи. Монарх предписывал: «Поручаю вам приступить к разработке вопроса о введении земских учреждений во вверенном вам генерал-губернаторстве в соответствии с предначертаниями моими, предуказанными во 2-м пункте указа Правительствующему Сенату от 12 декабря 1904 года, и выработанные вами соображения сообщить министру внутренних дел для дальнейшего в установленном порядке направлении их одновременно с предложениями о введении земских учреждений в Тобольской и Томской губерниях»⁶⁷.

Нормативный акт стимулировал активное обсуждение вопроса о земских учреждениях в регионе и, вместе с тем, дал легальное основания для проведения собраний местной интеллигенции с целью обсуждения данного вопроса. Восточно-Сибирский отдел ИРГО в специальном обращении по этому поводу заявил: «Но широкое участие населения в делах управления возможно только тогда, когда в земстве будут заседать не назначенные и одобренные правительством лица, не чиновники, а свои лучшие люди, собранные свободно на равных правах всем населением, богатым и бедным, крестьянством и рабочим, знатным и простым; и это участие не будет призрачным только тогда, когда Земство будет ведать решительно всеми нуждами деревни (волости – волостное Земство) или уезда (уездное земство) или губернии (губернское Земство) или быть может всей Сибири – областное Сибирское Земство, Сибирская Дума»⁶⁸.

Идея земства начинает усиленно пропагандироваться в периодической печати. «Продовольственное дело неудовлетворительно, – вздыхал тобольский «Сибирский листок», – мелкий кредит отсутствует, натуральные повинности не могут быть переведены на денежные, что возможно только при существовании земства»⁶⁹. Иркутское «Восточное обозрение» пугало: «До тех пор, пока земские учреждения не будут введены по всей

---

⁶⁷ Законодательные акты переходного времени. СПб., 1907. С. 38.

⁶⁸ ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 33 Л. 82.

⁶⁹ Сиб. листок. 1905. 7 апр.

Сибири, нечего и думать о возрождении инородческих племен»⁷⁰. Дело доходит до курьезов. В одном из майских номеров «Сибирского вестника» публикуется статья под кричащим заголовком «Волки одолели, а нет земства для отпора»⁷¹. Вместе с тем либералы признавали, что «вопрос о введении земства в Сибири является не более как только частным вопросом, который будет решен в зависимости от разрешения вопроса о государственном переустройстве»⁷².

Одновременно сибирские либералы подключились к общероссийским мероприятиям земцев-конституционалистов и «Союза освобождения». На июньском совещании городских деятелей в Москве впервые присутствовали представители сибирских городских самоуправлений – Н. А. Шепетковский (Красноярск), А. И. Макушин и П. В. Вологодский (Томск), И. Корнилов (Тобольск)⁷³. Делегаты от городских дум и общественных организаций региона принимали участие в сентябрьском и ноябрьском земско-городских съездах (И. И. Попов, П. В. Вологодский, Г. Н. Потанин, Г. М. Френденсон)⁷⁴.

Рескрипт от 4 апреля 1905 г. породил массовую кампанию по составлению проектов земского положения применительно к Сибири. По подсчетам С. И. Аккерблома, до конца 1905 г. в регионе было подготовлено 18 проектов организации земских учреждений на базе соответствующего закона от 12 июня 1890 г.⁷⁵ Центрами разработки их стали Томск и Иркутск.

В Томске еще в начале 1905 г. члены Юридического общества при Томском университете (П. В. Вологодский, А. В. Витте, М. Н. Вознесенский, А. Н. Гаттенбергер, И. А. Малиновский, М. И. Боголепов, М. Н. Соболев и др.) с участием Г. Н. Потанина подготовили Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири⁷⁶. Он предполагал создание наряду с

⁷⁰ Восточное обозрение. 1905. 24 мая.

⁷¹ Сибирский вестник. 1905. 8 мая.

⁷² Сибирская жизнь. 1905. 10 апр.

⁷³ Частное совещание городских деятелей 15–16 мая 1905 г. М., 1909.

⁷⁴ Попов И. И. Указ. соч. С. 266, 267, 281.

⁷⁵ Аккерблом С. И. Разработка вопроса о земстве в Сибири со времени Высочайшего рескрипта 3 апреля 1905 г. до конца деятельности II Государственной Думы // Сборник о земстве в Сибири. СПб., 1912. С. 20–27.

⁷⁶ Там же. С. 23.

волостным, уездным и губернским еще и областного земского самоуправления в виде земского областного собрания, включавшего выборных представителей от Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Якутской и Забайкальской областей, Степного и Приамурского генерал-губернаторств. Областное земство наделялось обширными полномочиями (распоряжение всеми землями региона, заведывание путями сообщений, общественной безопасностью, издание обязательных для местных жителей постановлений). Руководящими органами самоуправления должны были стать земские собрания, управы и комиссии. Председателями и членами областной и губернских управ могли быть лица, имевшие образование не ниже среднего; председателями и членами уездных управ – лица, имевшие, по крайней мере, начальное образование. Основным источником земских доходов должна была стать собственность земств на землю, недра и леса⁷⁷.

На рубеже февраля–марта для дальнейшего обсуждения этого проекта образуется специальная комиссия из уполномоченных от следующих обществ: юридического, сельскохозяйственного, технического, попечения о начальном образовании, взаимопомощи учащихся и учивших, практических врачей⁷⁸. Примерно во второй половине апреля 1905 г. комиссия рассмотрела проект. Выявились разногласия относительно структуры планируемого самоуправления. Юристы предложили четырехступенчатую – волостное, уездное, губернское и областное (общесибирское). Относительно последнего и разгорелись споры. Неизвестны аргументы противников его, но можно догадаться, что они опасались негативной реакции властей, ранее отвергавших более скромные предложения. Примирителем выступил лидер областников Г. Н. Потанин. Воспользовавшись своим громадным авторитетом среди томской интеллигенции, он склонил на свою сторону противников областного земства⁷⁹.

Одновременно с томичами разработку аналогичного проекта взял на себя Восточно-Сибирский отдел ИРГО в Иркут-

---

⁷⁷ ГАОО. Ф. 190. Оп. 7. Д. 68. Л. 35–37.

⁷⁸ *Альциуллер М. И.* Земство в Сибири. Томск, 1916. С. 320.

⁷⁹ Историк. Из истории земского движения в Сибири // Сиб. вопросы. 1910. № 28/29. С. 16, 22.

ске. Образованная им 6 мая⁸⁰ комиссия во главе с ссыльным народником С. А. Лянды разослала по всей Сибири цитированное выше обращение с призывом объединиться по этому поводу «всем лучшим людям». Наконец, в Красноярске на заседании Общества врачей Енисейской губернии 20 мая 1905 г. Вл. М. Крутовский впервые публично озвучил и обосновал идею организации общесибирской земской думы. В своем докладе он подчеркнул: «В силу особенностей сибирских условий, которые отводят Сибири роль колонии Европейской России, в сибирском земстве наибольшее развитие и значение должна получить мелкая земская единица. Дальнейшее развитие земского начала должно выразиться в форме организации уездных земств, губернских и, наконец, как общее, связывающее все земства Сибири в одно целое, общесибирской земской думы ... Если проектируемая общесибирская земская дума и не будет играть роль австралийского парламента, то она все же с полным правом и умением может вести общественное дело в Сибири»⁸¹.

В конце апреля 1905 г. томский Проект основных начал... был обсужден на совместном заседании шести перечисленных выше общественных организаций. На нем эсер М. Н. Вознесенский предложил назвать высший земский орган в Сибири областной думой⁸². В начале мая, обосновывая свое предложение в газетной статье, он утверждал: «Вся экономическая политика по отношению ко всей Сибири требует объединения мероприятий, сосредоточения их в руках одного земского собрания – Сибирской Областной думы»⁸³. На этом же заседании областники добились согласия собравшихся на образование Сибирского областного союза как органа, который должен был возглавить борьбу за региональное самоуправление. Поэтому Проект основных начал положения о земских учреждениях в Сибири трансформировался в Проект основных положений Сибирского областного союза. 5 мая 1905 г. он был обсужден вторич-

⁸⁰ Романов Н. С. Указ. соч. С. 54.

⁸¹ Восточное обозрение. 1905. 4 июня.

⁸² Крутовский В. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 297.

⁸³ Вознесенский М. Н. К вопросу о введении земства в Сибири // Сиб. вестник. 1905. 8 мая.

но, утвержден объединенным советом шести названных выше общественных формирований и опубликован⁸⁴.

По своему содержанию Проект являлся комплексом законодательных предложений, сочетающих два основных типа – касающихся Сибири и затрагивающих общесибирские проблемы выхода из кризиса, порожденного революцией. В частности, документ начинается с общего положения о Сибири как обособленной области, а отсюда делается вывод о необходимости установления здесь областного (регионального) самоуправления в виде областной думы и более мелких земских территориальных единиц. Предусматривался созыв Всероссийского учредительного собрания при условии отмены исключительных законов, гарантий личной свободы, реабилитации всех пострадавших за свои политические убеждения.

Оговариваясь, что окончательно закон об областной думе должен быть разработан и утвержден Всероссийским учредительным собранием, составители Проекта выдвинули тот минимум требований, который позволит функционировать региональному представительному органу. В ведение думы должно быть передано: «а) местное бюджетное право; б) народное образование; в) народное здравие; г) общественная безопасность; д) местные сообщения и тариф; е) распоряжение и владение всеми землями области, составляющих часть государственного фонда с лесами, водами и недрами их; ж) определение порядка землепользования в связи с переселенческим вопросом»⁸⁵.

Проект, по моему мнению, отразил интересы сибирских областников, либералов и неонародников, которые на практике попытались реализовать установку Г. Н. Потанина, публично высказанную им в августе 1905 г.: «Областничество не партия, а союз партий. Как вопрос о переустройстве всего государства примиряет все партии в государстве, так при обсуждении судеб области все партии должны объединиться»⁸⁶. Можно согласиться с Н. Н. Козьминым в том, что в данном случае «под видом

⁸⁴ Право. 1905. 17 июля. С. 2332–2334.

⁸⁵ Там же. С. 2333–2334.

⁸⁶ Потанин Г. Н. Быть или не быть сибирскому областничеству? // Сиб. вестник. 1905. 28 авг.

проекта земских учреждений мы имеем проект реформы всего общегосударственного строя»⁸⁷.

Несмотря на то, что томский «Проект основных положений Сибирского областного союза» затрагивал актуальные для региона вопросы, первоначальное отношение к нему было холодное и даже враждебное. Данное обстоятельство объясняется тем, что 6 августа 1905 г. были опубликованы «Учреждения Государственной думы» и положение о выборах в нее, что оттолкнуло значительную часть местной либеральной интеллигенции от проекта томичей. Отрицательное отношение к региональной думе формулируется фразой: «Областной думе нечего будет делать, так как для этого есть Государственная дума» – в одном из августовских номеров «Сибирской жизни»⁸⁸. Положение коренным образом изменилось в последующие месяцы, что было связано с нарастанием революционных отношений и крахом затеи с Булыгинской думой. И в уже в конце августа в той же «Сибирской жизни» К. Троицкий поясняет относительно взаимоотношений общероссийской и региональной дум: «Что же касается до роли сибирской земской Думы по отношению к Государственной Думе, то роль эта вполне ясна – защита интересов Сибири пред центральным правительством, которая, во всяком случае, не будет излишней. Авторитетность же ее будет настолько большая, насколько больше она будет, чем любая земская единица в отдельности»⁸⁹.

Негативное отношение к Проекту выразили только социал-демократы, решительно выступавшие против заигрываний с властью. Наглядным отражением их отношения к либеральным проектам может служить фрагмент из прокламации Томского комитета РСДРП, посвященный вечеру-банкету 12 января 1905 г.: «Пришло время бросить все другие дела. Одно дело у каждого из нас: подготовка к революции. Рабочий класс может надеяться только на себя. А русским либералам, почтительно выпрашивающим частичку свободы, мы гордо можем сказать: «шепчитесь, почтенные люди, устраивайте банкеты с благосклонного разре-

---

⁸⁷ Козьмин Н. Областничество // Сиб. зап. (Красноярск). 1918. № 3. С. 51.

⁸⁸ Сиб. жизнь. 1905. 19 авг.

⁸⁹ Троицкий К. Что нам нужно? // Сиб. жизнь. 1905. 26 авг.

шения начальства! Протягивайте пригоршни для получения «свободы»! Ловчите, готовьтесь загрести жар чужими руками. Власть, вышибленную из рук царского самодержавия, мы выьем и из ваших рук, чтобы передать всему народу, от лица которого и за спиной которого вы говорите пылкие речи»⁹⁰. Затею с областной думой они рассматривали как попытку затушевать классовые противоречия в регионе, подчинить своему влиянию рабочий класс и крестьянство⁹¹. В специальной листовке, посвященной созданию Сибирского областного союза, Красноярский комитет РСДРП в сентябре 1905 г. подверг критике его «Основные положения», в частности, пункт, требующий замены «существующего самодержавно-бюрократического строя конституционно-демократическим» мирным путем. По мнению составителей, основным лозунгом момента должна быть вооруженная борьба за демократическую республику и всеобщее избирательное право⁹².

Помимо этого красноярские социал-демократы неоднократно выступали с критикой либералов и областников. Так, член местного комитета РСДРП В. Н. Охацимский сделал это на вечере-банкете 12 января 1905 г.⁹³ Подобное же выступление прозвучало на собрании родителей и опекунов учащихся 1 апреля⁹⁴. В середине апреля на заседании общества врачей явочным порядком речь произнес представитель социал-демократического комитета, призвавший бороться против самодержавия. После заседания устраивается политическая демонстрация⁹⁵. 20 апреля на митинге-банкете Общества попечения о начальном образовании, после областника Вл. М. Крутовского, по поручению комитета РСДРП говорил М. К. Ветошкин, призвавший готовиться к вооруженному восстанию против царизма. Полицейские не дали ему закончить, и впоследствии его выступ-

⁹⁰ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 140. Л. 3.

⁹¹ *Зайцев Д.* Общественное движение в Сибири // Образование. 1906. № 3. С. 59.

⁹² Большевики Западной Сибири... С. 181–182.

⁹³ *Мельников А. А.* Красноярская республика 1905 года // 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 52.

⁹⁴ *Груш Д. Б.* Указ. соч. С. 27–28.

⁹⁵ 1905 год в Красноярске. Красноярск, 1955. С. 209.

ление напечатали полностью в виде листовки «В Народном доме, или невольное обнажение либеральной думы»⁹⁶.

В «Летучем листке» Иркутского комитета РСДРП от 15 июня 1905 г. следующим образом оценивались результаты созданной для подготовки проекта земского положения комиссии во главе с С. А. Лянды: «Генерал-губернатор Кутайсов привез из Петербурга нашим либералам маленький подарочек – позволение разговаривать о введении земских учреждений в Сибири. По нынешним временам едва ли кто, кроме грудных младенцев, знает, что самоуправление может существовать только в самоуправляющемся государстве, т. е. в таком государстве, которым правят народные представители. Нет сомнения, что господа либералы знают эту истину, знают, а вот выговорить ее никак не могли. Целых три вечера пыхтели они в музее, куда собирались поболтать о земском вопросе, а страшной истины выговорить все никак не могли. Наконец, над ними сжалился... чиновник судебного ведомства и ясно заявил, что земское самоуправление не совместимо с господствующим у нас самодержавно-бюрократическим строем. С этого надо и было давно начать, господа либералы. Ну, а когда додумались до такой истины, то не мешает решить – целесообразно ли размахивать руками на земство лукавого царедворца Кутайсова, пока Булыгинская и Треповская лапы цепко держат миропомазанный штемпель – «быть по сему» – Николая Последнего»⁹⁷.

Наиболее известный, альтернативный томскому, проект организации земского самоуправления в регионе был подготовлен И. И. Поповым. Он предусматривал «необходимость периодических съездов земств в пределах всей Сибири или отдельных для Восточной и Западной Сибири». В компетенцию земского съезда входило: «а) переселенческое дело; б) пути сообщения; в) промышленность и торговля; г) организация собственных и содействие сторонним научным и промышленным экспедициям; д) народное здравие и образование; е) издание обязательных для всей Сибири и для отдельных частей ее промыш-

---

⁹⁶ Мельников А. А. Указ. соч. С. 51; Ветошкин М. К. Странички революционного прошлого // Каторга и ссылка. 1930. № 3. С. 73; 1905 год в Красноярске. С. 22–25, 208.

⁹⁷ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

ленности постановлений»⁹⁸. В перспективе же иркутяне допускали образование на «необъятном пространстве Сибири и Туркестана нескольких десятков автономных областей»⁹⁹.

Из аборигенных этносов региона кампания по обсуждению вопроса о земском самоуправлении первыми затронула бурят. На съезде их представителей от проживающих в Забайкальской области (Чита, 26–30 апреля 1905 г.) принимается проект, предусматривающий создание автономных от русских крестьян органов местного самоуправления по территориальному признаку. 31 мая делегация от бурят представила иркутскому генерал-губернатору П. И. Кутайсову выработанные на форуме предложения¹⁰⁰. На съезде бурят Иркутской губернии (Иркутск, 20–26 августа 1905 г.) большинство высказалось за создание у аборигенов отдельного уездного земства наряду с русским. Его должностные лица должны были избираться сроком на четыре года. Избирательные права получали мужчины, достигшие 21 года, и совершеннолетние женщины, самостоятельно ведущие хозяйство или имеющие стабильный источник доходов¹⁰¹. О настроенных казахов военный губернатор Семипалатинской области генерал-майор А. С. Галкин 19 июня 1905 г. доносил: «Степь неспокойна: киргизы внимательно следят за всем происходящим в России, в степь проникают лица из соседних областей и даже из Букеевской орды, разъясняющие по собственному усмотрению высочайший рескрипт 18-го февраля сего года и явно неправильно толкующие все правительственные распоряжения»¹⁰².

Одновременно И. И. Попов выступил против областнических претензий на выражение интересов всего населения Сибири. В редактируемой им газете проводилась мысль о том, что экономическое и культурное развитие региона «сгладило тра-

---

⁹⁸ Попов И. И. Самоуправление и земские учреждения. М., 1906. С. 52; *Он же*. Проект положения о земских учреждениях в Сибири. Иркутск, 1905. С. 40–41.

⁹⁹ Восточное обозрение. 1905. 2 сент.

¹⁰⁰ Романов Н. С. Указ. соч. С. 55.

¹⁰¹ Егунов Н. П. Первая русская революция и второй этап национального движения в Бурятии. Улан-Удэ, 1970. С. 133, 143.

¹⁰² Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск, 2004. С. 24–25.

диционную разницу между Россией и Сибирью и задачи их сблизились»¹⁰³. Поэтому областничество устарело, и единственно, что ему позволяет существовать, – это идея земства; введут его, и движение исчерпает себя совершенно¹⁰⁴. Подобные высказывания вызвали негативную реакцию со стороны Г. Н. Потанина¹⁰⁵. Конфликт с редактором «Восточного обозрения» показал, насколько был непрочен союз областников с представителями других политических течений. В ходе полемики лидера движения поддержали только томские эсеры, предоставившие ему свою газету «Сибирский вестник» в качестве трибуны и опубликовавшие специальную редакционную статью «Централисты-доктринеры» в защиту областнических идей¹⁰⁶.

Под воздействием общей ситуации в стране «осмелели» легальные общественные формирования, не имевшие права обсуждать политические вопросы. В апреле 1905 г. члены Томского общества попечения о начальном образовании (Д. Д. Вольфсон, А. А. Жемчужников, М. Н. Загибалов, А. Н. Шипицын, В. Дикгоф и др.) на общем собрании в специальной резолюции признали, что коренное зло современной России – невежество – поддерживается самодержавием, и решительно потребовали заменить существующий бюрократический режим правовым порядком, а для этого немедленно созвать Учредительное собрание. Даже далекое от политики Общество содействия физическому развитию по предложению ее организатора и руководителя врача В. С. Пирусского присоединилось к Лиге борьбы против смертной казни, полагая, что «казнь за политические преступления не может быть полезна: идеи нельзя обезглавить»¹⁰⁷.

Революционная волна захватила образованные слои, развязала языки, тем более верховная власть официально разре-

---

¹⁰³ Восточное обозрение. 1905. 12 мая.

¹⁰⁴ Попов И. И. Областничество и «Сибирский вестник» // Восточное обозрение. 1905. 2 сент.

¹⁰⁵ Шиловский М. В. Некоторые вопросы истории сибирского областничества в период подъема Первой русской революции // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири. Новосибирск, 1978. С. 118.

¹⁰⁶ Сибирский вестник. 1905. 17 авг.

¹⁰⁷ Дегальцева Е. А. Неполитические общественные организации Томской губернии в Первой русской революции // Общественно-политическая жизнь Сибири XX век. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 22–23, 40.

шила обсуждать вопрос о введении земства в Сибири. Характерную оценку происходившему в 1905 г. дал в своем отчете распорядительный комитет Красноярского подотдела ВСО ИРГО: «Этот год был временем, когда почти все местное культурное общество, как и вся страна, было захвачено политическим движением. Интерес ко всему, что так или иначе не было связано с политикой, если не совершенно погас, то сделался едва заметным ... Собрания носили исключительно агитационный характер, при котором общие политические вопросы на заседаниях не столько рассматривались по существу, сколько освещались под заранее определенным углом зрения; кроме того, эти общие политические вопросы или тезисы не могли при наличии данного настроения публики обсуждаться с точки зрения всей совокупности, по крайней мере, главнейших реальных условий страны, а также местных»¹⁰⁸. Примерно такую же ситуацию несколько позже корреспондент «Сибирских вопросов» обнаруживает в Омске: «Октябрь 1905 г. разбудил интеллигенцию... Начались собрания, хотя не чисто политические, но с политической окраской, в Географическом обществе, в Обществе попечения о начальном образовании»¹⁰⁹.

С весны 1905 г. общественные формирования в регионе начинают выдвигать требование созыва Всероссийского учредительного собрания. Так, 6 мая на форуме Союза инженеров в Иркутске принимается следующая резолюция: «Собрание признало необходимым созыв Учредительного Собрания на началах всеобщей, равной и тайной подачи голосов, сбережения свободы совести, слова, союзов, собраний, неприкосновенности личности и жилища, отмены всех ограничительных мер и чрезвычайных ограничений»¹¹⁰. 14–15 августа в музее ВСО ИРГО (Иркутск) состоялось совещание Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Иркутской губернии». Среди 600 участников преобладали учащиеся средних учебных заведений. По оценке правоохранителей заседания носили чисто

---

¹⁰⁸ Цит. по: *Ивлев С. В.* Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества в общественно-политической жизни Сибири (1897–1907) // Социально-политическое развитие Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 1982. С. 145.

¹⁰⁹ Сибирские вопросы. 1907. № 1. С. 78.

¹¹⁰ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 159. Л. 1.

политический характер, звучали призывы к свержению самодержавия. 7 и 10 сентября в том же музее проходили заседания Общества распространения образования и народных развлечений с участием молодежи. Присутствовали представители ПСР и РСДРП, звучали лозунги «Долой самодержавие, да здравствует социализм»¹¹¹.

Параллельно с укреплением связей с центрами всероссийского либерального движения на местах начинается образование профессиональных организаций интеллигенции, в том числе под сильным воздействием «Союза союзов», учредительный съезд которого состоялся в Москве 8–9 мая 1905 г. Летом того же года во всех сибирских губернских центрах создаются союзы адвокатов, инженерно-технического персонала, почтово-телеграфных служащих и т.д. Видную роль в событиях второй половины 1905 г. в Иркутске, по мнению жандармов, играл «Восточно-Сибирский отдел Всероссийского союза инженеров и техников», начавший свою деятельность 4 июля 1905 г.¹¹² Всего же в этом городе к осени действовало 14 профессиональных, политических союзов, объединившихся в начале октября в «Союз союзов». Во главе его стояло бюро из 19 чел. под руководством князя Г. З. Андронникова. В него вошли представители неонароднических партий и течений (эсеры, ссыльные народники) и либералы Б. А. Ельяшевич, П. И. Пальчинский, И. А. Новомейский¹¹³. По данным жандармов: «В “Союз союзов” не вошел только представитель организации социал-демократов, считавший по своим принципиальным взглядам этот объединенный совет буржуазным. Таким образом, руководящая роль в “Союзе союзов” осталась за организацией социалистов-революционеров»¹¹⁴.

С весны 1905 г. активизировались учащиеся средних учебных заведений с эпицентрами в Иркутске, Барнауле и Красноярске. 5 апреля в Иркутске в день заседания суда по делу «романовцев» были разбросаны прокламации. Когда подсудимых

¹¹¹ Плотников А. Е. Хроника выступлений учащихся средних учебных заведений Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 64.

¹¹² Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. С. 65.

¹¹³ Мосина И. Г. Указ. соч. С. 61.

¹¹⁴ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 141. Л. 35.

вели в здание суда, большая толпа, преимущественно учащиеся, сопровождала их шествие аплодисментами. Предпринималась попытка организовать демонстрацию, разогнанную полицейскими и солдатами у городского театра. 18 апреля в театре собравшаяся на галерке публика, «большой частью евреи, учащаяся молодежь, гимназисты, семинаристы и вообще подростки обоего пола начали кричать и выбросили в партер большее количество прокламаций». В антракте они потребовали от оркестра исполнения «Марсельезы», а затем спели ее сами. В итоге спектакль прекратили, галерку оцепили солдаты и городовые, а участников акции в количестве 107 чел. переписали для принятия административных мер¹¹⁵.

В Красноярске 25 апреля учащиеся учительской семинарии отказались от сдачи курсовых экзаменов, потребовав перевода в следующий класс на основании текущей успеваемости. 28 апреля в здании Общественного собрания, после окончания собрания родителей учащихся, часть участников собрания потребовали его продолжения, в ходе которого были произнесены речи противоположительного содержания, сопровождаемые возгласами: «Долой царя!», «Долой самодержавие!»¹¹⁶.

В Барнауле весной 1905 г. было образовано школьное общество, или, по квалификации жандармов, «кружок лиц, вредных в политическом отношении» из числа врачей, учителей, чиновников. На одном из собраний члены объединения утверждали, что «недостатки учебного дела в Барнауле могут быть устранены только переменой господствующего ныне бюрократического режима в частности и современного государственного строя вообще». На собрании общества 24 апреля была поддержана петиция от имени учащихся реального училища и женской гимназии с требованиями отмены форменной одежды, переводных экзаменов, обязательного посещения церкви и свободного посещения занятий, театров, концертов и т. д. Городской полицмейстер запретил дальнейшее проведение собраний школьного общества¹¹⁷.

¹¹⁵ Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Тр. Моск. гос. ист.-архив. ин-та. М., 1954. Т. 6. С. 86; Ищенко О. В. Указ. соч. С. 399.

¹¹⁶ Ищенко О. В. Указ. соч. С. 400; Плотников А. Е. Указ. соч. С. 63.

¹¹⁷ Ищенко О. В. Указ. соч. С. 400–401; Плотников А. Е. Указ. соч. М. 63.

Динамика стачечных выступлений за первые 9 месяцев 1905 г. показывает относительно равномерное развитие рабочего движения в Сибири:

	Количество стачек	Число участников, чел.
Январь–март	38	9596
Апрель–июнь	48	13 178
Июль–сентябрь	54	16 022
	140	38 796

Комментируя эти показатели, историки отмечают: «подъем шел медленно, но непрерывно. Политические стачки преобладали лишь в январе, а далее наступательность проявлялась преимущественно в экономических требованиях. Однако диапазон требований показывает качественные сдвиги и в этой форме борьбы. Если в начале года они почти исчерпывались претензиями относительно заработной платы и продолжительности рабочего дня, то уже весной и летом дополнительно к ним выдвигаются требования оплачиваемых отпусков, пособий на случай болезни и увольнения, гарантий от преследования за стачку, оплаты стачечных дней и т.д.»¹¹⁸.

Рабочее движение развивалось еще и по линии усиления сплоченности трудящихся. Первомайские стачки, митинги, мавки прошли в Кургане, Таре, Омске, Новониколаевске, Тайге, Анжерских коях, Красноярске, Нижнеудинске, Слюдянке, Зиме, Верхнеудинске, Чите. В мае в Тюмени состоялась первая в Сибири общегородская забастовка. Ей предшествовало предъявление грузчиками речных пристаней требования уменьшить рабочий день. Пароходовладельцы пошли на сокращение продолжительности рабочего дня с 14 до 11 ч, но волнения продолжались. Вслед за грузчиками прошение в городскую управу подали приказчики, добивавшиеся 10-часового рабочего дня, отдыха в воскресенье и праздничные дни, двухмесячных оплачиваемых отпусков, пособия при болезнях и т. д. 28 мая двухтысячная толпа грузчиков двинулась к центру города. Полиция остановила их на центральной Царской улице, уездный исправник Калугин договорился с рабочими избрать делегацию для переговоров с пароходовладельцами. Грузчики вернулись на

¹¹⁸ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 248.

пристани, но работать не стали, а пошли, по терминологии того времени, «снимать» с работы рабочих лесозаводов братьев Кыркаловых, Ромашова, Агафонцева, колокольного завода Гилева, мельницы А. И. Текутьева, завода Н. Д. Машарова и еще бóльшей толпой появились в центре Тюмени. Губернатор приказал вывести на улицы военные патрули¹¹⁹. К концу следующего дня стачка охватила все крупнейшие промышленные и торговые заведения Тюмени, за исключением железнодорожного депо и казенного винного склада. Общее число забастовавших составило 6 тыс. чел. Напуганные массовостью выступления и опасаясь потерять драгоценное время короткой сибирской навигации, власти во главе с прибывшим в город губернатором пошли на уступки. Владельцев предприятий обязали выполнить большую часть требований, в том числе по сокращению рабочего дня¹²⁰.

2.3. ЖАРКОЕ ЛЕТО 1905 г.

Вслед за Тюменью общегородская стачка состоялась в Томске. Здесь с весны начали проводиться загородные массовки и собрания. 30 мая на сходке примерно 400 служащих Управления Сибирской железной дороги принимается решение с 1 июня начать трехдневную забастовку по всем службам управления. В специально изданной прокламации «В единении – сила», подписанной организационным комитетом служащих Управления Сибирской железной дороги, цели акции определялись следующим образом: 1) выразить протест против «ужасов царящего режима железа и крови»; 2) «подготовить и воспитать на деле, в бою наши активные силы к мобилизации в тот решительный момент, когда все усилия страны сольются в общий могучий поток, который должен смести позорную клику самодержавного произвола»; 3) «сбить с инертной точки, революционизировать еще инертную массу наших товарищей»¹²¹. Для «разогрева» местный комитет РСДРП использовал митинг, во время открытия памятника на могиле убитого во время демонстрации 18 ян-

¹¹⁹ *Иваненко А. С.* Четыре века Тюмени. Тюмень, 2004. С. 182.

¹²⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 241.

¹²¹ Цит. по: *Коняев А. Т.* Всеобщая стачка в Томске летом 1905 г. // Общественно-политическое движение в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 76.

варя 1905 г. типографского рабочего И. Е. Кононова, собравший около 1 тыс. чел.¹²²

Забастовку начали 4 июля рабочие типографии Яковлева, предъявившие экономические требования. Напуганный предприниматель объявил об увеличении заработной платы на 10 %, и уже 5 июля часть протестантов приступила к работе. 7 июля к протестным действиям присоединились работницы казенного винного склада, 11 июля – рабочие ряда типографий, 12 июля – пролетарии слесарно-кузнечных и столярных мастерских, приказчики ряда магазинов и торговых домов. 13 июля делегация от бастующих явилась к временно исполняющему обязанности губернатора и потребовала от администрации: «1) невмешательства полиции в наши собрания. Спокойствие города может быть обеспечено только при вполне корректном поведении городской администрации, начиная с вами и кончая последним городовым; 2) освобождения арестованных товарищей». Чиновник ответил отказом¹²³. В ходе забастовки состоялся митинг у ворот спичечной фабрики Кухтерина с последующей демонстрацией. Вызванные солдаты следовали за протестантами, не решившись разогнать их. 14–16 июля к стачке присоединились медики, служащие контрольной и казенной палат, частично губернского управления. 14 июля с целью принуждения отказавшихся бастовать в казенной палате и отделах Управления железной дороги была осуществлена химическая обструкция. 45 протестантов задержали, но по соглашению с начальником ГЖУ и прокурором окружного суда их отпустили¹²⁴. Стачка закончилась 18 июля. Добиться удалось лишь некоторого сокращения продолжительности рабочего дня и увеличения заработной платы. Акция способствовала расшатыванию представлений рядовых горожан о незыблемости существующего порядка. Как фиксировалось в листовке Томского комитета РСДРП по этому поводу: «Несмотря на запреты царских законов, мы во время забастовки устраивали многолюдные митинги... А царская полиция бессильно злобствовала»¹²⁵. Гума-

¹²² Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии: сб. документов. Томск, 1955. С. 47.

¹²³ *Коняев А. Т.* Указ. соч. С. 78.

¹²⁴ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 52.

¹²⁵ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: док и материалы. Новосибирск, 1958. С. 142.

низ властей, не пошедших на обострение ситуации и силовое подавление массовых выступлений, воспринимался как признак ее слабости.

Сибирские социал-демократы и летом 1905 г. не оставляли мысль о проведении всеобщей стачки по всей протяженности Транссиба. К этому они призывали в своих листовках, объясняя предпринимаемую акцию стремлением прекратить войну. Так, в «Письме железнодорожных рабочих ст. Обь к товарищам по линии Сибирской дороги», принятом на собрании в августе 1905 г. 37 рабочими и 11 служащими, пояснялось: «Мы желаем мира, мы хотим спасти наших братьев, но так спасти, чтобы тысячи другого народа не подошли с голода под милостивой рукой “царя-батюшки”». Как это сделать? Ответ простой: вместе с войной прекратить и жизнь царского правительства; если колена на груди, души же его до смерти!»¹²⁶ В то же время руководство Сибирского союза РСДРП, как оно признавалось, пыталось опереться «не на силы своей организации, а на общий самопроизвольный подъем революционного чувства»¹²⁷, т. е. на стихийный всплеск негодования.

В июле–августе 1905 г. с востока на запад по железнодорожным узлам прокатилась волна стачек. 21 июля начали ее рабочие мастерских и депо Читы. Был избран стачечный комитет во главе с П. Свечихиным, который подготовил «33 требования», в том числе: 8-часовой рабочий день, повышение зарплат, ежегодный оплачиваемый отпуск, бесплатное обучение детей, оплата больничных дней и т.д. Ежедневно, утром и вечером, проводились сходки, на которых обсуждались текущие дела и общеполитические вопросы. Последовательная позиция администрации, отказ идти хотя бы на частичное удовлетворение требований забастовщиков, прекращение им выплат привели к расколу среди них и полному прекращению акции 8 августа.

Вслед за читинцами забастовали рабочие депо Верхнеудинска (25 июля – 1 августа) и Боготола (29–30 июля). Провалилась попытка 4 августа начать стачку в Красноярских железнодорожных мастерских. В этот день за городом примерно 1,5 тыс. железнодорожников провели свой первый открытый митинг, посвященный подготовке всеобщей стачке, направленной на пре-

---

¹²⁶ Там же. С. 129.

¹²⁷ Сибирский социал-демократический листок. 1905. Июль.

кращение войны. Была дана негативная оценка «Булыгинской Думе». Здесь же организовали сбор средств на приобретение оружия и для оказания помощи матросам с мятежного броненосца «Потемкин». Стачка в Иркутском депо началась 9 августа и прекратилась 16-го после ареста ее руководителей. Материальную помощь железнодорожникам оказывали полиграфисты, приказчики, учителя города.

В Красноярске 10 августа по инициативе комитета РСДРП за городом состоялась массовка (собрание) 3 тыс. рабочих мастерских и депо, принявших решение начать с 11 августа забастовку с требованиями введения 8-часового рабочего дня, свободы собраний и митингов. Когда участники начали расходиться по домам, они подверглись атаке со стороны городских и казаков. Рабочие пустили в дело кирпичи, поленья, камни, затем противоборствующие стороны применили огнестрельное оружие. Во время столкновения жандармский унтер-офицер застрелил рабочего железнодорожных мастерских М. Чальникова. Опасаясь более серьезных столкновений, губернатор, генерал Н. А. Айгустов разрешил похоронить погибшего при отсутствии войск и полиции, а вскоре он был отправлен в отставку. 11 августа забастовка началась, а 13-го состоялись похороны М. Чальникова, в которых приняло участие до 10 тыс. горожан. С целью противодействия «тлетворному» влиянию революционеров и внедрили в коллектив железнодорожных мастерских группу монархически настроенных лиц, которые во время забастовки демонстративно продолжали работать. Попытка удалить штрейкбрехеров закончилась грандиозной дракой 18 августа. Несколько десятков рабочих были избиты, жандармский ротмистр смертельно ранил выстрелом из пистолета рабочего Г. Гусенко¹²⁸.

Забастовка омских железнодорожников началась 16 августа 1905 г. Администрация приняла меры по ее пресечению: на станцию вызвали роту солдат и сотню казаков. В ночь на 17 августа были проведены обыски и аресты у руководителей акции. К вечеру того же дня из Управления дороги пришла депеша с предупреждением, что в случае продолжения забастовки ее уча-

---

¹²⁸ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 245–246; Груш Д. Б. Указ. соч. С. 35–37.

стники будут уволены, а железнодорожные мастерские закроют. 18 августа работы возобновились¹²⁹.

Своеобразным итогом стачечной волны на железных дорогах стал состоявшийся в конце августа – начале сентября 1905 г. в Чите Первый съезд «организованных рабочих Забайкальской железной дороги», в работе которого приняло участие 18 делегатов от 500 рабочих. Он был проведен по инициативе и усилиями Читинского комитета РСДРП, попытавшегося создать сателлитную рабочую организацию, профессиональную и одновременно социал-демократическую¹³⁰. Форум высказался за подготовку всеобщей политической стачки, бойкот «Булыгинской Думы», создание рабочих профсоюзов под руководством РСДРП. Делегаты довели выработанные в ходе июльско-августовской забастовки «33 требования» до 37 пунктов, которые под названием «Общие экономические требования рабочих мастерских и депо Забайкальской железной дороги» по селектору распространили по всем станциям. В ходе их обсуждения на первый план повсеместно выдвигались следующие пункты: о 8-часовом рабочем дне, повышении оплаты труда, ежегодных отпусках, оплате в размере среднемесячного заработка «больничных», бесплатном обучении детей железнодорожников рабочим специальностям¹³¹.

Усиливается пропагандистское воздействие радикалов на городское население и железнодорожников. Согласно подсчетам А. Т. Коняева, только в Томске местными и союзными комитетами РСДРП весной-летом 1905 г. напечатали и распространили 12 наименований прокламаций тиражом от нескольких сотен до 16 тыс. экз.¹³². Согласно отчету Красноярского комитета РСДРП за август 1905 г. им было распространено в городе 16 наименований листовок общим тиражом 20,6 тыс. экз.¹³³ Эсеровскими организациями региона было отпечатано в июне–

¹²⁹ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1. С. 226.

¹³⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 247.

¹³¹ Горюшкин Л. М., Познанский В. С. Столкновение труда и капитала на Забайкальской железной дороге // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 44–45.

¹³² Коняев А. Т. Указ. соч. С. 75.

¹³³ Большевики Западной Сибири... С. 154.

августе 11 наименований агитационной литературы¹³⁴. Важное значение для дальнейшего развития событий в регионе имел призыв социал-демократической «Искры» (июнь 1905 г.). Рабочим предлагалось провести выборы «своих собственных... представителей... Уездные и губернские собрания таких представителей... создадут как бы целую сеть представительных органов революционного самоуправления с революционным всероссийским представительным собранием во главе». Эти органы должны были «диктовать свое требование Учредительного Собрания всем прочим прогрессивным группам»¹³⁵.

В рассматриваемой период преобладали мирные формы протестных действий, хотя, как показали примеры томской демонстрации 18 января, события в Красноярске во второй половине августа, либерально-радикальные круги были готовы и активно использовали холодное и огнестрельное оружие. 5 марта в Томске при ликвидации подпольной типографии Сибирского союза ПСР находившиеся в ней трое членов партии в течение 8 часов отстреливались от жандармов, казаков и солдат. В специально изданной по этому случаю прокламации сообщалось: «Осажденные из окна говорили солдатам речи, в которых разъясняли солдатам, что в них они стрелять не будут, потому что социалисты-революционеры борются не с солдатами, а с позорящим Россию самодержавием, представителем которого являются жандармы, в которых они, осажденные, и будут стрелять»¹³⁶. В конце апреля в Чите при задержании разбрасывающего прокламации был ранен городской¹³⁷. 10 июля в Иркутске в сад при резиденции генерал-губернатора П. И. Кутайсова неизвестный бросил сверток, замеченный унтер-офицером Левандовским. В свертке оказалось небольшое количество пороха и бикфордов шнур. Экспертиза установила, что сила взрыва была бы незначительной, зданию повреждений не нанесла, но люди, оказавшиеся рядом со свертком, могли пострадать. Покушавшегося найти не удалось¹³⁸.

¹³⁴ Курусканова Н. П. Нелегальная печать сибирских эсеров... С. 16–17.

¹³⁵ Искра. 1905. 1 июня.

¹³⁶ Курусканова Н. П. Указ. соч. С. 66.

¹³⁷ Серебренников И. П. Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – февраль 1917 гг.). Иркутск, 2002. С. 50.

¹³⁸ Там же. Т. 50–51.

Первый в Сибири террористический акт осуществила боевая дружина Красноярской группы ПСР, совершившая в ночь на 30 сентября убийство полицмейстера фон Дитмара. В выпущенных по этому поводу двух листовках мотивом покушения объявлялось наказание чиновника за организацию расправ над забастовщиками в августе. Одновременно пропагандировался террор как «единственное в наших руках действительное средство удалить всякого зазнавшегося мерзавца. Пусть лучше будет казнен один верноподданный палач, чем по его милости будут избиваться сотни неповинных людей»¹³⁹. Местные социал-демократы осудили тактику индивидуального террора, но вовсе не с позиций человеколюбия. «В переживаемое нами революционное время особенно важно... уяснить себе и средства борьбы, – наставляли они в специально выпущенной прокламации своих политически незрелых коллег по радикальному сообществу. – Теперь особенно важно не тратить своих сил на акты, доставляющие только личное удовлетворение, но не имеющие почти никакого значения в деле свержения самодержавия. Допустим даже, что нам удастся перебить всех фон-Дитмаров. Разве от этого изменится существующий строй? Не убийством должностных чиновников добьемся мы политической свободы, а всенародным вооруженным восстанием»¹⁴⁰.

Примерно с августа крупные сибирские социал-демократические организации приступили к формированию боевых групп, а затем дружин, начав сбор средств на покупку оружия. Первая боевая организация (дружина), созданная Красноярской группой ПСР, заявила о своем существовании листовкой «Молодая Сибирь», появившейся не ранее 10 августа 1905 г.¹⁴¹

Революция затронула клир и верующих Русской православной церкви (РПЦ). Уже 15 января 1905 г. появилось послание Святейшего Синода «возлюбленным чадам святой православной церкви», в которой разъяснялось, что 9 января в Петербурге имела место попытка «скопом и насилием добиваться своих будто бы поправленных прав». Виновниками объявлялись «злонамеренные элементы», имевшие в своей среде «недостойного священно-

---

¹³⁹ Общественно-политическое движение на территории Омской области (1905–1907 гг.): документы. Материалы. Хроника. Омск, 1996. С. 20.

¹⁴⁰ Цит. по: *Серебрянников И. П.* Указ. соч. С. 51.

¹⁴¹ *Курусканова Н. П.* Указ. соч. С. 16.

служителя» (Г. А. Гапона. – *М. Ш.*), «беспорядки» были вызваны «подкупамися со стороны врагов России», выделивших значительные средства, чтобы расстроить российскую промышленность, затруднить снабжение Маньчжурской армии и «навлечь на Россию неисчислимыя бедствия». «Враги» также собирались расшатать «российские твердыни» в лице самодержавной власти и православной веры. Кроме того, Синод восстановил особое моление «об истреблении крамолы», не читавшееся в храмах с 1896 г. Священнослужителей, в том числе сибирских епархий, ориентировали на успокоение паствы и противодействие крамоле. В духовных семинариях Красноярска, Иркутска и Читы с благословления местных архиереев Ефимия, Тихона и Мефодия был введен специальный курс «Обличение всякого рода социалистов», разработанный протоиереем, видным черносотенцем И. Восторговым¹⁴².

Вместе с тем, отдельные представители клира и верующих примкнули к «обновленческому» движению, выступавшему за созыв Поместного собора РПЦ и осторожную модернизацию ее вероучения, канонов и обрядности. На состоявшемся летом 1905 г. епархиальном съезде в Иркутске был поставлен вопрос об избрании епископов. Еще дальше в плане реформаторских предложений пошел епархиальный съезд в Омске в августе. Прежде всего, местные священники настаивали на «предоставлении духовенству возможности служить только делу спасения людей, а не государственной власти», т. е. потребовали отделения церкви от государства¹⁴³. Далее, под председательством священника омской вокзальной церкви о. Н. Кипарисова форум потребовал от главы местной епархии, епископа Михаила проведения целого ряда кардинальных преобразований: введение выборного начала при назначении благочинных; предоставление приходской общине большей самостоятельности, в том числе и права распоряжаться собранными верующими средствами; восстановление права приходов избирать своих пастырей; «обеспечение духовенства определенным содержанием, а не заставляя его унижаться и побираться»; возможность свободного выхода из духовного звания и т.д.¹⁴⁴

¹⁴² *Косых В. И.* Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита, 1999. С. 98.

¹⁴³ *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 76.

¹⁴⁴ Очерки истории города Омска. С. 228.

На рубеже лета-осени усиливается деятельность либералов. В августе на заседании Томской городской думы П. В. Вологодский заявил о необходимости организации собственной муниципальной милиции¹⁴⁵. В начале сентября ее гласный А. Н. Шипицын предложил отсрочить проведение выборов нового состава думы, «чтобы дожидаться принятия Государственной Думой нового закона, расширяющего избирательные права населения»¹⁴⁶. 16 сентября городская дума 18 голосами против 11 это предложение приняла¹⁴⁷. 6 сентября на сходке студентов университета и Технологического института принимается резолюция «не начинать занятий под цензурой и превратить аудитории в места для народных собраний». 18 сентября в Университетской роще правоохранители предотвратили студенческий митинг, на который собралось около 600 чел. Задержали 213 чел., в том числе 68 студентов и 44 представительниц прекрасного пола. Будучи доставленными для опознания в губернское управление, задержанные пели «Дубинушку», «Марсельезу», выставив окно, выкрикивали «преступные обращения» и уговаривали солдат и казаков не помогать администрации¹⁴⁸.

Главной болью для томских властей становится проблема открытия вузов для нормальной учебной деятельности. Еще 29 мая 1905 г. губернатор В. Н. Азанчеевский-Азанчеев информировал МВД о том, что директор Е. Л. Зубашев и профессорско-преподавательский состав Технологического института, «будучи оппозиционно настроены, отличаются резко выраженными антиправительственными взглядами». Возобновление занятий осенью и увольнение ряда профессоров могло бы спровоцировать студенческие волнения. Поэтому учебный процесс опасались возобновлять. К 1 сентября поступают новые Временные правила Министерства народного образования, делегирующие вузам право избрания ректоров и деканов (соответствующим советам) и возлагающие обязанность поддержания правильного хода учебной жизни на их советы. После получения нормативного акта ректор университета профессор М. Г. Курлов и

¹⁴⁵ Сибирский вестник. 1905. 23 авг.

¹⁴⁶ Там же. 8 сент.

¹⁴⁷ Там же. 20 сент.

¹⁴⁸ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 157. Л. 46–49, 51–53; Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. Указ. соч. С. 100.

директор, профессор ТТИ Е. Л. Зубашев сообщили губернатору о том, что педагогический персонал вузов удовлетворен дарованной автономией и будет убеждать студентов приступить к занятиям.

На самом деле позиция вузовского сообщества, по крайней мере, в Технологическом институте не была однозначной. Негативное отношение, как показано выше, было у студентов. На общестуденческой сходке 2 октября 335 голосами против 48 при 84 воздержавшихся было принято решение объявить академическую забастовку, «кроме того, идя навстречу стремлению масс к выяснению назревших вопросов, касающихся обновленного строя России и считая высшие учебные заведения организационными центрами революционного студенчества и оппозиционно настроенного общества, объявить их открытыми для митингов и собраний». Присутствовавший на сходке вместе с другими преподавателями профессор Томского технологического института Н. М. Кижнер зачитал заявление части профессорско-преподавательского состава «об отказе вести занятия при современных условиях»¹⁴⁹. Таким образом, планируемое с 1 октября начало занятий в томских вузах было сорвано.

Пожалуй, наиболее значимым событием для местных либералов стал съезд Сибирского областного союза 28–29 августа 1905 г. Подготовка к форуму и организация отделений объединения, по всей видимости, началась одновременно с принятием Проекта основных положений Сибирского областного союза в мае 1905 г. Активное участие в этих акциях приняли томские адвокаты – эсеры П. В. Вологодский и М. Н. Вознесенский¹⁵⁰. В Красноярске инициатором создания группы Сибирского областного союза выступило Общество врачей во главе с Вл. М. Крутовским¹⁵¹. О перипетиях создания аналогичной группы в Иркутске узнаем из писем работавшего там А. В. Адрианова к Г. Н. Потанину. Так, 1 июля 1905 г. Александр Васильевич оптимистично сообщал: «Конечно, я вступаю членом Союза и прошу бюро кроме меня сейчас же записать членами Алекс[андра] Алекс[андровича] Криля и Аркадия Асинкрит[овича] Гро-

¹⁴⁹ *Ищенко О. В.* Указ. соч. С. 401–402, 407.

¹⁵⁰ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1905. Д. 999. Ч. 59. Л. 2.

¹⁵¹ *Кудряшов Э. Г.* Организационное оформление либеральной буржуазии в Сибири в 1905 г. // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. С. 46.

мова. На днях я соберу предварит[ельно] Комитет, в составе около 10 челов[ек]., относительно которых не может быть никаких сомнений. Я боюсь только за медлительность организации, но не за успех».

13 июля тон письма существенно изменяется:

Меня самого оторопь берет от той быстроты, с которой события идут одно за другим, самому мне нестерпимой становится медлительность, с какой мы раскачиваемся. Полторы недели я возился с переговорами, наконец, удалось собраться в числе 9 человек и потолковать. Как будто собрались областники, но, убив вечер в разговорах, потеряли время и отложили вопрос о формировании Иркутского Комитета на неопределенное время, а последующие разговоры в одиночку то с тем, то с другим убедили меня, что ко времени намеченного в Томске съезда в августе мы ничего не успеем сделать. Или я не умею сделать порученного дела и не знаю здесь людей, с которыми можно вступить в сношения, или таковы сложившиеся обстоятельства. Главная цель областного союза – недопущение черносотенных элементов в Госуд[арственную] Думу и увеличение ее состава сибирскими голосами из прогрессивной партии – непременно осуществится иным способом – в Иркутске есть несколько уже готовых организаций, которые между прочим преследуют эту самую цель, – таков сибирский союз инженеров, насчитывающий здесь несколько десятков членов, таковы Общества распространения народного образования, общество учащихся и учивших, таков сибирский союз социалистов-революционеров и социал-демократический; в этом направлении идет работа в Общественном Собрании, обществе приказчиков и др. Зачем, говорят, еще областной союз, который тем самым суживает свои задачи, нужно ли примыкать к новому союзу, когда каждый и без того состоит членом какого-нибудь, а то и нескольких союзов. Да и что такое это областничество сибирское – неизвестно, по крайней мере, сибирские областники не познакомили нас до сих пор со своими основными тенденциями, они уклоняются от этого, не показывают своей программы. Дескать, во времена Ядринцева программа общности была ясной, но с тех пор почти все, о чем хлопотали сибиряки, Сибирь получила. И т.д. и т.д. захали в лес, из которого всегда не скоро выберешься¹⁵².

Процитированный отрывок из письма одного из активных участников общественно-политической жизни региона, видно-

---

¹⁵² *Адрианов А. В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г. Н. Потанину. Томск, 2007. С. 173, 175–176.

го областника, дает представление о мировоззренческих и политических позициях сибирской интеллигенции в рассматриваемое время, о консолидированной позиции либералов и радикалов по вопросам преобразований в стране, о той роли, которая отводилась ими общественным формированиям в этом процессе, об отношении либералов к областничеству и попытке создания Сибирского областного союза. Как можно судить из письма от 30 сентября, областническая группа в Иркутске все-таки была создана¹⁵³.

Предполагаемый же съезд должен был прежде всего оформить создание Сибирского областного союза и утвердить его программу. В письме к В. Н. Семидалову от 25 июня 1905 г. Г. Н. Потанин сообщал по этому поводу: «В Томске учреждается “Сибирский областной союз”. Цель его – объединить и тем укрепить прогрессивные силы, находящиеся в Сибири, укрепить для борьбы с отжившим и сменяемым режимом и в то же время выдвинуть защиту местных интересов. Союз или собрание учредителей избрало бюро... Предполагается образовать отделения в других городах, а в августе устроить съезд делегатов (от отделов) в Томске». В этом же письме сообщалось, что в состав союза «входят и сибирские областники, и чистые прогрессисты, временные гости Сибири. Последних подавляющее большинство»¹⁵⁴. Прогрессистами в письме названы будущие кадеты.

Из последующих отрывочных данных вырисовывается следующая картина. 26 июля 1905 г. М. Н. Вознесенский отправляет в Красноярск Вл. М. Крутовскому письмо, которое было перлюстрировано местными жандармами. Из него следовало, что пишет он по поручению Г. Н. Потанина и что «съезд делегатов от С. Об. М. С. предполагается на 29 августа с. г., поэтому бюро просит прислать на это число в Т[омск] делегатов не более 3 человек. Цель съезда – окончательно конституироваться и принять платформу»¹⁵⁵. Енисейское ГЖУ, организовав наблюдение, установило, что 26 августа из Красноярска в Томск выбыли состоящие под негласным наблюдением В. А. Караулов и И. Е. Козлов¹⁵⁶. Дальнейшее наблюдение в Томске показало, что они,

¹⁵³ Адрианов А. В. «Дорогой Григорий Николаевич...» С. 178.

¹⁵⁴ ТГИАОМ. Научный архив. Оп. 14. Д. 12. Л. 30.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1905. Д. 999. Ч. 59. Л. 2.

¹⁵⁶ Там же. Л. 5.

«прибыв в Томск вечером 28 августа, временно остановились на квартире присяжного поверенного Петра Васильев[ича] Вологодского, в его собственном доме № 17 по Ефремовской улице. 29 числа к двум часам дня к Вологодскому собрались следующие лица: 1. Председатель Томского окружного суда Альфонс Васильев Витте, 2. Привлеченный к дознанию при Томском губернском жандармском управлении Григорий Николаев Потанин, 3. Служащий в Генеральном страховом обществе, мариинский мещанин из ссыльных, бывший гласноподнадзорный Александр Иванов Бычков, 4. Михаил Николаев Вознесенский и 5. Томский купец Владимир Горохов. В пять часов дня все эти от Вологодского разъехались, а к восьми часам вечера вновь собрались и пробыли до двенадцати часов ночи. Цель этого собрания установить пока не представляется возможным. Караулов и Козлов 30 числа из Томска выбыли обратно в Красноярск»¹⁵⁷.

Понимая, что такие результаты не вызовут восторга у петербургского начальства, жандармы продолжили наблюдение за участниками собрания на квартире П. В. Вологодского. 6 сентября они перехватили письмо Г. Н. Потанина к Н. М. Баженову в Москву, в котором, в частности, сообщалось: «У нас в Томске 28 августа был съезд делегатов от иногородних кружков, пожелавших вступить в состав Сибирского областного союза. Были делегаты от Иркутска, Красноярска, Мариинска, села Берского и Омска. Съезд рассмотрел и утвердил “Положение союза” и его Устав, и избрал центральный комитет. Не найдет ли бюро земских съездов возможным счесть нашу областную организацию за таковую, от которой делегаты могли быть приняты на съезд земских деятелей как делегаты от неземской Сибири. Можно будет в случае одобрения устроить выборы отдельно от Енисейской, Томской губерний и от Акмолинской области»¹⁵⁸.

При знакомстве с жандармским донесением и письмом Г. Н. Потанина в глаза бросаются явные противоречия. В донесении время проведения съезда датируется 29 августа, а в письме 28-м. Правоохранители сообщают о присутствии на нем представителей Томска, Красноярска, возможно Мариинска (если считать А. И. Бычкова делегатом от этого города). Г. Н. Потанин круг их существенно расширяет, включая посланцев Ир-

---

¹⁵⁷ Там же. Л. 3.

¹⁵⁸ Там же. Л. 19.

кутска, Омска, с. Берского (ныне г. Бердск Новосибирской области). Кто же прав: томские жандармы или Г. Н. Потанин? Когда происходил съезд, и кто на нем присутствовал? На мой взгляд, причина всех расхождений коренится в нерасторопности чинов Томского ГЖУ, узнавших о предполагаемом съезде от своих коллег из Красноярска. Когда делегаты от этого города приехали в Томск, они привели шпииков к дому П. В. Вологодского. А так как до вечера 28 августа наблюдения за ним не осуществлялось, то все, что здесь происходило 28 августа, для жандармов осталось тайной.

Логично предположить, что съезд Сибирского областного союза состоялся 28 августа 1905 г. Красноярские же делегаты опоздали, и с ними провели отдельное заседание члены бюро Союза. Подтверждением моего предположения служит то обстоятельство, что помимо Караулова и Козлова все остальные являлись томичами, а уже из цитированного выше письма Г. Н. Потанина от 25 июня видно, что в бюро объединения входили только жители этого города. Итак, можно считать, что съезд Сибирского областного союза проходил 28–29 августа 1905 г. Эту дату называет С. Г. Сватиков, располагавший и другими источниками. Она же указана и в публикации Основных положений Сибирского областного союза¹⁵⁹.

Форум был созван прежде всего для принятия программного документа – Основных положений Сибирского областного союза. По сравнению с проектом, в нем декларировалась необходимость замены «существующего самодержавно-бюрократического режима, для чего Государственная Дума должна превратиться в Учредительное Собрание». В компетенцию областной думы добавлялось еще три вопроса: «д) местные пути сообщения; е) право участия в установлении тарифов; и) инородческий вопрос»¹⁶⁰. Руководящие позиции на съезде захватили «прогрессисты». По крайней мере трое из них – И. Е. Козлов, В. А. Горохов и В. А. Караулов – стали впоследствии активными деятелями Томской и Красноярской кадетских организаций. Фактически в лице Областного союза и его отделов мы видим эмбрион будущих кадетских организаций региона. Поэтому так

¹⁵⁹ Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (к истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930. С. 113; Право. 1905. 1 сент. С. 3252.

¹⁶⁰ Право. 1905. 1 сент. С. 3254.

быстро произошло оформление структур ПНС в Красноярске и Томске (соответственно 6 и 25 ноября 1905 г.).

Кроме того, съезд собирался для того, чтобы заявить о Сибирском областном союзе как о реально существующей организации и избрать делегатов на предстоящий в сентябре съезд городских и земских деятелей в Москве как представителей от неземской Сибири. Такой съезд действительно состоялся 12–15 сентября 1905 г., на нем присутствовали и сибирские делегаты¹⁶¹. Необходимо было создать какую-нибудь общественную организацию, поскольку в Сибири не было земства, а потом от нее выбирать делегатов. Тогда и возникла, по всей видимости, идея использования в этих целях Сибирского областного союза. Правильность моего предположения подтверждает письмо Г. Н. Потанина в Тобольск редактору газеты «Сибирский листок» М. Н. Костюриной от 6 сентября 1905 г., в котором он требует «организовать хотя бы небольшую группу, которая бы имела видимость организации, на которую можно было бы смотреть как на суррогат земства. И сорганизовавшись, сейчас же выберете из среды группы двух делегатов от Тоб[ольской] губ[ернии] в съезд городов и зем[ских] деятелей в Москве»¹⁶².

Этими вопросами и ограничилась повестка съезда Сибирского областного союза. Главной его целью стала попытка объединения либералов, областников и эсеров, которые на период август–ноябрь 1905 г. создали своеобразный политический блок. «Основные положения» объединения отражали позиции областников, эсеров и либералов по вопросам характера и рамок земской реформы в Сибири. Делегаты съезда выступили за создание автономного сибирского представительного органа (областной думы). С правовых позиций того времени данное обстоятельство не означало предоставление региону областной автономии, а рассматривалось как элемент местного самоуправления. «Областная автономия не есть создание государства в государстве, – замечал по этому поводу один из руководителей и теоретиков кадетской партии Ф. Ф. Кокошкин, – а лишь перенесение части законодательной деятельности государства из центра на места, иначе говоря, распространение на область за-

¹⁶¹ Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в Первой русской революции. М., 1970. С. 113.

¹⁶² РГАЛИ. Ф. 1637. Оп. 1. Д. 82. Л. 7.

конодательства основного принципа самоуправления, в силу которого местные дела должны решаться местными выборными людьми. Областная автономия и местное самоуправление – явления одного и того же порядка, между ними нельзя провести резкой принципиальной разницы»¹⁶³.

Что касается администрации, то она уже в рамках исследуемого периода (январь–сентябрь 1905 г.) оказалась не готовой к организации противодействия масштабным выступлениям с точки зрения практических навыков, опыта, инициативы. Характерный пример приводит в своих мемуарах И. И. Попов. В Иркутске весной 1905 г. «в Общественном Собрании решили также поговорить о переустройстве государственного строя и подать по этому поводу записку в совет министров. Собралось много членов и еще более – посторонней публики. Председательствовал местный купец И. Е. Замятин. В начале собрания явился полицмейстер Никольский и объявил требование и. о. губернатора, то есть Мишина, чтобы собрание разошлось... Присутствующие запротестовали, публика зашумела, но мы попросили публику не принимать участие в собрании. Замятин заявил полицмейстеру, что требование губернатора он считает незаконным, а поэтому не подчиняется ему. Тогда полицмейстер заявил, что он введет военную силу. Но и это не подействовало ... Полицейстер возвратился с полуротой солдат, с ружьями наперевес и с двумя барабанщиками ... В конце концов публика стала расходиться. Последним ушел сильно сконфуженный и извиняющийся полицмейстер». Вскоре в «Иркутских губернских ведомостях» опубликовали распоряжение и.о.губернатора о закрытии Общественного собрания и наказания И. Е. Замятина месячным арестом. Но вскоре приехал из столицы П. И. Кутайсов и разрешил открыть собрание и отменил постановление в отношении председательствующего¹⁶⁴. Такие ситуации дискредитировали властные структуры в глазах обывателей.

На авторитет властей отрицательно влияла позорно проигранная Русско-японская война и Портсмутский мирный договор, подписанный 5 сентября 1905 г., отдававший Японии юж-

---

¹⁶³ *Косошкин Ф. Ф.* Областная автономия и единство России. М., 1906. С. 7.

¹⁶⁴ *Попов И. И.* Указ. соч. С. 256–257.

ный Сахалин и Порт-Артур. «Если где знакомиться с язвами нашей родины, так это на войне, – утверждалось в передовой статье «Сибирской жизни». – Невежество армии, хищения, беспорядки и отсутствие веры в наше дело – вот картина положения вещей»¹⁶⁵. Среди иркутян получили распространение незамысловатые стихи о войне, свидетельствующие о бессилии и полном падении авторитета власти:

Куропаткину обидно,
Что не страшен он врагам.
В поле бес нас водит, видно
Да кружит по сторонам.
Грустно, вяло и несмело
Рать солдат пустилась в путь.
Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь...¹⁶⁶.

В сложившихся условиях власти и правоохранители оказались не готовыми к пресечению массовых протестных действий, что наглядно продемонстрировала томская демонстрация 18 января 1905 г. Вся последующая профилактическая деятельность местной администрации, с точки зрения предотвращения митингов и прочих «сборищ», свелась к изданию и распространению через газеты и в виде листовок серии обязательных постановлений губернатора от 19 января, 19 марта и 19 июля, воспрещающих «всякие не вызываемые необходимостью и нарушающие тишину и спокойствие сборища» на улицах, в общественных собраниях, театрах, частных дворах и квартирах не только в городе, но и за пределами городской черты. Нарушителям грозил арест на три месяца или денежный штраф в 500 руб.¹⁶⁷ Только 12 октября 1905 г. товарищ министра внутренних дел Д. Ф. Трепов телеграфно потребовал от губернатора: «Ввиду участвовавших случаев уличных беспорядков прошу принимать решительные меры подавления, не останавливаясь перед применением вооруженной силы»¹⁶⁸.

¹⁶⁵ Сибирская жизнь. 1905. 7 июля.

¹⁶⁶ Из минувшей войны // Сиб. архив (Иркутск). 1912. № 10. С. 812.

¹⁶⁷ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 198; Сиб. жизнь. 1905. 19 марта, 19 июля.

¹⁶⁸ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 56.

Уже цитировавшийся ранее В. И. Гурко специфику деятельности власти в рассматриваемое время видел в том, что она «имела дело с общественностью, определенно психически больной, а посему и вынуждена была поступать с ней не по правилам, а путем некоторого ее убажания, не передавая ей, однако, в руки кормила правления»¹⁶⁹. Сюда же можно добавить мнение С. Ю. Витте: «...К концу сентября 1905 г. революция уже совсем, если так можно выразиться, вошла в свои права – права захватные. Она произошла оттого, что правительство долгое время игнорировало потребности населения, а затем, когда увидело, что смута выходит из своих щелей наружу, вздумало усилить свой престиж и свою силу «маленькой победоносной войной» (выражение Плеве). Таким образом, правительство втянуло Россию в ужасную, самую большую, которую она когда-либо вела, войну. Война оказалась для России позорной во всех отношениях, и режим, под которым жила Россия, оказался совсем несостоятельным – гнилым. Все смутились и затем – добрая половина русских людей спятила с ума»¹⁷⁰.

Применительно же к Сибири прав оказался попечитель Западно-Сибирского округа, монархист Л. И. Лаврентьев, который в уже цитированном выше письме так отзывался об административных провалах на примере демонстрации 18 января 1905 г.: «Глубоко прискорбная история! Кто виноват? Ссылаться на английское золото – значит отводить глаза. Если оно тут и участвует, то не в нем сила. Главнейшее зло – это постоянные колебания сверху, полная неуступчивость принципов, отсутствие в исполнителях твердости, убеждений, честности, прямоты, служения долгу, влияния, заискивания, стремления к популярности»¹⁷¹.

Таким образом, в течение января–сентября 1905 г. Сибирь прошла через этап «разогревания» всех слоев городского населения, радикалов и либералов в плане отработки навыков борьбы с самодержавием, формирования требований к власти и кон-

¹⁶⁹ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 444.

¹⁷⁰ Витте С. Ю. Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 1. С. 771.

¹⁷¹ Вестн. Томск. гос. ун-та. 2005. Дек. № 289. С. 181.

солидации их усилий. Революционная волна парализовала властные структуры. К октябрю ее функционеры практически утратили контроль над политической ситуацией вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали и «выступали в роли регистратора неуправляемых событий»¹⁷². Лапидарно уровень авторитета местной администрации И. И. Попов оценил следующим образом: «С лета в Иркутске на власть обращали мало внимания. В газете мы не считались с цензурой»¹⁷³.

---

¹⁷² Волобуев О., Шелохаев В. Указ. соч. С. 187.

¹⁷³ Попов И. И. Указ. соч. С. 259.

Глава 3

ВЗРЫВ. ОКТЯБРЬ 1905 – ЯНВАРЬ 1906 г.

3.1. ОКТЯБРЬСКАЯ ВСЕОБЩАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАЧКА

7 октября 1905 г. началась стачка на Московско-Казанской железной дороге. За несколько последующих дней забастовали рабочие и служащие 40 железных дорог России. Всего в октябре забастовки захватили в свою орбиту 120 городов, сотни поселков и железнодорожных станций. В стачке приняли участие 2 млн чел., среди них около 800 тыс. фабрично-заводских рабочих, 700 тыс. железнодорожников, 500 тыс. представителей средних городских слоев¹. В Сибири первыми 13 октября включились в протестные акции железнодорожники Красноярска, Тайги, служащие управления Сибирской железной дороги в Томске; 14-го – Читы, Верхнеудинска, Иркутска; 15-го стачка распространилась на Курган, Новониколаевск, Татарскую, Боготол, Ачинск, Нижнеудинск. 17–19 октября она приобрела всеобщий характер. Свыше четверти всех стачек в 1905 г. и более трети бастовавших в этом году в регионе пришлось на октябрь². Вслед за железнодорожниками забастовали торговые и почтово-телеграфные служащие, учащиеся и преподаватели, чиновники.

В Сибири забастовка совпала с началом перевозки (эвакуации) войск из Маньчжурии. Опасаясь возвращения военнослужащих в Россию в обстановке Первой русской революции, по инициативе государственного контролера П. Х. Шванебаха было объявлено о том, что солдаты и офицеры с семьями могут селиться в районах Дальнего Востока, Западной Сибири, Иркутского и Степного генерал-губернаторств. Право на отвод земли получали награжденные знаками ордена св. Георгия, ране-

---

¹ Первая российская; справочник о революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 63.

² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 249.

ные и инвалиды. По проекту солдатам полагалась до 50, обер-офицерам до 200 и штаб-офицерам до 400 дес. земли. Всего примерно 2518 запасных согласились обзавестись наделами. Но проект не был реализован из-за начавшегося спада революционной волны, поэтому самодержавие от него отказалось³.

Всеобщая политическая стачка привела к полной остановке движения на Сибирской железной дороге. 18 октября и. о. начальника дороги телеграфировал в МПС: «Пассажирское движение только между Иркутском и Курганом, товарное остановлено по всей линии, вследствие чего вынужден был 17 октября прекратить прием от Забайкальской дороги всяких вагонов»⁴. Что касается Забайкальской железной дороги, то ее заместитель начальника А. С. Мелентьев впоследствии признавал: «Октябрьской всеобщей забастовкой дисциплина на дороге была подорвана, а образовавшимися впоследствии союзами, комитетами и организациями власть начальствующих на дороге была совершенно уничтожена, и начальник дороги в сущности был начальником участка от Иркутска до Байкала (62 в[ерсты]) или немногим более. За Байкалом же дорога была во власти комитетов». В силу данного обстоятельства интенсивность движения здесь сократилось с 6 эшелонов в сутки в октябре до 2 эшелонов – в декабре⁵.

Несмотря на прекращение движения, по данным Н. С. Романова, через Иркутск на запад с 14 октября по 1 декабря 1905 г. проследовало около 200 тыс. военнослужащих, с 1 по 8 декабря – еще 32 тыс.⁶ Советскими историками, начиная с М. К. Ветошкина, данное обстоятельство объяснялось «революционной эвакуацией» Маньчжурской армии, или забастовкой наоборот, когда созданные под руководством большевиков железнодорожные стачечные комитеты вместо прекращения движения пыта-

³ Баяндин В. И., Островский И. В. Попытка использования военнослужащих Маньчжурской армии в земледельческом освоении Сибири // Участие крестьянства в освоении восточных окраин России (конец XVII – начало XX вв.). Новосибирск, 1990. С. 144, 146.

⁴ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 58.

⁵ Мелентьев А. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японской войны. 1900–1907. Асхабад, 1911. С. 146, 117.

⁶ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 59.

лись его интенсифицировать для ускорения перевозки войск в охваченную революцией Россию, подвергая по пути следования солдат мощному пропагандистскому воздействию. На самом деле ситуация с перевозкой войск выглядела несколько иначе.

По свидетельству того же А. С. Мелентьева: «Несмотря на все старания доказать войскам горячее участие служащих дороги в скорейшем возвращении солдат в Европейскую Россию, с линии почти постоянно получались сведения о буйных проявлениях возвращающихся войск. Солдаты не желали на скрещенных (разъездах. – *М. Ш.*) ожидать встречных поездов, не допускали обгона их пассажирскими, почтовыми и скорыми поездами, требовали отправки их ранее пассажирских, а при неисполнении их требований самовольно отцепляли паровозы от пассажирских и прицепляли их к воинским поездам; служащих же, препятствовавших их самовольным действиям, беспощадно избивали. Особым буйством отличались матросы»⁷. Живую зарисовку подобного поведения оставил в мемуарах видный сибирский предприниматель И. В. Кулаев, оказавшийся в конце 1905 г. на пограничной станции Маньчжурия: «Здесь население испытывало большую тревогу. Благодаря тому обстоятельству, что железнодорожники не работали, на станции было задержано и скопилось двенадцать поездов с солдатами, эвакуировавшимися с фронта домой. У железнодорожников замерзли все локомотивы, и везти солдат далее на запад было не на чем. Солдаты, которых скопилось на станции по крайней мере до 12 000 человек, страшно волновались... Все солдаты были трезвы – продажа водки и вина в поселке была строго воспрещена. Их возмущение направлялось исключительно против железнодорожников... Часов около 10 утра разыгралась катастрофа, печальная для митинговавших рабочих и служащих дороги. Они в количестве 50–60 человек с красными знаменами и плакатами революционного содержания проходили через виадук к станции. У схода с виадука их встретила толпа солдат и начала яростно избивать манифестантов. Большинство последних успело разбежаться, а человек десять остались убитыми тут же, на станции»⁸.

⁷ Мелентьев А. Указ. соч. С. 124.

⁸ Кулаев И. В. Под счастливой звездой. Воспоминания. М., 1999. С. 188–189.

О том, как это выглядело со стороны перевозимых, можно судить по описанию возвращавшегося из Маньчжурии в солдатском эшелоне офицера А. А. Игнатъева: «Дальнейший путь до Иркутска сопровождался все теми же демонстрациями. Убедившись, что движение зависит от машиниста, а порядок – от обер-кондуктора, я заключил с ними негласный союз и с каким-то озорством, как бы назло начальству, приглашал их в буфет 1-го класса. Поездной прислуге вход туда строго воспрещался. Выпив и закусив за отдельным столиком, я обычно спрашивал машиниста:

– А что, Иван Иванович, не пора ли двинуться в путь?

– Что же, можно, пожалуй! – отвечал человек в черной шведской куртке, с закопченным лицом.

Тогда начальник станции почтительно выпячивал грудь, брал руку под козырек и докладывал, что путь свободен.

– Ну, давай второй, – приказывал я.

«Пассажиры опрометью бежали из буфета, и начиналась наша милая российская музыка перед отходом поезда: заливался серебром звонок, свистал соловьем обер-кондуктор, гудел басом паровоз, пел рожок стрелочника, отвечал ему, заливаясь вторично трелью обер-кондуктор и, наконец, снова гудел паровоз. Поезд трогался»⁹.

Поскольку практически в каждом крупном населенном пункте региона протестные действия в рамках всеобщей политической стачки имели специфику, кратко охарактеризую ситуацию в них в рассматриваемое время. Прежде всего следует рассматривать полосу отчуждения Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), принадлежавшей России, здесь весь обслуживающий персонал состоял из российских подданных. «Вечером на одной из крупных станций, – вспоминал А. А. Игнатъев о времени непосредственно после получения Манифеста, – затерянной в горах и лесах Уссурья, мы были встречены делегацией, пришедшей из ближайшего железнодорожного поселка. Впереди развевалось знамя из красного кумача, окруженное людьми в картузах, с суровыми лицами. Все перед ними расступались. Демонстранты пели “Вы жертвою пали в борьбе роковой”. Другие, собравшиеся на железнодорожном перроне, пробовали перебивать их гимном “Боже, царя храни”. Эти еще, по-види-

---

⁹ *Игнатъев А. А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 348–349.

тому, искренне верили в “свободы”, дарованные манифестом». В столице анклава – Харбине отношение к царской декларации также было не однозначно: «Одни, подобно моему старцу инженеру, сияли от радости и видели себя уже полноправными хозяевами страны, другие, наоборот, указывали, что никакого ограничения самодержавия манифест не содержит»¹⁰.

В Чите стачка продолжалась 14–24 октября. Большое воздействие на ситуацию в городе и на ее участников оказывал местный комитет РСДРП, численность которого тогда не превышала 100 чел.¹¹ Одним из ее руководителей становится сбежавший в августе из Иркутского тюремного замка видный социал-демократ А. А. Костюшко-Валюжанич, который по документам техника И. Н. Григоровича устроился в Читинские железнодорожные мастерские слесарем. Помимо примерно 2 тыс. железнодорожников в ней приняли участие 400 приказчиков, почтово-телеграфные служащие. Начиная с 15 октября на Чите-Вокзале, Дальнем вокзале и Базарной площади проходили сходки, демонстрации, митинги, разгоняемые войсками. 15 октября во время изъятия толпой из 70 железнодорожников оружия из воинского эшелона был смертельно ранен рабочий А. Е. Кисельников. Его похороны 19 октября превратились в демонстрацию рабочих, служащих, учащихся. Симптоматично участие в траурной процедуре священника вокзальной церкви А. Соболева. Он возглавил процессию, не сбросил рясу, когда «некоторые рабочие настаивали сделать гражданские похороны без священника». В надгробной речи Соболев назвал покойного «борцом, павшим за свободу своего народа»¹².

Собравшиеся на похороны были разогнаны казаками. На следующий день к военному губернатору Забайкальской области генерал-лейтенанту И. В. Холщевникову явились директор гимназии и инспектор городского училища с протестом по поводу избиения своих подопечных, которых среди протестантов оказалось 400 чел. 20 октября в Общественном собрании состоялся митинг рабочих, учащихся, интеллигенции, а в железно-

¹⁰ *Игнатьев А. А.* Указ. соч. С. 346, 347–348.

¹¹ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.): сб. документов и материалов. Иркутск, 1981. С. 134.

¹² *Косых В. И.* Забайкальская епархия накануне и в годы Первой российской революции. Чита, 1999. С. 106.

дорожных мастерских – аналогичное мероприятие в связи с избиванием учеников. 21 октября распространяются листовки комитета РСДРП в знак протеста против избивания.

Читинские радикалы негативно восприняли Манифест 17 октября. 21 октября в Общественном собрании под руководством рабочего, социал-демократа Г. Зарембо состоялся митинг протеста, который принял постановление: «1) бойкотировать выборы в Государственную думу, созыв которой объявлен царским Манифестом 17 октября; 2) объявить изменниками народа всех тех, кто не откажется от участия в выборах в Государственную думу...; 3) готовиться продолжать начатую нами революционную борьбу с самодержавием всеми путями, какие будут в наших руках: посредством политической забастовки, вооруженного восстания и проч.»¹³. Забастовка была прекращена на основе решения общего собрания забастовавших служащих и рабочих Забайкальской железной дороги от 24 октября 1905 г.¹⁴

С 14 по 29 октября бастовали железнодорожники на ст. Борзя, с 14 по 27 октября – 300 рабочих и служащих железнодорожного депо и станции в Верхнеудинске, которыми руководила местная группа РСДРП. Динамично и драматично забастовка проходила в Иркутске. 14 октября здесь прекратили работу все службы управления Забайкальской железной дороги, станций Иркутск и Иннокентьевская, рабочие и служащие казенных и частных предприятий и учреждений, актеры, врачи, учителя, учащиеся, адвокаты, приказчики и т.д. Тогда же создается Объединенный стачечный комитет из представителей рабочих, извозчиков, служащих городской управы, купеческого общества, общественных и профессиональных объединений в составе: председатель, социал-демократ Ф. Ю. Рехневский, социал-демократ М. И. Даринский, народник С. А. Лянды, эсер В. А. Вознесенский, эсер И. М. Хоммер, А. А. Карелин. 17 октября представители рабочих вышли из объединения, недовольные засильем в нем буржуазных элементов, и образовали свой Объединенный рабочий стачечный комитет. Как отмечал Н. Н. Яковлев, Объединенный стачком «по поручению митингов и собраний дол-

¹³ Цит. по: Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 253–254.

¹⁴ Революционное движение в Забайкалье 1905–1907 гг.: сб. документов и материалов. Чита, 1955. С. 105–106.

жен был решать ряд вопросов, связанных с потребностями населения города, – разрешал производить торговлю продуктами первой необходимости, перевозить продовольственные грузы в места рабочего населения, действовать коммунальным предприятиям, необходимым для удовлетворения нужд населения»¹⁵.

Одновременно с забастовкой в Общественном собрании и клубе приказчиков проводились многолюдные митинги. Власти реагировали на происходящее серией распоряжений генерал-губернатора П. И. Кутайсова по регламентации использования войск для подавления массовых акций протеста и штрафных санкций в отношении их участников. Усилились наряды военнослужащих, патрулировавших в городе; в ночь на 17 октября железнодорожный батальон взял под контроль станцию Иркутск. Хотя генерал-губернатор обещал городской думе не использовать для подавления забастовки войска, истинная причина его «миролюбия» заключалась в другом. В телеграмме на имя императора Николая II глава территории панически сообщал: «Положение отчаянное; войск почти нет; бунт полный, всеобщий; сообщений ни с кем [нет]. Опасаюсь подкреплений бунтовщиков прибывающими железнодорожными рабочими. На усмирение надежд пока мало. Прошу разрешение объявить военное положение»¹⁶. Тогда же начальник гарнизона отдал приказ воинским подразделениям содействовать полиции при разгоне митингующих вплоть до применения оружия. 18 октября полицейские и солдаты окружили клуб приказчиков, произвели обыски, изъяли 23 браунинга, арестовали 7 чел. Аресты продолжались 16–19 октября, общее число задержанных достигло 60 чел. В этих условиях по решению рабочего стачечного комитета 20 октября принимается решение прекратить забастовку. В специально изданной по этому поводу прокламации заявлялось, что у забастовщиков пока нет сил для захвата города. «Итак, товарищи, кончим стачку и будем готовиться к восстанию»¹⁷.

Принципиально новым моментом в иркутских событиях рассматриваемого времени (до обнародования Манифеста 17 ок-

¹⁵ Яковлев Н. Н. 1905 год в Иркутске // Тр. Моск. гос. ист.-архив. ин-та, 1954. Т. 6. С. 105.

¹⁶ Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг.: документы и материалы. М., 1932. С. 47.

¹⁷ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 107.

тября) стало появление черносотенцев. Отчасти это объясняется наличием в городе крупнейшей по численности еврейской общины в Сибири, занимавшейся в основном торгово-предпринимательской деятельностью. Уже на митинге во дворе управления Забайкальской железной дороги 14 октября «один из ораторов произнес непривычное слово “бойкот”», из полуторатысячной толпы раздались отдельные, сразу же заглушенные крики: “Не надо жидов! Говорите по русски”»¹⁸. 16 октября по городу разбрасываются листовки черносотенного содержания. По свидетельству участников и очевидцев анализируемых событий штаб правых радикалов находился в 3-й полицейской части, а их консолидацией занимался пристав Щеглов, направляемый помощником полицмейстера А. П. Драгомировым¹⁹.

Ответной реакцией становится формирование дружин самообороны, прежде всего еврейской. 17 октября в Иркутске произошли столкновения между участниками митинга и черносотенцами, в ходе которых ранения получили до 20 чел., а братья Исая и Яков Винеры, правитель дел ВСОИРГО А. М. Станиловский, рабочий Сизов были убиты. Воспользовавшись ситуацией, уголовные элементы пытались ограбить магазины, принадлежавшие евреям, в центральной части города. Отряд самообороны их рассеял, двоих громил убили. Попытка организовать черносотенный погром провалилась. 22 октября состоялся грандиозный митинг под председательством социал-демократа В. Е. Мандельберга по поводу только что полученного Манифеста 17 октября, на котором выступили социал-демократы, эсеры, либералы. Принимается резолюция следующего содержания: «1) манифест 17 октября является уступкой правительства и резко изменяет условия политической жизни страны; 2) он, с одной стороны, не содержит ничего, кроме обещаний, а с другой – эти обещания не представляют явный и определенный ответ на выставленное Россией требование созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права и гарантий всех свобод. А посему митинг полагает, что необходимо организовываться и продолжать борьбу

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 169. Л. 29.

¹⁹ Там же; Яковлев Н. Н. Указ. соч.; Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1994. С. 271–272; Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 247.

за полное освобождение России»²⁰. По окончании прошла демонстрация, ее участники направились к городской тюрьме с требованием немедленного освобождения политических заключенных, которое власти незамедлительно выполнили²¹.

От Иркутска до Красноярска бастовали: ст. Ключвенная 15–23 октября; ст. Иланская 15–23 октября, 300 рабочих; ст. Нижнеудинск 17–24 октября, около 500 рабочих и служащих, на собрании выбран стачечный комитет из 18 чел.; г. Канск, бастовали 32 сотрудника телеграфа; ст. Зима 17–24 октября, 500 рабочих и служащих создали стачечный комитет, регулярно проводились митинги и демонстрации²².

В Красноярске общегородская забастовка продолжалась с 13 по 16 октября. 14 октября железнодорожники, разделившись на группы, пошли прекращать работу («снимать») на городских предприятиях и учреждениях. Помимо рабочих и служащих железнодорожного узла бастовали рабочие казенного винного склада, почты и телеграфа, провизоры и торговые служащие, ремесленники, строители. Был создан стачечный комитет. Почти ежедневно проводились утром собрания в железнодорожных мастерских, а днем – митинги в Народном доме. 16 октября на подобном мероприятии принимается резолюция о свержении самодержавия путем вооруженного восстания и созыве Учредительного собрания. С 17 по 23 октября проведена повторная стачка примерно 3 тыс. рабочих и служащих.

В городе на Енисее о Манифесте узнали 18 октября в самый разгар стачки. На митингах и собраниях активно обсуждались его содержание и перспективы развития революционного процесса. Деятельное участие в них принимала интеллигенция. В отношении одного из видных местных либералов В. А. Караулова правоохранители зафиксировали: «Свидетельскими показаниями установлено, что он шел то впереди демонстрантов, то в самой толпе их, то, идя сзади, пел ту же песню, которую пели демонстранты, и отстающих от красных флагов подталкивал обратно»²³.

²⁰ ГАНО. Ф-272. Оп. 1. Д. 169. Л. 52.

²¹ Вост. обозрение (Иркутск). 1905. 13 нояб.

²² Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1990. Т. 2. С. 142–145.

²³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 482. Л. 33–34.

Противодействовать радикальной волне пытались местные «патриотические» силы во главе с домовладельцем А. Смирновым. Во время митинга в Народном доме 21 октября 1905 г., на который «собралось около 2000 чел. ... главным образом рабочих, учащихся и интеллигенции» черносотенная манифестация по поводу Манифеста спровоцировала перестрелку с охраняющей мероприятие боевой дружиной, а затем окружила здание, избивая и убивая пытавшихся вырваться из блокады (11 чел. убито, 40 ранено). Полиция бездействовала, и «патриоты» начали подготовку к поджогу Народного дома. Но поскольку в нем «на митинге оказалось много молодежи из семей высших чиновников и, кажется, сын губернатора, а сын председателя окружного суда был убит, то по распоряжению губернатора были вызваны войска и оттеснили бесчинствующую толпу сажен на 50 от Народного дома»²⁴.

После длительных переговоров, уже ночью, получив сведения, что на помощь осажденным должны прийти военнотруженики 2-го железнодорожного батальона, губернатор приказал выпустить участников митинга, предварительно рассеяв остатки черносотенцев. Характерная деталь: «Были сделаны попытки вызвать из Народного дома молодежь из чиновных семей, им приносили пропуска и была предоставлена охрана, но большинство из получивших пропуска, выходить отдельно отказались»²⁵.

20 октября 1905 г. по инициативе местного комитета РСДРП была создана «Выборная комиссия рабочих Красноярска», которая выполняла функции городского стачечного комитета. «Мы выбрали из своей среды комиссию, – сообщалось в социал-демократической листовке, – состоящую из представителей различных отраслей труда, для урегулирования заработной платы, для заведывания наймом рабочих, для установления распорядка в заведениях, работающих наемным трудом, – выбрали так, как хотели, а не так, как пожелало бы начальство»²⁶.

С 17 по 23 октября бастовали железнодорожники ст. Ачинск, с 17 октября – ст. Боготол, с 15 по 23 октября – ст. Мариинск. Здесь 20 октября в Народном доме состоялось многолюдное со-

---

²⁴ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 67.

²⁵ Там же.

²⁶ 1905 год в Красноярске: сб. док. материалов. Красноярск, 1955. С. 103.

брание жителей, на котором зачитали текст Манифеста. Затем заведующий домом И. П. Петров прочитал сразу две лекции о проблемах народовластия – развитие прав человека в Европе и о Французской революции 1789 г. Потом было шествие с национальными и красными флагами, на некоторых из них имелись надписи «Свобода», «Памяти павших за свободу». Как отмечал в телеграмме помощник исправника, «Манифест 17 октября был встречен полным восторгом собравшегося в общественном клубе народа. Ничего, кроме выражения верноподданнических чувств императору, высказано не было»²⁷. Местные эсеры отреагировали на Манифест 17 октября листовкой под восторженным заголовком «Граждане! Над Россией взошло красное солнце свободы», которая заканчивалась рефреном: «Граждане, имея гражданские свободы, вы можете и должны стремиться к такому устройству социальной, экономической жизни, при которой все человеческие блага, а также и государственные тяготы будут распределены всеми гражданами равномерно»²⁸. К стачке примкнули железнодорожники ст. Тайга, где стачечный комитет возглавил томский студент, социал-демократ И. В. Писарев.

В Томске первыми забастовку начали 13 октября служащие Управления Сибирской железной дороги, которые на следующий день в здании Управления провели митинг. 15 октября забастовала большая часть предприятий и учреждений города. Руководящую роль в эскалации общественной активности играли либералы. Активизировались и радикалы. По свидетельству В. Д. Виленского-Сибирякова, социал-демократов волновал вопрос вооружения: «Мы решили создать вооруженный отряд. Для чего, для каких целей – об этом в первый момент как-то не говорилось, а просто все желали вооружиться и быть готовыми»²⁹. Согласно воспоминаниям В. Бухарина, уже на митинге 16 октября начали собирать деньги на оружие³⁰.

---

²⁷ Сиб. жизнь. 1905. 30 окт.

²⁸ Каминский А. А. Из истории мариинской группы партии социалистов-революционеров в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980, с. 25–26.

²⁹ Сов. Сибирь. 1925. 20 дек.

³⁰ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 28.

Характерной чертой октябрьской забастовки в Томске стали агрессивно-наступательные действия радикалов и либералов по ее расширению. Служащих из Управления дороги выдворяли, в том числе используя химическую обструкцию – «подкладывалась колбочка с вонючим газом, и поневоле должны были протестовать»³¹. Об этом же свидетельствует А. Шалаев: «Началась всеобщая забастовка. Рабочие и приказчики ходили по магазинам и предприятиям, снимая колеблющихся»³². Эту особенность отметил в рапорте полицмейстер П. В. Никольский: «14 октября забастовщики, разделившись на небольшие группы, ходили по разным магазинам и требовали немедленного прекращения торговли с целью всеобщей забастовки, причем не желавшим подчиняться этому требованию угрожали разгромом их имущества»³³.

Подобная практика не всегда встречала поддержку. Как вспоминал Шаламов, во время «снятия» неожиданный отпор был дан в кузнечных рядах: «Кузнецы напали на нашу группу и начали избивать всем, что было в руках»³⁴. По свидетельству городского головы А. И. Макушина, ломовые извозчики избивали снимавших в магазинах приказчиков и «какого-то студента»³⁵. Подобная агрессивная практика формировала слой недовольных действиями забастовщиков – особенно среди тех, кто жил за счет торговли, извоза, оказания услуг, лишая их повседневного заработка, что, на мой взгляд, сыграло важную роль в последующих событиях.

Начавшаяся забастовка застала врасплох администрацию. «Власть чувствовала некоторую растерянность, – констатировал В. Д. Виленский-Сибиряков. – Она была не решительна, колебалась»³⁶. Правоохранительные органы действовали рассогласованно. Начальник местного ГЖУ полковник С. А. Романов шифротелеграммой 12 октября сообщал в МВД об отсутствии у него «в силу установившейся практики связи [с] охранным отделением»³⁷.

³¹ Там же. Оп. 2. Д. 168. Л. 5.

³² Там же. Д. 183. Л. 20.

³³ Там же. Д. 154. Л. 17.

³⁴ Там же. Д. 168. Л. 4.

³⁵ Там же. Д. 179. Л. 5.

³⁶ Сов. Сибирь, 1925, 20 дек.

³⁷ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 157. Л. 60.

14 октября к забастовке примкнули учащиеся средних учебных заведений. 16 октября железнодорожные служащие и учащиеся попытались организовать митинг в одном из корпусов Технологического института, но его закрыли и окружили военными патрулями. Собравшиеся двинулись «снимать» учеников старших классов реального училища, мужской и женской гимназии, а затем направились в Бесплатную библиотеку, где организовали митинг. На предложение полицмейстера покинуть библиотеку добровольно или хотя бы «выпустить учащихся, детей и женщин», толпа численностью по официальным данным до 400 чел. отвечала отказом и заперла двери. Тем временем по городу распространился слух об избиении казаками молодежи и начавшейся осаде Бесплатной библиотеки. Городская дума во главе с А. И. Макушиным начала переговоры с губернатором В. Н. Азанчеевским-Азанчеевым относительно освобождения подростков. Последний первоначально настаивал на задержании их для опознания и последующего преследования в административном порядке, но потом согласился на освобождение. Около 23:00 полицейские, казаки и солдаты отзываются от библиотеки, и радостная толпа освобожденных и подошедших от городской управы с криками «Ура!» начала расходиться по домам.

События 15 октября существенно изменили ситуацию в Томске. Освобождение митинговавших создало прецедент, и с 16 октября город погрузился в митинговую стихию. «Брожению умов» способствовал указ от 12 октября 1905 г., упрощавший порядок получения разрешения на проведение собраний и митингов по государственным, политическим и экономическим вопросам. Ежедневно в железнодорожном управлении, городском (Королевском) театре, Бесплатной библиотеке, Общественном собрании непрерывной чередой шли митинги, которые «начинались с утра и кончались почти ночью»³⁸. Почти бессменными руководителями их становятся социал-демократы В. М. Броннер и Доброхотов.

17 октября в Томске распространяется прокламация местного комитета РСДРП, в которой говорилось: «Наступили великие дни. Россия объята пламенем революционного пожара. Между русским народом и царским правительством идет бес-

---

³⁸ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 3. Д. 168. Л. 5.

пошадная борьба, борьба не на жизнь, а на смерть»³⁹. 18 октября неугомонные учащиеся подошли к зданию коммерческого училища с целью прекращения в нем занятий. Казаками и солдатами они были рассеяны. На беду правоохранителей, это происходило напротив здания окружного суда, куда укрылась часть избиваемых. Служители Фемиды во главе с председателем суда А. В. Витте вступились за юных застрельщиков революции. Событие подогрело обстановку на очередном митинге в городском театре, к тому же в это время в городе появился текст Манифеста 17 октября, который и был зачитан манифестантам. Традиционно внимание читающих сосредоточивается на первом пункте констатирующей части документа: «Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов». Но не обращается внимание на заключительный абзац, в котором самодержец призывал «всех верных сынов России выполнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»⁴⁰. Верховная власть напрямую обращалась к законопослушным подданным за помощью в преодолении очередной, причем «неслыханной» смуты. Безусловно, призыв был услышан, и началась консолидация благомыслящих элементов, томские адепты которых видели врагов в студентах и железнодорожных служащих, в чьей среде господствовал, по их представлениям, «польский и жидовский элемент, первый исконный враг России»⁴¹.

На митинге же политические страсти накалились до предела. «По имеющимся у меня сведениям, – доносил В. Н. Азанчевский-Азанчев, – намерение арестовать губернатора не было приведено в исполнение вследствие сделанного председателем указания на недостаточность вооружения революционеров»⁴². А. И. Макушин высказался против принятия им полномочий губернатора, поскольку «компетенция городского самоуправления

---

³⁹ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции: документы и материалы. Новосибирск, 1958. С. 195.

⁴⁰ Политическая история России: хрестоматия. М., 1995. Ч. 2. С. 257.

⁴¹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 4.

⁴² Там же. Д. 154. Л. 30.

на губернию не распространяется». Вечером состоялось заседание городской думы, с участием избитых учащихся, их родителей, участников митинга в театре. Принимается постановление, осуждающее разгон демонстрации, и требования увольнения полицмейстера П. В. Никольского, удаления из города казачьей сотни, прекращения финансирования городского полицейского управления (ГПУ), учреждения городской охраны и немедленного освобождения политических заключенных. Поздно вечером с постановлениями городской думы А. И. Макушин отправился к губернатору. Он согласился отстранить полицмейстера, квалифицировал как незаконную попытку прекратить финансирование ГПУ и разрешил устроить дневную охрану⁴³.

События 18 октября стали еще одной ступенью в эскалации радикальных настроений в Томске. Манифест 17 октября де-юре санкционировал разгул митинговой стихии. Радикалы и либералы открыто заговорили о взятии власти в свои руки. Обещание губернатора отстранить от должности полицмейстера и заявление городского головы о согласии начальника губернии на создание и вооружение городской охраны деморализовали правоохранительные структуры. Власть в очередной раз отступила. Еще до получения указа от 21 октября 1905 г. об освобождении «от преследования, суда и наказания и прочих последствий и дарования полного помилования политическим преступникам», 19 октября по настоянию прокурора окружного суда освобождаются 169 политических заключенных, отбывавших наказание или находившихся под следствием⁴⁴. Сам начальник губернии в рапорте от 16 ноября 1905 г. по поводу сложившейся ситуации сетовал: «Полицейские деморализованы. Чиновники просили о переводе в уезды. Прессинг на улицах, угрозы насилия и пр. Нижние чины не только прекратили в 19:10 наружную службу, но боялись даже показаться в форменной одежде на улице»⁴⁵.

Утром 19 октября, согласно донесению полицмейстера, «большая толпа явилась на Базарную площадь и магазину к Второва и, разделившись на две партии, бросилась на мирно сто-

⁴³ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 5.

⁴⁴ Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 202; ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; Д. 6а. Л. 1.

⁴⁵ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 151. Л. 29 об.-30.

ящих на базаре ломовых извозчиков, деревенских мужиков и женщин, торговавших съестными припасами, и стали их гнать с базара, и он пустел. Лавки не открывались»⁴⁶. В «Обвинительном акте» о томском погроме применительно к этому дню фиксируется: «...У моста близ городского полицейского управления собрались кучки народа, и между ними шли разговоры о том, что “полицию отменили и хотят губернатором назначить еврея, что, таким образом, город перейдет в руки евреев”»⁴⁷. Губернатор свое присутствие в городе в этот день обозначил объявлением следующего содержания: «Высочайший Манифест 17 октября 1905 г. возлагает на подлежащие власти обязанность принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинства и насилия и охрану людей мирных, стремящихся к спокойному исполнению лежащего на них долга. Во исполнение сего довожу до сведения населения г. Томска, что все меры охраны жителей от насилия мною приняты и население города может спокойно продолжать свои занятия, не придавая значения резолюциям, объявлениям и прокламациям противников правового порядка. Постановления и резолюции, исходящие за последние дни от участников так называемых митингов, законной силы не имеют»⁴⁸.

В городской управе 19 октября начались совещания и подготовительные действия, связанные с созданием городской охраны. Представитель социал-демократов В. М. Броннер потребовал назвать предполагаемое формирование милицией и включить в него студенческую дружину комитета РСДРП. В конечном счете собравшиеся принимают следующее решение: «1. Охрану до принятия платников на постоянной основе укомплектовать из членов добровольного пожарного общества и студентов; 2. Охранников вооружить специально купленными револьверами; 3. Организовать особый комитет из 12 чел., поручив ему заведывание охраной»⁴⁹. Комитет, названный Комитетом общественной безопасности (КОБ), издал листовку следующего содержания:

⁴⁶ Там же. Л. 17 об.

⁴⁷ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (отчет о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 6.

⁴⁸ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 30.

⁴⁹ Сиб. жизнь. 1905. 27 окт. Письмо Е. Макушиной.

Граждане!»

Комитет общественной безопасности, избранный Томской городской думой, организовал городскую милицию.

Она будет охранять вас, вашу жизнь, здоровье и имущество и честь против насилия всякого рода.

Граждане!

Нашим лозунгом будет безопасность всех граждан. Обращайтесь безбоязненно к защите наших милиционеров, помогайте им исполнять их обязанности.

Отличительные знаки – белая повязка с красными буквами “ГО” со штампом городской управы⁵⁰.

В воспроизведенном документе обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, городская дума не приняла решение о создании КОБа, а только высказалась за организацию дневной городской охраны. Во-вторых, в тексте обращения присутствует явное противоречие в названии создаваемого правоохранительного органа. С одной стороны, милиция, а с другой – «белая повязка с красными буквами “ГО” (городская охрана)». Данное обстоятельство можно объяснить тем, что участвовавшие в принятии решения о создании формирования по-разному понимали его назначение. Для радикалов – милиция – независимый от власти орган, образованный революционным творчеством народа; для гласных городской думы, домовладельцев и городского головы – городская охрана, хотя и созданная по инициативе и на средства муниципалитета, но действующая под руководством соответствующего государственного полицейского органа.

Следует прокомментировать основополагающее требование городского головы А. И. Макушина к будущему формированию – «оно не должно быть партийным, а совершенно объективным». Речь идет о попытках радикалов включить в него своих дружинников и использовать в политических целях. В свою очередь, либералы пытались подчинить муниципальным органам полицию. Так, впоследствии кадеты в своей программе декларировали: «Круг ведомства органов местного самоуправления должен простирается на всю область местного управления, вклю-

---

⁵⁰ *Зиновьев В. П.* Томская городская дума в революции 1905–1907 гг. // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков. Новосибирск, 2004. С. 134.

чая полицию безопасности и благочиния»⁵¹. На съезде Сибирского областного союза 28–29 августа 1905 г., как было показано выше, в компетенцию земских органов и Сибирской областной думы отнесли и «общественную безопасность»⁵². Поэтому не случайно радикалы и радикально настроенные либералы предполагали под видом дневной охраны сформировать автономную от органов местного государственного управления милицию, которая с точки зрения правовых норм того времени представляла «обывательские дружины, создаваемые для несения полицейской службы и охранения порядка в тех случаях, когда правительственная власть силой обстоятельств лишается возможности правильно отправлять свои функции»⁵³. Как замечает по этому поводу И. В. Чернова: «В своем стремлении взять под контроль работу местной полиции Томская городская дума была не одинока. В этот период в МВД поступили подобные предложения от многих городов страны. Причем руководство МВД решительно отвергало подобные новшества»⁵⁴. В тот же день городская управа приобрела 54 револьвера системы «Бульдог» и изготовила опознавательные белые повязки с буквами ГО и гербом города⁵⁵.

Местные социал-демократы 19 октября начали кампанию по выборам органа революционного самоуправления на основе призыва газеты «Искра» еще летом 1905 г. Голосование происходило в театре, Народном доме (Общественное собрание), Технологическом институте и на Новособорной площади. Город разбили на районы (избирательные округа), выдвинули кандидатов от социал-демократов, эсеров и общественных работников, «в большинстве железнодорожников и свободных профессий». Утром 19 октября было выпущено сообщение от имени

---

⁵¹ Программы и уставы политических партий России 1905–1906 гг. Новосибирск, 1991. С. 38.

⁵² Право. 1905. 1 сент.

⁵³ Цит. по: Рубцов С., Сысоев А. Иркутское общество и милиция 1905 года // Иркутск: события, люди, памятники. Иркутск, 2006. С. 93.

⁵⁴ Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. Двести лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX – XX вв.). Томск, 2002. С. 104.

⁵⁵ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 61; Д. 6. Л. 13–14; Ларьков Н. С., Чернов И. В. Войтович А. В. Указ. соч. С. 105.

комитета РСДРП о предполагаемых выборах в революционное самоуправление со списком кандидатов и указанием мест голосования. В 12 часов началась подача записок (бюллетеней), а завершилась она к ночи 19 октября. В общей сложности было подписано примерно 10 тыс. записок⁵⁶.

Существенное уточнение в рассматриваемый сюжет вносит письмо Г. Шпилева от 30 октября 1905 г.: «На митингах возбудили вопрос об избрании в городское управление революционных представителей, если старые гласные примут, то добавок к ним, а если нет, то старое городское [управление] должно и вместо него свое революционное правительство. Должны были избрать 25 чел., кандидатов выдвинули 53. Например, кто кого-нибудь желал, говорил про него, и его записывали в список... Из них 26 социал-демократов... Голоса подавались так: каждому давали листок бумаги и раздавали список кандидатов и вот кто кого желал и записывал 25 человек в свой листок, а потом эти листки отдавались председателю»⁵⁷.

В течение 19 октября в Томске шли непрерывно митинги. Вечером по улицам прошла демонстрация с пением революционных песен. Уровень социального напряжения к концу дня достиг предела. Не сговариваясь, два активных участника анализируемых событий, принадлежавшие к разным лагерям, примерно одинаково оценивали ситуацию. Городской голова А. И. Макушин: «Чувствовалось сильное озлобление друг против друга разных групп населения и терялась надежда предотвратить столкновение»⁵⁸. Начальник ГЖУ, полковник С. А. Романов телеграфировал в МВД: «Настроение крайне напряженное, деятельность в городе мало-помалу замирает, магазины принудительно закрываются. Были небольшие отдельные случаи насилия»⁵⁹. Показательный случай, квалифицированный позднее как кощунственное отношение к церкви, произошел в этот день на митинге в театре. На нем, согласно сведениям А. К. Бадулина, было сказано: «Макарий, архиерей Томский, готовит черную сотню, идемте к его дому, вытащим на тротуар, зажжем его, и тем дело

⁵⁶ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 3. Д. 18. Л. 30.

⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 173. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Д. 179. Л. 7.

⁵⁹ Там же. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

кончится”. Но другие удерживают и говорят, что с такой гаденой не нужно связываться»⁶⁰.

20 октября 1905 г. утром у городского полицейского управления стали собираться «кучки народа, по-видимому, состоящие из рабочего люда и мелких торговцев, причем из их среды слышались возгласы, что надо бить евреев, поляков, студентов, железнодорожных служащих и забастовщиков»⁶¹. Примерно такая же толпа собралась у строящегося магазина Второва. Одновременно в доме заболевшего А. И. Макушина началось заседание городской думы. Обсуждался вопрос «о дополнительной думе» – или органе революционного самоуправления, избранном 19 октября. Собравшиеся включать новоизбранных в свои ряды отказались, «так как согласие на дополнение думы прежнего состава осложнило бы положение и повело бы к совершенно неизвестным и рискованным последствиям»⁶².

Утром того же дня проявила себя на ниве миротворчества и губернская администрация. По приказу В. Н. Азанчеевского-Азанчеева напечатали и стали распространять объявления следующего содержания: «Обращаюсь ко всеми населению Томска с убедительной просьбой не посещать некоторое время собраний и не собираться большими группами на улицах – во избежание всяких столкновений, влекущих за собой человеческие жертвы. В Европейской России наступает успокоение. Именем Государя Императора прошу население успокоиться и вернуться к своей трудовой жизни для блага русского народа и дорогого отечества»⁶³. Что касается правоохранителей, то все участники и очевидцы изучаемого события констатируют отсутствие чинов полиции на улицах Томска 20 октября. Ситуацию в своем рапорте прояснил В. Н. Азанчеевский-Азанчеев: «Угнетенные, с одной стороны, мыслью о состоявшемся постановлении городской думы относительно прекращения отпуска средств от города на содержание полиции, с другой стороны, постоянно подвергаясь, будучи на постах, со стороны революционеров угрозам насилия, в случае дальнейшего исполнения своих обязанностей, нижние чины не только прекратили с 19 октября на-

---

⁶⁰ Там же. Д. ба. Л. 1.

⁶¹ Дело о погроме... С. 6.

⁶² ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 21.

⁶³ Там же. Д. 154. Л. 30.

ружную службу, но и боялись даже показаться в форменной одежде на улице. Никакие увещания со стороны непосредственного начальства не падают духом и нести спокойно службу успеха не имели, так сильна была паника»⁶⁴.

В 10:00, забрав в мещанской управе портрет царя и национальный флаг, толпа черносотенцев переместилась к стоящему рядом зданию ГПУ, где забрала еще один царский портрет. После этого собравшиеся «с пением народного гимна, с криками “ура”» направились по Базарной площади к Почтамтской улице, причем у некоторых из толпы замечались в руках палки»⁶⁵. В это время собравшиеся дома у городского головы гласные получают известие о толпе возле ГПУ, «выражавшей бурное негодование на забастовки, на закрытие магазинов, на разгон с площади торговцев». Гласные принимают решение срочно прекратить митинги в Бесплатной библиотеке и театре. Как вспоминал А. И. Макушин, чтобы остановить толпу, он «своей рукой написал 10 экз. объявления следующего содержания: “От Городской думы. Забастовка прекращается. Магазины открываются. Просим успокоиться”. На всех экземплярах моя подпись, гласные же, кажется, подписывались то на одном, то на другом экземпляре. Все экземпляры посылаются со служащим городской управы Кузьминым для раздачи в толпе. Гласные соглашаются ехать к торговцам и просить их открыть магазины»⁶⁶.

В 10:00 в здании городского самоуправления на Почтамтской улице началось первое и последнее заседание Комитета общественной безопасности по поводу создания городской дневной охраны (милиции). Было принято решение об организации правоохранительного органа из членов Добровольного пожарного общества и студентов. Началась раздача закупленного накануне оружия, патронов (по 4–5 на ствол) и нарукавных повязок. Некоторые пришли со своим оружием. Учитывая, что городская управа закупила для формирования 54 револьвера и что часть будущих дружинников пришла со своим оружием, общую численность ГО можно определить примерно в 60 чел. Радикалы оттеснили либералов в процессе организации милиции. Планировавшийся городскими властями в качестве ее руководите-

---

⁶⁴ Ларьков Н. С., Чернова И. В., Войтович А. В. Указ. соч. С. 105.

⁶⁵ Дело о погроме... С. 7; ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 17об.

⁶⁶ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 7–8.

ля полицейский чиновник П. И. Иванов в должность не вступил. ГО возглавил студент Мордвинов по версии И. Шписмана⁶⁷ или студент университета А. А. Нордвик. Дружинники (охранники, милиционеры) не имели элементарной подготовки, четкого представления о функциях и порядке действий ГО. «Я помню, – свидетельствует бывший в дружине И. Шписман, – что обсуждения плана действий только что сформированной ГО не было. Последующие события сами диктовали этот план... Было ясно, что надо выйти городской охране на улицу города немедленно, дабы показать как населению, так и только что прошедшим хулиганам, что охрана общественной безопасности взята в новые руки. В городском театре, в направлении которого ушла толпа манифестантов, предполагался митинг, и городская охрана, поставив себе целью обезопасить его участников от черной сотни, направилась туда по Почтамтской улице. Это было 2–3 часа дня. До железнодорожного здания (Управление Сибирской ж.д. – *М. Ш.*), расположенного против нового собора колонна ГО с повязками на руках и с револьверами, спрятанными под шубами, в рукавах, в карманах, дошли благополучно»⁶⁸.

Я не буду дальше детально анализировать действия погромщиков и милиционеров, отсылая к своему специальному исследованию этого сюжета⁶⁹, отмечу лишь, что все закончилось стрельбой членов ГО по манифестантам с целью не допустить их в здание железнодорожного управления. Последние начали разбегаться, но увидев прибывшие на Новособорную площадь войска и казаков, воодушевились и начали планомерную осаду здания Управления, куда отступили милиционеры и где находилось большое количество железнодорожных служащих, пришедших для получения заработной платы. В присутствии высших должностных лиц губернии, начальника гарнизона, 8 рот солдат, сотни казаков, черносотенцы подожгли здание управления, зверски расправляясь с теми, кто пытался выбраться из него. 27 октября в «Сибирском вестнике» были перечислены фамилии 115 пострадавших, в том числе 55 убитых и одного

---

⁶⁷ Там же. Д. 168. Л. 7.

⁶⁸ Там же. Д. 178. Л. 7.

⁶⁹ *Шиловский М. В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010.

обгоревшего⁷⁰. 29 октября полковник С. А. Романов доносил в МВД: убитых и умерших в больницах – 54, раненых – 73, пропавших без вести – 8, «вероятно, есть сгоревшие дотла»⁷¹. Больше всего пострадало железнодорожников, в том числе были убиты манифестантами инженеры И. Ф. Клионовский и М. У. Шварц.

Утром 21 октября центральные улицы Томска заполнили толпы людей, «везде слышались враждебные речи против забастовщиков, которые силой склоняли весь рабочий люд к забастовке»⁷². В Троицком кафедральном соборе состоялась литургия «по случаю дня восшествия на престол Государя Императора». Затем громадная масса народа двинулась к резиденции губернатора, где с балкона он и епископ Макарий «больше часа уговаривали толпу успокоиться, разойтись и обратиться к мирным занятиям». Эти увещания, однако, мало подействовали на озлобленных горожан. И около 13.00 они «с портретом Государя Императора, четырьмя национальными флагами, при пении народного гимна и с криками «ура», отправились на Почтамтскую улицу»⁷³. Начался погром еврейских магазинов. Как вспоминал очевидец: «...Приносили портрет Государя и говорили: “Наш царь пришел смотреть ваш товар!” И магазин разбивали. Душой акции были казаки и солдаты, они брали самое ценное»⁷⁴.

Неудачной оказалась попытка епископа Макария лично остановить разграбление магазинов. «На мои убеждения грабившие отвечали молчанием, – свидетельствовал он сам, – когда я становился у одного окна, преграждая путь для выносящих через него похищаемые вещи, они отходили к другому окну и тащили через него; когда я подходил к этому окну, они отходили к дверям, несли мимо меня похищенное»⁷⁵. К разграблению подключились крестьяне подгородних селений. Имущество везли возами. В 15:00 толпа с флагами под предводительством городского А. Фертяка начала разгром дома городского головы А. И. Макушина. Его хозяина обвинили в том, что «он хотел

⁷⁰ Сиб. вестник. 1905. 27 окт.

⁷¹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 156. Л. 10.

⁷² Дело о погроме... С. 15; ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 18, 32.

⁷³ Там же. Л. 18, 32 об.

⁷⁴ Страшные дни (рассказ очевидца) // Сиб. вестник. 1905. 18 нояб.

⁷⁵ Цит. по: *Базанова О.* Ложная тревога // *Родина*. 2009. № 3. С. 91.

быть их (т.е. студентов) царем, а другие прямо называли: это их генерал»⁷⁶.

22 октября «утром на базаре в масляных рядах толпа начала снова громить еврейские лавки, но была остановлена прибывшим военным патрулем... Затем мало-помалу в городе стало спокойно»⁷⁷. Несмотря на успокоение, сразу два очевидца анализируемых событий утверждают, что в течение недели в Томске нельзя было показаться в интеллигентном костюме и форменной студенческой одежде из-за угрозы расправы⁷⁸. Постепенно жизнь возвращалась в прежнее русло. В начале декабря 1905 г. полицмейстер информировал: «После событий 20–21 октября всякие народные собрания, митинги и т.п. в гор. Томске сразу прекратились, и в обществе наступило тревожное затишье. Везде и всюду втихомолку отдельными группами обсуждали, комментировали пережитые события. Состояние во всех классах общество было удручающее, обычная жизнь как будто бы замерла, многие опасались даже ходить по улицам. Увеселительные заведения, театры, вечера, собрания почти никем не посещались и поэтому несколько дней были закрыты. Но такое настроение в обществе продолжалось не более 10–12 дней. Около 10 ноября заметно стало, что типографские рабочие и крайние партии революционеров и социал-демократов вновь стали понемногу группироваться, тайно собираться по вечерам на сходки в частных домах, но вели себя крайне тактично, сдержанно»⁷⁹.

Касаясь причин погрома, следует заметить, что в результате воздействия целого комплекса факторов в Томске к 20 октября 1905 г. сложилось своеобразное двоевластие. Радикалы (эсдеки и эсеры) и левая часть либералов (профессора, сотрудники окружного суда, железнодорожные служащие, лица свободных профессий и т.д.), концентрирующиеся в городской думе и вокруг нее, использовавшие в качестве ударной силы молодежь (студентов, учащихся средних и специальных учебных заведений), начиная с января 1905 г., последовательно и агрессивно усиливали давление на местный социум и органы госу-

⁷⁶ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 166. Л. 4; Д. 154. Л. 18 об.; Д. 173. Л. 13.

⁷⁷ Там же. Д. 154. Л. 18 об.

⁷⁸ Там же, д. 172. Л. 13; Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6а. Л. 2.

⁷⁹ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 82.

дарственного управления. Принудительно закрывались («снимались») торговые заведения, разгонялись рыночные торговцы, пресекалась деятельность в сфере предоставления различного рода услуг. К указанной выше дате они добились легализации митингов.

Уже 17 октября заговорили о необходимости свержения губернатора и вооружения. Радикалы начинают кампанию по проведению выборов органа революционного самоуправления городом, осуществленную 19 октября, в том числе с целью замены полиции «сильной милицией». Городская дума 20 октября включить новоизбранных в свои ряды отказалась, но под эгидой городского самоуправления образуется Комитет общественной безопасности (КОБ) под руководством радикалов для организации альтернативной полиции правоохранительного формирования. Муниципалитет становится альтернативным центром власти, и хотя всеобщая забастовка 13 октября начиналась без его санкции, 20 октября городской голова и гласные отдают письменные распоряжения о ее прекращении.

Уровень социального напряжения к концу дня 19 октября достиг предела. Радикалы и либералы открыто говорили о взятии власти в свои руки. 14 и 15 октября полицейские, казаки и военные патрули рассеивали участников забастовки и молодых «застрельщиков революции». Осада последних в Бесплатной библиотеке и разгон у коммерческого училища 18 октября обострили ситуацию в городе, вызвали массовые протесты и требования вывезти из города казаков и прекратить финансирование полиции. В результате городские оказались деморализованными, с 19 октября прекратили наружную (патрульно-постовую) службу. В этот же день и до середины следующего в городе прекратилось патрулирование военнослужащих.

Проявив достаточно высокий уровень самоорганизации и воспользовавшись очередной годовщиной вступления на престол Николая II, правые утром 20 октября начали не санкционированную властями манифестацию, перечеркнувшую планы радикалов и либералов. Разъяренная толпа осаждала, а потом подожгла здание железнодорожного Управления, забивая на смерть каждого пытавшегося покинуть его. Прибывший к месту трагедии личный состав 4-го резервного батальона и казачьей сотни не был использован для очищения площади от громщиков и спасения осажденных, хотя отдельные удачные

попытки в этом отношении имели место. Губернатор не дал команды на использование войск для пресечения массовых противоправных действий погромщиков, находившиеся на площади воинские начальники также не проявили инициативы по использованию более тысячи военнослужащих с этой целью.

Противостояли натиску «революционеров» в Томске традиционные слои городского населения, прежде всего крестьяне и мещане, составлявшие большую часть его населения. На мой взгляд, исследователями в историографии недооценивался уровень их социальной и политической самоорганизации, они позиционировались как простые исполнители воли антинародной власти, реакционного духовенства и черносотенцев-купцов, подкрепленных переодетыми жандармами и полицейскими. При этом историки исходили из основополагающего постулата о размывании сословных устоев и постепенном растворении мещан в городском социуме. На самом же деле погром 20–22 октября 1905 г. показал достаточно высокий уровень организации консервативных элементов в рамках основополагающих методов функционирования мещанского общества и принципов общинной организации. Погром, помимо всего прочего, отразил радикальную реакцию «низов» городского социума против носителей модернизационных процессов, разрушающих единообразие и замкнутость традиционного полукрестьянского общества. Помимо евреев, в их качестве выступали студенты, поляки и железнодорожные служащие. Железнодорожные и студенческие шинели являли своеобразный ненавистный символ происходящих перемен в стране и в Сибири. Поляки выступали в качестве «фишки» инновационной активности.

Уже к концу ноября 1905 г. томские радикалы и либералы в основных чертах сформулировали концепцию погрома, организованного губернатором и архиереем (реакционными силами) и осуществленного «темным народом», «темными людьми» без указания на их сословную или социальную принадлежность. События в Томске, их трагический финал, получили широкий резонанс в России и Сибири. В тобольском «Сибирском листке» сообщалось о гибели тысячи человек⁸⁰. В январе 1906 г. Омский комитет РСДРП в листовке «Ко всем» так объяснял ситуацию с погромными акциями: «Через две-три дня после

---

⁸⁰ Сиб. листок. 1905. 30 окт.

манифеста, когда народ радовался своей победе, думая, что настало время свободной жизни без гнета, насилий и произвола со стороны царских слуг, правительство напало на народ. Как по знаку, в один и тот же день по всей России жандармские ротмистры, полиция и шпионы обманом подняли темную часть народа, казаков и солдат на евреев, на образованных людей и рабочих»⁸¹. Обобщая информацию о черносотенных погромах в стране, лидер большевиков В. И. Ленин резюмировал: «Революция заставила, наконец, выйти наружу эту “народную силу”, силу царских сторонников. Она заставила показать всем воочию, на кого действительно опирается царская власть, кто действительно поддерживает эту власть. Вот они, вот эта армия озверелых полицейских, забитых до полоумия военных, одичалых попов, диких лавочников, подпоенных отбросов капиталистического общества»⁸².

На ст. Обь (г. Новониколаевск) железнодорожники бастовали с 17 по 24 октября, выдвинув в основном экономические требования. К ним присоединились почтово-телеграфные работники. 17 октября состоялась демонстрация, организованная Обской группой РСДРП. Протестными действиями руководил стачечный комитет в составе рабочих депо В. И. Бушуева, М. К. Ефграфова, Я. Н. Овчукова, М. И. Полунина, М. Н. Пыжова и др. Как отмечалось в газетной корреспонденции: «О томских событиях узнали 21 октября. Впечатление получилось страшно подавляющее»⁸³.

Стоящий далеко от железной дороги Барнаул являлся по сибирским меркам достаточно многолюдным городом (33,3 тыс. чел. в 1904 г.) и столицей Алтайского округа Кабинета его императорского величества (КИВ). Отличительной его особенностью являлось практически отсутствие среди горожан евреев (1897 г. – 24 чел., 1909 г. – 33⁸⁴). Особой активности во время рассматриваемых событий местные пролетарии не проявили по причине

⁸¹ Омская организация РСДРП в Первой русской революции 1905–1907 гг.: сб. док. материалов. Омск, 1956. С. 89.

⁸² Ленин В. И. Между двух битв // Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 12. С. 56.

⁸³ Сиб. жизнь. 1905. 12 нояб.

⁸⁴ Гончаров Ю. М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул, 2006. С. 103.

отсутствия в городе крупных предприятий. С 18 по 24 октября бастовали лишь 70 рабочих кабинетского лесопильного завода. В Народном доме 20 октября состоялся митинг, на котором либералы и радикалы, в основном из числа местной интеллигенции, пытались дать оценку Манифесту 17 октября. По окончании в сопровождении конных и пеших полицейских участники с пением «Марсельезы» отправились в Общественное собрание, где продолжили митинг. Затем они снова вышли на улицу и двинулись по городу, сделав остановки у управления уездного воинского начальника и реального училища для исполнения «Марсельезы». 21 октября те же лица вечером провели манифестацию и пропели вечную память по павшим в борьбе за гражданскую свободу.

22 октября днем манифестация с красными флагами вновь прошла по центральным улицам и остановилась на Покровской площади. Согласно донесению и.о. полицмейстера Тарасенко, сопровождавшего демонстрантов, «постепенно позади них сгруппировалась огромная толпа больше 2000 человек простонародья, которая двинулась за ними с самыми враждебными намерениями». Ее представители обратились к чиновнику за разрешением «разорвать в клочки» манифестантов, но последние уже успели разойтись. В свою очередь «патриоты» с криками «ура» в честь императора и пением «Боже царя храни», «Спаси, Господи, люди твоя» двинулись к военному городку, где уже построился местный гарнизон. Казачий хор исполнил народный гимн, после чего в 22:00 все разошлись⁸⁵.

Утром 23 октября на площади у собора после литургии прочитали Манифест и отслужили молебен о здравии императора. Затем толпа простолюдинов двинулась крестным ходом, сопровождаемая оркестром и певчими. Первыми их жертвами стали избитые ученики реального училища, не снявшие шапки при исполнении государственного гимна. Последующие события поразному освещаются источниками. В уже цитированном рапорте Тарасенко сообщается: «Пока я отбивал девушку от разъяренной толпы, основная часть процессии кинулась, как я потом узнал, по направлению Томской улицы и далее в город с целью, как они говорили, избивать “политиков”. Я сейчас же взял с собой полуроту строевой пехоты и направился по следам

---

⁸⁵ ГАНО, Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 224. Л. 1–3.

толпы; настигнувши громадную толпу в несколько тысяч человек, я при помощи подоспевших казаков не в силах был помешать разбитию домов тех лиц, которые заподозрены были чернью в антиправительственной агитации...; чернь быстро неслась по улицам, причем со всех сторон к ней присоединялись новые толпы народа, возбужденные и ожесточенные в высшей степени, с криками: “Пойдем бить политиков, которые идут против Бога и нашего Царя”»⁸⁶.

Другую версию произошедшего уже в 1920-е гг. предложил член местной организации РСДРП П. Е. Семьянов: «Началось избивание политических и общественных деятелей, с разгромлением их квартир. Черная сотня разбилась на отряды, действуя одновременно в разных частях города. Сам полицмейстер с одним из отрядов ходил по улицам, указывал квартиру того или иного неблагонадежного, и квартиры подвергались разгрому»⁸⁷. Можно было бы ему поверить, но дело в том, что Тарасенко тогда являлся помощником Кузнецкого уездного исправника, временно командированного для «усиления состава барнаульской полиции» и не мог свободно ориентироваться в незнакомом для него городе.

Были разгромлены дома и квартиры многих видных общественных деятелей – В. К. Штильке, городского головы П. В. Орнатского, усадьба купца М. В. Вершина, сын которого считался либералом и был одним из организаторов стачки приказчиков⁸⁸. Как утверждал Тарасенко: «До вечера 23 октября движение толпы имело характер мести против антиправительственной партии, без всякой цели грабежа, а затем, видимо, к этой толпе начали присоединяться хулиганские элементы»⁸⁹. 24 октября на Соборной площади отслужили очередную молебен. Среди собравшихся распространяли пастырское воззвание в виде отпечатанной в типографии листовки от имени пяти местных протоиереев и священников, в котором осуждались погромщики («Совершая погром, люди эти шли против учения Христа Спасителя») и содержался призыв: «Но мы, пастыри Церкви, умоляем вас, братие, именем Спасителя Нашего прекратить взаимную вражду и обра-

---

⁸⁶ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 224. л. 4–5.

⁸⁷ Там же. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 102.

⁸⁸ Сиб. жизнь. 1905. 4 нояб.

⁸⁹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 224. Л. 7.

таться к мирным занятиям»⁹⁰. Тем не менее набеги на жилища именитых горожан продолжились. По данным полицейского чиновника к нему обратилось более 200 чел. с просьбой об охране их домов и имущества. Лишь вечером 24 октября казацкие патрули начали «зачистку» улиц Барнаула от уголовного элемента.

Омск, «как бы по традиции, вступил в забастовку с запозданием»⁹¹. Отчасти это объяснялось слабостью местного подполья. Социал-демократы за время акции не выпустили ни одной листовки, а эсеровская организация находилась в стадии формирования и насчитывала едва ли 10 чел. К тому же город являлся военно-чиновничьей столицей Западной Сибири и Степного края. Здесь находились административные структуры Степного генерал-губернаторства, Акмолинской области, уезда, штабы Сибирского военного округа и Сибирского казачьего войска, многочисленные службы и части окружного подчинения, судебная палата, окружной суд и т. д. Импульс протестным действиям дал Манифест 17 октября, который дошел до города на следующий день. 19 октября забастовали 2 тыс. рабочих главных железнодорожных мастерских, которые предварительно провели митинг и избрали стачечный комитет в составе слесарей А. А. Зыкина, И. А. Вашкевича, М. А. Вичинского, П. И. Котельникова, Е. В. Сидорова, С. И. Цитко, М. Л. Чвакунова.

Почти одновременно в центре Омска началась демонстрация под красными флагами по поводу Манифеста. Основную массу ее участников составили гимназисты, учащиеся Учительской семинарии и других учебных заведений. На Почтовой площади конные казаки разогнали демонстрантов. Информация о расправе вызвала волну негодования и стала детонатором для начала общегородской стачки. Днем огромная толпа железнодорожников направилась к центру города. По пути к ним примкнули рабочие ряда предприятий. Пятитысячная колонна с лозунгом «Долой самодержавие!» прошла по центральным улицам. После обеда прекратили работу все магазины, почта и телеграф. Вечером того же дня в железнодорожном собрании состоялся митинг рабочих и служащих. Была выработана и подписана 184 участниками петиция в адрес министров юстиции и внутренних дел по поводу избиения учащихся. В ней выдвигалось

⁹⁰ Там же. Д. 188. Л. 2.

⁹¹ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1. С. 229.

требование снять «грубо надругавшихся над беззащитным детством» Степного генерал-губернатора Сухотина и Акмолинского губернатора, генерала Романова, «по распоряжению которых действовали избиватели»⁹².

20 октября число стачечников увеличилось. В течение дня проходили массовые митинги и демонстрации. С утра на Казачьей площади собралось 4–5 тыс. рабочих, учащихся, служащих для обсуждения Манифеста 17 октября. Социал-демократы подвергли его жесткой критике и призывали готовиться к вооруженному восстанию. Впервые выступившие в массовой аудитории эсеры, не отвергая самой возможности вооруженного выступления, считали его преждевременным и предлагали объединить все прогрессивные силы на платформе требования проведения всеобщих, прямых, равных и тайных выборов в Государственную думу. Впервые заявили о себе в этот день черносотенцы. В частности, родители гимназистов на собрании 20 октября выразили негодование в адрес пристава Соколова, «который организовал на Атаманском хуторе... черносотенную манифестацию, которая прошла по городу с царским портретом и флагами, крича; “Шапки долой!” и выкрикивая угрозы по адресу публики, которая толпилась на тротуарах, причем больше всего тычков и толчков доставалось попадавшимся навстречу учащимся в форме»⁹³.

21 октября, в связи с празднованием годовщины восшествия Николая II на престол, над присутственными местами и железнодорожным вокзалом были вывешены национальные флаги. Вскоре к начальнику станции пришли контролер Дагаев и железнодорожный врач, социал-демократ Виноградов и посоветовали снять их, дабы не вызывать раздражение у рабочих и служащих. Чиновник, подумав, распорядился выполнить рекомендацию. «Не прошло и десяти минут, как появилась толпа, состоящая из пассажиров, отчасти из рабочих и служащих. Она потребовала водворить флаги на место. После этого растущая толпа “патриотов” направилась к зданию железнодорож-

---

⁹² Революционное движение в Омске в годы первой русской революции (1905–1907): сб. док. материалов. Омск, 1957. С. 59.

⁹³ Цит. по: *Ищенко О. В.* Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.): дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2011. С. 415.

ного собрания, где в это время собиралась очередная сходка забастовщиков, и потребовала у собравшихся также вывесить на здании национальный флаг». Началась драка, после чего «патриотическая партия» с пением гимна, портретами царя и флагами прошла до центра Омска и обратно. 22 октября происходили избиения забастовщиков. «Патриоты» составили список из 28 чел., подлежащих экзекуции: врачи Ишерский и Курзаев, машинисты Рабинович, Лойковский, Помазовский и др. 23 октября черносотенцы избили приехавших в Омск для координации забастовки и обмена опытом членов делегаций железнодорожников из Челябинска, Кургана и Петропавловска. «С трудом вооруженному караулу удалось отбить делегатов». После этого к начальнику военной охраны Сибирской железной дороги полковнику Сыропятову пришла делегация железнодорожников и потребовала принять меры «к ограждению жителей от могущей быть резни». 24 октября вместе с окончанием забастовки бесчинства прекратились, а «железнодорожные кварталы стали круглосуточно охраняться пешими и конными патрулями»⁹⁴.

Своеобразным отзвуком происходившего стало распространявшееся в Омске 1 ноября 1905 г. обращение членов патриотического кружка – истреблять анархистов. «Патриоты» предупреждали ряд лиц (Шостак, Пищиков, Дзюбинский, Кабалкин, Клюев, Гильман, Познер, Левин и др.), занимающихся антиправительственной деятельностью, что те должны покинуть город, в противном случае будут уничтожены⁹⁵.

И еще на один момент стоит обратить внимание на примере развития ситуации в период всеобщей стачки в Омске. Речь идет о взаимодействии железнодорожников путем организации рабочих делегаций. Явочным порядком вне расписания формировались поезда, на которых осуществлялись поездки на соседние станции или крупные узловые центры. О назначении таких маршрутов можно судить по телеграмме, полученной в Омске: «22 октября в 2 часа 50 минут дня проследовал в Омск специальный поезд с выборными от депо Челябинск и Курган, к которым присоединились трое выборных от депо Петропавловск, для выяснения причин забастовки. Паровоз увешан флажками,

⁹⁴ Очерки истории города Омска. С. 232.

⁹⁵ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в 1895 – марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск, 2004. С. 29.

спереди большой красный флаг с надписью: “Да здравствует свобода!”»⁹⁶. Забастовщики активно использовали служебный телеграф для координации действий и обмена информацией.

В Тобольской губернии реакция на забастовку и Манифест 17 октября была не однозначной. В немногочисленном Тюкалинске (6,5 тыс. чел.) 26 октября: «Народ спешил в собор, где будет читаться манифест. Затем следовал благодарственный молебен. После молебна учащиеся с многочисленной толпой народа, неся впереди портреты царских особ, обошли весь город и перед училищными зданиями пели: “Боже, царя храни”. Вечером город был иллюминирован»⁹⁷. В более многочисленной Тюмени реакция общественности уже не была такой однозначной. 19 октября после обеда «образовались две партии манифестантов; первая состояла из интеллигентного класса и молодежи человек в 300, несла флаг с надписью: “Да здравствует свобода”, пела “Национальный гимн», кричала “Ура!”, “Привет желанной свободе”; вторая в количестве 100, состоявшая главным образом из полупьяных весьма подозрительных личностей, с криками: “Да погибнет политика”, “Да здравствует самодержавие”, “Долой революцию”, “Бить гимназисток”, “Бить реалистов”. Только счастливая случайность позднего времени спасла учащихся от рук диких “патриотов”. При столкновении произошла небольшая драка»⁹⁸. Тюменская городская дума на своем чрезвычайном заседании 19 октября поблагодарила императора за дарованные милости телеграммой следующего содержания: «Тюменская Городская Дума в торжественном заседании 19 сего октября всенародно и с чувством радости выслушала данный тобою в 17 день октября знаменательный акт величайшей государственной важности, коим уничтожен произвол, царивший над истрадавшей от угнетения родиной, признаны права человека и гражданина, отныне издающего параллельно с Тобюю законы родной страны»⁹⁹.

⁹⁶ Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 годах: сб. документов и материалов. Алма-Ата, 1955. С. 75.

⁹⁷ Сиб. листок (Тобольск). 1905. 10 нояб.

⁹⁸ Сиб. листок, 1905, 23 окт.

⁹⁹ Цит. по: *Филиппов Д. В.* Политическая деятельность Тюменской городской думы в годы Первой русской революции // Словцовские чтения — 2003: Материалы XV Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 52.

Тюменские железнодорожники бастовали 13–25 октября. 16 октября вышли на демонстрацию с пением «Марсельезы» гимназистки и реалисты. 18 октября они устроили сходку¹⁰⁰. Учащиеся потребовали свободы собраний, кружков, неприкосновенности личной переписки, ликвидации внешкольного надзора, свободы совести вплоть до отмены обязательного посещения богослужений, прекращение преподавания Закона божьего и т.д. Интеллигенция создает «родительский кружок» (впоследствии семейно-педагогический), который пытался направить общественную активность молодежи в русло борьбы за конституционное переустройство общества¹⁰¹. 21 октября состоялись демонстрация и митинг рабочих, служащих, горожан под политическими лозунгами. 24 или 25 октября собрание уполномоченных от рабочих приняло решение о создании своего легального рабочего клуба, который функционировал с 29 октября 1905 по 15 января 1906 г. Число его членов составило 400 рабочих. Согласно уставу, «цель клуба союза рабочих – организация рабочих товарищей во имя рабочей идеи, для чего в клубе устраиваются общие собрания товарищей для обсуждения своих нужд, существует библиотека и читальня, при клубе организуется рабочая касса, а также литературные чтения и полезные спектакли». Предприниматель В. П. Бурков уступил для клуба нижний этаж своего дома, а пароходовладелец И. И. Игнатъев подарил библиотеку.

Как и во всех крупных городах региона, в Тюмени в октябрьские дни также обострилась угроза черносотенных акций. По городу поползли слухи, что скоро состоится погром, будут убивать евреев, поляков, учителей. 27 октября городская дума собралась на чрезвычайное заседание, для того чтобы, по выражению городского головы А. И. Текутьева, «не допустить в Тюмени беспорядков, какие имели место в других российских городах». Собравшиеся проанализировали ситуацию, сложившуюся к концу октября. Отметили хождение всевозможных слухов, а также регулярные сборища на старом кладбище толпы до 200 чел. с целью обсуждения вопроса об организации «внезапного

¹⁰⁰ *Ищенко О. В.* Указ. соч. С. 411.

¹⁰¹ *Алексеев Д. В.* Новые сюжеты по истории политической борьбы 1905–1907 гг. в Зауралье // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 1999. Вып. 3. С. 129–130.

погрома магазинов и домов капиталистов». Продемонстрировали гласные воззвание некоего «Комитета народной свободы» с призывом устроить погром железнодорожной станции как профилактическую меру от «забастовок и забастовщиков». Принимается решение создать «Союз самообороны», а при нем – отряды самообороны, для которых на средства муниципалитета закупить оружие. Городской голова обратился к населению с призывом организовывать дружины для предупреждения «массовых движений безработников и манифестантов, желающих производить беспорядки»¹⁰². Из губернской столицы в МВД доносили: «В Тюмени организована самооборона – 200 человек, вооруженных винтовками, имеется 300 вооруженных рабочих и других лиц, вооружено реальное училище; три магазина оружия; полиции 50 человек, столько же солдат, ненадежных...»¹⁰³.

В Тобольске 20 октября забастовали 58 рабочих трех местных типографий. Ранее, 15 октября, слушатели духовной семинарии подписали петицию с требованием радикальной реформы учебно-воспитательного дела и отказались продолжать занятия. 19, 20, 22 октября в городе проходили демонстрации и митинги под политическими лозунгами, на которых выступали местные общественные деятели из числа либералов: П. С. и А. С. Сухановы, А. Н. Ушаков, Ф. Н. Рожковский и др.¹⁰⁴

В Кургане общегородская забастовка проходила с 15 по 25 октября. Начали ее железнодорожники, к которым присоединились почтово-телеграфные служащие, торговые служащие (не менее 300 приказчиков), рабочие казенного винного склада и ряда других предприятий. Выработка требований осуществлялась на общегородских сходках 16, 17 (4 тыс. чел.), 22 и 24 октября. Действовал стачечный комитет железнодорожников в составе: А. Ф. Сухорукова, М. Ф. Врачинского (фельдшер), К. Ф. Голотина (токарь), В. Г. Гурова (токарь), Г. Т. Вельцева (телеграфист), И. Н. Сулева (телеграфист), Н. В. Кончинского (кассир), К. С. Краюшкина (десятник), А. Ф. Селенко (таксировщик), Г. И. Старостенко (смазчик), А. Н. Ушкова (служащий), Ф. Э. Салатко-Петрище (студент-практикант). Выдвинуты были в основном экономические требования. 15 октября прошла сходка, пе-

¹⁰² Там же. С. 418.

¹⁰³ *Иваненко А. С.* Четыре века Тюмени. Тюмень, 2004. С. 183.

¹⁰⁴ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 241. Л. 1.

перосшая в демонстрацию. 19 октября состоялась общегородская демонстрация, разогнанная в центре города войсками, 40 чел. получили ранения, был арестован руководитель стачкома А. Ф. Сухоруков. Вскоре демонстранты вновь собрались у городской тюрьмы, требуя его освобождения. Опасаясь осложнений, власти выполнили это требование. 20 октября под руководством социал-демократов прошла уже вооруженная демонстрация приблизительно 3 тыс. рабочих, служащих и учащихся в центральной части Кургана¹⁰⁵.

Наконец в отдаленный Якутск известие о Манифесте 17 октября пришло 22 октября 1905 г. 30 октября, после «народных чтений его у городской думы, состоялась демонстрация с пением “Марсельезы” и “Варшавянки”. В мероприятии участвовали политические ссыльные, учащиеся, учителя, рабочие, приказчики торговых фирм. Собравшись у резиденции губернатора и областного управления, они выкрикивали: “Долой полицию!”, “Долой губернатора!”, “Долой самодержавие!”»¹⁰⁶.

Осуществленный мной краткий обзор событий, связанных с Октябрьской политической стачкой 1905 г. в Сибири, позволяет говорить о ее массовом характере. Ведущей силой протестных акций по линии Транссиба выступали железнодорожные рабочие и служащие, в средних и крупных городах, также интеллигенция, средние городские слои, студенты томских вузов, учащиеся старших классов, приказчики, служащие и чиновники. Следует признать руководящую роль организаций РСДРП в организации, «раскручивании» и пропагандистском обеспечении выступлений (стачки, митинги, собрания, сходки, демонстрации и т. д.) в Чите, Иркутске, Красноярске, Томске, Ново-николаевске, Барнауле, Кургане. Наиболее радикальный характер события приобрели в крупных городах с более сложной социальной структурой населения (Чита, Иркутск, Красноярск, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул).

Проанализированные выше факты погромных действий в Омске, Томске, Барнауле, Красноярске, Иркутске необходимо рассматривать с учетом противостояния либерально-революци-

¹⁰⁵ Горелов В. А. Курганские большевики в революции 1905–1907 гг.: исторический очерк. Челябинск, 1956. С. 35–48.

¹⁰⁶ Калашников А. А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000. С. 315.

онной демократии и «патриотически» настроенных обывателей. Главными участниками погромных акций стали мещане и выходцы из крестьян (мелкие торговцы, ремесленники, извозчики, мясники и т.д.). Так, среди 14 чел. (о которых имеются сведения), осужденных в 1909 г. Томским окружным судом как участников погрома 20–22 октября 1905 г. по статьям: «учинение насилия разным лицам», «похищение и повреждение имущества», «поджог», «участие в публичных скопищах», учинивших вторжение в чужие жилища и т.д. – семеро являлись мещанами, а остальные – крестьянами в возрасте от 27 до 48 лет¹⁰⁷.

На короткое время «старые» (традиционалистские) городские социальные группы консолидировались на почве защиты самодержавия и собственных интересов. При этом «патриоты» показали в рассмотренных событиях высокий уровень организации. Достаточно вспомнить, что в Омске и Барнауле они имели списки подлежащих репрессиям, дважды оглашался перечень врагов престола в Томске. На примере Барнаула и Томска в осуществлении погромных акций можно выделить два этапа: на первом происходили массовые контрреволюционные выступления, на втором к «патриотам» присоединялись девиантные элементы и начинался грабеж. В Иркутске обозначенные этапы совпали по времени. Объясняя подобные ситуации, В. Г. Вишневский пишет: «Спору нет, фермер или лавочник – далеко не всегда аристократы духа. В разных странах они не раз ощущали себя “массаами”», собирались в фанатичные толпы, становились участниками факельных шествий и погромов... В рассуждениях о мещанстве историка или социолога речь вообще должна идти не об отдельных людях, а о социальном слое, который, достигнув определенной зрелости, по соображениям собственной выгоды начинает играть стабилизирующую роль в обществах»¹⁰⁸.

Что касается направленности действий черносотенцев, то антисемитский характер имели их выступления в Томске и Иркутске, четко выраженный антиинтеллигентский – в Томске и Барнауле; преследовали железнодорожников в Омске и Том-

---

¹⁰⁷ Дело о погроме в Томске в 1905 году: отчет о судебном заседании Томского окружного суда. Томск, 1909. С. 100–101; ГАНУ. Ф п. 5. Оп. 2. Д. 183. Л. 30.

¹⁰⁸ Вишневский А. Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 107–108.

ске. Погромы, помимо всего прочего, отражали радикальную реакцию народных «низов» против носителей модернизационных процессов (интеллигенты, студенты, железнодорожники, телеграфисты). В Томске в качестве катализатора черносотенных настроений выступил факт выдачи жалования бастующим служащим Управления Сибирской железной дороги в условиях, когда мещанская часть горожан из-за той же забастовки лишилась заработка. Поведение властей в рассмотренных случаях характеризуется, за редким исключением (Омск), непоследовательностью и нерешительностью. Они просто не были готовы к такому развитию событий. Характерно, что в Томске губернатор уговаривал городского голову как можно дольше продолжать митинговую страду в закрытых помещениях, предлагая использовать в этих целях самые вместительные залы города. При этом постоянно повторял: «Поговорят, успокоятся»¹⁰⁹.

Еще одним важным моментом, проявившимся в погромных акциях октября 1905 г., стало падение престижа православной церкви и ее клира. Внешне акции сопровождались молебнами, литургиями, увещаниями. Однако практически попытки духовенства повлиять на поведение паствы успеха не имели. Об этом можно говорить на примере Барнаула и Томска. «Дважды в первый вечер погрома 20 октября 1905 г., – пишут С. А. Исаков и Н. М. Дмитриенко, – когда в подожженном черносотенцами здании железнодорожного управления гибли люди, М[акарый] выходил на Ново-Соборную площадь и просил прекратить убийства и пожар, но не смог справиться с многолюдной возбужденной толпой. Назавтра, услышав, что грабят магазины, он вновь кинулся на улицу, уговаривал народ разойтись, но тщетно. Он пытался успокоить толпу, выступив с балкона губернаторского дома, и услышал в ответ: “Что ты, батька, ни говори, а мы их все равно поколотим”»¹¹⁰.

Упомянутые выше погромные акции отчетливо продемонстрировали, чем могут обернуться политические свободы в условиях отсутствия гражданского общества и его носителей. Революционные события 1905–1907 гг. вызвали вопль ужаса у определенной части российской интеллигенции, позицию которой

¹⁰⁹ Дело о погроме в Томске... С. 47.

¹¹⁰ Исаков С. А., Дмитриенко Н. М. Томские архиереи: биографический словарь. Томск, 2002. С. 46.

выразил сборник «Вехи». М. О. Гершензон в самораскаянии пророчествовал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»¹¹¹.

Манифест 17 октября 1905 г. был восторженно встречен либералами и средними городским слоями малых и средних городов Сибири (Тюкалинск, Барнаул, Тобольск, Верхнеудинск, Кяхта и т.д.). В более крупных городских поселениях региона отношение к нему было неоднозначным. Продолжили курс на дестабилизацию ситуации и вооруженное восстание социал-демократы и часть эсеров. На позицию поддержки его положений постепенно стали переходить либералы, прежде всего их интеллигентные слои. На развитие событий в последующем повлияли результаты октябрьской стачки, а также полученный опыт, в том числе негативный. Кое-где (Красноярск, Иркутск, Чита) события, не прекращаясь, продолжали развиваться в сторону радикальных изменений.

3.2. ДВОЕВЛАСТИЕ: ЧИТА, ИРКУТСК, КРАСНОЯРСК

В Чите после амнистии 21 октября 1905 г. оказалась большая группа профессиональных революционеров, возглавивших комитет РСДРП: В. К. Курнатовский, Н. В. Бабушкин, Н. В. Лурье, Н. Н. Кудрин, еще с августа здесь работал А. А. Костюшко-Валюжанич. В своей повседневной деятельности они опирались на рабочих-железнодорожников читинского узла и станций Оловянная, Хилок, Борзя, Верхнеудинск. Основное внимание обращалось на военнослужащих местного гарнизона и следующие из Маньчжурии эшелоны. На 27 общих с рабочими собраниях и 7 митингах конца 1905 г. в большом количестве присутствовали казаки и солдаты¹¹². Активизировали свою деятельность местные эсеры, которые в ноябре провели Забайкальский областной съезд социалистов-революционеров.

Под воздействием общей ситуации в стране и массовой пропаганды радикалов 16 ноября на общем собрании рабо-

¹¹¹ Гершензон М. О. Творческое самосознание // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 90.

¹¹² Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 268.

чих и военнослужащих в железнодорожных мастерских (4 тыс. участников) последние приняли резолюцию, в которой выразили готовность «бороться вместе с рабочими под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии против самодержавного правительства»¹¹³. 22 ноября 1905 г. на собрании избирается Совет солдатских и казачьих депутатов РСДРП во главе с А. А. Костюшко-Валюжаничем. 25 ноября на собрании офицеров, военных врачей и военных чиновников Читинского гарнизона принимается следующее постановление: «Мы, военнослужащие Читинского гарнизона, как истинные сыны России, решительно заявляем, что существующее самодержавное правительство, вся деятельность которого направлена во вред народу, признаем лишенным доверия страны и поэтому все исходящие от него приказы и распоряжения не подлежат исполнению, если они клонятся ко вреду народа... требуем немедленного созыва Учредительного Собрания». Документ подписали 22 офицера, 31 врач и 6 чиновников¹¹⁴. На этом же собрании формируется Союз военнослужащих Читинского гарнизона, который, хотя и не поддерживал радикальные устремления революционеров, но стремился наладить сотрудничество с Советом солдатских и казачьих депутатов.

В ноябре 1905 г. создается Комитет Забайкальской железной дороги во главе с Я. М. Ляховским. 15–16 ноября на всей территории Забайкальской области забастовали почтово-телеграфные служащие, вскоре к ним присоединились полиграфисты. 26 ноября началась стачка железнодорожников, к которой примкнул персонал отдельных станций Забайкальской железной дороги. В тот же день на общем собрании был избран Смешанный комитет по перевозке войск, в который вошли социал-демократы А. А. Костюшко-Валюжанич, Н. Н. Суслов, П. Д. Качаев, А. И. Парамонов, эсер П. И. Кларк. Главной задачей комитета являлась организация быстрой перевозки из Маньчжурии примерно 600 тыс. запасных и значительного количества кадровых военнослужащих, поскольку, как уже сообщалось выше, интенсивность движения на Забайкальской железной дороге в декабре 1905 г. по сравнению с обычной ситуацией сократилась с 6 до 2 эшелонов в сутки. Данное обстоятельство

¹¹³ Забайкальский рабочий. 1905. 7 дек.

¹¹⁴ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 119. Л. 1.

сильно озлобляло рвущихся домой фронтовиков и порождало эксцессы. Для оправдания Харбинский комитет РСДРП 15 декабря 1905 г. издал листовку с выразительным заголовком «Когда запасники уедут на родину?», которая начиналась с обращения: «Солдаты! Вы спрашиваете, отчего вас не везут на родину? Ведь со дня “замирения” с японцами, с 23 августа прошло уже 4 месяца, или 120 дней, и за все это время, если бы даже 6 поездов увозили домой, то, считая в каждом поезде по 30 вагонов, а в вагоне по 40 человек, можно было бы увезти в день 7200, а в 120 дней – 864 000 человек. А это чуть ли не вся армия». Промедление объясняется нерасторопностью властей и октябрьской всеобщей политической забастовкой. «Вся жизнь в России остановилась. Правительство трусило и 17 октября издало манифест о свободе. Забастовка прекратилась и железные дороги после пятидневного перерыва снова покатали войска и воинские грузы»¹¹⁵. Подобные читинскому стачечные и смешанные комитеты были созданы на целом ряде станций дороги, по мнению заместителя начальника этой дороги, с целью «полностью захватить дорогу в свои руки». Поэтому в ближайшее время, все распоряжения начальника дороги за Байкалом в рассматриваемое время «не исполнялись, за исключением тех, которые признавались революционными комитетами желательными»¹¹⁶.

Вопрос об установлении полного контроля стачечными и смешанными комитетами за движением на магистрали и отстранения чиновников от этого процесса был поставлен на съезде рабочих и служащих дороги 4–12 декабря в Чите. Делегаты признали необходимым «полный переход управления над дорогой в руки выборных от служащих и рабочих дороги». Но в итоговой резолюции признали, что «у них нет достаточно силы и средств привести это в исполнение». Собравшийся 14 декабря в Иркутске съезд делегатов от всей Забайкальской дороги четко высказался против взятия смешанными комитетами власти¹¹⁷.

Что касается сферы защиты интересов железнодорожников, подготовленные ими еще в августе–сентябре 37 требований были

---

¹¹⁵ Лембергская В. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный архив, 1926. Т. 4/5. С. 377–378.

¹¹⁶ Мелентьев А. С. Забайкальская железная дорога во время мира и русско-японской войны. 1900–1907. Асхабад, 1911. С. 118, 107.

¹¹⁷ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 270.

дополнены в ходе октябрьской всеобщей политической стачки и в виде пакета из 10 документов рассмотрены на специальном совещании в Иркутске в управлении Забайкальской железной дороги 29 октября – 4 ноября 1905 г. (в течение семи дней) специальной комиссией в составе: начальника военных сообщений тыла Манчжурской армии, полковника П. М. Захарова (председатель), начальника дороги А. А. Свентицкого, военного инженера, полковника А. Д. Гаскета, инженера В. Д. Поливанова, заместителя начальника дороги А. С. Мелентьева и еще 10 руководителей служб Управления дороги.

Всего обсуждалось 260 предложений, сформулированных в виде отдельных пунктов требований. Их условно можно разбить на семь блоков: оплата труда (повышение расценок; регулярная выдача зарплаты; увеличение наградных и мобилизационных; отмена штрафов; оплата простоев не по вине паровозных бригад; справедливые расчеты с Обществом потребителей и др.); сокращение рабочего времени (8–9-часовой рабочий день; отмена сверхурочных работ, ограничение детского труда и т. д.); улучшение условий труда (оборудование паровозов для эксплуатации в зимних условиях, регулярная выдача форменной одежды; использование угля лучшего качества; организация бюро по приему персонала; уведомление об увольнении за две недели и т. д.); социальное обеспечение (отмена пенсионных взносов и пожизненная пенсия инвалидам; полная оплата больничных; выдача пособий в случае увечья работника, его смерти или появления новорожденного в его семье, а также при возвращении в Европейскую Россию; ежегодные оплачиваемые отпуска; оплачиваемые отпуска женщинам-роженицам; устройство ясель); расширение прав работников (проведение ежегодных съездов делегатов дороги с целью решения бытовых проблем; участие представителей рабочих при назначении зарплаты, при приеме и увольнении, при аттестации; право перехода на другие железные дороги; оплата стачечных дней; организация товарищеских судов и т. д.); народное образование (бесплатное обучение детей в железнодорожных школах; улучшение преподавания в них; открытие училища на ст. Борзя и т. д.); улучшение медицинского и санитарного обслуживания (организация службы скорой помощи, аптек и фельдшерских пунктов; увеличение числа врачей и медицинских работников; устройство комнат отдыха и душевых; открытие больницы на ст. Хилок и бани на ст. Бор-

зя и т.д.). По малозначимым требованиям комиссия дала положительное заключение. Например, в связи со слабым освещением в аппаратных комнатах она записала: «усилить немедленно освещение, добавить лампы и заменить негодные». Подавляющая же часть требований была отклонена или отложена в «долгий ящик» («Совещание возбудит ходатайство перед Управлением ж.д. о бесплатном обучении детей»)¹¹⁸. Такая позиция властей, безусловно, провоцировала дальнейшее обострение ситуации на дороге и усиление революционного брожения.

По инициативе забастовщиков 22 ноября в Читинских железнодорожных мастерских и депо явочным порядком вводится 8-часовой рабочий день. 4 ноября по инициативе комитета РСДРП в городе прошла пятитысячная демонстрация. «Около дома губернатора толпа остановилась». К «маленькому самодержцу» была отправлена депутация с требованием освободить немедленно из тюрьмы Кривоносенко (Д. И. Кривоносенко. – рабочий, член Читинского комитета РСДРП – *М. Ш.*) и двух казаков с военной гауптвахты. Требования были удовлетворены. Было предъявлено требование – освободить матросов с «Прута», заключенных в Акатуйскую тюрьму. Губернатор сказал, что удовлетворить это требование не может, но обещал послать телеграмму на имя министра. После освобождения арестованных демонстранты разошлись «Демонстрация охранялась все время рабочей самообороной»¹¹⁹. 29 ноября Смешанный комитет по перевозке войск обратился по телеграфу с призывом ко всем железнодорожникам магистрали для «усиления перевозки войск» «к совместной энергичной работе путем организации подобных же комитетов и просит возможно скорее дать сведения о количестве паровозов и теплушек, находящихся на дорогах, о состоянии продовольственного вопроса, о количестве пропуска поездов при активной деятельности комитетов»¹²⁰. Наконец, 11 декабря 1905 г. съезд смешанных комитетов Забайкальской железной дороги в Чите призвал рабочих и служащих взять власть

¹¹⁸ Горюшкин Л. М., Познанский В. С. Столкновение труда и капитала на Забайкальской железной дороге // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 40–80.

¹¹⁹ Забайкальский рабочий. 1905. 7 дек.

¹²⁰ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.): сб. документов и материалов. Иркутск, 1981. С. 136.

на ней в свои руки¹²¹. 22 декабря почтово-телеграфные работники захватили почту и телеграф.

Несмотря на отказ военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта И. В. Холщевникова освободить 15 матросов с учебного судна Черноморского флота «Прут», команда которого в июне 1905 г. присоединилась к восставшим на броненосце «Потемкин», из Читы в Акатуй в декабре прибыла внушительная делегация из представителей Смешанного комитета и Совета солдатских и казачьих депутатов и потребовала немедленного освобождения заключенных. Начальник тюрьмы без всяких проволочек выполнил требование вооруженных людей. Возвращение матросов в Читу превратилось в триумфальное шествие с проведением митингов на станциях и в самом городе. «Вероятно, – предполагает З. В. Мошкина, – читинские социал-демократы, освобождая матросов, планировали разослать их в качестве ударной силы по железнодорожным станциям Сибирской железной дороги для выполнения особых поручений, требующих навыка обращения с оружием, в том числе и для добычи денег»¹²².

Забастовщики воспользовались наличием в Чите большого количества оружия и начали его планомерное изъятие из вагонов и складов. 17 декабря «был силой отцеплен вагон № 556266 с 142 ящиками трехдюймовых пушечных патронов и подан в мастерские железнодорожной ст. Чита, где и задержан; а в ночь с 20 на 21 декабря 1905 г. по требованию милиции толпой мастеровых и рабочих был выгружен вагон № 173329 с 2170 трехлинейными винтовками». 6 января 1906 г. «около 9 часов вечера толпа рабочих Читинских железнодорожных мастерских разграбила временный оружейный цейхгауз... унеся 787 винтовок, 16 револьверов и 9 шашек»¹²³. Всего же к середине января 1906 г. в распоряжении рабочих дружин города имелось свыше 32 тыс. винтовок, 3600 тыс. патронов, несколько сот револьверов и свыше 10 тыс. патронов к ним, сотни пудов взрывчатки и 900 пи-

¹²¹ Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск, 2000. Т. 1. С. 188.

¹²² Мошкина З. В. Черноморские матросы в событиях читинского вооруженного восстания // Изв. Иркутск. гос. ун-та. Сер. история. Иркутск. 2009. Т. 1. С. 123, 127, 130.

¹²³ История рабочего класса Восточного Забайкалья. С. 140–142.

роксилиновых шашек»¹²⁴. Такого количества оружия хватило бы на оснащение целого армейского корпуса. Оно направлялось на все станции дороги для вооружения боевых дружин. В частности, 7 января 1906 г. с этой целью было отправлено 4 вагона с оружием, а 15 января И. В. Бабушкин выехал в Иркутск с двумя вагонами оружия.

С 7 декабря в Чите в захваченной забастовщиками типографии тиражом 8–10 тыс. экз. стала выпускаться газета «Забайкальский рабочий», редактируемая В. К. Курнатовским. В ее первом номере, в передовой, написанной редактором, заявлялось: «Наша борьба совершается в атмосфере братского сочувствия пролетариата всех стран. Для германского или французского рабочего наша победа – это победа, наше поражение – это их поражение... Сшивая саван царскому самодержавию, мы освобождаем от него не только себя, мы освобождаем от него весь европейский пролетариат»¹²⁵. Выходила газета до 22 марта 1906 г. (последние номера выпускались нелегально) и распространялась по всей Забайкальской области.

Военный губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант И. В. Холщевников, как уже говорилось выше, почти беспрекословно выполняет требования радикалов. Более того, он просит руководителя Совета солдатских и казачьих депутатов А. А. Костюшко-Валюжанича разрешить в захваченной революционерами типографии областного управления выполнять заказы администрации. И получает ответ, «что типографии будут выполнять любые работы, кроме заказов жандармского управления или заказов, связанных с каким-либо ущемлением прав гражданина»¹²⁶. Свою позицию генерал объяснял тем, что находился в критическом положении из-за ненадежности гарнизона. Действительно, на экстренном совещании в декабре командиров частей Читинского гарнизона под его руководством констатируется, что «освободительное движение приняло в Забайкалье настолько широкие размеры, что захватило все классы населения, не исключая и военных» и «численность гарнизона совершенно недостаточна, чтобы предотвратить революционный

¹²⁴ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 269.

¹²⁵ Забайкальский рабочий. 1905. 7 дек.

¹²⁶ Гуро И. Р. Подвиг Антона Костюшко. М., 1961. С. 46.

захват почтово-телеграфной конторы»¹²⁷. За эту линию поведения начальника области впоследствии отстранили от должности и отдали под суд.

Сложившуюся ситуацию в Чите в конце 1905 – начале 1906 г. исследователи 1920–1970-х гг. однозначно квалифицировали как победу революции, как период существования «Читинской республики». В последующем эта формулировка сохранилась, правда, без указания на создание новой власти, но с акцентом на то, что «работа правительственных органов была практически парализована»¹²⁸. Одни отсчет истории «республики» начинали с 22 ноября 1905 г., другие с 22 декабря того же года. На мой взгляд, в рассматриваемое время в Чите, как и в ряде других городов Сибири, в результате взаимодействия радикалов и либералов устанавливается ситуация двоевластия, т. е. сосуществования органов государственного управления (губернатор, полиция, воинские начальники, жандармерия, прокуратура, железнодорожные чиновники) и созданных радикалами под руководством комитета РСДРП новых управленческих структур (Совет солдатских и казачьих депутатов, Смешанный комитет по перевозке войск, Союз военнослужащих гарнизона, профсоюзы и т.д.), опирающихся на многочисленные вооруженные дружины.

Пожалуй, наиболее объективную картину происшедшего в Чите в рассматриваемый период воссоздал по горячим следам помощник начальника Иркутского ГЖУ в донесении от 6 июля 1907 г.: «В конце 1905 и в начале 1906 г. социал-демократическая рабочая партия являлась уже настолько сильной организацией, что ей, хотя и на время, но уступили свою власть органы местной правительственной власти. Почта и телеграф, охранение общественного порядка, пути сообщения, хотя и временно, но находились в руках социал-демократической партии. Эта партия... уже полагала, что *почти* (выделено мной. – М. Ш.) достигла исполнения главной своей цели: ниспровержения существующего государственного строя, что еще один дружный натиск на ненавистное правительство – и на их стороне торжество победы. Она усиленно готовилась к решительному бою,

¹²⁷ Смирнов Н. Н. Слово о забайкальских казаках. Волгоград, 1994. С. 340.

¹²⁸ Константинов А. В., Константинова Н. Н. Очерки истории Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита, 2002. С. 232; Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. С. 188.

запасаясь оружием, разграбленным из поездов, следовавших на театр военных действий. Не встречая в лице органов правительственной власти должной преграды своим стремлениям, она дошла до того, что вполне обезличила эту правительственную власть, которая преклонялась и заискивала перед ней»¹²⁹. Но даже в этом документе не говорится о полном захвате власти революционерами в столице Забайкалья.

В Чите не был создан единый орган новой революционной власти, хотя А. А. Костюшко-Валюжанич одновременно являлся председателем Совета солдатских и казачьих депутатов и Смешанной комиссии по перевозке войск; не было создано Совета рабочих депутатов, хотя упомянутая выше комиссия выполняла отдельные его функции; не была отстранена от управления железной дорогой ее администрация. Тот же А. А. Костюшко-Валюжанич только «ставил вопрос о необходимости революционного смещения всех чиновников на железной дороге, не желающих подчиняться распоряжениям “смешанных комитетов”»¹³⁰. Однако полного захвата власти на дороге и железнодорожном узле Читы не произошло, и в городе до 19 января 1906 г. сохранялось двоевластие.

23 декабря 1905 г. император Николай II подписал указ о введении военного положения в городах и уездах вдоль линии Сибирской и Забайкальской железных дорог. 1 января 1906 г. из Москвы и 9 января из Харбина для наведения порядка отправлялись карательные экспедиции генералов А. М. Меллер-Закомельского и П. К. Реннекампа. Отстраняется от должности И. В. Холщевников и на его место назначается генерал-майор А. В. Сычевский. 19 января, прибыв в Читу с ротой солдат, Сычевский разоружил опору читинских радикалов – 3-й железнодорожный батальон. Ночью 21 января к городу с востока подошли четыре эшелона экспедиции Реннекампа. В железнодорожных мастерских, опоясанных окопами и с заминированными подходами, сосредоточилось для отпора 1,5 тыс. дружинников. В ночь на 22 января Читинский комитет РСДРП и Читинский совет рабочих дружин принял решение: «Вооружен-

¹²⁹ История рабочего класса Восточного Забайкалья... С. 155.

¹³⁰ Познанский В. С. Провал плана реакции использовать Маньчжурскую армию в борьбе с революционным движением // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 91.

ного сопротивления не оказывать, революционную борьбу вести в подполье и готовиться к грядущим боям». В передовой статье «Забайкальского рабочего» подчеркивалось: «Главной причиной сдачи нужно считать оторванность Читы от России. Каждый рабочий невольно чувствовал, что без поддержки товарищей других городов сопротивление является бесцельной жертвой»¹³¹.

Началась расправа над побежденными. 28 февраля 1906 г. военный суд за организацию и вооружение боевых дружин, хищение из вагонов казенного оружия, организацию вооруженного восстания местного населения и рабочих для ниспровержения существующего в России государственного строя приговорил А. А. Костюшко-Валюжанича, И. А. Ванштейна, П. Е. Столярова, Э. В. Цупсмана к смертной казни через повешение. Не помогло заступничество местного епископа Мефодия. Генерал П. К. Ренненкампф заменил повешение на расстрел. 2 марта приговор привели в исполнение. Участники освобождения матросов из Акатуйской каторжной тюрьмы были первоначально приговорены к смертной казни через расстреливание с последующей заменой ее на длительные сроки каторжных работ. Всего военными судами в Забайкальской области с 16 января по 21 мая 1906 г. 77 чел. приговорено к смертной казни, 15 – к каторжным работам и 18 – к различным срокам тюремного заключения¹³².

Военный губернатор области 30 января 1906 г. потребовал от начальников уездов, атаманов и горных исправников «немедленно арестовать лиц, к какому бы званию они ни принадлежали, занимающихся революционной пропагандой и подстрекающих население городское или сельское к сопротивлению властям, самоуправству и самовольному захвату не принадлежащих ему земель, промыслов или иной казенной, кабинетской и частной собственности, арестовать агитаторов, зачинщиков и главных виновников»¹³³. Генерал-лейтенанта И. В. Холщевникова осудили на 16 месяцев заключения в крепости, в 1907 г. помиловали и отправили в армейский резерв. Зато общим собранием Читинского подотдела ИРГО 10 января 1906 г. его избрали в почетные члены формирования, поскольку деятельность,

¹³¹ Забайкальский рабочий. 1906. 12 февр.

¹³² *Ветошкин М. К.* Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание 1905–1906 гг. Чита, 1949. С. 279–280.

¹³³ История рабочего класса Восточного Забайкалья. С. 142–143.

вернее бездействие высшего должностного лица, в рассматриваемое время имела положительное значение «в смысле устранения тех столкновений и кровопролитий, которые были весьма возможны как между правительственными войсками и народом, с одной стороны, так и между самим населением»¹³⁴.

По иному сценарию разворачивались события в Иркутске. 23 октября 1905 г. в кафедральном соборе торжественно огласили Манифест 17 октября, тогда же на основании предписания свыше местные власти освобождают политических заключенных. 26 октября городская дума под сильным воздействием информации о томском погроме принимает решение о создании городской милиции для защиты обывателей от участвовавших грабежей и нападений и формирует для решения этого вопроса специальную комиссию. 28 октября прошел первый митинг военнослужащих местного гарнизона. 30 октября в Общественном собрании социал-демократы проводят митинг с целью обсуждения Манифеста 17 октября. О составе его участников репортер сообщил следующее: «Большой зал общественного собрания, буквально набитый народом. Разряженных дам и господ с модными приборами и модно остриженными бородками не видно. Преобладает мастеровщина всех видов и сортов»¹³⁵. Перед собравшимися выступили Н. Н. Баранский, Петров и В. Е. Мандельберг. По мнению последнего Манифест означал на практике реализацию программы РСДРП¹³⁶. На основании выступления Н. Н. Баранского принимается резолюция: «Бороться с оружием в руках до тех пор, пока не будет сломана вконец сила царского правительства, пока не сделается господином в России сам народ»¹³⁷.

С начала ноября по городу поползли слухи о предстоящем еврейском погроме. 4 ноября социал-демократы на собрании обсуждают вопрос о необходимости проведения общегородской забастовки. 5 ноября генерал-губернатор, граф П. И. Кутайсов телеграфирует управляющему МВД В. Д. Дурново: «Запрещение митингов идет вразрез с манифестом и вашими же инструкция-

¹³⁴ ГАЧО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

¹³⁵ Вост. обозрение. 1905. 1 нояб.

¹³⁶ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 116.

¹³⁷ Революционное движение в Иркутской губернии в период Первой русской революции: сб. документов. Иркутск, 1955. С. 143.

ми, а кроме того запрещать на бумаге легче, чем не допускать на деле. Аресты при настоящем положении дел невозможны и могут кончиться бесполезным кровопролитием и освобождением арестованных. Брожение между войсками громадное, а от Петербургского правительства... я кроме советов ничего не получаю»¹³⁸. До 17 ноября в Иркутске были образованы профсоюзы приказчиков, учителей средней школы, конторщиков банков. До конца года многочисленные кружки учащихся объединились в «Союз учащихся», который подпал под влияние эсеров. Согласно платформе объединения, главной задачей его деятельности провозглашалась консолидация учащихся города с целью «развить в них самосознание, давая то, что не дает современная школа, чтобы приготовить из них силу, могущую принять участие в борьбе за освобождение страны»¹³⁹.

17 ноября 1905 г. связисты города примкнули к всероссийской забастовке почтово-телеграфных служащих. На общем собрании союза служащих почтово-телеграфного ведомства 20 ноября принимается резолюция с требованием созыва Учредительного собрания¹⁴⁰. 17-го же числа городская дума выслушала предложение И. И. Попова об организации в Иркутске «народной милиции... ввиду тревожного состояния жителей, находящихся под страхом грабежей и погромов, и непригодности правительственной полиции как органа защиты имущественной и личной безопасности граждан». После оживленных прений принимается решение организовать городскую самооборону, для чего заменить «правительственную полицию городской милицией». Для реализации предложения образуется специальная комиссия в составе гласных: М. П. Окунева, И. И. Концевича, Б. П. Шостаковича (председатель), Г. Б. Патушинского и А. С. Первунинского, которая признала необходимость «в самообороне» как минимум в течение трех месяцев и предложила организовать ее в составе 200 пеших и 50 конных вооруженных огнестрельным оружием охранников. Одновременно предлагалось оказать содействие уже существующим «организациям самообороны», выделив из городского бюджета 5 тыс. руб. для замены их «ору-

¹³⁸ Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг.: документы и материалы. М., 1932. С. 49–50.

¹³⁹ *Ищенко О. В.* Указ. соч. С. 423

¹⁴⁰ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 127.

жия более современным и доброкачественным»¹⁴¹. Таких формирований к концу ноября 1905 г. в Иркутске, по подсчетам И. П. Серебренникова было шесть – с общей численностью около 1 тыс. чел. (дружина РСДРП, дружина ПСР, дружина еврейской самообороны, группа учащихся старших классов «Буря» и т. д.). Кроме того, в рассматриваемое время местные эсеры создали еще «боевую организацию» с целью «исполнения террористических актов по отношению к некоторым должностным лицам»¹⁴².

Городская дума предложения комиссии одобрила и поручила городскому голове П. Я. Гаряеву и Б. П. Шостаковичу доложить о решении губернатору «в видах скорейшего получения согласия на исполнения постановления думы со стороны администрации». 22 ноября представители муниципалитета встретились с начальником губернии и изложили свою позицию, аргументируя ее, в частности, тем, «что если дума не возьмет на себя организацию обороны, то общество само займется этим, и что общество требует от думы самообороны, независимой от правительственной полиции и подчиненной лишь городскому общественному управлению». Как видим, иркутяне пошли по пути томичей, которые в двадцатых числах октября первыми в Сибири пытались создать городскую охрану (милицию). Губернатор, имея в своем активе жесткое предписание МВД не допускать создания подобных формирований, выразил готовность поддержать мероприятия городского самоуправления и даже «допустить учреждение комитета из представителей полиции и города для заведывания городской обороны, но под условием подчинения всей полиции ему и полицмейстеру, причем расход на это город должен принять на себя».

В тот же день собравшаяся дума решила «немедленно приступить к организации самообороны на основаниях доклада комиссии, независимо от отношения к этому администрации». Для реализации проекта формируется исполнительная комиссия в составе: Д. М. Кузнецца, М. П. Окунева, Я. Б. и Г. Б. Патушинских, С. С. Кальмеера и К. М. Жбанова. В свою очередь, губернатор 5 декабря предложил думе приостановить реализацию сво-

---

¹⁴¹ Рубцов С., Сысоев А. Иркутское общество и милиция 1905 года // Иркутск: события, люди, памятники. Иркутск, 2006. Сс. 90.

¹⁴² Серебренников И. П. Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – февраль 1917 гг.). Иркутск, 2002. С. 52–53.

его решения, а 9 декабря пригласил к себе на частное совещание А. С. Первунинского, Я. Б. Патушинского и Б. П. Шостаковича, которым была предоставлена информация о положении дел в городской полиции. Наконец, накануне очередного заседания думы 14 декабря начальник губернии попросил П. Я. Гаряева предупредить гласных о том, что «учреждение вольной дружины законом не разрешается и им, губернатором, утверждено не будет». «В результате этих мероприятий исполнительной власти действия думы утратили былой радикализм и категоричность», – констатируют исследователи, изучавшие данный сюжет. Поэтому комиссия предложила гласным сформировать не самооборону, а «кадр конных караульных численностью в 100 человек, по возможности из запасных нижних чинов в виде опыта на три месяца»¹⁴³. Предложения принимаются городской думой на чрезвычайном заседании 15 декабря.

Вопрос о самообороне приобрел такую актуальность в связи с резким обострением криминальной обстановки в Иркутске в конце 1905 г. Скупые строки городской хроники фиксируют: «С 11 на 12 декабря дружина самообороны производила обход и на Больше-Блиновской улице застала шайку грабителей. Убит дружинник Сапожников и двое из шайки Рабовский и Лукьянов. В эту ночь на Иерусалимской горе убит дружинник Доценко и на Ланинской улице подняты два трупа (6 трупов в одну ночь)»¹⁴⁴. Обеспокоенные «ужасающим количеством грабежей и убийств» служащие управления Забайкальской железной дороги выбрали депутацию из 8 чел., которые информировали губернатора о сложившейся ситуации.

Тем не менее губернатор М. Н. Кайгородов отказался признавать законной формирующуюся самооборону, и тогда 25 декабря создается Иркутский объединенный комитет самообороны для пресечения насилия со стороны хулиганов и черносотенцев. Заведыванием, сбором и расходом необходимых средств занялось бюро Иркутского торгово-промышленного союза. В свою очередь городское самоуправление продолжило создание городского караула, выделив для этого необходимые средства и набрав в конный отряд 52 чел., обеспечив их оружием, лошадь-

¹⁴³ Рубцов С., Сысоев А. Указ. соч. С. 90–92.

¹⁴⁴ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 64.

ми, фуражом и т. д. 27 декабря дума вновь обращается к губернатору с просьбой санкционировать ее действия и снова получает категорический отказ. В конечном счете, в связи с введением в городе 24 декабря режима военного положения и спадом революционной волны, 7 января 1906 г. городская дума приняла постановление о роспуске городского караула¹⁴⁵.

На развитие ситуации в городе в конце 1905 г. существенно повлиял вакуум власти. 16 ноября П. И. Кутайсова освободили от должности с назначением членом Государственного совета. И.о. генерал-губернатора временно назначается командир местной 1-й Сибирской пехотной бригады генерал-майор Ласочкин. Вступивший в должность губернатора Иркутской губернии 11 октября генерал-майор М. Н. Кайгородов ко времени рассматриваемых событий заболел и до минимума свел свои управленческие функции. Функции губернатора выполнял гражданский вице-губернатор В. А. Мишин, которому во время покушения 23 декабря прострелили грудь. Раненого чиновника на должности губернатора сменил управляющий казенной палатой И. Л. Лавров, но вскоре и он «заболел», и его сменил советник губернского правления Корейша. И только в конце декабря управляющим губернией высочайше назначается правитель канцелярии иркутского генерал-губернаторства Н. Л. Гондатти. Наконец, 26 декабря у своей квартиры был убит и.д. полицмейстера А. П. Драгомиров. Согласно воспоминаниям Першиной, террористический акт осуществил брат В. И. Сизых, который из берданки застрелил руководителя Иркутского ГПУ¹⁴⁶. Вступив в должность, Н. Д. Гондатти 26 декабря доносил в МВД о вышеприведенных фактах, добавив от себя, что управляющий государственными имуществами Штромберг уехал по делам службы в Петербург, советник Виноградов заявил о своем сочувствии Союзу чиновников, полицмейстер Никольский заболел, «два пристава подали в отставку; городские бегут; городская дума приводит в исполнение отмененное общим присутствием постановление об организации городской самостоятельной охраны; образовалось несколько самооборон противоправительственного характера; постоянно устраиваются митинги...»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ Рубцов С., Сысоев А. Указ. соч. С. 93.

¹⁴⁶ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 188. Л. 10.

¹⁴⁷ Карательные экспедиции в Сибири... С. 58.

Тем временем к забастовке почтово-телеграфных работников присоединились военнослужащие местного гарнизона, которые 28–29 ноября провели митинги в театре и Общественном собрании, а затем начали забастовку, создав военно-стачечный комитет из 30 чел., в том числе от Союза союзов – князь Г. З. Андронников, от социал-демократов – В. Е. Мандельберг, от эсеров – С. Ф. Михалевич. В тот же день на ст. Иркутск на собрании (1 тыс. чел.) избирается Совет депутатов служащих и рабочих управления, депо и станции. На соседней станции Иннокентьевская явочным порядком вводится 8-часовой рабочий день и организуется комитет «Рабочего союза Восточной Сибири и Забайкалья», находившийся под сильным влиянием эсеров. В его состав вошли рабочие И. А. Оношко (председатель), Ф. Н. Сюткин, П. Е. Тархов, И. Д. Франюкевич, В. Т. Сапожников, А. А. Красильников, Р. Я. Грапман, В. И. Корчинский, всего 19 чел. 2 декабря в Иркутске образуется Временный центральный комитет Забайкальской железной дороги из 12 чел. (председатель И. М. Хоммер), выполнявший функции смешанного комитета.

Забастовавшие солдаты на митинге 29 ноября отстранили генерала Ласточкина от руководства гарнизоном, назначив на эту должность поручика Осберга; комендантом избирается прапорщик Золотарев, а командиром казачьего дивизиона – вахмистр С. С. Сизых¹⁴⁸. Последний в своих воспоминаниях дает живую зарисовку происходившего: «Нужно было видеть удовольствие казаков, когда прежде чем войти в казармы дивизиона, каждый из офицеров спрашивал разрешения у дневального у ворот, который, как бы видя их в первый раз, хладнокровно отвечал: “Не приказано пущать”. Только после моего разрешения их впускали. Вошедший в канцелярию дивизиона бывший командир Мунгалов, увидевши в канцелярии, кто на чем: на табуретах, стульях, поленьях, в папахах и с головы до ног вооруженных казаков, сказал: “Здравствуйте”. Между нами было условлено раньше не отвечать «здравие желаем», и поэтому на разные голоса сказали ему тоже: “Здравствуйте”. Опешивший от этого, Мунгалов спросил меня: “Что тут такое творится?”. На это я ему от имени дивизиона ответил, что казаки

---

¹⁴⁸ Вост. обозрение. 1905. 1 дек.

забастовали и выбрали меня своим командиром. После этого он ушел домой»¹⁴⁹.

30 ноября вооруженные солдаты собрались у Общественного собрания. Избранный начальником гарнизона поручик Осберг отправился на переговоры к генералу Ласточкину, который приказал самозванца арестовать. Под напором солдат и подъехавших станичников «перепуганный Ласточкин, его офицеры и жалкие солдаты забились вовнутрь здания, из которого казаки скоро вынесли на руках наших арестованных выборных: начальника гарнизона и коменданта города»¹⁵⁰. Осберг уговорил собравшихся не арестовывать «седого старого генерала». Затем состоялась грандиозная демонстрация, больше напоминающая военный парад, поскольку по центру города строем с оружием прошли военнослужащие, а также вооруженные дружинники. Из цейхгауза управления уездного воинского начальника демонстранты изыали боеприпасы и винтовки для вооружения освобожденных солдат. Вечером состоялось собрание офицеров гарнизона, в котором приняло участие от 90 до 200 чел. По вопросу об оценке действий Осберга собравшиеся раскололись. «Одни одобряли их, так как-де он этим стремился предупредить кровопролитие; другие, напротив, резко выступали против того, что Осберг входит в сношение со старыми властями и считается с их мнениями и распоряжениями»¹⁵¹.

Безусловно, нельзя считать выступление казаков «пьяным угаром от революционного возбуждения», как пишут Г. И. Романов и П. А. Новиков¹⁵². В таком состоянии находилась большая часть гарнизона и участников Русско-японской войны. Основная причина выступления была связана с задержкой демобилизации резервистов, призванных в армию во время военных действий. Мир с Японией был подписан в конце августа 1905 г., а они уже в декабре не могли отправиться домой.

1 декабря состоялись митинг и демонстрация железнодорожников с выражением поддержки бастующим солдатам, а 2 де-

---

¹⁴⁹ Сизых С. Забастовка иркутского гарнизона // 1905 год в Сибири: сб. стат. и воспоминаний. Новониколаевск, 1925. С. 187.

¹⁵⁰ Там же. С. 189.

¹⁵¹ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 137.

¹⁵² Романов Г. И., Новиков П. А. Иркутское казачество (2-я половина XVII – начало XX века). Иркутск, 2009. С. 233.

кабря их забастовка явно пошла на убыль. Осберг скрылся, С. С. Сизых заключили на гауптвахту, откуда он сбежал и тоже скрылся. 3 декабря по приказу генерала Ласточкина начались аресты. Большое значение в плане стабилизации положения в гарнизоне имел приказ об увольнении в запас солдат нескольких сроков. Состоявшийся 4 декабря митинг в поддержку солдат сформировал делегацию к начальнику гарнизона с требованием освободить арестованных, но часовые не допустили ее до канцелярии, и «толпа спокойно разошлась»¹⁵³.

В течение декабря революционные волнения в Иркутске продолжались, но постепенно шли на спад. Активно распространялись эсеровские и социал-демократические прокламации. Только комитет ПСР за этот месяц выпустил более 20 их наименований. В обращении по поводу покушения на В. А. Мишина подчеркивалось: «Но пусть помнят враги народа, что нашим девизом всегда было и будет: насилию противопоставлять силу, палачей народа казнить смертью»¹⁵⁴. В прокламации местного комитета РСДРП от 25 декабря звучал призыв к продолжению борьбы и захвату власти рабочими по примеру Читы и Красноярска. 21–23 декабря в городе состоялся 2-й съезд делегатов смешанных комитетов Забайкальской железной дороги, на котором присутствовал 51 делегат с решающим и трое с совещательными голосами. Основные решения форума сводились к следующим: 1) ускорить перевозку войск; 2) усилить контроль над железнодорожной администрацией; 3) установить прочную связь с другими железными дорогами; 4) создать стачечный комитет магистрали. Однако попытка социал-демократов провести сходку на так называемой «Детской площадке» в ночь на 1 января 1906 г. закончилась провалом, было арестовано 234 чел. 3 января была рассеяна войсками демонстрация и пресечена попытка 200 дружинников со ст. Иннокентьевская освободить арестованных рабочих-активистов.

В городе по-прежнему было беспокойно от дневных и ночных грабежей. 16 декабря доведенные до отчаяния обыватели устроили в Глазковском предместье погром, как сейчас приня-

¹⁵³ Вост. обозр. 1905. 6 дек.

¹⁵⁴ Курусканова Н. П. Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.): учеб. пособ. Омск, 2000. С. 23–25, 70.

то говорить, «лиц кавказской национальности». В итоге: убито 9 кавказцев, ранено 15. «Причина – частые находения в Глазковской трупов, убийства, приписываемые населением кавказцам». На следующий день с использованием вооруженной силы подавляется бунт в тюрьме, большое количество избитых и раненых, двое убитых¹⁵⁵.

Стабилизация начинается после введения военного положения 23 декабря 1905 г. и особенно после направления в Сибирь карательных экспедиций генералов А. М. Меллер-Закомельского и П. К. Ренненкампа. 12 февраля 1906 г. в город прибыл временный генерал-губернатор К. М. Алексеев. Но еще до его появления начались массовые аресты, отстраняется от должности городской голова П. Я. Горяев, 24 января прекращается выпуск газеты «Восточное обозрение». «Избежать трагических последствий и жестоких расправ с забастовщиками, – констатируют иркутские историки, – подобных тем, что произошли в Чите, Красноярске, Томске, в Иркутске, удалось не только из-за умеренной, терпимой позиции местной власти, независимо от того, чем это объяснялось – нерешительностью или сочувствием к общественному движению, но и благодаря влиятельности реформистки настроенной общественности. По признанию известного большевика Б. З. Шумяцкого, приехавшего сюда в январе 1906 г., Иркутск в отношении вооруженного восстания и деятельности радикально настроенных революционеров оказался городом неперспективным»¹⁵⁶.

Последним революционным протуберанцем в Сибири в период Первой русской революции стал Красноярск. Здесь после окончания октябрьской всеобщей политической стачки продолжала действовать Выборная комиссия рабочих города Красноярска во главе с рабочими, социал-демократами А. Г. Роговым, К. В. Кузнецовым и И. Н. Воронцовым, которая 31 октября 1905 г. установила порядок собраний пролетариев и народных митингов в городе. В связи с началом всероссийской почтово-телеграфной забастовки 15 ноября Выборная комиссия прекратила работу учреждений связи вдоль линии железной дороги, все почтовые вагоны отцеплялись от поездов. На митинге

¹⁵⁵ Романов Н. С. Указ. соч. С. 65.

¹⁵⁶ Иркутск в панораме веков: очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 248.

24 ноября (4 тыс. рабочих, 500 солдат) принимается решение о более жестком контроле за продвижением воинских эшелонов. 6 декабря на митинге в железнодорожных мастерских, в котором приняли участие несколько тысяч рабочих и военнослужащих расквартированного в городе 2-го железнодорожного батальона, укомплектованного рабочими-железнодорожниками из Белоруссии (Барановичи), принимается решение об образовании Объединенного совета депутатов от солдат и рабочих города Красноярска. 7 декабря солдаты части начали забастовку и создали свой Комитет депутатов во главе с находящимся под влиянием эсеров прапорщиком А. А. Кузьминым. 8 декабря с целью поддержки военных начали общеполитическую забастовку рабочие.

В Красноярске в начале декабря должны были состояться выборы гласных городской думы на очередное четырехлетие. На общегородских митингах в Народном доме предлагалось избирать их всеобщим голосованием. Идею поддержал Объединенный совет, разославший приглашение принять участие в избирательной кампании всем общественным формированиям. Своих делегатов в комиссию по выборам послали отдел кадетской партии, действующая городская дума, купеческое общество и т. д.¹⁵⁷ Такое пристальное внимание к муниципальным органам местный комитет РСДРП 4 декабря в специальной прокламации объяснял следующим образом: «А между тем, в настоящий момент, когда решается судьба всего русского народа, когда готовится последний удар царскому самовластию, – в такие моменты органы городского самоуправления могли бы сыграть полезную роль в освободительной борьбе, если бы в них были действительно представители народа. Такие Думы не справлялись бы с разрешениями губернаторов, такие Думы не продолжали бы содержать за свой счет полицию, избивающую граждан и вербующую черную сотню, такие Думы постарались бы вооружить народ и прежде всего рабочий класс, являющийся единственным последовательным борцом за освобождение страны»¹⁵⁸. Тем не менее дума на экстренном заседании отказалась

¹⁵⁷ Кудряшов Э. Г. Организационное оформление либеральной буржуазии в Сибири в 1905 г. // Из истории Сибири. Красноярск, 1973. Вып. 6. С. 55.

¹⁵⁸ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы. Новосибирск, 1958. С. 283.

от революционного эксперимента и выборы прошли по традиционной схеме¹⁵⁹. Однако радикалы продолжали настаивать на проведении новых выборов на основе принципов всеобщего избирательного права и начали их активно готовить.

Выступая на собрании местных кадетов 14 декабря Вс. М. Крутовский признал: «Земцы и интеллигенция, не прибегая к революционным средствам, сами по себе бессильны вырвать у власти необходимые для блага страны реформы»¹⁶⁰. Через неделю социал-демократы в газете «Красноярский рабочий» заявили: «Мы действительно переживаем такой момент, когда нужны дружные усилия всех революционных элементов. И в своей тактике мы так и поступаем. Мы вместе с соц.-рев., внепартийными социалистами и революционной демократией воюем с самодержавием за полное его низложение»¹⁶¹. Руководитель Объединенного совета прапорщик А. А. Кузьмин признавался: «...Мое участие в охвативших г. Красноярск и 2-й железнодорожный батальон в декабре 1905 года движении, было результатом не соглашения моего с той или другой революционной партией, а моего личного желания, вызванного моей душевной потребностью принять долю участия в общей работе на благо родины»¹⁶². А вот как характеризовал сложившуюся ситуацию один из руководителей местных кадетов В. Ю. Григорьев: «Город если не управлялся, то, во всяком случае, считался подчиненным соединившимся солдатам и рабочим, которые, имея своей резиденцией паровозо-сборочный цех, отсюда диктовали путем объявлений свою волю»¹⁶³.

9 декабря 1905 г. в связи с призывом Красноярского комитета РСДРП, обнародованном отдельной листовкой, в городе состоялась вооруженная демонстрация рабочих, солдат, служащих, и началась общегородская стачка. В тот же день социал-демократы захватывают губернскую типографию, в которой с 10 по 24 декабря выпустили пять номеров (5 тыс. экз. каждый)

¹⁵⁹ Бердников Л. П. Вся красноярская власть: очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Красноярск, 1995. С. 203.

¹⁶⁰ Цит. по: Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 80.

¹⁶¹ Красноярский рабочий. 1905. 22 дек.

¹⁶² ЦХНИДНИКК. Ф. 64. Оп. 5. Д. 790. Л. 3.

¹⁶³ Там же. Оп. 10. Д. 22. Л. 1.

газеты «Красноярский рабочий». 10 декабря эсеры для печатания своих изданий захватывают частную типографию Кудрявцева. О сложившей в городе ситуации командующий СибВО генерал-лейтенант Н. Н. Сухотин доносил в Петербург: «В Красноярске дело усложнилось тем, что две роты 2-го железнодорожного батальона, оставленные там на случай забастовок, в полном составе свергли свое начальство, избрав начальником прапорщика запаса Кузьмина, перешли на сторону революционеров – железнодорожных служащих, совместно с городскими революционерами захватили губернскую типографию, обезоружили жандармов и полицию, арестовали коменданта станции, вступили в управление городом и, несмотря на отданное приказание две недели назад, уезжать в Россию отказались до тех пор, пока они не проведут в городе выборы в думу по самой новейшей революционной системе»¹⁶⁴.

10 декабря Выборная комиссия преобразуется в Совет рабочих депутатов, который начинает руководить отдельными направлениями повседневной жизни Красноярска. «В ряде случаев был изменен рабочий день и условия труда, повышены расценки и т. д. Совет обязал платить заработную плату рабочим-дружинникам за время их дежурств по охране города, рабочим-депутатам – за время выполнения ими своих обязанностей. Он же совместно с Советом солдатских депутатов поддерживал порядок в городе»¹⁶⁵. Живую зарисовку революционной повседневности воспроизводит в своих мемуарах И. И. Попов: «В Красноярске стояли три часа. В одной из комнат шел непрерывный митинг. За председательским столом, где обыкновенно висел портрет царя, был растянут красный флаг. При мне какой-то жандармский унтер-офицер принес шашку, револьвер и портупею и все это положил на председательский стол со словами “Больше не служу царскому правительству. Буду служить народу”»¹⁶⁶. 10 декабря Совет солдатских депутатов приказом по гарнизону отменял титулование офицеров «Ваше Благородие», «Ваше Высокоблагородие», вменял им в обязанность обращаться к нижним чинам на «Вы», но по отношению к генералам

¹⁶⁴ Высший подъем революции 1905–1907 гг.: документы и материалы. М., 1955. Ч. II. С. 896.

¹⁶⁵ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 266.

¹⁶⁶ Попов И. И. Указ. соч. С. 285.

сохранялась форма обращения «Ваше Превосходительство», «Ваше Высокопревосходительство», солдаты должны были при встрече с офицерами отдавать честь¹⁶⁷.

11 декабря на митинге рабочих железнодорожных мастерских, собравшем до 5 тыс. чел., принимается резолюция, рекомендующая Объединенному Совету «взять под свой контроль все правительственные учреждения»¹⁶⁸. 19 декабря Совет солдатских депутатов разослал телеграмму «во все города, всем комитетам, редакциям газет» следующего содержания: «Подготовка на новые выборы в Городскую думу всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием близится к концу. В комиссию по выборам вошли представители группы партий, сословий и населения, на выборы стеклось много народа. Полиция обезоружена, город охраняется солдатами 2-го железнодорожного батальона и рабочей дружиной, губернская типография в руках объединенного Совета депутатов солдат и рабочих, остальные солдаты гарнизона не противодействуют революционному захвату власти». В тот же день Объединенный Совет принял постановление относительно поддержания порядка в Красноярске. На себя он возлагал «охрану города для предупреждения грабежа и насилий и защиту свободы собраний, но розыск воров и расследование уже совершившихся краж возлагается по-прежнему на полицию и судебных следователей. Полиция не имеет никаких оснований отказываться от исполнения этой своей прежней обязанности, тем более что правительственные ассигновки на полицию оставлены в руках губернатора»¹⁶⁹.

Период с 6 декабря 1905 г. по 3 января 1906 г. применительно к Красноярску в советской историографии квалифицировался как время существования «Красноярской республики» и вооруженного восстания, приведшего к взятию власти в городе восставшими под руководством большевиков. На мой взгляд, как и в случае с Читой, мы имеем дело с классическим примером существования режима двоевластия. «В итоге объединенный Совет не стал единственным хозяином положения, – приходят к выводу историки рабочего класса региона. – Губернатор и его аппарат остались на своих местах, в их руках по-прежнему

---

¹⁶⁷ Большевики Западной Сибири... С. 294.

¹⁶⁸ Там же. С. 295.

¹⁶⁹ Там же. С. 295, 310–311.

му были банк, казначейство, военный арсенал и некоторые воинские подразделения. Все это использовалось против восставших»¹⁷⁰. Губернатор В. Ф. Давыдов после введения военного положения 23 декабря активизировал свою деятельность. До возвращения в город из Маньчжурии подразделений 7-го Красноярского пехотного полка он добился выделения в свое подчинение из проходивших воинских эшелонов учебной команды Омского пехотного полка и постепенно начал подчинять себе почту, типографию, устанавливая контроль над центральной частью Красноярска. Тем временем с 23 по 28 декабря прибыло пять эшелонов Красноярского полка, военнослужащих которого высадили на левом берегу Енисея перед железнодорожным мостом, «мотивируя это тем, что рабочие хотят взорвать железнодорожный мост с эшелонами полка»¹⁷¹. Подразделения переправились через реку и начали продвижение через центр к при вокзальному району.

Попытки Объединенного совета и комитета РСДРП нейтрализовать или привлечь на свою сторону фронтовиков посредством листовок-обращений, выражением «глубокого сочувствия за то, что вы потерпели на войне» и приглашением на митинги успеха не имели. В ночь на 28 декабря, опасаясь быть отрезанными от железнодорожников, ушли из казарм в паровозо-сборочный цех главных железнодорожных мастерских с оружием военнослужащие 2-го железнодорожного батальона. Днем состоялся митинг, организованный Объединенным советом, на котором прозвучало предложение к рабочим остаться для участия в обороне. В общей сложности 800 пролетариев и солдат решили обороняться, забаррикадировали окна и двери, разбились на десятки, солдаты начали обучать рабочих военному делу, подвезли продовольствие и оружие. В 16:00 цех был полностью блокирован правительственными войсками.

Осажденные через оставшихся в городе социал-демократов посредством прокламаций пытались апеллировать к военнослужащим Красноярского полка, горожанам, рабочим по линии Транссибирской магистрали. «Начальство в своих целях вами пользуется, как баранами. Солдаты, вдумайтесь во все это и отка-

---

¹⁷⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 267.

¹⁷¹ Груш Д. Б. Большевики Красноярска в годы Первой русской революции. Красноярск, 1955. С. 79.

житесь от осады, – внушалось фронтовикам – В Севастополе офицеры также вывели солдат против солдат, но солдаты узнали правду и, когда скомандовали: “пли!”, солдаты убили офицеров и перешли на сторону народа. Отказывайтесь все стрелять, отказывайтесь от осады, требуйте, чтоб вас распустили домой!». Гражданам рекомендовалось организовывать забастовки, отказываться платить налоги и подати, собираться у места осады. «На вашей совести, граждане, лежит – требовать снятия осады»¹⁷².

Откликнулись на осаду и местные либералы. В канцелярию губернатора было подброшено прошение от проживающих в Красноярске членов партии народной свободы. Они сетовали: «После Манифеста 17 октября вся Россия с нетерпением ожидала немедленного его проведения в жизнь. Но осуществление конституционных свобод откладывалось все далее и далее, чем и было вызвано небывалое смятение по всей стране. Только что объявленное военное положение в трех уездах Енисейской губ. является мерой не только не могущей внести успокоение, а напротив, угрожающей серьезным расстройством местной жизни. Связанные же с ним репрессивные меры против жел. дор. рабочих неизбежно вызовут остановку работ по ремонту подвижного состава с последующей задержкой перевозки войск с Дальнего Востока, что при известной их настроенности грозит вызвать полный разгром всех городов по линии жел. дор. задержанными эшелонами». Взяв, как им казалось, власть таким образом на испуг, далее они предлагали: «Комитет Свободной Народной Партии заявляет, что единственной мерой, могущей послужить к успокоению страны, будет не введение военного положения, а немедленный созыв Государственной Думы с функциями Учредительного Собрания на основе всеобщего избирательного права. Подлинное подписали: В. Крутовский, Х. Савицкий, Д. Ньюберг, В. А. Караулов, А. Саввиных, Д. Е. Лаппо, П. Кусков, А. П. Гудков»¹⁷³.

Первоначально генерал-губернатор пытался вести переговоры с осажденными, предложив покинуть цех гражданским лицам, гарантируя им свободу. В ответ были сформулированы следующие условия прекращения сопротивления: «1) снятие

---

¹⁷² Большевики Западной Сибири... С. 316, 317–318.

¹⁷³ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1908. Д. 15. Ч. 68. Л. 3.

осады; 2) свободный пропуск рабочих по домам и солдат в казармы; 3) роспуск запасных; 4) снятие военного положения в городе и установление неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний и союзов согласно манифесту 17 октября»¹⁷⁴. 1 января 1906 г. правительственные войска заняли окружающие цех здания, перекрыли водоснабжение, паровое отопление и отключили электричество. 2 января был произведен обстрел здания. В ночь на 3 января на общем собрании осажденные принимают решение прекратить сопротивление. Члены солдатского Совета во главе с прапорщиком А. А. Кузьминых и часть рабочих скрылись. В цехе арестовали 296 гражданских лиц и 183 военнослужащих. Анализ анкетных данных на 305 задержанных говорит о том, что это были в основном рабочие железнодорожных мастерских и депо (слесари, токари, литейщики, кузнецы, молотобойцы, столяры и плотники). Кроме того, среди них имелись рабочие с других предприятий города, учащиеся железнодорожного училища, фельдшерской школы¹⁷⁵. Военный суд, состоявшийся в январе – феврале 1907 г., приговорил 9 солдат к каторжным работам на 8 лет каждого, 101 солдата – к отбыванию наказания в арестантских ротах и 63 рабочих – к тюремному заключению на разные сроки¹⁷⁶.

Таким образом, в Сибири в самом конце 1905 – начале 1906 г. в Чите, Иркутске и Красноярске совместными усилиями радикалов и либералов, при руководящей роли социал-демократов, устанавливается двоевластие. Применительно к Чите ее «усмиритель» генерал П. К. Ренненкампф признавал: «Основными причинами всей смуты считаю общий отголосок все-русских беспорядков, прочность организации революционной социал-демократической рабочей партии, ошибочное мнение начальствующих лиц о недостаточности войск в Забайкалье, подорванный воинский дух среди большинства начальников и отсутствие проявления твердости и инициативы местной власти»¹⁷⁷. И лишь по мере возвращения из Маньчжурии в места постоянной дислокации воинских частей, а также на-

¹⁷⁴ Груш Д. Б. Указ. соч. С. 80.

¹⁷⁵ Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. 2-е изд.. Красноярск, 1982. С. 85.

¹⁷⁶ 1905 год в Красноярске: сб. док. материалов. Красноярск, 1955. С. 175.

¹⁷⁷ Цит. по: Мелентьев А. Указ. соч. С. 147.

правления в регион карательных экспедиций генералов А. М. Меллер-Закомельского и П. К. Ренненкампа власть переходит в наступление, впрочем, стараясь не использовать массивно силовые методы.

3.3. ВСПЛЕСК РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ

Что касается остальной территории Сибири, то в последней декаде октября 1905 – январе 1906 г. основной район революционной активности концентрировался вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали от Кургана до Сретенска с отклонениями (Тюмень, Тобольск, Бийск, Барнаул, Троицкосавск). По нарастающей с запада на восток в течение указанного временного интервала в городах и на железнодорожных станциях практически непрерывно происходили забастовки, митинги, собрания, демонстрации, распространялись прокламации, создавались профсоюзы, дружины, рабочая милиция, продолжали действовать смешанные и стачечные комитеты.

В Тюмени, как уже сообщалось выше, действовал легальный Рабочий клуб, объединявший около 450 чел. Средства клуба формировались из членских взносов, отчислений от зарплаты рабочих (2 %) и частных пожертвований. Они подразделялись на три основных фонда: забастовочный, культурно-просветительный и взаимопомощи. Вопреки утвердившейся точке зрения о преимущественно политической направленности клуба, материалы, выявленные Д. В. Алексеевым, позволяют утверждать, что клуб «занимался не столько подготовкой вооруженного свержения власти, сколько культурно-просветительной работой и отстаиванием интересов рабочих, оказывая сильное давление на предпринимателей»¹⁷⁸. По-прежнему во главе освободительного движения выступали местные железнодорожники, начавшие 8 декабря забастовку и создавшие стачечный комитет в составе: счетовода В. П. Михайлова (председатель), фельдшера Т. К. Кгаевского, телеграфиста В. П. Шардина, служащих А. И. Копанева, А. А. Шадрина, А. И. Иевлева, рабочего В. Красноперова. Стачка продолжалась до введения военного

---

¹⁷⁸ Алексеев Д. В. Новые сюжеты из истории политической борьбы 1905–1907 гг. в Зауралье // Тюменский исторический сборник, Тюмень, 1999. Вып. 3. С. 131.

положения 23 декабря, после чего членов стачкома арестовали, а выдвинутые требования отклонили¹⁷⁹.

14 ноября 1905 г. в Омске произошла драматическая история, взволновавшая горожан. На железнодорожном вокзале офицер придрался к солдату за неотдание приветствия и начал избивать его. Проходивший мимо слесарь Ф. Плюхин вступился за него, а надзирающие за порядком железнодорожные жандармы бросились на рабочего. Защищаясь, он выхватил из кармана медицинский ланцет и смертельно ранил жандарма. Генерал-губернатор приказал направить дело Плюхина для рассмотрения в военно-окружной суд, где ему грозил смертный приговор. В городе началась кампания в защиту слесаря. 30 ноября митинг железнодорожников, служащих и горожан высказался за передачу дела в гражданский суд. Общественное давление на власти приняло массированный характер, и они уступили. Дело слушалось в окружном суде, и Ф. Плюхин был оправдан¹⁸⁰. Вместе с тем в течение декабря в Омске революционная активность радикалов не выходила за рамки проведения митингов и выпуска листовок, призывающих к вооруженному восстанию. Бастовали одни железнодорожники.

15 ноября 1905 г. началась всеобщая (всероссийская) почтово-телеграфная забастовка, в которой участвовали связисты Тюмени, Тобольска, Ишима, Омска, Каинска, Барнаула, Бийска, Новониколаевска, Томска, Мариинска, Ачинска, Енисейска, Красноярска, Канска, Нижнеудинска, Иркутска, Верхнеудинска, Троицкосавска, Киренска, Верхоленска, Якутска, Читы, Сретенска; железнодорожных станций Тайга, Болотная, Тулун, Боготол; сел: Берское, Камень, Змеиногорское¹⁸¹.

Во второй половине ноября с целью ускорения перевозки возвращающихся из Маньчжурии войск активно действовали смешанные комитеты на следующих станциях Забайкальской железной дороги: Хилок, Верхнеудинск, Слюдянка, Мысовая, Адриановка, Борзя, Танхой, Шилка, Петровский завод, Урульга, Мозгон, а также в Омске и Кургане. На ст. Иннокентьев-

¹⁷⁹ Революционное движение в Тобольской губернии в 1905–1914 гг.: сб. док. Свердловск, 1981. С. 59–60.

¹⁸⁰ Очерки истории города Омска. Т. 1. С. 233–234.

¹⁸¹ Рабочее движение в Сибири... С. 165–170.

ская, где большим влиянием среди железнодорожников пользовались эсеры, в декабре образуется Совет рабочих депутатов. Интенсивно создавались профсоюзы. Рабочие продолжали вооружаться и создавать дружины. Огнестрельное оружие из Читы развозилось по станциям и разъездам. Так, 31 декабря 1905 г. на ст. Петровской Завод осуществлялось распределение оружия и боеприпасов для прибывших из Верхнеудинска и Хилка рабочих из вагона, доставленного из столицы Забайкалья¹⁸². Радикалы призывали готовиться к вооруженному восстанию, надеясь на дальнейшее нарастание революционных выступлений.

С 5 по 29 ноября на станции Тайга проходил I-й делегатский съезд рабочих и служащих Сибирской железной дороги, на котором присутствовало 105 делегатов. Прежде всего его участники приняли резолюцию о профессиональных союзах и утвердили типовой проект устава профсоюза, при этом в отдельном пункте подчеркивалось, что «союзы должны быть строго профессиональные без всякой политической окраски»¹⁸³. Съезд высказался за повсеместное введение 8-часового рабочего дня, выплаты пособий по болезни, устройство детей рабочих и служащих в ясли и т. д. Помимо экономических требований, делегаты потребовали восстановить на работе всех уволенных за политические убеждения и участие в забастовках, обеспечить право схода и собраний, создать постоянную комиссию из представителей рабочих и администрации для решения трудовых споров. Когда начальник дороги отказался приехать в Тайгу для переговоров, около 100 делегатов прибыли в Томск и передали в управление дороги выработанные требования, впрочем, не добившись встречи, разъехались по домам.

По всей видимости, именно от делегатов съезда 26 ноября принимается Обращение рабочих и служащих Сибирской железной дороги к солдатам, переданное по телеграфу по всей линии Сибирской, Забайкальской и Самаро-Златоустовской железных дорог, в котором разъяснялось: «Добивайтесь возвращения на Родину, требуйте поездов и денег на дорогу, а мы поможем вам всем, чем можем, и привезем вас обратно к вашим семьям. А на Родине не громите и не убивайте тех, кто

---

¹⁸² Революционное движение в Забайкалье 1905–1907 гг.: сб. документов и материалов. Чита, 1955. С. 429.

¹⁸³ Большевики Западной Сибири... С. 251.

борется за народную свободу. Идите с ними и помогайте установить такой порядок, чтобы всем в государстве управлял сам же народ, через своих выборных, чтобы ни одна капля народной крови не растрчивалась зря, без ведома и согласия ваших выборных, которым вы сами доверяете»¹⁸⁴. Подобные, не единичные, обращения к возвращающимся домой фронтовикам свидетельствовали о достаточно напряженной обстановке, сложившейся с эвакуацией войск из Маньчжурии. Так, газетная корреспонденция подтверждает мое предположение: «Между тем в последние дни приток воинских эшелонов с Востока в Иннокентьевскую чрезмерно усилился и в некоторые дни насильственно доходил до 11 поездов. Теперь возвращаются преимущественно запасные нижние чины. Солдаты, задержанные на Дальнем Востоке, стремительно рвутся домой, крайне возбуждены, и малейшая задержка озлобляет их прежде всего против железной дороги и ее служащих. В Иннокентьевской 28 и 29 ноября все прибывшие туда 22 воинских эшелона силой захватили наличные паровозы, вследствие чего в эти дни не могли быть отправлены ни пассажирские поезда, ни поезда с углем»¹⁸⁵.

С 10 ноября начинает действовать политико-профессиональный «Рабочий союз Восточной Сибири и Забайкалья», который объединил (декабрь 1905 г. около 320 чел.) преимущественно железнодорожников и имел отделения в Иркутске, Чите, Верхнеудинске, Омске, на станциях Иннокентьевская, Борзя, Оловянная¹⁸⁶.

Новый и последний всплеск массовой активности был связан с первой годовщиной Кровавого воскресенья, отмечавшейся 9 января 1906 г. Соответствующие мероприятия (выпуск специальных листовок, стачки, митинги, демонстрации – от 14 рабочих и служащих на ст. Зима до нескольких тысяч в Верхнеудинске) прошли в Тюмени, Омске, Барнауле, Новониколаевске, Красноярске, Иркутске, Верхнеудинске, Чите; на станциях Иннокентьевская, Зима, Слюдянка, Сретенск и т. д.¹⁸⁷ В Новониколаевске состоялся многолюдный митинг, после кото-

¹⁸⁴ Там же. С. 263.

¹⁸⁵ Сибирские известия (Томск), 1905, 4 дек.

¹⁸⁶ Рабочее движение в Сибири... С. 161–162.

¹⁸⁷ Там же. С. 215–219.

рого демонстранты прошли по одной из главных улиц к вокзалу с траурным знаменем¹⁸⁸.

В Томске оставшиеся недели 1905 г. подсчитывали и хоронили погибших во время погрома 20–22 октября. Однако жизнь брала свое. Революция продолжалась, и ее события, логика развития политических процессов не могли не отразиться на повседневности крупного города. Губернатор В. Н. Азанчеевский-Азанчеев 24 октября телеграфировал в МВД: «Количество постов сокращено. 25 [октября] ожидаю две тысячи войск, необходимые для предупреждения беспорядков при погребении, которое задерживается судебным следователем. Прошу распоряжения хоронить без вскрытия ввиду явного насилия. Революционеры притихли, но озлоблены пожаром и еврейским погромом»¹⁸⁹. 1300 солдат из соседнего города Колывани, совершив за пять дней в зимних условиях марш-бросок в 250 верст, прибыли в Томск 26 октября и были размещены в корпусе Технологического института, Бесплатной библиотеке и «Гоголевском доме»¹⁹⁰.

Еще одним следствием погрома стали беженцы. Даже в середине ноября 1905 г. ехавший из Иркутска в Москву И. И. Попов отметил появление их в поезде на ст. Тайга¹⁹¹. Город покидали опасавшиеся репрессий. Выбрался из него в форме артиллерийского офицера В. М. Броннер. Брат городского головы, известный книгоиздатель и просветитель П. И. Макушин искал укрытия в с. Протопопово, однако жители, опасаясь преследования властей, на созванном ночью сельском сходе отказались приютить его. За высокую плату один из них согласился отвезти Петра Ивановича на отдаленную таежную пасеку¹⁹².

Первыми из общественных формирований города отреагировали на погром эсеры. 23 октября они издали прокламацию «К учащейся молодежи города Томска», в которой подвергли

¹⁸⁸ Хроника Новосибирской организации КПСС (1891–1987 годы). Новосибирск, 1988. С. 27.

¹⁸⁹ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 154. Л. 9.

¹⁹⁰ Сиб. вестник. 1905. 27 окт.

¹⁹¹ Попов И. И. Указ. соч. С. 278–279.

¹⁹² Дегальцева Е. А. Образ власти в представлениях сибиряков (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 2005. Вып. 7. С. 32–33.

критике Манифест 17 октября, как подмену суррогатом настоящей свободы. «Кроме того, – сообщалось в ней, – самодержавие, чтобы оградить себя от окончательного падения, организовало повсеместно банду хулиганов, черной сотни, которые открыто избивают интеллигенцию, учащихся и рабочих. Ярким примером такого зверства являются еврейские погромы у нас в Томске, в Твери, Ростове, Киеве и других городах». Однако «наша нравственная обязанность поддержать и продолжить освободительное движение, которое нанесет окончательный удар царящему произволу и насилию» во имя «могучей силы социализма, которую исповедуют партии социалистов-революционеров и социал-демократов»¹⁹³.

24 октября епископ Макарий провел собрание местного духовенства и церковных старост с целью организации сбора средств для пострадавших от погрома. Кроме того, архиерей пригласил в свою резиденцию местных купцов, сделавших подписку на 10 тыс. руб. на эти же цели. 29 октября Томское еврейское духовное правление, в свою очередь, образовало комитет для помощи пострадавшим¹⁹⁴. 26 октября, после десятидневного перерыва, возобновился выпуск частных газет «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник». С 9 ноября редакторами первой, вместо уехавшего П. И. Макушина, становятся профессора университета М. И. Боголепов и И. А. Малиновский.

28–30 ноября в Томске распространяются листовки местного комитета РСДРП «К гражданам и солдатам». Напомнив, что погромы, аналогичные Томскому, прокатились после опубликования Манифеста 17 октября по всей России и Сибири, авторы задают вопросы: «Что это было? Откуда появились эти черные сотни громил и убийц? Почему одновременно, как по уговору, пронесли по всей стране эти злодеяния и почему именно после царского манифеста. Кому это нужно было и кто организовал их?» «Чтобы отнять у народа охоту к новым победам над царем, – формулируется ответ на них, – чтобы остановить борьбу народа за его права, чиновники-крепостники, губернаторы сговорились и организовали октябрьские зверства. Как фарисеи за 30 сребреников подкупили Иуду для предатель-

¹⁹³ Курусканова Н. П. Нелегальная печать сибирских эсеров... С. 68.

¹⁹⁴ Дмитриенко Н. М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII–XX столетиях. Томск, 2003. С. 110.

ства Христа, так губернаторы и полицмейстеры подкупили деньгами и водкой темных людей и пустили их на грабеж и убийство. Пьяные, темные люди, бессознательные рабы богатых и сильных, как звери накинулись на безоружных, убивали женщин, детей, мелких служащих, рабочих и сторожей и всех, кто попадал им на глаза». Важную роль в формировании погромных настроений сыграло руководство РПЦ. Поэтому авторы листовок заявляют: «Мы ненавидим всех архиереев, благословляющих темных людей на убийство». В заключение звучит призыв к солдатам спешить на помощь революционерам, «чтобы скорее одержать победу над народными палачами, чтобы скорее созвать то Учредительное собрание, которое выработает новые законы и создаст новое НАРОДНОЕ (демократическое) ПРАВИТЕЛЬСТВО»¹⁹⁵.

Тем временем 8 ноября 1905 г. губернатора В. Н. Азанчеевского-Азанчеева увольняют в отставку. На его место назначается генерал-майор, барон К. С. Нолькен, прибывший к новому месту службы 7 января 1906 г. Еще до его приезда 11 ноября общее присутствие губернского управления отменило постановление городской думы об организации дневной охраны, а сам А. И. Макушин был отстранен от должности городского головы¹⁹⁶. Вместо уволенного П. В. Никольского, исполняющим обязанности томского полицмейстера назначается не имеющий чина пристав 2-й Сенной части А. П. Яцев, проделавший колоссальную работу с подчиненными по розыску и возвращению потерявшим разграбленного имущества. После введения 23 декабря военного положения автоматически ставший генерал-губернатором К. С. Нолькен обратился с кратким уведомлением: «Обращаюсь к населению города Томска с убедительнейшей просьбой, не оставляя трудовой жизни и не нарушая ничем нормального ее течения, всемерно содействовать начинаниям правительственных властей, клонящимся к общему умиротворению и сохранению порядка и спокойствия.

Пусть все проникнутся убеждением, что правительство, прибегая даже к репрессивным мерам, не преследует иных целей, кроме обеспечения общественного порядка и спокойствия и охранения личной и имущественной безопасности каждого гражданина».

---

¹⁹⁵ Большевики Западной Сибири... С. 273–276.

Начавшееся успокоение было буквально взорвано распространением в городе в начале декабря нескольких экземпляров листовок, написанных от руки химическим карандашом крупными печатными буквами. Я воспроизвожу их текст полностью:

Вчера крамольники постановили убить архиерея, муллу, губернатора, полицию, казаков и солдат бомбами. Мещан, крестьян и чернь посадить в тюрьму и там отравить. Следователя Соболева просили побольше черни и мещан посадить в тюрьму, а почтовых подзуживали не пересылать на них жалоб Царю-батюшке и его указов нам.

Итак, Белоозерье, Новую деревню хотят спалить и пригородные деревни тоже. Мечеть и собор взорвут бомбами или сделают театрами для митингов. Неужели мы это попустим. Неужели мы свою совесть продали жидам и полякам, как продавали студенты, почтари и часть железнодорожных. Собирайся народ 6 декабря в 1 ч. дня на площади, кто с чем может. Не бойся солдат, они за нас и за Царя. Казаки тоже.

Крамольники: Шипицын, Макушин, Бронер, Игишев, Мирошников, Анцыков, Жечужников, Марциновский, Рута, Зенков, Веселков, Кирноз, Грацианов, Соболев и все жида и поляки¹⁹⁷.

Согласно информации полицмейстера: «По поводу этих прокламаций, которые, ввиду их малого выпуска, в подлиннике удалось видеть не более 10–15 лицам, стали ходить по городу чудовищные слухи»¹⁹⁸. Однако 6 декабря ничего чрезвычайного не произошло. Что касается содержания, то листовку писал какой-то простолюдин. Вероятно, предложение собраться 6 декабря связывалось с отмечаемым в этот день православным праздником Николы Чудотворца (Миколы зимнего), второго после Бога заступника от всех бед и несчастий. Помимо известных «крамольников» А. Н. Шипицына, А. И. Макушина, В. М. Бронера, городского врача А. А. Грацианова, большая часть фамилий не известно кому принадлежит, за исключением инженера-железнодорожника А. А. Жемчужникова, выдворенного из Томска на период военного положения¹⁹⁹.

С начала декабря 1905 г., несмотря на отмену цензуры, разоблачительные материалы исчезли со страниц местных перио-

¹⁹⁶ История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 104.

¹⁹⁷ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 232. Л. 1.

¹⁹⁸ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 84.

¹⁹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305. Л. 109.

дических изданий. Основной упор делался в них на оживление общественной активности населения и освещение процесса оформления местных партийных организаций либеральных партий. Большое значение для консолидации радикалов имели состоявшиеся 25 ноября похороны студента университета, социал-демократа И. В. Писарева. «Похоронная процессия (200–300 чел. по разным оценкам. – *М. III.*) с красным гробом прошла довольно медленно (умышленно) по главным улицам гор. Томска с пением вместо «святой Боже...» революционных песен, – докладывал полицмейстер, – впереди процессии несли 17 венков с необычайно широкими красными лентами, на которых были разные надписи революционного содержания»²⁰⁰. В некрологе, опубликованном в эсеровском «Сибирском вестнике», подчеркивалось: «Наша газета не принадлежит к органам печати социал-демократической партии, разница во взглядах на тот путь, каким человечество должно достичь светлого общественного идеала, отделяет нас от социал-демократии, но мы также ценим благородную работу ее борцов за высокую идею»²⁰¹.

Неприятности либералам принесли выборы нового состава гласных городской думы на четырехлетие 1906–1910 гг. Дело в том, что Городовое положение 1892 г. существенно увеличивало представительство мещан в органах городского самоуправления. Уже по результатам выборов 1892 г. в городских думах Томской губернии мещане имели наибольший удельный вес – 47,2 % (купцы и почетные граждане – 37 %, дворяне и разночинцы – 15,8 %) ²⁰². Избранная в 1902 г. в Томске дума не случайно получила название «интеллигентной», поскольку 47,8 % всех гласных имели высшее или среднее образование²⁰³. Городским головой впервые в истории города избирается не купец, а врач А. И. Макушин.

Октябрьская митинговая страда и погром с многочисленными жертвами так или иначе связывались с действиями го-

²⁰⁰ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 84.

²⁰¹ Сиб. вестник. 1905. 27 нояб.

²⁰² *Литягина А. В.* Городские думы как представительные организации торгово-промышленных кругов дореволюционной Сибири // *Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII в. – 1920-е гг.).* Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 184.

²⁰³ История общественного самоуправления в Сибири. С. 94.

родской думы и городского головы. Поэтому на состоявшихся 18 декабря 1905 г. выборах гласных «все кандидаты интеллигентных профессий, как врачи, инженеры, профессора, учителя, адвокаты, за 3–4 исключениями, были забаллотированы, а представители купеческого и мещанского сословия прошли громадным большинством голосов»²⁰⁴. Так, за избрание активного участника октябрьских событий, эсера, гласного думы прежнего состава П. В. Вологодского было подано 90 голосов, против 162. Впервые во время выборов учитывалась партийная принадлежность кандидатов. Кадеты провели 7 гласных, октябристы – 19²⁰⁵. Таким образом, избиратели сделали выбор в пользу более консервативных (правых) общественных деятелей, нежели радикальные либералы, вошедшие в состав кадетской организации.

5 февраля 1906 г. на первом заседании думы новым городским головой избирается купец 1-й гильдии И. М. Некрасов, известный в городе не только как видный предприниматель, миллионер, но и как благотворитель и общественный деятель. «Сибирская жизнь» причину краха «интеллигентной» думы усмотрела в том, что «простой обыватель винит во всех бедах образованных людей», сами выборы квалифицировала как реакционные, они – показатель, «насколько далеки еще массы населения от идеалов прогрессивных элементов страны»²⁰⁶. Новая дума отменила постановление своих предшественников от 18 января 1905 г., осудившее разгон демонстрации на улицах Томска в этот день и выразившее сочувствие жертвам 9 января в Петербурге.

В томских вузах в самом конце 1905 г. продолжались сходки и митинги. С целью обсуждения вопроса о начале занятий 26 декабря состоялось общее собрание профессорско-преподавательского состава и студентов университета и Технологического института. За начало регулярных занятий со стороны студентов «раздались только единичные голоса». Поэтому Совет Технологического института на своем заседании 10 января 1906 г. сделал вывод: «Рассчитывать на правильные регулярные занятия до созыва, по крайней мере, Государственной думы невозможно, а в Томске с введением военного положения – в осо-

---

²⁰⁴ Итоги городских выборов // Сиб. жизнь. 1905. 23 дек.

²⁰⁵ История общественного самоуправления в Сибири. С. 104.

²⁰⁶ Сиб. жизнь. 1905. 23 дек.

бенности». Решено было занятия в весеннем семестре не начинать, и они не проводились ни в университете, ни в ТТИ²⁰⁷.

Еще один центр повышенной общественной активности в конце 1905 г. проявился до этого в тихом уездном Мариинске Томской губернии. Здесь с осени начала активно действовать эсеровская группа, занимавшаяся тиражированием и распространением листовок. В декабре группа местных интеллигентов получила разрешение на проведение в Народном доме чтений на тему развития гражданских свобод. Прибывший для осуществления общего надзора полицейский чиновник был сильно удивлен, когда вместо запланированной лекции услышал пение «Марсельезы», революционные речи, получил комплект прокламаций, ознакомился с программой РСДРП. Но главное событие произошло в конце ноября. Расквартированные в городе две пешие дружины ополчения были укомплектованы из ратников, призванных из окрестных сел и деревень. После окончания войны их разоружили, но по каким-то причинам оружие сдали не все, а с конца ноября ополченцы начали волноваться. 25 ноября толпа солдат собралась на базаре и напала на лавки местных купцов. Некоторые из них были вооружены и «с помощью оружия они легко разогнали владельцев лавок (преимущественно это были евреи) и захватили их имущество». В ходе столкновений с местными купцами был убит мещанин Петров, еще один владелец лавки – Едельштейн был тяжело ранен. Власти старались усмирить разбушевавшихся солдат. На базар были стянуты военослужащие местной воинской команды. Ими руководил капитан А. П. Зоценко. В помощь военным направили несколько полицейских под командованием самого исправника А. А. Зеленского. Однако остановить беспорядки не удалось. Солдаты продолжали крушить еврейские лавки. Тогда по инициативе Зеленского на базар были приглашены священники местного собора. Они прошли по торговым рядам, уговаривая солдат прекратить бесчинства. Крестный ход оказал определенное воздействие. Часть солдат добровольно сдала оружие, но расставаться с награбленными вещами и продуктами все отказались. Лишь в 9 часов вечера большинство солдат разошлись по казармам и домам. 26 ноября начался поиск зачинщиков,

---

²⁰⁷ Ищенко О. В. Указ. соч. С. 429.

часть награбленного вернули владельцам. Только 29 ноября нормальная жизнь была восстановлена²⁰⁸.

Помимо железнодорожников и связистов в протестных акциях рассматриваемого времени, в основном в забастовках с выдвижением экономических требований, активно выступали полиграфисты, шахтеры Черемховских и Анжеро-Судженских копий, торговые служащие, работницы швейного производства.

Вторая половина 1905 г. характеризуется активизацией выступлений сибирского крестьянства. Всего за этот год зафиксировано 417 их выступлений, в том числе за первую половину – 24, за июль–октябрь – 42, за ноябрь – 55, за декабрь – 296²⁰⁹. Среди протестных акций преобладали: митинги, собрания–демонстрации – 155 случаев из 417; отказы от внесения податей – 87; коллективные порубки леса – 55; самовольный захват казенных и кабинетских земель – 47. Крупным очагом крестьянского движения стал Алтайский округ Кабинета его императорского величества (КИВ) (Барнаульский, Бийский, Змеиногорский, Кузнецкий уезды Томской губернии). В ноябре 1905 г. в Павловском имении КИВ сельские обыватели сел Черемновского, Стуковского и Сарайского начали массовые порубки леса, убили объездчика, разгромили лесной кордон. Волнения подавил отряд казаков. Но вскоре аналогичные выступления охватили весь Барнаульский уезд. Начальник округа информировал: «Порубки производятся скопом, быстро, неожиданно и одновременно в нескольких пунктах; крестьяне выезжали в лес по несколько сот подвод... В селе Павловском и его окрестностях никто из жителей не платит ни податей, ни арендных денег»²¹⁰.

Акции осуществлялись по приговорам сельских сходов. «По зимним дорогам от приобских лесных деревень на многие километры тянулась сплошная лента крестьянских подвод с лесом. Во многих случаях местные власти были парализованы. Кровавые столкновения с полицией и войсками происходили

²⁰⁸ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 555–556.

²⁰⁹ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 322.

²¹⁰ Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1906–1907 гг. Барнаул, 1961. С. 17–18, 31–32.

при попытках секвестра (отбирания) леса в десятках селениях округа. Только в течение зимы 1905/06 г., то есть во время первой волны порубок, в 8 имениях на площади 1,2 млн дес. было вырублено 741 тыс. деревьев стоимостью 153 тыс. руб., тем самым лесам был нанесен значительный ущерб. Это была одна из форм борьбы, которые следует назвать неразвитыми, она была связана с многочисленными эксцессами и насилием, разжигала ненависть. Но крестьяне не находили в ту пору других эффективных средств борьбы за лес»²¹¹.

14 ноября 1905 г. управляющий Змеиногорским имением КИВ А. Недельский доносил начальнику Алтайского округа, что в уездном центре, с. Змеиногорском начались волнения. «Волнуются разночинцы, кузнецы, мелкие базарные торговцы, частью приказчики. Причина волнений – неправильное толкование манифеста агитаторами, как говорят, прибывшими из Барнаула, и взыскание натуральных повинностей с разночинцев, проживающих в Змеиногорском»²¹². Драматические события произошли в поселении 20 декабря во время ежегодной Рождественской ярмарки. Из-за ссоры русских крестьян с казаками (киргизами) начались массовые беспорядки. Подверглись разгрому дома исправника, крестьянского начальника, помощника управляющего имением, три купеческих магазина. Исправнику удалось собрать отряд из нескольких полицейских и служащих имения и остановить погром к утру 21 декабря. Активное участие в побоище приняли «распущенные солдаты», т. е. вернувшиеся из Маньчжурии фронтовики. Во время погрома погибло 4 чел., сколько сгорело во время пожара в магазине Воробьевского – не известно. В начале января 1906 г. управляющий имением организовал дружину из 60 чел. для предотвращения подобных акций. 95 установленных участников погрома были арестованы и осуждены²¹³.

Помимо Алтая крестьянские волнения имели место в Тобольской, Енисейской, Иркутской губерниях и Забайкальской области. В аграрных беспорядках активное участие приняли казаки Забайкальского казачьего войска (15 станиц и 7 поселков),

²¹¹ История Алтая: учеб. пособ. Барнаул, 1995 Ч. 1. С. 310.

²¹² Цит. по: *Скубневский В. А.* Змеиногорск в начале XX века // *Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска)*. Барнаул, 1999. С. 229.

²¹³ Там же. С. 229–230.

добиваясь смягчения тягот воинской службы, увеличения земельных наделов за счет кабинетских земель, осуществляя самовольные порубки леса. Например, Титовский станичный сбор 22 ноября 1905 г. утвердил приговор об изъятии у КИВ лесных и сенокосных угодий, а 8 декабря казаки выполнили свое решение и захватили кабинетские участки²¹⁴.

О настроениях сибирских крестьян и характере их требований в рассматриваемое время можно судить по материалам Вольного крестьянского съезда в Тобольске 15–17 декабря 1905 г. Инициативу по его проведению проявили местные либералы: губернский агроном Н. Л. Скалозубов, присяжный поверенный С. Л. Вилькошевский, чиновник поземельно-устроительной партии А. Н. Ушаков, И. Я. Уфимцев, П. Н. Цветков, А. И. Степанов. Они ставили задачей разъяснить крестьянам Манифест 17 октября и положение о выборах в Государственную думу, а также выработать наказ будущим депутатам от сельских обывателей территории. В ходе последующего дознания Н. Л. Скалозубов пояснил, что мысль о съезде возникла у него во время служебных поездок по губернии. Его беспокоило, что крестьяне поняли Манифест как закон, разрешающий свободно и бесплатно пользоваться казенными землями. О предполагаемом проведении съезда уведомили губернатора. Он разрешил печатать пригласительные билеты и запросил МВД, которое запретило форум, но телеграмма об этом пришла уже после завершения его работы. Тем не менее он работал в Тобольске легально.

На съезд прибыло 123 делегата от 135 сел и деревень 22 волостей Тобольского уезда и 12 крестьян без полномочий²¹⁵. Участвовали в нем также представители ремесленников и рабочих губернской столицы. По главному вопросу – о земле – «съезд установил, что крестьяне в большинстве случаев пользуются недостаточным количеством земли, не обеспечивающим их существование. Земля, по мнению крестьян, должна быть общенародная, чтобы надел ее был всем равен, по 15 десятин на душу, и чтобы она представлялась только тем, кто ее обрабатывает и притом людям всех сословий». Практическое решение этого вопроса предполагалось осуществить в два этапа. На первом немедленному перераспределению подлежат только казенные и крестьянские земли, в том

²¹⁴ Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 219.

²¹⁵ Сиб. листок. 1905. 18 дек.

числе местных татар. На втором – все земли объявляются общенародной собственностью и на основании думского закона передаются в бесплатное пользование тем, кто их обрабатывает.

Против этой резолюции выступили представители татарского населения, проживающего в уезде в 14 татарских волостях. Они пользовались землей на основе старинных дарственных грамот и выписей из писцовых книг еще XVII в. и считали себя не пользователями, а собственниками земельных наделов. Поясняя позицию аборигенов, эсер П. С. Суханов заявил: «Поскольку я выяснил себе из бесед с татарами, они не стоят за национализацию земель всего нашего государства, но не против ее социализации, т. е. отрицают какой-либо общий передел земель и признают права каждого общества на свои блага». Предложение татар съезд не принял, и их представители покинули его.

По вопросу о лесах и рыболовных угодьях (озерах, песках) делегаты высказались за их передачу в общенародную собственность; но до решения Государственной думы форум счел необходимым: 1) передать в полное распоряжение крестьян леса 2-го разряда; 2) прирезать лес из казенных дач тем сельским обществам, которые его не имели; 3) немедленно прекратить казенные заготовки леса в дачах, близких к селениям; 4) удовлетворить просьбу тобольских мещан о прирезке леса для их хозяйственных нужд. Кроме того, делегаты постановили вернуть крестьянам рыбные водоемы, болота и кедровники, захваченные за последнее время казной и монастырями.

Обсуждалась на анализируемом мероприятии налоговая политика правительства. В специально принятой резолюции о «податном отягчении» делегаты потребовали: 1) ввести единый для всех подоходный прогрессивный налог; 2) установить сумму доходов, не облагаемую налогом, в размере, достаточном для поддержания жизни крестьянина и его семьи; 3) ликвидировать косвенные налоги на предметы первой необходимости и увеличить таковые на предметы роскоши; 4) натуральные повинности частью отменить, частью же перевести в денежные и разложить на все слои населения. По вопросу о полиции «съезд находит, что сельская полиция в лице десятских, сотских и урядников не нужна, а порядок в селениях должен быть возложен на самоуправление в лице выборных или нанятых»²¹⁶.

---

²¹⁶ Сиб. листок. 1905. 25 дек.

Участники съезда признали, что воинская повинность должна определяться в два года, «ибо более длительный срок портит крестьянина как земледельца». В резолюции по школьному делу делегаты потребовали введения всеобщего обязательного начального обучения в государственной школе, с предоставлением ученикам из несостоятельных семей денежного пособия. Обучение на всех ступенях должно быть бесплатным²¹⁷.

Почти одновременно со съездом в Тобольске в Кургане проходил уездный съезд волостных писарей, принявший комплексную резолюцию, пункт пятый которой гласил: «Чтобы вся земля казенная, удельная, монастырская и частновладельческая передана была народу. Обрабатывать земли лишь личным трудом, причем частновладельческие земли должны быть выкуплены за счет государства»²¹⁸.

Помимо политических партий, среди крестьян региона в конце 1905 г. активно начинают действовать народнические организации и прежде всего отделения (ячейки) Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Объединение выступало за созыв Учредительного собрания, ликвидацию частной собственности на землю и передачу ее крестьянам, частично за выкуп, частично бесплатно. Предусматривалось также введение бесплатного начального образования и создание системы местного самоуправления, независимого от властей. Из печатной продукции ВКС наибольшую известность получила брошюра «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом», излагавшая его программу. Ее находили в сельских поселениях всех губерний и областей Азиатской России. Другой широко распространенной прокламацией Союза было написанное в энесовском духе «Письмо от русских крестьян Николаю Второму». Многие из активистов из числа сельской интеллигенции, работавшие тогда в деревне, по мнению М. И. Казанцева, «очень смутно представляли себе различия между партиями»²¹⁹.

²¹⁷ Коновалов В. В., Копылов Д. И. Вольный крестьянский съезд в Тобольске // Революция 1905–1907 годов на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 84–90.

²¹⁸ Копылов Д. И. Тобольские крестьяне и Государственная дума в 1905–1907 гг. // Там же. С. 77.

²¹⁹ Казанцев М. И. Эсеры и революционная агитация в сибирской деревне в 1905–1907 гг. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1976. С. 6.

Первым в регионе возник самый крупный Крестьянский союз Минусинского уезда Енисейской губернии. Он оформился на базе «Комитетов митингов», действовавших в уезде после издания Манифеста 17 октября. Большую роль в его организации сыграли: акцизный чиновник с. Каратузского П. Дорофеев, врач, будущий депутат 1-й Государственной думы Н. Ф. Николаевский, священник, эсер, будущий депутат 2-й Государственной думы А. И. Бриллиантов; И. С. Казанцев. Решение о создании объединения принимается на митинге в Минусинске 23 декабря 1905 г. Учредительный съезд прошел 29 декабря там же. В селах образовывались сельские, затем волостные группы и уездное бюро, избираемое на съезде. Члены союза вели пропаганду до середины 1907 г. Кроме Минусинского уезда правоохранители отмечали наличие сельских групп ВКС, иногда численностью до 30 чел., в Енисейском, Канском и Красноярском уездах.

Еще один ареал деятельности Крестьянского союза сложился в Иркутской губернии. 26 ноября 1905 г. оформился союз Куядской и Тугутуйской волостей Иркутского уезда, выдвинувший требования введения земства и устранения чиновников. На митингах 18 и 28 декабря образовался отдел ВКС в с. Камилетей Нижнеудинского уезда. Большую роль в его организации сыграла агитация членов кружка учителей М. Сизых и П. Безруких. Во второй половине декабря отделение ВКС (до 300 чел.) возникло под руководством сельского старосты А. Тюменцева в Верхоленской волости Верхоленского уезда. В Забайкальской области по инициативе и в результате агитации сельских учителей Н. П. Степурского и А. Ф. Сорокина группа союза оформилась в Байхорской волости Верхнеудинского уезда.

В Западной Сибири отделение ВКС организовал учитель, эсер Б. П. Юхневич в Троицкой волости (8 сел) Бийского уезда Томской губернии. Крестьяне избрали комитет и собирали взносы на нужды организации. 19 декабря 1905 г. они послали сообщение в Сибирский областной комитет ПСР о желании присоединиться к нему. Для связи с центральными органами Всероссийского крестьянского союза в Москву направили делегацию троицких крестьян²²⁰.

---

²²⁰ Ноздрин Г. А. Крестьянские союзы Сибири в 1905–1921 гг.: Опыт энциклопедического анализа // Государство и общество в Сибири XVII – XX вв. Новосибирск, 2008. С. 144–145.

На волне революционной активности и под воздействием Октябрьской всеобщей политической стачки начинается создание протопартийных либеральных общественных формирований, а затем партийных организаций. Первой из них, как было показано в предшествующей главе, стал Сибирский областной союз, отделения которого действовали в Томске, Красноярске, Иркутске. Его «Основные положения» были опубликованы в ведущих местных повременных изданиях. Активно выступали в поддержку объединения эсеры. В «Сибирском вестнике» они разъясняли: «Во всей Сибири теперь открыто работает Сибирский Областной союз. В каждом городе есть Комитет этого Союза. И все, кто будет обращаться в Сибирский Областной союз за советом, всегда получают его. И всякий из сибиряков-крестьян, если пожелает, может быть членом этого Союза. Сибирский Областной союз добивается для крестьян Сибири тех же порядков, каких добивается Всероссийский крестьянский союз для крестьян всей России»²²¹.

Подобные объединения пытались консолидировать либерально и революционно настроенную интеллигенцию сравнительно небольших по численности городов, где не было еще политических формирований. Как отмечает Д. И. Копылов: «в Тобольской губернии к тому времени четкого разграничения между буржуазным либерализмом и революционной демократией еще не произошло. Либеральные и революционно-демократические элементы зачастую выступали совместно. В Тобольске, Тюмени, Ялуторовске, Кургане и других городах выдвинулись на авансцену политической жизни деятели неопределенно-революционного типа, порожденного самой бурной эпохой, когда в революцию втягивались неискушенные в политике люди и целые общественные группы»²²². В частности, в Тобольске, упоминавшимися выше А. Н. Ушаковым, С. Л. Вилькошевским, а также политссыльным В. Ф. Костюриным, подпоручиком, бывшим чиновником переселенческой партии Ф. Н. Рожковским и заведующим бактериологической лаборатории при фельдшерской школе Н. В. Баталиным в конце октября 1905 г. организуется «Союз гражданской свободы», который в своем программном документе поставил целью «скорейшее проведение в жизнь

---

²²¹ Соколов А. Крестьяне, их нужды и способы избавиться от них // Сиб. вестник. 1905. 26 нояб.

²²² Копылов Д. И. Указ. соч. С. 75.

гражданской свободы на началах Манифеста 17 октября», создание постоянно действующего законодательного учреждения на основе всеобщего представительства (прямая, равная и тайная подача голосов) с правом установления государственной росписи (бюджета. – *М. III.*), налогов и займов, а также контролирующей деятельности администрации. Достижение этих целей предполагалось осуществить за счет принятия резолюций на собраниях, распространения брошюр и устройства чтений, т. е. исключительно легальными способами²²³. 30 октября члены комитета «Союза» участвовали вместе с представителями различных губернских ведомств в совещании у губернатора для совместного обсуждения мер в целях успокоения «тревожного состояния обывателей, обусловленного слухами о возможных беспорядках». В начале ноября под председательством В. Ф. Костюрина в Народном доме организация провела несколько митингов²²⁴.

Примерно такое же объединение возникло после 17 октября 1905 г. в Канске, по сведениям жандармов, «подготавливающее своей деятельностью свержение с престола ныне царствующего императора и учреждение народной демократической республики, по инициативе которого устраивались в общественном собрании митинги с выработанной ими заранее программой, состояли в нем местный раввин Арий Виленский, чиновник особых поручений Переселенческого управления Александр Нонява, житель Канска Василий Досекин, поручик местной конвойной команды Ситников, сын городского головы Трофим Шахматов, местный купец-еврей Иосиф Монастырский, жительница Канска Клавдия Тимофеева, фотограф Шуйский и его сожительница Анна Остермацкая, канский мещанин Иван Степанов, студент Сергей Тимофеев и телеграфисты станции Канск Дудеровский и Политов»²²⁵. В Минусинском уезде Енисейской губернии, по мнению С. А. Бердникова, в конце 1905 г. «сложился, хотя в определенной степени стихийно, левый блок социал-демократов и мелкобуржуазных демократов»²²⁶.

²²³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1905. Д. 999. Ч. 84. Л. 1, 3.

²²⁴ Сиб. листок. 1905. 3, 6 нояб.

²²⁵ ГАНО. Ф. п. 5а. Оп. 1. Д. 123. Л. 6.

²²⁶ *Бердников С. А.* Развитие крестьянского движения в Восточной Сибири в конце 1905 г. под воздействием революционной борьбы пролетариата // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920), Томск, 1982. С. 99.

В Иркутске, как уже отмечалось выше, осенью 1905 г. возник «Торгово-промышленный союз», с целью объединения торговцев и промышленников Иркутского района в организованную группу, способную выражать «общие для торгово-промышленного класса жизненные требования, как экономические, так и политические». В своей программе объединение предполагало бороться за «конституционное устройство Российского государства, определенного основным законом». Народное представительство создается «на основании всеобщего, равного и тайного избирательного права» и «пользуется исключительными правами законодательной власти, устанавливает роспись государственных доходов и расходов, контролирует законность и целесообразность действий всех исполнительных органов государственной власти». Всем «отдельным народностям и различным областям предоставляется право автономии при условии сохранения государственного единства и участия в центральном народном правительстве». Увеличение землепользования населения, «обрабатывающего землю личным трудом», происходит за счет государственных, удельных, кабинетских и монастырских земель, а также «путем обязательного выкупа за счет государства частновладельческих земель с вознаграждением владельцев по справедливой (не рыночной) цене». Завершает документ следующее положение: «Осуществление изложенных в программе требований мы признаем возможным лишь при условии немедленного созыва Учредительного Собрания на основании всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права при фактическом проведении в жизнь объявленных в манифесте 17 октября свобод»²²⁷.

Нетрудно заметить сходство концептуальных положений перечисленных выше общественных формирований, близких к программе кадетской партии. Примерно в том же духе, но с более правых (октябристских) позиций смотрели редакция и авторы издававшейся в Томске в сентябре–декабре 1905 г. газеты «Сибирские известия» (редактор М. Н. Кононов), позиционировавшей себя как торгово-промышленную и общественную газету. В установочной статье первого номера определялось ее credo: «На национальных началах великого русского народа, началах народности и единения с своим царем, созданся его

---

²²⁷ ЦДНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

культурно-исторический тип, на них зиждется историческая преемственность его развития. Полного разрыва с прошлым в данный момент не может и не должно быть». Применительно к Сибири главной задачей указанного периода редакция считала введение земства, после чего «начнут совершенствоваться все стороны жизни нашей окраины ... государственность и общественность в своем взаимодействии откроют в Сибири широкий путь для ее интеллектуального и экономического развития. И возродится наша дорогая родина»²²⁸. Позднее издание конкретизировало свой политический идеал: «Нарождающиеся союзы народной свободы с программами, которые не выходят за границу благоразумного и умеренного либерализма, имеют громадную будущность и, несомненно, быстро разрастутся по всему лицу необъятной России»²²⁹.

Сосредоточились на политической деятельности научные и просветительские общественные организации. На общем собрании Барнаульского общества попечения о народном образовании 28 декабря 1905 г. принимается его новая программа, в которой центр тяжести переносится с начального на внешкольное образование: «Пусть государство или город дают народу грамоту – это их задача. Мы же считаем грамоту не целью, а средством, при помощи которого всякий может стать или сознательным гражданином, или же хулиганом. Нам... способствовать развитию самостоятельности граждан, духовному раскрепощению масс»²³⁰.

Активно в политическую борьбу включились и отдельные представители сибирской либеральной интеллигенции. Мировому судье Петрову из Томской губернии в вину поставили разъяснение публике содержание Манифеста 17 октября. «Я действительно радовался вместе с другими гражданами дарованными Манифестом 17 октября свободами, – пояснял он. – На это я имел законное право, да и с моей стороны это было вполне естественно: ведь на моих глазах прошла вся эпоха великих

---

²²⁸ Сибирские известия (Томск). 1905. 1 сент.

²²⁹ Там же. 8 нояб.

²³⁰ Цит. по: Дегальцева Е. А. Неполитические общественные организации Томской губернии в Первой русской революции // Общественно-политическая жизнь Сибири XX век. Новосибирск, 2000, Вып. 4. С. 24.

реформ Александра II»²³¹. Выступая на всероссийском съезде земских и городских деятелей в ноябре 1905 г. редактор иркутской газеты «Восточное обозрение» и гласный городской думы И. И. Попов, как зафиксировано в протоколе, «полагает, что, как доказали забастовки, действительная власть находится уже в руках русского народа. Пора действовать, как подобает гражданам, и предлагать ультиматум, а не принимать милость»²³². Томскому присяжному поверенному М. И. Преловскому инкриминировался целый букет государственных преступлений: «Совместно с частным поверенным Якушевым составил после 18 октября 1905 г. от имени присяжных поверенных заявление о непринятии ими к защите дел полицейских чиновников, городских, казаков и вообще лиц администрации, причем в этом заявлении предлагалось всем присяжным поверенным прийти на помощь рабочему освободительному движению. Вел преступную агитацию среди нижних чинов местного гарнизона; состоял членом в местной с.<оциал>-д.<емократической> вооруженной дружине – главнейший руководитель местных кружков с.<оциал>-д.<емократической> организации и всей Томской партии»²³³.

Неопределенно революционная окраска многих интеллигентов вводила в заблуждение жандармов. Так, иркутского врача П. И. Федорова они квалифицировали как «кадета, примкнувшего к эсерам»²³⁴. Их красноярские коллеги в 1906 г. следующим образом отзывались об областнике Вл. М. Крутовском: «В убеждениях социалист-революционер, но на собрании партии народной свободы объявляет себя внепартийным, стоящим левее конституционно-демократической партии»²³⁵. Сам Владимир Михайлович тогда же по этому поводу публично заявил: «Я ни к каким политическим партиям не принадлежу и политической программы у меня нет. Моя личная программа широко демократична, я буду держаться интересов народа, интересов крес-

²³¹ Цит. по: *Шиловский М. В.* Специфика политического поведения интеллигенции Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Общественно-политическая жизнь Сибири. XX век.* Новосибирск, 2004. Вып. 6. С. 11.

²³² *Либеральное движение в России. 1902–1905 гг.* М., 2001. С. 446.

²³³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305. Л. 109–110.

²³⁴ ГАРФ. Ф. 102 ДП ОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 27. л. Б. Л. 24.

²³⁵ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 261а. Л. 34.

трянства и рабочих трудящихся масс»²³⁶. Его брата Всеволода Михайловича, редактора газеты «Голос Сибири» правоохранители аттестовали так: «При каждом удобном случае Вс. Крутовский, выступая оратором на заседаниях партии (кадетской. – *М. Ш.*), упрекал членов в малодетельности и приближении к Союзу 17 октября. По своим убеждениям Вс. Крутовский социалист-революционер»²³⁷. Нелестную характеристику получил еще один красноярский либерал – Н. А. Шепетковский, который «в разгар революционного движения в 1905 году, будучи в Красноярске городским головой, всецело находился на стороне революционеров и всеми силами противодействовал распоряжениям правительства, направленным к подавлению движения»²³⁸.

Данное обстоятельство отразилось на процессе образования и программных подходах конституционно-демократической партии, партии народной свободы (ПНС), о чем еще в 1906 г. П. Б. Струве писал: «В оценке к.-д. партии обычно крупнейшую роль играют традиционные, с западноевропейских исторических примеров списанные представления. Между тем к.-д. партия есть чрезвычайно своеобразный продукт особых условий русской жизни. Никогда ни в одной стране в начале свободной политической жизни большая либеральная партия не выступала с такой явно демократической физиономией и поэтому никогда такая партия не занимала столь определенной позиции и не приобретала такого руководящего значения в борьбе за политические права и экономические интересы народных масс»²³⁹. «В результате, – устанавливает Ф. А. Селезнев, – основными элементами идеологии партии народной свободы стали: 1) народнический эволюционный социализм; 2) социальный либерализм с его стремлением примирить либеральные ценности в политике и социально ориентированную экономику. Между ними занял свое место социальный реформизм социалистического типа, не связанный, однако, жестко с какой-либо определенной доктриной»²⁴⁰.

²³⁶ Голос Сибири (Красноярск). 1906. 23 апр.

²³⁷ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 261а. Л. 33.

²³⁸ Там же. Д. 766. Л. 34 об.

²³⁹ Струве П. Рабочие и конституционно-демократическая партия // Вестн. Партии народной свободы, 1906, № 4. С. 201.

²⁴⁰ Селезнев Ф. А. Либералы и социалисты – предшественники кадетской партии // Вопросы истории. 2006. № 9. С. 32.

Будущий член ЦК ПНС, депутат 3-й и 4-й Государственных дум от Томской губернии, профессор Томского технологического института Н. В. Некрасов впоследствии признавал: «Я вступил в к.-д. партию в 1905 году, при основании ее, вместе с целой группой товарищей – беспартийных социалистов из состава бывшего Союза освобождения. Группа эта была не только социалистической, но и в ряде других вопросов занимала левую позицию. Мы были республиканцами, федералистами, всегда стояли за резкую оппозиционную тактику в отношении царского правительства»²⁴¹. Поэтому в ПНС пошли не только приверженцы классического варианта либерализма, но и представители левых слоев интеллигенции, а сама партия претендовала на выражение интересов всех социальных групп российского социума. «Среди отсталого и поэтому в общем консервативного населения, каким был русский народ, – поясняет один из лидеров этой партии В. А. Маклаков, – кадеты были передовой интеллигентской группой, немногочисленными проповедниками незнакомого России европейского идеала. Такой интеллигентской партии было к лицу составить программу из “последних слов” европейской теоретической мысли. Она бы была в своей роли, их проповедуя. Но события придали партии другой характер. Страна оказалась не такой, какой ее предполагали. Попутный политический ветер надул паруса партии, сделал ее “народной”. Помню стремительное проникновение в нее таких элементов, которые не только программы ее понять не могли, но не умели произнести ее имени. Этот успех застиг партию врасплох... Страна ведь выбрала партию своей защитницей, но от этого сама кадетской не стала»²⁴².

Существование протопартийных объединений ускорило процесс оформления организаций кадетской партии. Первыми в Красноярске и Томске это сделали либеральные члены местных отделений Сибирского областного союза. Так, в Красноярске 25–26 октября 1905 г. в отделе Союза произошел раскол, и часть его участников объявили себя Красноярской группой конституционно-демократической партии²⁴³. На последующих ее

²⁴¹ Из следственного дела Н. В. Некрасова 1921, 1931, 1939 г. // ВИ. 1998. № 11–12. С. 21.

²⁴² *Маклаков В. А.* Первая Государственная дума. Воспоминания современника. М., 2006. С. 10–11.

²⁴³ *Кудряшов Э. Г.* Указ. соч. С. 51.

собраниях принимается решение назвать объединение «Свободная народная партия» (СНП), формулируется главный пункт программы о форме государственного устройства: «Верховная власть в государстве российском принадлежит Государю Императору и Государственной Думе». Во главе формирования стоял временный комитет в составе: мирового судьи Д. Е. Лаппо, политссыльного В. А. Караулова, доверенного Путиловских заводов, купца П. Ф. Иорданского, предпринимателей В. И. Карнакова, А. А. Саввиных, П. К. Гудкова, присяжного поверенного П. И. Кускова, врача И. Е. Козлова, Вс. М. Крутовского, инженера Д. К. Ньюберга²⁴⁴.

15 ноября открывается клуб «Свободной народной партии» «для обсуждения литературных, общественных, политических и партийных вопросов». На прошедшем в ноябре заседании отдела Сибирского областного союза 37 его членов, пришедших на собрание (из 127), приняли программу СНП²⁴⁵. 14 декабря красноярские кадеты приняли решение участвовать в выборах гласных городской думы на основе всеобщего избирательного права, но 22 декабря под давлением В. А. Караулова было решено не участвовать в этом мероприятии²⁴⁶. Протестовали местные кадеты, как было отмечено выше, против осады революционеров в цехе железнодорожных мастерских. Помимо СНП, по сведениям В. Ю. Гигорьева, к началу января 1906 г. в городе действовали «Союз мира и порядка», о котором ничего не известно, и отделение Сибирского областного союза²⁴⁷. Относительно последнего было отмечено, что он «оказался по преимуществу скомплектованным главным образом из тесного кружка близких друзей и поклонников Вл. М. Крутовского. В союзе насчитывалось до 140 членов, число которых понизилось до 40 членов». «Что касается кадетской партии, – замечает он, – то она еще в начале января месяца насчитывала до 300 членов и заключала в себе наиболее культурные и прогрессивные группы местных жителей, а именно представителей адвокатуры, многих представите-

²⁴⁴ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 10. Д. 22. Л. 2.

²⁴⁵ Сиб. вестник. 1905. 18 нояб.

²⁴⁶ Харусь О. А. Хроника либерального движения в Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 35, 36.

²⁴⁷ ЦХИДНИКК. Ф. 64. Оп. 10. Д. 22. Л. 1.

лей судебного ведомства, наиболее интеллигентных из мещан, купечества, а также чиновников средних и высших рангов»²⁴⁸.

Поскольку кадеты из-за бездействия комитета не проявляли активности, 10 февраля 1906 г. состоялось общее собрание, сформировавшее новый состав комитета во главе с начальником Енисейского поземельно-устроительного отряда В. Ю. Григорьевым в составе: П. Ф. Иорданского, В. А. Караулова, Д. Е. Лаппо, П. К. Гудкова, В. И. Карнакова, А. А. Саввиных, Д. К. Нюберга и его жены, Любимова, горного инженера Гумницкого, адвоката Рогоновича, бывшего городского головы, отставного штабс-капитана, управляющего отделением Русско-Китайского банка Н. А. Шепетковского, судебных чиновников П. С. Троицкого, П. О. Куркутова, чиновника поземельно-устроительной партии Д. А. Грудинина²⁴⁹.

В Томске процесс партийного строительства выразился в проведении 25 ноября 1905 г. в железнодорожном собрании учредительного собрания местного отдела конституционно-демократической партии, на котором, по данным полицмейстера, присутствовало 70 чел., «исключительно из высшего интеллигентного общества»²⁵⁰. Объединение возникло на базе местного отдела Сибирского областного союза. Предваряя организационное собрание, один из новых редакторов «Сибирской жизни» профессор М. Н. Соболев провозгласил идентичность интересов областников и кадетов и предложил им объединиться, но в организации Партии народной свободы (ПНС)²⁵¹. Состоявшееся в начале декабря совместное заседание бюро Сибирского областного союза и бюро томского отдела ПНС приняло решение о том, что «члены Сибирского областного союза при желании могут быть членами Конституционно-демократической партии»²⁵².

Первым председателем отдела избирается профессор ТТИ В. А. Обручев. В состав его комитета вошли: профессора Е. Л. Зубашев, И. А. Малиновский, М. Н. Соболев, присяжный поверенный М. Р. Бейлин, мировой судья А. Н. Гаттенбергер, инже-

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. Л. 4.

²⁵⁰ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 84.

²⁵¹ Соболев М. Н. Отношение Сибирского областного союза и конституционно-демократической партии // Сиб. жизнь. 1905. 19 нояб.

²⁵² Сиб. жизнь. 1905. 6 дек.

нер А. А. Жемчужников, заведующий пенсионной кассой Управления Сибирской железной дороги В. Е. Сентянин, учитель мужской гимназии М. А. Слободской. В начале 1906 г. в объединении насчитывалось 600 членов, из которых примерно 41 % составляли представители буржуазии и 38 % – интеллигенции²⁵³. Помимо «Сибирской жизни», с 17 января 1906 г. томские кадеты издавали еще и газету «Народные нужды».

Помимо Красноярска и Томска до февраля 1906 г. оформилась кадетская организация 7 декабря в Тобольске на основе «Союза гражданской свободы»²⁵⁴. Сибирские кадеты развивали выдвинутую ими, областниками и эсерами идею земской реформы, в том числе путем образования Сибирской областной думы. Самыми «левыми» оказались красноярские либералы, заявившие, что «вопрос о создании областной власти важен сам собой и со стороны сибиряков было бы аполитизмом отказываться от собственной областной автономии»²⁵⁵. Омские и иркутские кадеты в принципе допускали областное самоуправление, но связывали его введение с законодательной деятельностью Государственной думы²⁵⁶. Томский отдел в своей программе высказался за предоставление областной автономии с местными представительными органами регионам, «обособленным по языку народности, географическому положению и историческому прошлому»²⁵⁷. В целом кадеты в Сибири выступали за союз с областниками, и в решении упомянутого выше совместного заседания руководящих органов Томского отдела ПНС и Сибирского областного союза подчеркивалось: «Сибирский союз может явиться объединяющим началом для всех прогрессивных партий в Сибири при предстоящей выборной кампании»²⁵⁸. Этого не произошло по причине прекращения деятельности Союза в самом конце 1905 г.

---

²⁵³ Харусь О. А. К вопросу о классовом составе октябристских и кадетских организаций в Сибири в период Первой русской революции // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 72.

²⁵⁴ Харусь О. А. Хроника либерального движения в Сибири... С. 34.

²⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 39. Л. 39.

²⁵⁶ Сиб. речь (Омск). 1906. 31 июля.

²⁵⁷ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 161. Л. 3.

²⁵⁸ Сиб. жизнь. 1905. 6 дек.

Но не все сторонники областнического движения отнеслись положительно к союзу с кадетами. Колебался, прежде всего, Г. Н. Потанин, так как потерпела крах его идея создания надпартийного Сибирского областного союза. У меня нет прямых доказательств, говорящих о его сомнениях по поводу альянса с либералами. Но есть косвенное свидетельство, подтверждающее предположение: в декабре 1905 г., сразу же после размежевания с кадетами, Г. Н. Потанин, А. А. Силин и Н. А. Соколов обратились в соответствующие органы с просьбой разрешить им издание газеты «Народное дело»²⁵⁹. И это в то время, когда конституционные демократы предложили областникам сотрудничество по всем направлениям, в том числе в их периодическом органе – газете «Сибирская жизнь». Несомненно, этот факт свидетельствует о стремлении идеолога областничества и его сподвижников избавиться от кадетской опеки в печати и проводить собственную политику.

Что касается социал-демократов, то они отнеслись к созданию кадетских организаций настороженно и враждебно. Подтверждает мое утверждение прокламация Красноярского комитета РСДРП (ноябрь 1905 г.) по поводу создания в городе «Свободной народной партии». Подвергнув критике ее программные положения и обвинив в стремлении «сдержать энергию русского народа в его освободительной борьбе», социал-демократы призвали «не доверять защиту своих интересов никаким партиям» кроме РСДРП²⁶⁰.

Параллельно с кадетскими в рассматриваемое время происходило создание октябристских организаций в регионе. Первой из них стало образованное 13 ноября 1905 г. Тобольское отделение партии центра. 8 января 1906 г. на его общем собрании принимается решение о коллективном вступлении в Союз 17 октября. Лидерами формирования являлись неперменный член губернского управления по крестьянским делам Шильдер-Шульднер и управляющий отделением Госбанка Спасский²⁶¹. 14 декабря 1905 г. состоялось учредительное собрание томской партии «Свобода и порядок», впоследствии отдела Союза 17 октября. В состав его бюро избирается 21 чел., Н. Ф. Кащенко

---

²⁵⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305. Л. 47–55.

²⁶⁰ Большевики Западной Сибири... С. 236.

²⁶¹ Харусь О. А. Хроника либерального движения в Сибири... С. 33, 37.

(председатель), а также профессора университета И. А. Базанов, Д. Н. Беликов, М. Г. Курлов, профессор ТТИ А. К. Ефимов, купцы 1-й гильдии А. Е. Кухтерин, Д. Г. Малышев, Н. А. Молчанов, библиотекарь университета Н. В. Миницкий и др. С 1 января 1906 г. на средства А. Е. Кухтерина началось издание печатного органа формирования – газеты «Время» (редактор-издатель И. А. Базанов). Численность октябристов первоначально колебалась в пределах 300 чел., среди которых преобладали буржуазные элементы – 56,7 % и элитарная интеллигенция – 36,5 %²⁶².

Кроме Тобольска и Томска, 16 декабря в Верхнеудинске создается «Временная либерально-конституционная партия» во главе с городским головой И. Г. Федченко. В течение декабря в населенных пунктах Томской губернии Барнауле, Бийске, Мариинске, Кузнецке, Каинске, селах Змеиногорском и Богородском создаются отделы Союза 17 октября.

Для радикальных объединений (РСДРП, ПСР) региона 1905 год стал периодом количественного роста, организационного укрепления, активного участия во всех значимых событиях в основном в городах и вдоль железной дороги. Применительно к социал-демократам следует прежде всего отметить, что их организации, с точки зрения соотношения большевиков и меньшевиков, были едиными, а по отдельным вопросам стратегии и тактики они высказывались и действовали в духе концептуальных и практических подходов этих фракций внутри РСДРП. Общая численность сибирского отряда РСДРП составляла примерно 3 % от общего количества партийцев в масштабах России²⁶³. Организационно все организации входили в Сибирский союз РСДРП. Во главе объединения стоял союзный комитет, находившийся до лета 1905 г. в Томске, а позднее в Иркутске. В историографии вследствие влияния работ Н. Н. Баранского и М. К. Ветошкина сложилась негативная оценка его деятельности, поскольку на 2-й конференции Союза (июль 1905 г.) в Томске были приняты меньшевистские резолюции. Тем не менее эта управленческая структура действовала в течение всей революции, регулярно прово-

²⁶² Харусь О. А. Октябристы // Томск от А до Я: краткая энциклопедия города. Томск, 2004. С. 244.

²⁶³ Утин А. А. К вопросу о численности и составе РСДРП в 1905–1907 гг. // Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. М., 1987. С. 48.

дила съезды и конференции, имела свою типографию, располагала денежными средствами. Сибирскому союзу подчинялись разъездные агенты, которые курсировали от Харбина до Челябинска и помогали, а то и просто самостоятельно налаживали деятельность организаций или создавали их.

На самом деле конференция Союза свое отношение к разногласиям в верхах, в частности ко 2-му съезду РСДРП и меньшевистской конференции в Женеве, сформулировала в духе равноудаленности, призвав местные организации «встать по отношению как к той, так и другой части партии в одинаково необязательные отношения»²⁶⁴. Что касается места союзного комитета, то нужно иметь в виду, что к осени 1905 г. завершился процесс становления местных формирований, наработка методов деятельности в условиях открытого противостояния властям. Организации обзавелись собственным активом и полиграфической базой. Это привело к свертыванию координирующих функций региональной управленческой структуры и расширению самостоятельности на местах. Вместе с тем комитет продолжал действовать, осуществляя организационно-техническое руководство, занимаясь, в частности, распределением кадров профессиональных революционеров, налаживанием связей с вышестоящими партийными инстанциями, проведением съездов и конференций.

На 3-й съезд от Сибирского союза РСДРП делегируются В. А. Гутовский и В. Е. Мандельберг. Оба посланца съезду предпочли меньшевистскую конференцию, за что удостоились порицания в виде резолюции большевистского форума от 14 апреля 1905 г. 1-я же конференция Сибирского союза прошла в Томске в июне 1905 г. Присутствовало 32 делегата от пяти комитетов (Омского, Томского, Красноярского, Иркутского, Читинского) и двух групп (Обской и Нижнеудинской). Она приняла решение об издании газеты Союза и избрала союзный комитет. Советские историки проигнорировали 1-й съезд Сибирского союза РСДРП, работавший в Иркутске с 15 по 23 октября 1905 г. Причину нетрудно понять из его краткой характеристики, сделанной М. К. Ветошкиным: «Этот ублюдочный съезд разваленного меньшевиками и примиренцами на Томской конференции областного Союза оказался незамеченным и никому не

---

²⁶⁴ Цит. по: Самосудов В. М. Большевики Сибири в борьбе против царизма (1894 – февраль 1917 г.). Иркутск, 1987. С. 58.

нужным»²⁶⁵. 11 делегатов от пяти организаций из 11 входивших в Союз рассмотрели вопросы о профсоюзах и стачечной борьбе. Возникновение профессиональных объединений всячески приветствовалось и одобрялось. Принимается новый устав, выдержанный в духе общепартийного.

Практически каждое крупное объединение имело собственную типографию и библиотеку нелегальных изданий, произведений классиков марксизма и лидеров отечественной социал-демократии. Представление о каналах финансирования и основных статьях расходов социал-демократических организаций дают публиковавшиеся ими финансовые (кассовые) отчеты. В дореволюционный период общественные формирования крайне скрупулезно и щепетильно относились к отчетности по части используемых средств. Итак, с февраля по август 1905 г. приход комитета Сибирского союза РСДРП составил 10 919 р. 71 к. (в среднем по 1560 р. в месяц), расход 9666 р. 73 к. (1380 р. в месяц). Основными источниками пополнения кассы были поступления от местных комитетов и организаций – 3765 р. 16 к. (36,4 %), пожертвования из различных городов – 1429 р. 25 к. (13,0 %), сборы по подписным листам – 1174 р. 18 к. (10,7 %), персональные пожертвования – 1432 р. 65 к. (13,1 %), целевые пожертвования на побег «романовцев» – 1000 р. (9 %). Основные статьи расходов союзного комитета за тот же срок выглядели следующим образом: типографско-издательские – 3394 р. 08 к. (35 %), содержание профессиональных революционеров – 2642 р. 16 к. (27,3 %), организация побегов, помощь бежавшим, «Красный Крест» – 1115 р. 05 к. (10,5 %), отчисления вышестоящим структурам (ЦК, «Искра», Восточное бюро ЦК) – 610 руб. (6,3 %), закупка литературы – 360 р. 10 к. (3,5 %).

Денежные обороты комитетов были ниже, хотя иногда существенно дифференцировались. Так, приход Красноярского комитета РСДРП за июль 1905 г. составил 219 р. 93 к., расход – 206 р. 44 к.; Иркутского за август 1905 г.: приход – 2007 р. 30 к., расход – 1820 р. 31 к.; Томского за июль–август 1905 г.: приход и расход – по 530 р. 01 к.²⁶⁶ Средств не хватало, так в отчете

²⁶⁵ *Ветошкин М. К.* Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. М., 1947. С. 122.

²⁶⁶ *Шиловский М. В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Социал-демократы: учеб. пособ. Новосибирск, 1997. Вып. 4. С. 43–45.

Красноярского комитета РСДРП за август 1905 г. признавалось: «Одной из причин, препятствующих комитету расширить свою деятельность сообразно современному историческому моменту, является ощущаемый им постоянно недостаток в денежных средствах. Поэтому комитет просит всех оказывать ему посильную помощь в этом отношении»²⁶⁷.

Таким образом, анализ финансового положения сибирских социал-демократических организаций в 1905 г. показывает, что они располагали скромными возможностями, пополняя свой бюджет за счет сборов и добровольных пожертвований рабочих и средних городских слоев. Основная часть ресурсов шла на организацию издательской деятельности, содержание растущей прослойки профессиональных революционеров. В Омске в октябре 1905 г. они «съели» 45 р. (17 %), а в августе 1906 г. уже 153 р. (40,5 %). Относительно небольшие суммы перечислялись на содержание центрального партийного аппарата.

Первые акции 1905 г. показали, что основную ставку в практической работе социал-демократы Сибири сделали на издание прокламаций, предназначенных рабочим, хотя не забывали и другие социальные слои. По мере укрепления полиграфической базы, повышения квалификации пропагандистов отдельные организации начинают издавать собственные нелегальные газеты. Почин делается комитетом Сибирского союза РСДРП, который в июне–сентябре 1905 г. выпустил три номера «Сибирского социал-демократического листка». Переходной формой от прокламации к периодическому органу стали стачечные бюллетени (Красноярск), «летучие листки» (Иркутск).

События января–февраля 1905 г. показали слабую связь социал-демократов с рабочими. «За нашей организацией не было массы», – самокритично признавались они тогда²⁶⁸. Поэтому усилия комитетов и групп направляются на расширение влияния среди пролетариев, прежде всего железнодорожников, путем проведения собраний (массовок), маевки, создание пропагандистских кружков. Под руководством и с участием эсдеков создаются стачечные комитеты и профсоюзы. Всего на конец 1905 г. в регионе действовал 61 профессиональный союз, объединивший 9108 рабочих. Кроме того, функционировало 15 про-

²⁶⁷ Большевики Западной Сибири... С. 154.

²⁶⁸ Там же. С. 111.

фессиональных организаций торгово-промышленных служащих и 8 отделений Всероссийского союза учителей²⁶⁹.

Не менее энергично комитеты и группы РСДРП приступили осенью 1905 г. к созданию боевых дружин. Тогда они существовали в 36 населенных пунктах Сибири, имея в своих рядах до 10 тыс. чел.²⁷⁰ Так, действовавшая при Обской группе РСДРП дружина состояла из 35–40 молодых рабочих и делилась на пятерки. На вооружении имелось значительное количество оружия, кроме того, в литейном цехе железнодорожных мастерских налаживается отливка корпусов бомб и снаряжение их взрывчаткой. Вместе с тем новониколаевская дружина может служить наглядным примером того, что может произойти с группой молодых людей в условиях падения престижа власти, ее растерянности, отсутствия жесткого контроля со стороны организации, интересы которой она обеспечивает. Очень скоро вооруженное формирование превратилось в хорошо вооруженную и организованную банду, занявшуюся заурядным грабежом лавочников, квалифицированным В. Д. Вегманом как «анархистские экспроприации»²⁷¹.

Обстановка в Сибири после «умиротворения» и объявления военного положения отличалась неустойчивостью. Уйдя в подполье и оправившись от многочисленных арестов и ликвидаций, социал-демократические организации ориентировались на новую революционную волну и выдвигали лозунги подготовки вооруженного восстания и созыва Учредительного собрания.

На 1 января 1905 г. в регионе функционировало 5 эсеровских организаций (Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита), к концу года к ним добавились группы ПСР в Новониколаевске, Мариинске, Нижнеудинске, на станциях Иннокентьевской и Оловянной. В течение всего рассматриваемого периода местные организации были объединены в «Сибирский союз партии

---

²⁶⁹ *Вонотков В. П.* Организаторская роль сибирских комитетов РСДРП в создании массовых пролетарских профессиональных союзов (октябрь–декабрь 1905 г.) // *Идейно-политическая и организационная работа большевиков Сибири и Дальнего Востока в период революционной борьбы с самодержавием (1903 – фев. 1917 г.)*. Томск, 1984. С. 49, 53, 55.

²⁷⁰ *Слабодян В. М.* Деятельность большевиков Сибири по подготовке пролетариата к вооруженной борьбе с самодержавием в годы Первой российской революции (1905–1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1988. С. 15.

социалистов-революционеров». В целом происходит расширение эсеровского влияния на рабочих, прежде всего железнодорожников.

Представляет интерес вопрос о финансировании деятельности социалистов-революционеров в Сибири, совершенно неизученный к настоящему времени, если не считать общих сентенций Б. Н. Николаевского о сотнях тысячах рублей, проходивших через кассу ЦК, и десятках тысячах, выделенных на нужды Боевой организации²⁷². Бюджеты провинциальных объединений, в том числе сибирских, судя по их кассовым отчетам, были значительно скромнее. Так, в кассу Красноярской группы ПСР в ноябре 1905 г. поступило 389 р. 36 к. и было израсходовано 333 р. 36 к. Доходы формировались из двух источников – членских взносов и пожертвований. Расходовали прежде всего на содержание боевых дружин (26 % в ноябре) и издательскую деятельность (33,7 %). Определенная часть средств шла на организацию побегов. Как видно из отчетов, сравнительно небольшими были организационные расходы, в том числе и на содержание профессиональных революционеров²⁷³. К тому же все получаемые средства организация тратила на себя. Что касается членских взносов, то во время ликвидации Мариинской группы ПСР в январе 1906 г. полиция изъяла квитанционные (талонные) книжки по сбору взносов и членский взнос некоего Вставского за январь 1906 г. на сумму 50 коп.²⁷⁴

Практическая деятельность эсеровских организаций региона в 1905 г. заключалась в агитационно-пропагандистском воздействии на различные группы населения путем выпуска листовок и нелегальных газет, создания кружков, профсоюзов, неформальных организаций, проведения массовых политических

²⁷¹ Вегман В. Д. 1905 год в Новониколаевске // Сиб. огни., 1925. № 4–5. С. 176.

²⁷² Николаевский Б. Н. История одного предателя (1932). М., 1991. С. 103, 192.

²⁷³ Шиловский М. В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX века. Социалисты-революционеры: учеб. пособие. Новосибирск, 1996. Вып. 3. С. 19.

²⁷⁴ Каминский А. А. Из истории Мариинской группы партии социалистов-революционеров в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 24, 33.

акций (митингов, собраний, забастовок), в налаживании взаимоотношений в связи с этим с другими политическими объединениями, в корректировке программных положений партии с учетом местных особенностей. Специфической чертой политической борьбы эсеров с самодержавием являлось проведение террористических актов и экспроприаций. Социальная направленность печатной продукции организаций ПСР позволяет сделать вывод, что основным объектом их воздействия стали пролетарские и полупролетарские слои и учащаяся молодежь города. Уже 17–19 января 1905 г. совместно с социал-демократами красноярские эсеры организовали забастовку рабочих железнодорожных мастерских. Осенью они вошли в состав смешанных комитетов на железной дороге. Активное участие приняли социалисты-революционеры в событиях конца 1905 г. в Красноярске, Иркутске, Чите; в частности, многие из них с оружием в руках участвовали в обороне железнодорожных мастерских в Красноярске²⁷⁵.

По мере нарастания революции, укрепления эсеровских формирований активизировалась их работа в деревне. В 1905 г. они оказывали определенное влияние на крестьян Иркутской губернии, впоследствии активизировалась их деятельность в южных уездах Енисейской губернии, Селенгинском уезде Забайкальской области. Проводниками эсеровского влияния на крестьян выступали сельские учителя. Они имели регулярные связи с организациями ПСР, получали нелегальную литературу. Воздействие на сельскую интеллигенцию осуществлялось и во время проведения учительских съездов. Кроме того, в Енисейской губернии социалисты-революционеры использовали для установления контактов с деревней «комитеты митингов». Важным каналом эсеровского влияния стали организованные и возглавляемые ими крестьянские союзы²⁷⁶. Эсеровская пропаганда в деревне осуществлялась в духе народнических воззрений и отстаивала два принципиальных положения: демократизацию общества (народовластие) и социализацию земли.

---

²⁷⁵ Мучник Г. Воспоминания подпольщика // Сиб. огни. 1925. № 4/5. С. 132, 133.

²⁷⁶ Кучер В. В. Крестьянские союзы в Сибири в 1905–1907 гг. // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1990. № 1. С. 75.

Революция 1905–1907 гг. стимулировала рост масштабов эсеровского террора. По мере организационного укрепления сибирских организаций ПСР создаются боевые отряды, дружины, значительные средства направляются на покупку оружия, взрывчатки. Существование вооруженных формирований зафиксировано в большинстве эсеровских объединений региона анализируемого периода, даже в малочисленных. Так, Мариинская группа создала собственную «террористическую дружину», в функции которой входило истребление доносчиков, полицейских. Первые в регионе террористические акты были осуществлены в октябре 1905 г. боевиками Иркутского комитета ПСР, убившими полицмейстера А. П. Драгомирова и ранившими и. о. губернатора В. А. Мишина.

До последнего времени исследователи, касаясь взаимоотношений объединений РСДРП и ПСР, явно симпатизировали первой. Отмечая количественное преобладание эсдеков, их организованность, сплоченность, наличие определенного опыта, историки показывали политику первых в отношении эсеров как взаимоотношения старшего брата и нерадивого младшего, которого постоянно приходится наставлять, ограждать от соблазнов, привлекать к общественно-полезному труду, бороться с проявлениями экстремизма и авантюризма. И все равно дитя (эсеры) постоянно норовило упасть лицом в грязь и дискредитировать имидж народных заступников. И при рассмотрении заслуг и неудач социалистам-революционерам в основном доставалось из второй корзины. Постоянно на них вместе с меньшевиками списывали все огрехи, недостатки и провалы в революционном движении. «Во время революции 1905–1907 гг. эсеры стремились изолировать от РСДРП революционные силы крестьян и рабочих, пытались подменить партийный марксистский подход к классовой борьбе положениями мелкобуржуазного вульгарного социализма», – замечал в этом духе Н. Н. Федотов²⁷⁷.

А реальные отношения организаций ПСР и РСДРП в регионе складывались непросто, хотя существовали объективные предпосылки для взаимодействия, прежде всего обоюдный радикализм, ориентация в текущей работе на пролетариат и горо-

---

²⁷⁷ Федотов Н. Н. Тактика большевиков по отношению к эсерам Восточной Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 58.

жан. Активно взаимодействовали социал-демократические и эсеровские организации Читы, Иркутска, Красноярска, Томска. Проводились совместные мероприятия (митинг 26 декабря 1905 г. в Иркутске), создавались объединенные формирования. Вместе с тем совместные действия осуществлялись в обстановке жесткой конкуренции, взаимных упреков и обвинений. Массовые политические акции превращались в арену для дискуссий. Так, в Чите острая борьба по аграрному вопросу имела место на собраниях с участием интеллигенции, учащихся, служащих в ноябре 1905 г., а также на специальном диспуте «О политических партиях» 18 декабря того же года²⁷⁸. Как правило, инициаторами нападок являлись социал-демократы. В этом отношении эсеры были более лояльными.

С момента возникновения эсеровских организаций в Сибири начались контакты их членов с сибирскими областниками. Как было показано выше, активное участие приняли они в создании Сибирского областного союза и проведении его съезда 28–29 августа 1905 г. Социалисты-революционеры выступали более последовательными сторонниками Союза как надпартийного объединения, нежели либералы. Поэтому на I съезде ПСР (январь 1906 г.) делегат от Сибирского областного союза эсеров заявил: «Сибирский областной союз, в состав которого входят многие из наших товарищей, членов нашей партии, находит, что должна быть организована особая областная Сибирская областная дума»²⁷⁹. Поэтому отрицательно отнеслись они к попыткам кадетов поставить под свой контроль отделы союза в Томске и Красноярске.

Касаясь специфики политического поведения радикалов, следует отметить их негативное отношение к самодержавию. Лексика их прокламаций буквально пропитана обличением правящей династии и непосредственно Николая II: «венценосный негодяй», «убийца», «душегуб и убивец», «дармоед»; а барнаульские социал-демократы в пространной листовке по поводу роспуска 1-й Государственной думы следующим образом охарактеризовали самодержавный строй: «Долго-долго будет пом-

²⁷⁸ Порхунев Г. А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск, 1993. С. 76

²⁷⁹ Сватиков С. Г. Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX веке). Прага, 1930. С. 107.

нить русский народ, что много было у него всяких князей и царей – были Святополки Окаянные, Иваны Грозные, были Катерины Великие и Малые, были блудники-нечестивцы и всякой правды душителю, но равного Николаю II еще не было»²⁸⁰.

В борьбе с прогнившим и ненавистным режимом допускались любые средства, в том числе насильственные («прямые») действия. С их помощью радикалы пытались ограничить произвол и дезорганизовать правительственный аппарат. Эсеры неоднократно заявляли, что террор является разновидностью самообороны, применение которой обусловлено отсутствием конституционных гарантий индивидуальной свободы. «Мы, социалисты революционеры, – говорилось в листовке Иркутского комитета ПСР от 25 декабря 1905 г., – не хотим крови; мы стремимся к тому, чтобы иметь возможность нести идеи социализма в темные народные массы народа. Но, живя в полицейском государстве, поддерживающем свое господство исключительно насилием, мы, по необходимости, должны защищать себя силой и пользоваться в этом направлении всеми имеющимися в наших руках средствами, не исключая террор»²⁸¹.

В отношении ближайших целей революции сибирские социал-демократы признавали необходимость создания временного революционного правительства. Так, Красноярский и союзный комитеты в совместно выпущенной в апреле 1905 г. прокламации «Земский собор или Учредительное собрание» утверждали, что после свержения самодержавия должно быть создано революционное правительство, «связанное прочными узами с восставшим народом». Читинский комитет РСДРП примерно в то же время отмечал, что «как только будет царь низвергнут, революционные партии организуют временное революционное правительство»²⁸². В последующем, вплоть до конца 1905 г., сибирские социал-демократы и эсеры настаивали на необходимости, после свержения самодержавия, созыва Учредительного собрания.

Во второй половине 1905 г. в аборигенной среде региона происходило обсуждение вопроса о создании органов обществен-

²⁸⁰ Большевики Западной Сибири... С. 41, 62, 221, 425, 440.

²⁸¹ Курусканова Н. П. Указ. соч. С. 70.

²⁸² Кабацкий Н. И. Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905–1907 годов. Иркутск, 1984. С. 56.

ного самоуправления в рамках рескрипта от 3 апреля 1905 г. о подготовке земской реформы на восточных окраинах империи. В Хакасии в октябре 1905 г. прошел Минусинский уездный крестьянский съезд, на котором, помимо русских, присутствовали 8 уполномоченных от хакасских ведомств. Делегаты высказались за формирование единых земских учреждений. Для обеспечения прав аборигенов они должны были избирать в уездное земское собрание не по одному, а по два гласных от каждой земской единицы. На Аскизском инородческом съезде 1–2 ноября 1905 г. в основу организации земского национального самоуправления был положен проект иркутских бурят, но без учреждения отдельного от русских аборигенного уездного земства²⁸³.

В Якутии центром обсуждения вопроса о земстве стало Якутское сельскохозяйственное общество, организованное в 1899 г. под руководством В. В. Никифорова. Уже летом 1905 г. его Совет подготовил «Проект основных начал о земских учреждениях в Якутской области», предусматривающий создание единых органов самоуправления для аборигенов и русских крестьян. Но после обнародования Манифеста 17 октября представители от перечисленных групп населения отказались готовить проект совместно с местной администрацией и обратились к председателю Совета министров С. Ю. Витте с предложением разрешить заниматься этим независимо от чиновников. Получив согласие, якутские представители во главе с В. В. Никифоровым подготовили документ, в основе которого лежал проект иркутских бурят. В нем предлагалось: «во-первых, земля в области должна принадлежать местным жителям; во-вторых, в пределах области вводится полное земское самоуправление; в-третьих, законность или незаконность действий земства определяет только независимый суд». Эти положения включил в свою программу созданный в январе 1906 г. «Союз якутов»²⁸⁴.

Что касается православного духовенства, то об их взглядах можно судить на примере Забайкальской епархии РПЦ. По мнению В. И. Косых, с января до осени 1905 г позиция клира «была

²⁸³ Лаппо Д. Е. Степное земское положение. Красноярск, 1907.

²⁸⁴ Дьяконова Н. Н. Якутская национальная интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.). Новосибирск, 2002. С. 83–88; Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). М., 2002. С. 164–170.

позицией верного союзника правительства. Пропагандировались самодержавно-монархические принципы, подвергались критике революционеры, как и передовая интеллигенция. Особенностью борьбы церкви против революции в тот период являлось более интенсивное применение традиционных средств воздействия на рабочих, на трудящихся вообще»²⁸⁵. Настороженно священнослужители относились к учителям как носителям «революционной заразы» и атеистических настроений. Так, первоначально они приняли участие в деятельности созданного в Верхнеудинске в конце 1905 г. отделения Всероссийского учительского союза. Но, как только на его собрании 1 декабря принимается решение «о необязательности закона божьего во всех школах», священник Н. Виноградов всех участников назвал безбожниками и, уходя, заявил: «Жида играют, а другие им подыгрывают». Собрание решило «изъять из своей корпорации законоучителя приходских училищ, священника Николая Виноградова, и просить его избавить общие учительские собрания от своего присутствия даже в качестве постороннего лица..., предложить городскому управлению считать о. Виноградова недостойным быть законоучителем ни в одной из школ г. Верхнеудинска»²⁸⁶.

Вместе с тем отдельные представители духовенства под воздействием развивающихся событий, и поддавшись общему настроению, проявляли оппозиционные взгляды и предпринимали соответствующие действия. В частности, в вину некоторым из них было поставлено неиспользование титула «самодержавнейший» при упоминании во время церковной службы императора Николая II на том основании, что Манифестом 17 октября «государь сам отказался от этого титула». В рамках провозглашенной свободы слова некоторые церковнослужители сочли уместным отслужить панихиды и молебны в память «невинно убиенным» жертвам самодержавия. Например, в Троицкосавске в октябре 1905 г. причты отслужили панихиду «по первым борцам за гражданскую свободу – декабристам». В памятный день 9 января 1906 г. иеромонах Читинской Крестовой церкви Спиридон во время панихиды помянул лиц, «сложивших свою жизнь в революционной борьбе с правительством». Священник железнодорожной Адриановской церкви В. Модестов дважды, 14 декабря

²⁸⁵ Косых В. И. Забайкальская епархия... С. 100.

²⁸⁶ Там же. С. 121.

1905 и 9 января 1906 г. служил панихиды «в память по декабристам и убиенным во время беспорядков в Петербурге». 9 января 1906 г. железнодорожники ст. Хилок, собравшиеся в депо с красными и траурными флагами, пригласили священника, который отслужил панихиду «по павшим рабочим» г. Петербурга²⁸⁷.

Определенная часть верующих и клира епархии примкнула к обновленческому движению. Состоявшийся 5–6 октября 1905 г. в с. Нижний Цасучей съезд духовенства 24-го благочиния высказался за восстановление патриаршества. Патриарх должен избираться Поместным собором вместе с членами Синода. РПЦ предлагалось разделить на митрополии во главе с митрополитами, избираемыми духовенством и мирянами на окружном соборе. Митрополии делились на епархии во главе с епископами, таким же образом избираемыми. Кандидатами в епископы могли выдвигаться представители от монашества, белого духовенства и мирян, отличающихся «опытностью в духовной жизни». Причт на собрании прихода в присутствии благочинного могли избирать миряне. Допускалось обсуждение кандидатур, представленных епархией, хотя прихожане могли предложить и свои. Содержать причты рекомендовалось через вклады в учреждения государственного казначейства, все сборы натурой полагалось отменить, все требы сделать бесплатными. Съезд высказался по такому большому для РПЦ вопросу, как тайна исповеди: «Исповедь не подлежит оглашению ни по каким государственным делам». Делегаты сочли актуальным осуществление реформы церковно-приходских училищ, в плане улучшения качества образования в них. Богослужение должно было идти на «родном понятном народу языке», некоторые молитвы признавались «желательным» заменить новыми. Для прекращения нареканий со стороны верующих предлагалось уничтожить торговлю и сборы за богослужение в храме²⁸⁸.

Как неоднократно отмечалось в настоящем исследовании, местные власти оказались не готовы к отражению и пресечению массовых протестных акций, что обусловило установление в конце 1905 г. в отдельных городах и на железнодорожных станциях восточнее Иркутска двоевластия. По мере возвращения из Маньчжурии в места постоянной дислокации воинских частей

²⁸⁷ Косых В. И. Забайкальская епархия... С. 167, 168.

²⁸⁸ Там же. С. 140–144.

администрация переходит в контрнаступление. Способствовало этому введение 23 декабря 1905 г. военного положения в уездах по линии Транссибирской железнодорожной магистрали и организация карательных экспедиций. Инициатива в последнем случае исходила от премьера С. Ю. Витте, который «предложил такую меру: выбрать двух решительных и надежных генералов, дать им каждому по отряду хороших войск и снарядить два поезда, один из Харбина по направлению к России, а другой из России по направлению к Харбину, и предложить этим начальникам во что бы то ни стало водворить порядок по Сибирской дороге и открыть на ней правильное движение»²⁸⁹.

Командирами отрядов назначаются генерал-лейтенанты, бароны А. М. Меллер-Закомельский и П. К. Ренненкампф. Характерно, что распоряжение относительно экспедиции из Харбина из-за забастовки почтово-телеграфных служащих туда передали с фельдъегерями через Лондон и Пекин. Начальникам предлагалось «восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью». 1 января 1906 г. из Москвы отправился поезд А. М. Меллер-Закомельского. В состав экспедиции вошли две сводные роты 3-й гвардейской пехотной дивизии, офицеры военно-судебного ведомства. Отряд, помимо винтовок и револьверов, был оснащен пулеметами и пушками. П. К. Ренненкампф отправился из Харбина 9 января с двумя поездами. В первом следовала рота пехоты, военнослужащие железнодорожного батальона и военные телеграфисты с запасом материалов для быстрого восстановления железнодорожного пути и телеграфа. Во втором эшелоне находились три роты пехоты с четырьмя пулеметами и двумя горными орудиями. Следом двигались поезда с личным составом четырех стрелковых полков. Отбывая на выполнение задания, генерал докладывал: «Буду действовать по обстоятельствам, прибегая к полевому суду. При вооруженном сопротивлении расстреливать без суда».

В Омске, согласно воспоминаниям А. А. Ширямова, отряд А. М. Меллер-Закомельского ограничился «двумя-тремя арестами, выпорол одного рабочего, разогнал без применения оружия нашу демонстрацию 9-го января и быстро двинулся дальше»²⁹⁰,

²⁸⁹ *Vitte С. Ю.* Воспоминания, мемуары. М., 2002. Т. 2. С. 196–187.

²⁹⁰ Очерки истории города Омска. С. 236.

сопровожаемый еще одним эшелоном с отрядом подесаула Алексева, сформированным командующим СибВО генералом Н. Н. Сухотиным для усиления экспедиции. В Новониколаевске каратели 11 января провели массовые аресты организаторов забастовок и митингов, отправив их в Томскую тюрьму²⁹¹. На станции Тайга арестовали 78 чел. В Анжерке и Мариинске были оставлены «охранные гарнизоны» для предотвращения волнений рабочих и служащих²⁹². Подлежали тщательному осмотру все встречные поезда. Офицеры проверяли документы у пассажиров и обыскивали подозрительных. 12 января на ст. Иланская прошло собрание примерно 400 работников депо, которые отправили к Меллер-Закомельскому делегацию с требованием освободить арестованных еще 8 января товарищей. С привлечением военнотружущих проходящего воинского эшелона была устроена расправа над собравшимися: 19 чел. убито, ранено – 70, арестовано – 70 чел. В Петербург генерал телеграфировал, что «Иланская – гнездо революционеров»²⁹³. В Иркутске также прошли массовые аресты, по требованию начальника экспедиции временный генерал-губернатор запретил издание газеты «Восточное обозрение».

18 января 1906 г. на ст. Слюдянка задержали поезд с оружием, которое И. В. Бабушкин с пятью товарищами везли в Иркутск. Их привезли на ст. Мысовая и по личному указанию Меллер-Закомельского без соблюдения даже упрощенной процедуры военно-судебного разбирательства расстреляли. Участник акции поручик Евецкий записал в дневнике: «Выбрали место, более других освещенное станционным фонарем... Скомандовали, но вместо залпа получилось несколько одиночных выстрелов... Было упущено из виду, что при морозе смазка густеет и часто происходят осечки; расстрел производился при свете фонаря, пули попадали не туда, куда следовало, и вместо казни получилось истязание... Казнь продолжалась около четверти часа»²⁹⁴. Посколь-

²⁹¹ Хроника Новосибирской организации КПСС (1891–1987 годы). Новосибирск, 1988. С. 27–28.

²⁹² Макаруч С. В. Кузбасс в революции 1905–1907 годов: общество, партии, власть. Кемерово, 2006. С. 78.

²⁹³ Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг. М., 1932. С. 122, 123, 144, 192.

²⁹⁴ Мишкевич Г. И. Гордость партии. Киев, 1978. С. 198.

ку смертники отказались назвать свои фамилии, только позже стало известно, что вместе с И. В. Бабушкиным были казнены Б. М. Бялый – токарь депо ст. Слюдянка; А. В. Савин – старший телеграфист ст. Чита; Т. М. Ермолаев и И. М. Ключников – телеграфисты ст. Мысовая; Войнов (или Воинов) – кузнец Красноярских железнодорожных мастерских. По другим данным, пятым был слесарь ст. Слюдянка Токарев. Тела расстрелянных вечером 19 января увезли на Мысовское кладбище и зарыли в общей могиле, за оградой.

Тем временем генерал Ренненкампф разослал по маршруту следования карательной экспедиции Приказ № 2, в котором потребовал от железнодорожников прекратить смуту, распустить преступные политические организации, дать персональные подписки об отказе заниматься политической деятельностью и т.д. 16 января 1906 г. на ст. Борзя по приказу генерала был расстрелян член Читинского комитета РСДРП А. И. Попов (Коновалов). 22 января экспедиция вступила в Читу. Начались расправы над участниками революционного движения, о которых сообщалось выше.

К началу 1906 г. в Сибири произошла замена всех высших должностных лиц губернского и областного управления, за исключением якутского губернатора В. Н. Булатова. Я уже упоминал о смещении П. И. Кутайсова, И. В. Холщевникова, В. Н. Азанчевского-Азанчеева. Вместо В. Ф. Давыдова временным енисейским генерал-губернатором в начале 1906 г. был назначен генерал-майор А. Редько. В Tobольской губернии «умиротворение» началось с отставки А. П. Лаппо-Старжнецкого и назначения временного генерал-губернатора по Тюменскому, Курганскому и Челябинскому уездам генерала Стельницкого. Завершил этот процесс переведенный сюда в 1906 г. из Иркутска Н. Л. Гондатти, стремившийся избегать массовых экзекуций, он был способен вести диалог и примирять конфликтующие стороны, но без колебания переходивший к решительным действиям, когда этого требовала обстановка.

Таким образом, к февралю 1906 г. в основном завершилась активная фаза революции 1905–1907 гг. в Сибири и начался новый ее период, связанный с резким снижением революционной мобильности масс и переходом общественно-политического движения к преимущественно легальным проявлениям в рамках избирательных кампаний в Государственные думы.

Г л а в а 4

«НОВЫЙ БОЙ НЕ ЗА ГОРАМИ»¹. ФЕВРАЛЬ 1906 – ИЮНЬ 1907 г.

4.1. АРЬБЕРГАРДНЫЕ БОИ

Началом 1906 г. датируется период отступления Первой русской революции, в том числе в Сибири. В полосе Транссибирской железнодорожной магистрали действовал режим военного положения. Продолжались репрессии против участников революционных событий 1905 г. Как отмечал прокурор Иркутской судебной палаты, введение военного положения и репрессии «удержали неуравновешенную часть населения от открытого выражения сочувствия крайностям так называемого освободительного движения»². «Пребывание» генерала П. К. Ренненкампа в Чите с января по май 1906 г. отмечено вынесением 77 смертных приговоров. «Такие города, как Иркутск, Красноярск, Чита и такие центры железнодорожной линии, как Канск, Каинск, Иннокентьевская, Обь, Зима, Тайга требуют серьезного и постоянного наблюдения и решительных мер со стороны администрации», доносил в Петербург другой каратель – генерал А. М. Меллер-Закомельский³.

В Омске в начале 1906 г. было арестовано более 80 чел.⁴ 10–12 марта в Новониколаевске проводятся обыски и аресты членов Обской группы РСДРП, в ходе которых было арестовано более 80 чел., изъяты красные флаги, гектографы, оружие и приспособления для изготовления взрывчатых веществ⁵. В Чите дважды – 7 декабря 1906 г. и 10 февраля 1907 г. – осуществля-

---

¹ Забайкальский рабочий. 1906. 12 февр.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

³ Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг: документы и материалы. М., 1932. С. 201.

⁴ Сиб. жизнь (Томск). 1906. 17 февр.

⁵ Хроника Новосибирской организации КПСС (1891–1987 годы). Новосибирск, 1988. С. 28–29.

лась «ликвидация» руководящих структур местного комитета РСДРП, хотя жандармы признавали, «что число членов ее надо считать не сотнями, а тысячами, что, кажется, нет уголка в Забайкалье, где бы не было члена социал-демократической рабочей партии, осторожно и умело ведущего свою пропаганду»⁶.

В Иркутске к 20 февраля 1906 г. в тюрьме находилось 700 чел., арестованных за нарушения постановлений генерал-губернатора и по донесениям жандармов. От должности городского головы на все время действия военного положения отстраняется П. Я. Горяев. Закрывается Общество распространения народного образования и народных развлечений Иркутской губернии, прекращается издание газет «Сибирское обозрение» и «Молодая Сибирь». По постановлению Иркутской судебной палаты активные участники почтово-телеграфной забастовки (ноябрь 1905 г.) приговариваются: трое к заключению в арестантских ротах сроком от 1,5 до 3 лет, у шестерых вычитается из служебного стажа по 6 месяцев, семерым объявляется выговор⁷. Г. Н. Потанин в конце 1908 г. следующим образом охарактеризовал обстановку, сложившуюся в Томске: «Только что кончилось удушие, созданное бароном Нолькеном (целых три года царил!). Все замолкло [при нем]. Часть учреждений перестала функционировать, потому что Нолькен закрыл их; часть молчала и бездействовала по воле своих вождей, из которых одни молчали потому, что сами были черносотенцами, другие – страха ради. Школьное общество, воскресные школы были закрыты; внешкольное образование было запрещено. Общества – юридическое, сельскохозяйственное, испытателей природы – не устраивали заседаний, потому что временный генерал-губернатор требовал ручательства, чтобы заседание не обратилось в митинг, а митингом называли и такое собрание, в котором раздается один какой-нибудь шальной возглас, неприятный местной администрации»⁸.

В провинции режим военного положения осуществлялся гораздо жестче, чем в столицах. Поэтому Г. Н. Потанин в пись-

⁶ История рабочего класса Восточного Забайкалья (1707–1922 гг.): сб. док. и материалов. Иркутск, 1981. С. 156.

⁷ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 69, 70, 73, 77.

⁸ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1992. Т. 5. С. 95.

ме к Л. Ф. Пантелееву от 3 февраля 1907 г. из Томска сетовал: «...Конечно бичевать министров Вам и книги в руки, и я не предъявляю претензий разделить с Вами эту честь, но я думаю, что с таким же достоинством мог бы бичевать нашего барона Нолькена, но какое неравенство между петербуржцем и обывателем Томска. Мы зачитываемся столичными газетами, пропитаны их взглядами и давно уже знаем, что П. А. Столыпин лапчатый гусь, что Стишинский⁹ прохвост и пр., и в то же время не смеем усомниться в честности, в отсутствии казнокрадности и взяточничества не только у Нолькена, но даже у томского полицмейстера. Персона полицмейстера Фукса священнее, чем особа министра внутр[енних] дел. В таком режиме мы воспитываемся теперь»¹⁰. Кстати, томского губернатора и временного генерал-губернатора, барона К. С. Нолькена можно по праву назвать кризисным управляющим, поскольку до назначения в Сибирь он служил варшавским полицмейстером, на него дважды совершались покушения. Последний раз в марте 1905 г. взрывом бомбы Нолькен получил свыше 100 ранений, много поверхностных повреждений в правой половине лица. Он проболел около четырех месяцев и был направлен за счет казны на лечение в Германию, где ему сделали операции челюсти и глаза¹¹.

С конца 1905 г. возобновляется высылка в Сибирь участников антиправительственных выступлений, прерванная после объявления амнистии 21 октября того же года. Только на основании решений особого совещания при МВД с ноября 1905 г. по 2 декабря 1906 г. в административном порядке в Тобольскую, Томскую, Енисейскую губернии и Якутскую область выслали 2832 чел.¹² С начала 1906 г. стали заполняться и каторжные тюрьмы. Первые два политических ссыльнокаторжанина прибыли на Нерчинскую каторгу 4 января 1906 г. В 1906 г. сюда этапировали 201 чел. (76 – в первой половине года, 125 – во

⁹ Стишинский А. С. – член Государственного совета, в кабинете И. Л. Горемыкина (1906) был главноуправляющим землеустройства и земледелия.

¹⁰ Письма Г. Н. Потанина. Т. 5. С. 87.

¹¹ *Сергиенко В. А.* Активный участник борьбы с революционной смутой в России: барон Карл Станиславович фон Нолькен (начало XX века) // Политическая культура в истории Германии и России. Кемерово, 2009. С. 118.

¹² Революционное движение в Тобольской губернии в 1905–1914 гг.: сб. документов. Свердловск, 1981. С. 102.

второй); в 1907 г. 197 чел. (28 – в первой половине, 169 – во второй). Всего на начало декабря 1907 г. в Зерентуйской, Ака-туевской, Мальцевской и Алагачинской тюрьмах комплекса отбывало наказание 399 политических заключенных¹³.

О том, что представлял собой новый контингент политической каторги, принявший боевое крещение во время революции, можно судить по выпискам из статейных списков наиболее активных протестантов, составленным в 1913 г.

№ 7. Израиль Нисонов Брильон, 24 года, маляр, мещанин Могилевской губ., малограмотный. «Киевской судебной палатой 7 марта 1906 года за предумышленное покушение на убийство бывшего моголевского губернатора Клингенберга осужден в каторжные работы на 8 лет с 8 марта 1906 года»; № 10. Павел Николаев Мошкин, 28 лет, мещанин Тамбовской губ, грамотный, слесарь. «Казанским военно-окружным судом за умышленное убийство с заранее обдуманном намерением должностных лиц вследствие исполнения ими обязанностей службы, каковое убийство совершено при нападении на означенных лиц, и за нанесение с заранее обдуманным намерением раны, от которой последовала смерть, осужден к смертной казни через повешение, каковое наказание, в виду ходатайства суда, заменено командующим войсками Казанского военного округа каторжными работами без срока с 29 мая 1907 года. Приговором Иркутского военно-окружного суда 20–23 января 1909 года за побег из Александровской каторжной тюрьмы с насилием и убийством тюремной стражи присужден к смертной казни, которая по Высочайшему повелению заменена бессрочной каторгой»; № 11. Кондрат Тимофеев Кириллов, 32 года, крестьянин Саратовской губ., грамотный, служил во флоте. «Военно-морским судом Севастопольского порта, как признанный виновным в мятеже, сопротивлении властям, грабеже казенного имущества и другие преступления, осужден в каторжные работы на 15 лет с 29 ноября 1906 года»; № 12. Владимир Львов Васильев, 44 года, мещанин Харьковской губ., механик, образование домашнее. «Временным военным судом в г. Екатеринославе за образование преступного сообщества, приготовление взрывных снарядов, захват станции Александровской и за вооруженное восстание, сопровождавшееся убийством военных чинов осужден в каторжные работы без срока с 15 февраля 1907 года»; № 24. Сергей Николаев Ильинский, 25 лет, сын коллежского советника, 6 классов реального училища. «Временным военным судом в г. Твери за участие в сообществе заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве обществен-

¹³ ГАИО. Ф. 25. Оп. 6. Д. 3552. Л. 6–12 об.

ного строя и в убийстве с заранее обдуманым намерением члена Государственного Совета, генерал-адъютанта, графа Игнатъева, не бывшего при исполнении обязанностей службы и не вследствие исполнения сих обязанностей, осужден в каторжные работы на 11 лет и 8 месяцев с 18 июня 1907 года. Приговором Иркутского военно-окружного суда 20–23 января 1909 года за побег из Александровской каторжной тюрьмы с убийством тюремной стражи присужден к смертной казни, которая по Высочайшему повелению заменена бессрочной каторгой»; № 25. Федор Иванов Андреев, 28 лет, из крестьян Саратовской губ, грамотный, слесарь. «Временным военным судом в г. Томске за разбойное совместно с другими лицами и с целью ограбления нападение на поезд железной дороги в местности, состоящей на военном положении, осужден к смертной казни чрез повешение, каковое наказание командующим Омским военным округом заменено каторжными работами без срока с 19 июля 1908 года».

Всего в этом списке 31 фамилия¹⁴.

Волна политических ссыльных накрыла каторгу, первоначально для них там сложилась благоприятная обстановка в плане комфортности проживания и возможности заниматься политической деятельностью. Так, М. А. Спиридонова о жизни политических заключенных Акатуевской тюрьмы в 1906 г. вспоминала, что там была полная свобода, арестантам разрешали гулять в лесу, тюрьма напоминала клуб, где буквально пульсировала общественно-политическая жизнь¹⁵.

Противостояние между политическими ссыльнокаторжанами и тюремной администрацией началось прежде всего с побегов. Только в Акатуевской тюрьме с 17 июля по 28 октября 1906 г. было зафиксировано 15 таких попыток¹⁶. Показателен в этом плане эпизод, имевший место 13 сентября 1906 г., когда помощник начальника этого заведения вывел четырех политзаключенных за ограду и отпустил их в ближайшее (в 8 верстах) село для закупки капусты. Арестанты бежали и не были задержаны. Начальника тюрьмы, его помощника и надзирателя отдали под суд¹⁷. В октябре 1906 г. из Акатуевской тюрьмы бежал

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 733. Л. 50–55.

¹⁵ Спиридонова М. А. Из жизни на Нерчинской каторге // Каторга и ссылка. 1924. № 14. С. 192–193.

¹⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 110. д. 3356. Л. 97.

¹⁷ ГАИО. Ф. 26. Оп. 6. д. 295. Л. 4.

создатель боевой организации ПСР Г. А. Гершуни, вывезенный с ее территории в бочке с капустой. 2 ноября 1906 г. из Александровской тюрьмы через подкоп протяженностью 16 сажень (34 м) бежали 14 арестантов, бывших матросов. Подкоп они рыли более месяца из кладовой¹⁸. Обобщая эти факты, военный губернатор Забайкальской области 7 декабря 1906 г. констатировал, что за последние 2,5 месяца в Акатуевской тюрьме обнаружено шесть подкопов и из тюрьмы с июля бежало десять политических арестантов, «в числе коих находятся столь серьезные агитаторы как Распутин, Гершуни, Борис и Павел Кларк, а также Александровская тюрьма, откуда, посредством подкопа, скрылись в прошлом ноябре двенадцать политических арестантов, бывших матросов с транспорта «Прут»¹⁹.

Существенно уменьшается активность рабочих, прежде всего железнодорожников. Если в 1905 г. в регионе фиксируется 347 стачек с 123 566 участниками, то в 1906 г. соответственно 131 и 46 044, в 1907–75 и 17 378²⁰. Данное обстоятельство наряду с другими позволило О. В. Волобуеву и В. В. Шелохаеву утверждать, что после января 1906 г. «Первая российская революция в городах, по существу закончилась»²¹. Опровергают предлагаемую точку зрения данные о выступлениях в вооруженных силах империи: в 1906 г. в армии и на флоте произошло 21 вооруженное восстание с числом участников около 30 тыс. чел. и 230 невооруженных выступлений, в которых приняло участие 124 тыс. военнослужащих²².

В борьбу за свои права подключаются горнорабочие, торговые служащие, рабочие обрабатывающих предприятий. В течение года продолжался процесс увольнения рабочих и служащих с Сибирской и Забайкальской железных дорог, коснувшийся участников революционных событий. Вновь принимали только с санкций жандармских управлений магистралей и под подпис-

¹⁸ ГАИО. Ф. 246. Оп. 2. д. 5. Л. 2–3.

¹⁹ Там же. Ф. 25. Оп. 6. д. 2691. Л. 3.

²⁰ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 285.

²¹ Волобуев О., Шелохаев В. «Великие потрясения» 1905–1907 годов в контексте российской модернизации // Свободная мысль. 2005. № 1. С. 188.

²² Кораблев Ю. И. Революционные восстания на Балтфлоте в 1905–1906 гг. Л., 1956. С. 39.

ку о политической благонадежности. Как вспоминал применительно к Чите И. С. Бабайлов, «вскоре был объявлен новый прием рабочих, и через густое сито “политической благонадежности” активным членам Читинской организации РСДРП попасть снова в среду рабочих было очень трудно: к тому же каждый поступающий вновь должен был при приеме его дать администрации подписку в том, что он отказывается участвовать в забастовках, собраниях, заниматься агитацией и пропагандой»²³.

По инерции в первой половине 1906 г. выступления рабочих (забастовки, митинги, собрания, маевки и т. д.) носили политический характер, но с лета в движении явно начинают преобладать экономические мотивы. К тому же к этому времени в основном завершились массовые перевозки военнослужащих с Дальнего Востока и Маньчжурии в связи с окончанием Русско-японской войны. С 4 октября 1905 г. по 13 июня 1906 г. из Маньчжурии вывезли 19 793 офицера и 1 126 876 солдат²⁴. Поэтому администрация дорог начинает планомерно отменять различного рода льготы и надбавки военного времени. А они существенно повысили в 1905 г. уровень жизни железнодорожников. Одни только мобилизационные надбавки увеличивали зарплату примерно на 45 %. Одновременно, в том числе и под влиянием выступлений пролетариев, происходил рост должностных окладов и расценок на сдельные, поденные и сверхурочные работы. Если в начале 1904 г. квалифицированный рабочий железнодорожных мастерских и депо ежемесячно получал 50–60 руб., то к концу 1905 г. – 70–100 руб.²⁵ С июня 1906 г. мобилизационные надбавки стали постепенно снижать, а с января 1907 г. их вообще отменили. В связи с сокращением объемов перевозок начался пересмотр штатов в сторону их существенного сокращения. Увольняли прежде всего так называемых «подстрекателей». Так, в Омских железнодорожных мастерских только в ноябре 1906 г. уволили около 100 рабочих²⁶.

²³ История рабочего класса Восточного Забайкалья. С. 157.

²⁴ Карательные экспедиции в Сибири в 1905–1906 гг.: документы и материалы. М.; Л., 1932. С. 30.

²⁵ *Земеров Б. И.* Динамика номинальной заработной платы железнодорожников Сибири (1900–1917 гг.) // Рабочие Сибири в период империализма. Томск, 1976. С. 92–93.

²⁶ Очерки истории города Омска. Омск, 1997. Т. 1. С. 242.

К числу крупнейших выступлений 1906 г. относится стачка 6 тыс. рабочих Анжерских и Судженских копей 18–28 сентября. В Анжерке шахтеры требовали повышения на 20 % заработной платы, улучшения условий труда и быта (всего 11 пунктов). 19 сентября примерно 500 местных рабочих отправились на Судженские копи Михельсона и с 1,5 тыс. местных горняков устроили митинг. Руководили стачкой десятники З. Я. Двойных, В. Н. Добраминский, рабочие Д. И. Санкин, Т. Е. Минкин, И. В. Казанин, агитатор из Томска социал-демократ М. С. Васильев. Томский комитет РСДРП выпустил специальную листовку «Ко всем рабочим анжерских и михельсоновских копей». Было уволено до 800 чел., арестованы Васильев и Двойных, требования отклонены. На Анжерских копиях Михельсона, после 10-дневного прекращения работ, рабочим удалось добиться лишь незначительных уступок, но расценки администрация отказалась повышать²⁷.

В 1907 г. наиболее крупным стало выступление омских железнодорожников в феврале, начавшееся в связи с увольнением не явившихся на сверхурочные работы 20 мастеровых. Возмущенные рабочие потребовали от начальства отменить приказ об увольнении своих товарищей, возратить мобилизационные выплаты, уменьшить цены на дрова и т. д. После отказа администрации выполнять эти требования началась стачка. Начальник Сибирской железной дороги Ивановский приказал заменить забастовщиков рабочими из ближайших к Омску депо. Решение привело к расширению масштабов протестных действий: 12 февраля к забастовке примкнули рабочие Главных железнодорожных мастерских и депо станции Петропавловск (бастовали три дня). Общее число протестующих в Омске достигло 2,2 тыс. чел. Власти арестовали несколько рабочих-активистов, на станции и в железнодорожном поселке появились казачьи разъезды, в депо и мастерских – военные патрули, паровозные бригады сопровождалась вооруженными военными.

Стачка серьезно сократила объемы железнодорожных перевозок, но Ивановский настаивал на закрытии мастерских и депо сроком на две недели, «дабы забастовавшие поняли, какие потери они несут от своих необдуманных поступков, и сами

---

²⁷ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1990. Т. 2. С. 284.

просили об открытии мастерских». Среди бастующих с самого начала не было единства, железнодорожники магистрали не поддержали их, имевшиеся в кассе нелегального профсоюза мастерских и депо 3156 руб. во время стачки быстро израсходовали, выдавая пособия: холостому рабочему – не более 3 руб., женатому – до 5, высылаемому из города – 10 руб. 27 февраля объявили о приеме на работу уволенных. К 22 марта в мастерские приняли 110 чел., в депо 560 (вместо прежних 800 чел.). Вместе с «чисткой» 47 чел. в административном порядке выслали 47 чел. за пределы Степного генерал-губернаторства (в основном в Вологодскую губернию).

Затянувшаяся стачка вызвала недовольство председателя Совета министров П. А. Столыпина. В шифрованной телеграмме он «выговорил» генерал-губернатору и командующему войсками Омского военного округа генерал-лейтенанту И. П. Надарову, только что сменившему Н. Н. Сухотина. «Полагаю, – резюмировал премьер, – что при желании Вашем действовать самым решительным образом... движение было бы подавлено в самом зародыше». Обиженный администратор, не чувствуя за собой вины, в ответном послании дал понять, что истинный виновник затянувшейся стачки – руководство железной дороги и МПС, прибегшие к локауту²⁸.

С 6 по 16 апреля 1907 г. в Тюмени проходила вторая общегородская забастовка, охватившая приблизительно 2 тыс. рабочих промышленных предприятий, экипажей речных судов «Товарищества Западно-Сибирского пароходства и торговли» и других пароходных компаний. Они требовали от работодателей введения 8-часового рабочего дня, свободы собраний, оплачиваемых отпусков, медицинского обслуживания, улучшения условий труда и быта. Организационные вопросы забастовщики ежедневно с 7 по 12 апреля обсуждали на собраниях у городской лесопилки. О ходе акции жандармский ротмистр Емельянов 11 апреля докладывал: «Положение забастовки выражается сегодня в следующем: продолжают бастовать по-прежнему машинные команды всех пароходных обществ. Кроме того, забастовали рабочие городской лесопилки вследствие того, что в означенной лесопилке выставлены патрули от 3 роты Тобольского полка для недопущения туда агитаторов. Не желая

---

²⁸ Очерки истории города Омска. С. 244, 247.

работать под охраной патрулей, рабочие постановили прекратить работы, не предъявляя никаких требований. Из числа прочих рабочих предъявлены экономические требования на мельнице Текутьева, где таковые почти полностью удовлетворены, и на чугунолитейном заводе Машарова, причем предъявление требований здесь сопровождалось забастовкой. Владелец завода предполагает закрыть таковой на несколько месяцев»²⁹. Симптоматично, что речники начали бастовать, как и в 1905 г., накануне открытия навигации, пытаясь заставить угрозой срыва перевозок пароходоладельцев пойти на удовлетворение их требований. И кое в чем удалось добиться компромисса. Так, жалование матросов в месяц повышалась до 15 руб (вместо требуемых 16 руб.). За погрузку дров вместо 35 коп. до августа предлагалось платить 25, а с 1-го августа – по 35 коп. с каждой погонной сажени. Были арестованы 27 руководителей забастовки: К. И. Аликин, Ф. И. Коренев, А. П. Дубровин, Л. Н. Сенюков, А. В. Неверов, И. А. Качалов, З. Б. Кофман, Л. Н. Елсин, И. И. Тихонов и др., которых впоследствии выслали из города³⁰.

Как и в 1905 г., «авангардную роль в движении выполняли рабочие железнодорожных мастерских и депо: за ними 56 стачек и свыше 15 тыс. участников. Горнорабочие выступали, по имеющейся статистике, 28 раз, общее участников выступлений – 10,5 тыс. чел. В 47 стачках участвовали рабочие обрабатывающей промышленности, но малочисленными коллективами – всего чуть более 3600 чел.; 29 раз бастовали печатники, а из мелких служащих больше других – приказчики (20 стачек). Вклад остальных категорий рабочих был небольшим»³¹.

Касаясь общего состояния рабочего движения в изучаемый период, В. П. Зиновьев отметил его следующие особенности: организованность (наличие целей, планов, продуманных требований, организационных структур), преобладающее влияние организаций РСДРП без ярко выраженного предпочтения какой-либо фракции, невысокий уровень политической активнос-

²⁹ Революционное движение в Тобольской губернии в 1905–1914 гг. С. 135.

³⁰ Мишин М. Тюменская организация РСДРП в 1905–1907 гг. // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 4. С. 45–46; Рабочее движение в Сибири... С. 323.

³¹ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. С. 284.

ти. Слой рабочих социал-демократов не превышал 1–2 тыс. чел., или 0,2–0,4 % от общей численности³².

В сибирской деревне в течение 1906 г. наблюдается рост крестьянских выступлений. Если в 1905 г. их было зафиксировано 417, то в 1906 – 671, за январь–май 1907 г. – 181. Самой массовой формой социального протеста в 1906 г. выступали самовольные и коллективные порубки леса – 196 случаев, 29,2 % от всей совокупности. На втором месте – 129 случаев (19,2 %) отказы от уплаты податей, далее – проведение митингов, собраний, демонстраций – 127 случаев (18,9 %) и неподчинение властям – 102 случая (15,2 %)³³. В январе–феврале 1906 г. крестьяне селений Боровской, Касмалинской, Косихинской, Кулундинской, Шадринской, Шаховской, Юдихинской волостей Барнаульского уезда совершали массовые порубки кабинетского леса в Барнаульской, Касмалинской и Кулундинской лесных дачах Павловского имения. Они действовали «скопом, быстро и одновременно в нескольких пунктах... по несколько сот подвод». Инициаторами акций выступали бывшие солдаты. С 19 по 24 марта заготовленный таким образом лесоматериал был секвестирован у 214 крестьян только села Усть-Мосиха. В начале марта массовые порубки развернулись в Смоленской, Шубенской, Троицкой, Верхне-Кумандинской, Новиковской, Паутовской, Пристанской, Алтайской и Сычевской волостях Бийского уезда.

Форму вооруженного противостояния приняли порубки в д. Завьялово Паутовской волости в январе 1907 г. Местные крестьяне оказали вооруженное сопротивление команде из 56 солдат и 60 казаков, прибывших для прекращения массовых порубок кабинетского леса. 17 января военные стрельбой пытались рассеять толпу крестьян, убив одного из них. На подмогу завьяловцам прибыли мужики из окрестных селений. В ходе перестрелки 18 января был убит один солдат, а троих военнослужащих, включая начальника команды, ранили. Сопротивление прекратилось только после прибытия в деревню дополнительной роты солдат. Одновременно крестьяне соседнего селения

³² *Зиновьев В. П.* Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. С. 240–241.

³³ *Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б.* Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. Новосибирск, 1985. С. 322.

Быстрый Исток, узнав о появлении в Завьялово карателей, отправились на помощь, и в ходе столкновения с военными один из сельчан был убит. 20 января уездный исправник доносил: «Восстание крестьян приняло угрожающие размеры. Набатов церковного колокола в селениях собираются сходы. Составляются приговоры не признавать никаких властей. Идут усиленные вооруженные приготовления». 21 января в Быстром Истоке собралось до 5 тыс. чел. из 12 окрестных сел и деревень, «частью вооруженных огнестрельным оружием». Восставшие собирались наступать на Завьялово. Одновременно продолжались лесные порубки. Министр внутренних дел П. А. Столыпин 23 января потребовал «действовать самым решительным образом и подавить движение силой оружия». В село ввели две роты солдат с артиллерией. На местное общество наложили крупный денежный штраф, 52 чел. арестовали. В 1909 г. инициаторы выступления из Быстрого Истока братья М. И. и И. И. Казанцевы были осуждены на 12 лет каторжных работ каждый³⁴. Всего же в 1907 г. только по Алтайскому округу Кабинета в судебных учреждениях в производстве находилось 85 тыс. дел по фактам самовольных порубок³⁵.

Степень политизации, а следовательно, социальной активности российского, в том числе сибирского, крестьянства начала XX в. определялась традиционно уровнем имущественной дифференциации деревни и степенью воздействия радикальных партий. Основной силой антисамодержавного, а затем антиколчаковского движения объявлялись бедняки, антибольшевистского в первой половине 1918, 1920–1921 гг. – исключительно кулаки. Средняки, как правило, колебались между обозначенными полюсами. Вместе с тем, складывалось явное противоречие между выводами историков-аграрников о глубине раскола сельского мира и специалистами, изучающими и идеализирующими крестьянскую общину как хранительницу коллективистских и демократических традиций.

Представляется, что в рассматриваемое время сибирское крестьянство, являясь социумом преимущественно традиционного общества, действовало солидарно, всем миром. На его активность оказывали влияние стремление сохранить привыч-

---

³⁴ Крестьянские волнения в Алтайском округе в 1905–1907 гг. Барнаул, 1951. С. 118–145.

³⁵ История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1. С. 313.

ный патриархальный уклад жизни, традиционное неприятие политики властей и некоторые постоянные константы российской ментальности – страстность, максимализм, экстремизм, анархизм. В целом повседневная жизнь местного крестьянства в начале XX в. была значительно грубее, жестче, примитивнее, чем это иногда буколически изображается историками и литераторами. Оно постоянно балансировало на грани выживания и активно использовало насилие для защиты своих интересов: например, в борьбе с конокрадами, бродягами, ворами и хулиганами. Типичными явлениями местной жизни оставались охота на «горбачей» (бродяг), самосуды, «варнацкий расчет» (убийство батраков по окончании сезона сельскохозяйственных работ).

Сдерживаемая до поры до времени жестокость выплескивалась наружу в периоды социальных катаклизмов, таких как Первая российская революция. И эсеровский террор выступал лишь одной из составляющих открытого и жестокого противостояния власти и народа, выполняя зачастую роль детонатора. Достаточно вспомнить отдельные фрагменты этого противостояния, совсем недавно относимые к проявлениям революционной борьбы с самодержавием. Май 1905 г. с. Манзурка Верхотурского уезда Иркутской губернии: «Крестьяне сожгли сено местного священника в отместку за его речь, в которой он “порицал смуту”». Было совершено также нападение на квартиру пристава». 18 июля 1906 г. с. Абаканское Минусинского уезда Енисейской губернии: «В квартиру крестьянского начальника был брошен разрывной снаряд». 3 октября 1906 г. с. Сузун Барнаульского уезда Томской губернии: «Местные жители в количестве 20–30 человек, в том числе вооруженные револьверами и ножами, дважды избili сотских, выбили стекла в доме крестьянского начальника и подбросили ему записку «с угрозой лишить жизни». 1906 г., д. Беспалово Бийского уезда Томской губернии: «Староста составил акт “о производстве буйства и разрушении царского портрета” семью бывшими солдатами». 29 декабря, 1906 г. слобода Туринская Тобольской губернии: «Крестьянин И. П. Якимов бросил разрывной снаряд в квартиру священника Преображенского, занимавшегося черносотенной агитацией среди крестьян»³⁶. Этот скорбный список можно продолжить дальше.

---

³⁶ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н., Шустов К. Б. Указ. соч. С. 200, 220, 268, 277, 286, 287, 345.

Противостояние с 1905 г. принимает формы открытого вооруженного столкновения. Скачкообразно происходит снижение религиозности, хотя и ранее сибиряки не отличались набожностью. Данное обстоятельство отложилось в пословицах и поговорках: «Я не попу молюсь, а богу», «Для земли навоз полезнее слова божьего» и т. д.³⁷ Об этом же говорили современники. Так, в рукописных мемуарах, опубликованных В. А. Зверевым, автор фиксирует: «Бабушка верила в Бога, но не была особенно богомольной и недолюбливала попов, считая их тунедцами и мздоимцами»³⁸. Примерно в том же духе высказывался старик-старожил в мемуарах Г. М. Карнаухова: «В церковь хожу на пасху, в рождество, в крещение, да и в престольную трицу. Все ходят. Родитель мой ходил, царствие ему небесное, и мне велел. А только скажу: попы самые что ни есть подлецы и негодники – обируют и обманывают темный народ. Они попы – самые распутные людишки. Поверишь попу – дураком будешь»³⁹. Составной частью крестьянского движения становятся отказы оплачивать требы, вносить ругу, переход в другие конфессии (старообрядчество, сектанство).

Как и в предшествующие времена, большое воздействие на крестьянское движение оказывали слухи. О том, как препарировали сибирские крестьяне указ от 3 ноября 1905 г. об уменьшении выкупных платежей за наделную землю в 1906 г. и о полном прекращении их взимания с 1 января 1907 г., можно судить из протокола пристава 4-го стана Тюкалинского уезда Тобольской губернии от 28 ноября 1906 г.:

1906 года ноября 28 дня. Я, пристав 4 стана Тюкалинского уезда, прибыв сего числа в деревню Согры Серебренской волости для производства торгов по продаже описанного за невзнос податных недоимок крестьянского имущества, приступил к приему денег, добровольно приносимых недоимщиками в уплату недоимки. Явившийся в числе других недоимщиков крестьянин деревни Согры Андрей Александров Корольков, нахально и дерзко приступив к столу и склонившись к самому лицу моему, громко крича, начал доказывать неправильность взимания недоимок, т. к. таковые, по его словам, на день рождения

³⁷ ГАНО. Ф. р-75. Оп. 1. Д. 147. Л. 102.

³⁸ Родные голоса. Сибирь XX век. Мемуары из коллекции кафедры отечественной истории НГПУ. Новосибирск, 2008, вып. 1. С. 17.

³⁹ ГАНО. Ф. р-75. Оп. 1. Д. 147. Л. 103.

государя наследника все сложены. Кроме того, он, агитируя, заявлял то мне, то сообщественникам его, что и оклад текущего года, согласно высочайшему манифесту, прочитанному им их сельским писарем Богдановым, должен взыскиваться лишь в половинном размере, а с 1907 года совсем не должны взыскивать подати. Никакие разъяснения и увещания не помогли, и Корольков громко заявил, что он не желает платить недоимку, скорее пойдет в тюрьму или позволит удавить себя. Не удовлетворяясь изложенным, Корольков выскочил на улицу и громко уговаривал собравшуюся толпу «не поддаваться чиновнику», позволив себе в то же время обругать матерно меня, серебрянского старшину Манцерева и согринского старосту Плахина, скрежетать на нас зубами и явно возбуждать против нас толпу. Его пример увлек некоторых из толпы. Особенно помогал Королькову и способствовал к возбуждению толпы местный же крестьянин Иван Прохоров Устюгов, кроме того, позволивший себе угрожать избиением приехавшим на торги покупателям-киргизам, и даже замахнулся на одного из них. Устрашенные покупатели вынуждены были скрыться»⁴⁰.

Для взыскания недоимок в селениях Ново-Георгиевском, Рубцовском, Ульбинском Змеиногорского уезда Томской губернии местный исправник В. Турчанинов в июле 1906 г. затребовал «в помощь гражданской администрации... воинских чинов не менее 65 человек», но такого количества «без ущерба для службы выделить не представляется возможным»⁴¹.

Активное участие в аграрных беспорядках, как уже отмечалось выше, приняли демобилизованные военнослужащие. Начальник Томского ГЖУ полковник С. А. Романов доносил губернатору 7 февраля 1906 г., что в Локтевской, Чардымской, Колыванской и Алейской волостях того же уезда «настроение умов местного населения крайне тревожное, благодаря бесчинствам прибывших с театра военных действий запасных воинских чинов», которые избили сельских старост и писарей «из-за неудовольствий по поводу выдачи пособий семьям»⁴².

Касаясь же общей оценки участия сибирских крестьян в событиях рассматриваемого времени, уместно воспроизвести фрагмент из письма А. В. Адрианова из Змеиногорска к Г. Н. По-

⁴⁰ Революционное движение в Тобольской губернии в 1905–1914 гг. С. 100–101.

⁴¹ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 112.

⁴² Там же. С. 103.

танину от 23 июля 1906 г., который, на мой взгляд, достаточно полно раскрывает ситуацию: «Сибирские крестьяне в общем к политич<ескому> движению относятся равнодушно. Думой интересуются слабо, аграрный вопрос интересует их больше теоретически и с чисто принцип<иальной> стороны. Но там, где живут российские переселенцы, интерес к Думе и решению вопроса о земле принимает иной характер; несомненно, что японская война возбудила среди сибирского населения интерес, она способствовала пробуждению сознания, известия из Манчжурии собирали на улицах деревень, в день прихода почты, сотни крестьян; сюда, где находилось почтовое отделение, съезжались крестьяне из окрестных деревень послушать новости о войне. Теперь возвратившиеся с войны солдаты, особенно побывавшие в плену у японцев, освещают наше положение и события надлежащим образом. Но само по себе освоботит<ельное> движение весьма и весьма неясно, непонятно деревне, – для этого требуется огромная работа, требуются библиотечки, школы, учителя, рассылка брошюр; сознат<ельные> люди среди крестьян составляют ничтожные единицы, плохо понимаемые, высмеиваемые, преследуемые писарями, крестьян<скими> начальниками и полицией»⁴³.

На фоне снижения активности рабочих протестные действия в первой половине 1906 г. продолжали учащаться. В Томском университете занятия возобновились с сентября 1906 г. и сопровождались студенческими сходками. В Технологическом институте учебный процесс не начался, но регулярно происходили сходки с участием посторонних лиц. В средних и специальных учебных заведениях региона с февраля и до конца 1906 г. состоялось 14 протестных акций (демонстраций, забастовок, сходок и т. д.)⁴⁴. Своеобразную демонстрацию устроили учащиеся мужской и женской гимназий в Енисейске 8 февраля 1906 г. в Общественном собрании. Они после разрешенного любительского спектакля в пользу малообеспеченных гимназистов стали петь революционные песни: «Вставай, подымайся, рабочий на-

⁴³ *Адрианов А. В.* «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г. Н. Потанину. Томск, 2007. С. 184.

⁴⁴ *Плотников А. Е.* Хроника выступлений учащихся средних учебных заведений Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1885–1917 гг. Томск, 1994. С. 71–73.

род», «Дубинушка», «Отречемся от старого мира», «Вы жертвою пали» и др. Причины подобного демонстративного поведения объяснил гимназист А. Соболев на допросе: «Я, хотя и не певчий, принимал участие, дабы показать наступившей реакции, что мы, часть молодежи, не испугались репрессий и желаем продолжать работу в пользу социал-демократической республики»⁴⁵.

На этапе отступления революции со второй половины 1906 г. прекратились студенческие забастовки, томские вузы возобновили учебный процесс. В ноябре на общестуденческой сходке принимается решение избрать курсовых представителей и сформировать Центральный студенческий орган (ЦСО). В выборах приняло участие 67 % студентов университета и 53 % студентов Технологического института. В его состав вошли 11 социал-демократов, 10 эсеров и 4 кадет⁴⁶. В январе 1907 г. министр народного просвещения на встрече с депутацией профессорско-преподавательского состава Технологического института категорически высказался против легализации в вузе ЦСО, но счел возможным признать легитимным существование Совета курсовых представителей⁴⁷. Что касается учащихся, то в начале 1907 г. их общественно-политическая активность выражалась в создании корпоративных организаций (союзов, кружков и т. д.).

Еще одной силой, активно включившейся в революционный процесс в период отступления революции, стали военно-служащие местных гарнизонов (Иркутск, Красноярск, Омск, Барнаул, Тюмень, Верхнеудинск, Чита). Активную работу среди них осуществляли военные организации, созданные в составе Омского, Красноярского, Томского, Барнаульского и Иркутского комитетов РСДРП. Их задачи, судя по программе военной организации при Иркутском комитете, сводились к борьбе за улучшение быта солдат, сокращение сроков службы, уничтожение «крепостной зависимости солдат от начальства», запрещение использовать армию для несения «полицейской служ-

---

⁴⁵ *Ищенко О. В.* Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX вв.): дис. д-ра ист. наук. Омск, 2011. С. 435–436.

⁴⁶ Матвеев М. И. Студенты Сибири в революционном движении. Томск, 1966. С. 196; Томский университет (1880–1980). Томск, 1980. С. 83.

⁴⁷ *Ищенко О. В.* Указ. соч. С. 440.

бы». Кроме того, предлагалось заменить регулярную армию милицией⁴⁸.

Воздействие на военнослужащих оказывалось через листовки, специализированные нелегальные издания вроде газет карманного формата, а также через устную агитацию. Согласно отчету Омского комитета РСДРП за январь 1906 г. было выпущено 7 наименований прокламаций, из которых 3 («От солдат к солдатам», «К русской армии», «К солдатам и казакам») общим тиражом 6 тыс. экз. предназначались военным. Красноярским комитетом в октябре 1906 г. было отпечатано 8 тыс. экз. листовок, адресованных солдатам⁴⁹. Кроме того, красноярцы подготовили и распространили два выпуска «Солдатской беседы», иркутяне газету «Из казармы», верхнеудинская организация – гектографированную газету «Солдат». Устная агитация велась пропагандистами в военных городках через организации бесед, сходок в вечернее время после отбоя.

Работа в войсках согласно специальной резолюции конференции западносибирских организаций РСДРП (сентябрь 1906 г.) должна была обеспечить пристальное наблюдение «за всяким возникающим... брожением», с целью использования «его в целях углубления и расширения революционной агитации, и в моменты особенного брожения, могущего перейти в открытое выступление воинских частей, хотя бы на почве и чисто солдатских нужд, – создавать беспартийные Советы солдатских депутатов и подчинять их влиянию партии»⁵⁰. Агитационно-пропагандистское воздействие социал-демократов ставило своей целью привлечь солдат на сторону народа. Специальный блок требований, направленный на демократизацию армейской жизни, был подготовлен и размножен в виде отдельной листовки военной организации при Омском комитете РСДРП в феврале 1906 г. Он включал 26 положений, в частности, право ношения гражданской одежды вне казармы, отмену отдавания чести вне службы, увеличение сумм денежного довольствия, устройство

---

⁴⁸ Кабацкий Н. И. Социал-демократические организации Сибири в борьбе за массы в революции 1905–1907 гг. Иркутск, 1984. С. 221.

⁴⁹ Омская организация РСДРП в Первой русской революции 1905–1907 гг.: сб. док. материалов. Омск, 1955. С. 96; Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС. Красноярск, 1982. С. 91.

⁵⁰ Омская организация РСДРП... С. 171.

библиотек, право посещения военными митингов, отказ от использования армии при подавлении внутренних беспорядков на политической почве и т. д. Во многом эти требования предвосхитили знаменитый «Приказ № 1» Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, принятый 1 марта 1917 г.

Серия листовок красноярского, барнаульского, омского комитетов в августе–сентябре 1906 г. преследовала цель сорвать очередную призыв. При этом отдельная резолюция упомянутой выше конференции формирований РСДРП Западной Сибири предписывала «проведение в сельских обществах и на волостных сходах приговоров об отказе в поставке рекрутов всем составом обществ или волости». Прокламация содержала конкретные рекомендации по срыву призыва, а новобранцам советовала не принимать присягу.

Под непосредственным воздействием социал-демократов и их военных групп ряд стихийных выступлений военнослужащих перерос в организованное сопротивление командованию. Так, солдаты 7-го Красноярского пехотного полка в Красноярске в июне 1906 г. в знак протеста против надругательств офицеров избили поручика и освободили своего арестованного товарища. Роты 25-го пехотного полка, вызванные для подавления бунта, отказались стрелять. Офицер, обозленный отказом, ранил шашкой солдата. Это вызвало сильное возмущение присутствующих, офицера убили и приколотили штыком к земле. Поэтому в конце июня 25-й полк перевели в Иркутск⁵¹. В октябре того же года солдаты 31-го Восточносибирского пехотного полка в Красноярске с оружием в руках освободили из-под стражи агитаторов местного комитета РСДРП. В июне 1906 г. тобольский губернатор информировал командующего Сибирским военным округом о том, что «в последнее время замечается ряд волнений в воинских частях, расположенных в городах Тобольской губернии; были они в Тюмени, Тобольске, наконец, вчера – в Таре. Сообщают, что и в других городах настроение нежелательное»⁵². Иногда эти выступления приобретали своеобразный характер. Так, в Ачинске в ночь на 7 апреля 1907 г. «нижние чины 29-го Восточно-Сибирского стрелкового полка в числе че-

⁵¹ Груш Д. Б. Большевики Красноярска в годы Первой русской революции. Красноярск, 1955. С. 96–97.

⁵² Революционное движение в Тобольской губернии в 1905–1914 гг. С. 73.

ловек тридцати, разгромившие дом терпимости и ограбившие ее содержательницу, пели при этом революционные песни»⁵³.

Одним из направлений деятельности социал-демократов в 1906–1907 гг. стала работа в беспартийных военных союзах и объединениях, а также сотрудничество с военными группами эсеров. Военные союзы оформились в 1906 г. в гарнизонах Томска, Иркутска, Красноярска, Верхнеудинска, Читы, прежде всего в местах дислокации технических частей (саперы, железнодорожники, телеграфисты) с высоким удельным весом рабочих среди военнослужащих срочной службы. Значительным было влияние организаций РСДРП в местных отделениях Союза военнослужащих. Взаимодействие между социалистами (РСДРП и ПСР) налаживается в Красноярске. Более того, в конце мая 1907 г. здесь возникает военно-революционный союз, объединивший военные организации местных комитетов этих партий. Он имел свои группы в ряде воинских частей, однако после третьеиюньского переворота из-за тактических разногласий и массовых арестов распался.

В 1906–1907 гг. военную работу вели практически все эсеровские организации региона. В местах дислокации воинских частей они распространяли прокламации, пропагандировавшие общедемократические лозунги – созыв Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права, передачу всей земли без выкупа крестьянам. Для контактов с военнослужащими создаются специальные военные организации при эсеровских группах и комитетах. В мае 1906 г. они оформляются в Красноярске и Иркутске, июле–августе – в Верхнеудинске, весной 1907 г. – в Омске, Чите, Ачинске. В ответ на разгон 2-й Государственной думы Красноярский комитет ПСР, опираясь на военно-революционный союз, принял решение начать вооруженное восстание. В ночь на 8 июля 1907 г. вооруженные группы во главе с поручиком П. И. Масловым попытались захватить гарнизонную гауптвахту и освободить военнослужащих, арестованных по политическим мотивам. Нападение было отражено, а Маслов вскоре схвачен и по приговору военного суда казнен⁵⁴.

⁵³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 6. Л. 30 об.

⁵⁴ *Афанасьев А. Л.* Военная работа эсеров в Восточной Сибири в период отступления революции 1905–1907 гг. // Проблемы революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905–1920 гг.). Томск, 1982. С. 86, 87.

Фиксируя отмеченные выше направления деятельности радикалов, прокурор Иркутской судебной палаты в аналитической записке от 30 мая 1907 г. констатировал: «В настоящее время революционная подпольная литература, наряду с газетами левого лагеря, получает широкое распространение и в деревнях, а усилия социал-демократической и социал-революционной партий направляются на революционизирование войска, среди которого намечаются в отдельных случаях признаки возникающих военно-революционных организаций»⁵⁵.

В период отступления революции увеличиваются масштабы террористической деятельности эсеров и ряда малочисленных группировок анархистов. В 1906 г. в Сибири было осуществлено 23 террористических акта, в 1907 г. – 25⁵⁶. Сняв лозунг вооруженного восстания, как ближайшую цель, ЦК ПСР с марта 1906 г. ориентировал местные организации не форсировать революцию, завоевывать сочувствие в массах, добиваться «внешения оппозиционной и революционной заразы в войско» и усиления политического террора⁵⁷.

Первые террористические акты в рассматриваемый период были осуществлены в феврале 1906 г. Так, 13 февраля неизвестные ломом убили помощника военного коменданта станции Иркутск барона Корфа, 14-го в Омске учащиеся технического училища, члены эсеровского кружка предприняли неудавшуюся попытку покушения на директора учебного заведения П. А. Ивачева. 26 февраля в Томске студент-эсер совершил неудачное покушение на помощника полицмейстера Кириллова. Его задержали и предали военному суду. В период выборов и деятельности 1-й Государственной думы по решению ЦК ПСР террор был официально приостановлен и возобновился после разгона Думы 9 июля. Серией экспроприаций «сезон» открыли красноярские эсеры. 19 июля они совершили налет на типографию товарищества «Сибирь», где похитили типографский станок. 2 августа неудачно пытались ограбить золотосплавочную лабораторию, ранив служащего. 23 августа была ограблена почтовая ка-

⁵⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

⁵⁶ Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск, 2008. С. 94.

⁵⁷ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 261.

рета на маршруте Ачинск–Минусинск (похищено 1,5 тыс. руб.). В ночь на 29 августа был ограблен почтовый вагон в 15 верстах от Красноярска. Был убит чиновник почтово-телеграфного ведомства, ранено двое солдат охраны, а один солдат умер от отравления морфием. По официальным сведениям похитители завладели 8314 руб. В отчете же эсеровской организации в ЦК сообщалось только о 4800 руб. «Жертвы и способ экспроприации, – сообщалось в отчете, – произвели на Комитет угнетающее впечатление; кроме того, дружина оказалась не на высоте назначения: кое-кто ушел самовольно, исчезло оружие и даже говорили, что денег было взято более, чем доставлено комитету, вследствие чего дружина была распущена»⁵⁸.

Красноярские эсеры начали готовить покушение на иркутского генерал-губернатора, но в результате неосторожного обращения в нелегальной мастерской произошел взрыв, и на месте происшествия был задержан раненый «техник» Ш. Стрижевский, обнаружены чертежи взрывного снаряда и его детали. В начале октября при местном комитете ПСР М. З. Шумяцкий приступил к формированию дружины из рабочих-железнодорожников для проведения экспроприаций. Часть дружинников правоохранителям удалось арестовать, но оставшиеся на свободе 3 ноября 1906 г. ограбили на улице сборщика винной лавки Тарутина (похищено 2360 руб.), 15 ноября был совершен налет на магазин Савельева, 23 ноября – на магазин Эрлих. Дружинники неоднократно угрожали убийством жандармскому унтер-офицеру К. Терещенко, собиравшему сведения об участниках вооруженного восстания в конце декабря 1905 г. Поскольку угрозы не имели последствий, 2 декабря 1906 г. жандарм был застрелен в железнодорожных мастерских. По обвинению в совершении террористического акта арестовали и казнили четырех железнодорожников. Тогда дружинники решили наказать участников розыска убийц унтер-офицера. Осуществить акцию не удалось, поскольку в два приема – в декабре 1906 г. и январе 1907 г. были арестованы и в административном порядке высланы из Красноярска члены формирования И. Григорьев, М. Жидаев, А. Кириллов, И. Тютин, А. Кольцов, Г. Супрун, С. Минин, Ф. Окунь, А. Олезов, С. Васильев, С. Кондуфор, И. Леякин,

---

⁵⁸ *Серебренников И. П.* Революционный террор в Восточной Сибири (1900 – февраль 1917 гг.). Иркутск, 2002. С. 56–57.

А. Прилепский, Ф. Юшков, хотя руководителю дружины И. Тимофееву удалось скрыться.

2 августа 1906 г. трое членов «многопартийной» Забайкальской федерации групп вооруженного народного восстания (ЗФГВНВ) застрелили читинского полицмейстера А. С. Гарпинченко. Покушавшихся задержали, и военно-окружной суд приговорил их к смертной казни, приведенной в исполнение 14 ноября. В ночь на 15 ноября члены федерации осуществили налет на здание Общественного собрания, где шла карточная игра. Несмотря на то, что в здании находилось до 40 чел., в том числе вооруженные офицеры, отпора налетчикам не было оказано, им удалось отобрать у игроков 15 тыс. руб.

23 августа 1906 г. писарь В. Я. Ясырев в конторе Тобольской каторжной тюрьмы № 1 неудачно стрелял в ее смотрителя (начальника). 3 сентября в Новониколаевске на загородном митинге постановили расправиться с полицейскими и священниками. В тот же день совершается покушение на помощника пристава Бубнова, террористов задержать не удалось. 25 октября членами ученической эсеровской группы Омской центральной фельдшерской школы был убит ее директор Б. М. Мариупольский. Участники покушения Г. Новохацкий и Стручков скрылись. Новохацкий после участия в серии экспроприаций был схвачен и казнен в Омске в декабре 1907 г.

С лета 1906 г. сибирские эсеры приступили к подготовке покушения на усмирителя Забайкалья генерал-лейтенанта П. К. Ренненкампа, переведенного к новому месту службы в Иркутск командиром 3-го Сибирского армейского корпуса и начальником гарнизона. При областном комитете Сибирского союза ПСР создается специальный «Летучий отряд Сибирской области» (ЛОСО). 30 октября днем генерал возвращался в сопровождении адъютантов штабс-капитана Берга и поручика Гейзелера. «Когда мы проходили по Амурской улице, – свидетельствовал он, – на стороне улицы, противоположной зданию Иркутского Общественного Собрания, то я увидел, что передо мной у ворот дома, мимо которого я проходил, внезапно появился мужчина высокого роста, который, подняв что-то вверх, бросил по направлению ко мне. Вправо от меня, шагах в двух-трех, почти у самого тротуара, лежал какой-то сверток, напоминавший сверток из серой бумаги. Заметив, что сверток дымится, я понял, что это бомба; я инстинктивно прошел вперед». Заряд

разорвался через несколько секунд после падения и только наполовину, поэтому военные от взрыва слегка оглохли, а у поручика опалило шинель. Вместе с тем силой взрыва выбило несколько стекол у выходящего на улицу флигеля.

Террорист пытался скрыться с места преступления, но был сбит с ног прохожим и задержан. При обыске у него изъяли заряженный «Браунинг», запасную обойму и записную книжку. На гауптвахте он отказался назвать свое имя, заявив, что является членом летучего боевого отряда Сибирского союза ПСР и по приговору областного комитета должен был совершить акт возмездия в отношении генерала. Виновным себе не признал, поскольку, «будучи вполне солидарен с постановлением Областного Комитета, считал убийство генерала Ренненкампа своим нравственным долгом». 31 октября Иркутский военно-окружной суд признал «подсудимого виновным в принадлежности к вышеозначенной революционной партии и в покушении на убийство при увеличивающих вину обстоятельствах», и поэтому по совокупности преступлений постановившего лишить его всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение. В тот же день приговор привели в исполнение⁵⁹.

Личность преступника установили. Им оказался Николай Васильевич Коршун – дворянин Харьковской губернии, окончивший Павлоградскую гимназию и обучавшийся в Московском университете. В 1901 г. он принимал активное участие в студенческих беспорядках и председательствовал почти на всех сходках, за что был исключен из вуза и выслан из Москвы в Полтаву под гласный надзор полиции. Здесь был замечен в постоянных связях с лицами, принадлежавшими к местной группе революционных деятелей. В начале 1902 г. по выданному харьковским губернатором заграничному паспорту выехал в Париж, где вращался в среде революционеров-эмигрантов и попал в поле зрения заграничной агентуры Департамента полиции МВД. Вернувшись из-за границы, проживал в Харькове, где в 1904 г. привлекался к дознанию по обвинению в государственном преступлении («бунт против власти верховной»). 18 декабря 1905 г. Кор-

---

⁵⁹ *Кадиков Э. Р.* От Харькова до Иркутска: жизненный путь эсеровского террориста Н. В. Коршуна // Традиции экономических, культурных и общественных связей стран Содружества (история и современность). Омск, 2010. Вып. 4. С. 93–94; *Серебренников И. П.* Указ. соч. С. 63.

шуна вместе с братом Василием, бывшим студентом Харьковского ветеринарного института, за принадлежность к ПСР на основании постановлением временного харьковского генерал-губернатора в административной порядке выслали в Нарымский край. Оставался он там недолго – в начале августа 1906 г. вместе с братом бежал из ссылки. В Иркутске он появился за несколько дней до совершения теракта по подложному паспорту на имя крестьянина Енисейской губернии Е. П. Завьялова. По поводу этого террористического акта и казни его исполнителя читинские эсеры издали прокламацию «Памяти Евгения Коршунова».

Во второй половине 1906 г. центром организованной террористической активности стал Омск, где обосновался летучий отряд. Силами его боевиков были организованы нападения с целью ограбления на телеграфную контору, почту, военный склад, магазин Ганшина. Кульминацией их усилий стало убийство губернатора Акмолинской области, генерал-майора Н. М. Литвинова в полдень 15 декабря 1906 г. Его расстреляли в центре города около здания областного управления двое террористов (из тела извлекли шесть пуль). Погоня за ними принесла новые жертвы: городской И. Васильев, приказчик Н. Обухов, ранение получил казак А. Баландин. Покушавшимся удалось скрыться, уже утром 16 декабря по городу были разбросаны прокламации, в которых говорилось, что покушение осуществлено членами летучего боевого отряда Сибирского союза партии социалистов-революционеров в качестве кары генералу за его зверства при подавлении аграрных беспорядков в Ставропольской губернии. Прокламация завершалась следующими словами: «В самый разгар деятельности кровавого экзекутора партия социалистов-революционеров выполнила приговор народного суда над зверем-палачом. Мы выполнили приговор народного суда в лице крестьян-ставропольцев... Нет больше кровавого генерала Литвинова! Русский народ избавился еще от одного своего палача»⁶⁰.

В начале 1907 г. в Омске эсеры совершили неудачное покушение на жандармского ротмистра Ковалева, 1 марта 1907 г. в Кургане неудачно бросили бомбу в ротмистра Заглухинского.

---

⁶⁰ *Михеев А. П.* Демоны революции: из истории революционного экстремизма в Западной Сибири // Изв. Омск. гос. истор.-краевед. музея. Омск, 1997. № 5. С. 200–201.

14 февраля в Красноярске боевики местной эсеровской дружины убили военного коменданта города подполковника Козловского. В апреле был убит надзиратель Туринской тюрьмы в Тобольской губернии. 28 мая 1907 г. в одной из гостиниц Читы юной особой с документами на имя дочери священника Л. П. Юшковой был убит начальник Нерчинской каторги коллежский советник Ю. И. Метус. Как отметил прокурор Иркутской судебной палаты Е. П. Нимандер, покушение «нельзя не поставить в связь с оглашенными в органах столичной оппозиционной печати письмами политических каторжных об истязаниях, которыми они якобы были подвергнуты по распоряжению начальника каторги...»⁶¹. Имя настоящей исполнительницы осталось неизвестным. Через два дня, 30 мая 1907 г. два члена летучего отряда в Иркутске стреляли, но неудачно, в начальника Алагачинской тюрьмы И. Н. Бородулина. Террористам удалось скрыться с места покушения. Бородулин же был убит 28 августа 1907 г. в Пскове, куда поехал в отпуск, эсером И. И. Ивановым. Наконец, 10 июня недалеко от Якутска было совершено покушение на мирового судью Шимелевича и товарища прокурора Сафаревича.

Собранные И. П. Серебренниковым сведения на 22 террористов, в том числе трех женщин, позволяют сделать вывод, что они принадлежали к различным социальным группам, но преобладали молодые выходцы из средних слоев: 8 мещан, один сын потомственного почетного гражданина, один сын коллежского регистратора, четверо были крестьянами, а один являлся сыном ссыльнопоселенца. Среди боевиков не оказалось ни одного представителя рабочей среды. В составе боевой организации ПСР Иркутска почти половина являлась евреями⁶².

РСДРП в принципе отвергала индивидуальный террор, но в рамках военно-боевой деятельности допускала уничтожение наиболее активных государственных деятелей и захват боевых средств⁶³. На городской конференции омских социал-демократов 20 ноября 1906 г. была признана необходимость бороться с черносотенцами. Но сам по себе террор против агентов само-

⁶¹ Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб., 1908. С. 142.

⁶² *Серебренников И. П.* Указ. соч. С. 61–62.

⁶³ Омская организация РСДРП... С. 184–185.

державия квалифицировался как «вредная затрата сил», под флагом экспроприации действовали бандиты и грабители, дискредитирующие революционное движение. Поэтому IV съезд РСДРП высказался против захватов капиталов Государственного банка, других правительственных учреждений. В этой ситуации Омский комитет признал:

- 1) что покушения на отдельных агентов самодержавного правительства, не вызываемые необходимостью самозащиты, отнюдь не допустимы;
- 2) что захваты денег и имущества частных лиц и учреждений ни в коем случае не должны производиться;
- 3) что необходимы партизанские боевые выступления в целях:
а) беспощадной борьбы с активно-черносотенными организациями; б) самозащиты от готовящихся со стороны правительства набегов на население путем истребления карательных отрядов, убийства их начальников и т. п.; в) самозащиты от провокационной деятельности правительства (убийство шпионов и пр.), и, наконец; г) захвата оружия, боевых снарядов и необходимых революции средств;
- 4) что все такие выступления должны производиться под контролем партийных учреждений и притом так, чтобы сила пролетариата не растрчивалась понапрасну;
- 5) что боевые выступления для захвата денежных средств, принадлежащих самодержавному правительству, для обращения их на нужды революции и восстания, не только допустимы, но и желательны, при этом такие выступления должны вестись так, что бы интересы населения было возможно менее нарушаемы.

Исследователи рассматривали эсеровский террор в основном как проявление партизанской войны, как ответ «революционного народа на карательные действия царизма», способствующий привлечению на сторону социалистов-революционеров определенной части рабочих и мелкобуржуазной интеллигенции, «которые склонны были видеть в эсерах наиболее решительных борцов против гнетущих народ порядков»⁶⁴. Вместе с тем социалисты-революционеры осуждались за революционный авантюризм, поскольку их теракты лишь «создавали види-

⁶⁴ *Толочко А. П.* Непролетарские партии Сибири (1907 – февраль 1917 г): учеб. пособ. Омск, 1995. С. 13; *Курусканова Н. П.* Деятельность эсеров в Омске в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска. Омск, 1994. С. 69.

мость революционности ПСР»⁶⁵. Тем не менее и на этапе отступления революции 1905–1907 гг. в глазах сибирских обывателей террор и террористы пользовались колоссальным авторитетом.

В триумфальную поездку по Сибири вылилась перевозка к месту отбывания наказания в Нерчинск в отдельном арестантском вагоне приговоренной к бессрочной каторге М. А. Спиридоновой и других террористок – Л. Езерской, М. Школьник, А. Измайлович, Р. Фиалки, А. Биценко. На станции Курган 28 июня 1906 г. состоялся импровизированный митинг, сопровождавшийся пением революционных песен. Одна женщина «демонстративно разговаривала с политическими ссыльными, одобряла их поведение, назвала М. Спиридонову образцом политической гордости и красоты».

30 июня в Омске для встречи террористок собралась толпа в 6 тыс. чел., которая потребовала от жандармов вернуть на станцию предварительно отцепленный и отправленный на ближайший разъезд арестантский вагон. Начальник жандармского полицейского управления Сибирской железной дороги подполковник Ковалинский, не имея в своем распоряжении достаточного количества военнослужащих (всего 35, и то ненадежных), вынужден был подчиниться требованию толпы. Состоялся митинг, на котором политкаторжанки рассказали о программе и тактике ПСР. М. Спиридонову с подругами сфотографировали. Снимок опубликовали в популярном журнале «Нива», а затем он был растиражирован в виде открытки, разошедшейся по России в нескольких тысячах экземплярах.

2 июля митинг состоялся на станции Тайга. В Ачинске поезд встречали около 50 чел., среди которых были присяжный поверенный Глаголев, купец Макрушин, дочь подполковника конвойной команды Лисецкого, врач Копельман, регент Хруцкий и др. Публика свободно подходила к вагону с арестантками. Спиридонова называла своих спутниц и сообщала, что каждая из них совершила. Хруцкий и Глаголев от лица собравшихся произнесли приветственные речи и вручили цветы. Что касается обращения с ними по пути следования, М. Спиридонова

---

⁶⁵ Федотов Н. Н. Тактика большевиков по отношению к эсерам в Восточной Сибири в период революции 1905–1907 гг. // Большевики Сибири в трех революциях. Омск, 1981. С. 59.

отметила, что конвой – очень хороший и они с сожалением с ним расстаются на этой станции. На что ачинцы кричали: «Наш конвой будет еще лучше!» и пели революционные песни. В Красноярске накануне прибытия арестантского вагона местный комитет ПСР выпустил прокламацию «К приезду Спиридоновой», а 5 июля 2 тыс. чел. встречали поезд и провели митинг. Примерно так же встречали в Иланской и Тулуне. На станции Зима 9 июля арестантский вагон отогнали на ближайший разъезд «Щетик», где состоялся митинг с участием прибывших сюда на товарном поезде 200 рабочих. По возвращении их на станцию 100 рабочих арестовали. Вечером с целью их освобождения были устроены демонстрация и митинг рабочих депо и 150 солдат 27-го Восточно-Сибирского стрелкового полка и 5-го Восточно-Сибирского запасного батальона⁶⁶.

4.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

На этапе отступления революции существенные изменения произошли в среде политических формирований региона. У социал-демократов в течение 1906 г. продолжилось создание первичных организаций: в июне–ноябре они возникли в Бийске, на станциях Анжерская, Боготол, Мысовая, Оловянная, Хилок⁶⁷. В начале 1907 г. таких фактов не зафиксировано. В течение 1906 г. социал-демократы провели 2-й съезд Сибирского союза РСДРП 26–31 мая в Красноярске, на котором присутствовали делегаты от 8 из 15 организаций. Был принят новый устав объединения, одобрено объединение фракций на IV съезде РСДРП, одобрена его меньшевистская резолюция об отношении к Государственной думе, избран новый состав союзного комитета. В июле в Чите состоялась 1-я Забайкальская конференция РСДРП с участием представителей от Читинской, Борзинской, Оловянинской, Хилокской и Верхнеудинской организаций (всего 13 делегатов от 327 членов партии). Были приняты резолюции «О задачах момента» (широкая агитация необходимости вооруженной борьбы за Учредительное собрание и популяризация ло-

⁶⁶ Рабочее движение в Сибири. С. 251–252, 257, 258, 259; *Макурина Г. А.* Проезд М. Спиридоновой на каторгу по Сибирской железной дороге (по документам жандармских полицейских управлений) // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России. Кемерово, 2006. С. 20–23.

⁶⁷ Рабочее движение в Сибири... С. 255–256.

зунга временного революционного правительства), «О блоках с буржуазными партиями» (отрицание избирательных блоков с кадетами). Утвержден устав Забайкальской районной организации РСДРП и избран партийный комитет. 12–15 сентября состоялась Иркутская окружная конференция РСДРП, на которой присутствовало 10 делегатов с решающим голосом от Иркутской, Черемховской, Зиминской и Слюдянской организаций. В основном были приняты резолюции в меньшевистском духе, призывающие к коалиции с либералами. В октябре состоялась городская социал-демократическая конференция (23 делегата) в Красноярске, признавшая допустимость во время выборов во II Государственную думу соглашений с левыми партиями мелкой буржуазии. 20–21 ноября в Иркутске проходит 3-й окружной съезд РСДРП, на котором присутствовало до 20 делегатов от Иркутской, Слюдянской, Черемховской, Зиминской и Иннокентьевской организаций. Во время второго заседания все его участники были арестованы. В декабре в Красноярске состоялась 3-я общесибирская конференция РСДРП с участием 10 делегатов от Красноярского, Томского, Иркутского, Омского, Харбинского, Благовещенского и Тайгинского объединений. Поскольку не были представлены еще 28 организаций Союза, было решено общих постановлений не выносить, а предложить местным формированиям параллельные большевистские и меньшевистские резолюции по вопросам «Об отношении к Государственной думе», «Об избирательных соглашениях», «О партизанских выступлениях». Единогласно была принята резолюция «Об экономической забастовке на Сибирской железной дороге». Последнее партийное мероприятие изучаемого периода революции – 2-я общегородская конференция РСДРП – имело место в Красноярске 20 января 1907 г., на котором обсуждался вопрос о кандидатурах во 2-ю Государственную думу.

В рассматриваемый период сибирские социал-демократические организации стали уделять внимание помощи политическим ссыльным, организации их побегов. Специальную резолюцию («О помощи политическим ссыльным и заключенным») принимает конференция западносибирских организаций РСДРП в сентябре 1906 г., создавая бюро помощи ссыльным⁶⁸. «Красный крест» РСДРП имел свои отделения в Кургане, Омске, Том-

---

⁶⁸ Омская организация РСДРП... С. 172.

ске, Красноярске. С января по сентябрь 1906 г. омские социал-демократы оказали помощь 29 ссыльным. «Нарымская группа» Томского комитета выделила средства 34 бежавшим из ссылки с мая по декабрь того же года⁶⁹.

В повседневной деятельности социал-демократы пытались на практике реализовать установки центральных партийных органов (большевистских или меньшевистских) и в зависимости от симпатий пропагандировали их в листовках, устно или в периодической печати. Так, в прокламации Томского комитета РСДРП следующим образом подавался идеал социалистического устройства общества: «Люди достигнут довольствия и счастья и перестанут находиться под вечным гнетом нужды только тогда, когда они не будут делиться на хозяев и наемных рабочих, когда земля, фабрики, заводы и машины (средства производства) не будут принадлежать немногим сытым бездельникам, а тем, кто работает на них, всему обществу, объединенному мирным трудом и товарищеской помощью. Кроме того, труд должен быть успешным, или, как говорят, производительным. В общественном труде необходимо применять все самые усовершенствованные машины, все способы, указываемые наукой, ибо они облегчают и ускоряют работу человека. Работать должны все способные к труду, но работа не должна быть проклятием человека, не должна отнимать у него все его время»⁷⁰.

Активно изучался опыт социального катаклизма и на уже упоминавшейся конференции западносибирских организаций РСДРП, делегаты в качестве оптимальной формы организации революционной борьбы и новой власти называли советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁷¹. С учетом же реалий местной жизни, специфики региона социал-демократы выдвигали требования и лозунги, противоречащие программным установкам. Приведем два примера. Так, Томский комитет весной 1906 г. в резолюции «Об аграрном вопросе» высказался за конфискацию различных типов земельной собственности, но выступил против подобной акции в отношении частнособствен-

---

⁶⁹ *Хазиахметов Э. Ш.* Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации и революционные связи). Томск, 1978. С. 75.

⁷⁰ *Большевики Западной Сибири в Первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы.* Новосибирск, 1958. С. 519–520.

⁷¹ Омская организация РСДРП... С. 159.

нических земель, «на которых ведется рациональное и капиталистическое хозяйство», а также признал, «что единообразное для всей России решение аграрного вопроса невозможно вследствие различия в условиях ведения сельского хозяйства в различных местах»⁷². Газета Красноярского комитета РСДРП «Хроника» в июне 1907 г. в передовой статье выступила против массовых переселений в регион, заявив, что «только ей, самоуправляющейся Сибири, принадлежит право свободно располагать своими землями и представлять излишки для правильного заселения и хозяйственного освоения края»⁷³.

В течение 1906 – первой половины 1907 гг. сибирские эсеровские организации значительно окрепли. Если на начало 1905 г. их насчитывалось 5, то по данным 3-го Сибирского областного съезда ПСР уже имелось 24 формирования (Курган, Тюмень, Тобольск, Барнаул, Омск, Новониколаевск, Томск, Тайга, Мариинск, Ачинск, Красноярск, Минусинск, Енисейск, Канск, с. Рыбное Канского уезда, Черемхово, Иннокентьевская, Иркутск, Верхнеудинск, Чита, Сретенск, Зима, Оловянная, Борзя)⁷⁴. Что касается численности, то относительно достоверные данные дают протоколы упомянутого 3-го областного съезда ПСР. Согласно информации делегатов по 11 организациям из 24 в них насчитывалось 943 чел. «Если умножить среднюю численность одной организации (86) на 13, – рассуждает А. Е. Плотников, – по которым нет данных, то получается существенная прибавка в 1118 человек. Общая численность эсеровских организаций составит в таком случае 2061 членов партии. Но основная масса эсеров концентрировалась в нескольких административных центрах: по известным данным в 4 городах (Омск, Красноярск, Чита, Томск) их насчитывалось 75 % (700 из 943). В нескольких населенных пунктах действовали небольшие орга-

---

⁷² Большевики Западной Сибири... С. 357.

⁷³ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1690. Л. 209.

⁷⁴ *Афанасьев А. Л.* Эсеровские организации Сибири в период революции 1905–1907 гг. (численность, состав, размещение) // *Непролетарские партии России в трех революциях.* М., 1989. С. 158; *Плотников А. Е.* Организации политических партий в Сибири в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) (перечень и предварительный анализ) // *Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период.* Омск, 1992. С. 109, 110.

низации ПСР численностью от одного до четырех десятков членов. Таким образом, общая численность 24 сибирских организаций ПСР реально составляла 1200–1400 членов, что примерно в 2,5 раза уступает численному составу местных социал-демократов. Меньшим был и удельный вес сибирских эсеров по отношению к численности партии – 1,8 %»⁷⁵.

подавляющая часть членов ПСР действовала в городах и на крупных железнодорожных станциях. В деревне оформилась одна организация – в с. Рыбинское Канского уезда Енисейской губернии. В связи с возобновлением ссылки за политические преступления, начиная с середины 1906 г. эсеровские группы возникли во многих колониях политических ссыльных – Тобольске, Нарыме, Тогуре, Сумароково, Минусинске, Бельском, Киренске, Якутске, Александровском центре, Акатуйской и Горно-Зерентуйской каторжных тюрьмах. На рубеже 1905–1906 гг. в Красноярске впервые в регионе заявили о себе эсеры-максималисты⁷⁶. В 1907 г. в течение короткого времени небольшие самостоятельные максималистские формирования действовали в Чите, Иркутске, на станции Хилок⁷⁷.

Определенные изменения произошли в социальном составе эсеровских организаций в Сибири. Систематизировавший данные в этой сфере А. Л. Афанасьев выделил два вида формирований. К первому относятся организации промышленного типа. Рабочие и прежде всего железнодорожники в них преобладали. Так, в Красноярске из 160 членов рабочие железнодорожных мастерских и паровозного депо составляли 110 чел. (69 %), в Омске из 100 – 50 чел. В пристанционных поселках железнодорожных узлов (Тайга, Иннокентьевская, Борзя, Оловянная и т. д.) эсеровские группы состояли в основном из железнодорожников. В административно-культурных центрах (уездных и губернских) организации условно можно подразделить на два подтипа: первый – с преобладанием кустарных категорий рабочих и торговых служащих (приказчики) – Иркутск, Ачинск, Черемхово; второй – с преобладанием мелкобуржуаз-

⁷⁵ Плотников А. Е. Указ. соч., с. 101.

⁷⁶ Шумяцкий Б. З. Стоило ли братья за оружие. М., 1931. С. 44.

⁷⁷ Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск, 2008. С. 51.

ных слоев (студенты, учащиеся, интеллигенты) – Томск, Минусинск⁷⁸.

Введенный в научный оборот фактический материал позволяет уточнить предложенную типологию. Существенную роль в эсеровских организациях играли студенты томских вузов, учащиеся средних специальных учебных заведений (учительских и духовных семинарий). Так, в крупнейшем в регионе Томском комитете ПСР из 370 членов – 300 составляли студенты⁷⁹. Во многих сибирских формированиях ПСР были представлены почтово-телеграфные служащие, приказчики, конторщики, фельдшеры. Достаточно высокий процент торговых служащих был в Иркутском комитете, поскольку в этом городе, крупном торговом центре, насчитывалось до 3 тыс. приказчиков. В качестве проводников своего влияния в деревне социалисты-революционеры использовали учителей. Новым социальным слоем в эсеровских организациях в 1906–1907 гг. стали военные: поручик П. Н. Маслов, возглавивший военную организацию при Красноярском комитете ПСР, прапорщик М. И. Борисов в Красноярской и Канской организациях, рядовой К. Е. Бородин в Иркутске, ефрейтор Кряжев в Мариинске.

Расширение эсеровского влияния на рабочих, прежде всего на железнодорожников, исследователи объясняют в духе идеологических установок 1930–1940-х гг., когда пролетариат рассматривался исключительно как социальная база и объект деятельности большевиков. Так, А. Л. Афанасьев связывает усиление эсеровского влияния с тем, что многие передовые рабочие были арестованы и высланы, а на их место пришло немало людей, не имеющих развитого классового сознания⁸⁰. Мне представляется, дело не в этом. Степень воздействия и влияния той или иной политической группировки на различные слои населения зависит от степени политической активности этой группировки, выдвижения лозунгов, понятных этому слою. Нужно иметь в виду, что эсеровское влияние было гораздо более силь-

---

⁷⁸ Афанасьев А. Л. Указ. соч. С. 162.

⁷⁹ Плотников А. Е. Указ. соч. С. 101.

⁸⁰ Афанасьев А. Л. Эсеровские организации и рабочие Сибири в период отступления революции 1905–1907 гг. и проблема гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 39.

ным на молодежь, среди которой популярностью пользовалась тактика индивидуального террора, созвучная радикализму молодежи. А средний возраст рабочего в России тогда составлял менее 20 лет и характерным для него было неприятие правовых норм⁸¹. Наконец, нельзя забывать, что ПСР в своей программе и практических усилиях ориентировалась не только на крестьянство, но и на пролетариат, трудовую интеллигенцию, объединяя их всех в «трудовой класс», «трудовой народ», «класс трудящихся». Поэтому в партии были представлены не только не имеющие «развитого классового сознания». Активно занимались тогда социалисты-революционеры издательской деятельностью. В 1906 г. они выпустили 136 наименований печатной пропагандистской продукции, в первой половине 1907 г. – 66. Тогда же тиражировалось пять нелегальных газет⁸².

В течение всего рассматриваемого периода местные организации ПСР были объединены в Сибирский союз партии социалистов-революционеров. Его второй съезд состоялся 10 июля 1906 г. На нем присутствовали делегаты от 11 организаций, принявшие решение объединиться в региональный орган и заняться собственным изданием партийной литературы⁸³. 23–28 апреля 1907 г. проходил 3-й съезд Сибирского областного союза ПСР. Союз имел собственную типографию в Томске. В 1907 г. он наладил выпуск нелегальной газеты «Сибирские партийные известия». В конце 1906 г. при союзном комитете создается боевой летучий отряд с местом пребывания в Омске. Сибирские формирования ПСР имели связи с центральными органами партии. Их представители принимали участие в 1-м (конец декабря 1905 – январь 1906 г.) и 2-м (вторая половина февраля 1907 г.) съездах ПСР. В частности, делегатом обоих съездов был Е. Е. Колосов.

На 3-м региональном съезде присутствовало 26 делегатов. Проанализировав политическую ситуацию, они приняли реше-

---

⁸¹ *Адоньева И. Г.* Правосознание городского пролетариата Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века: вопросы историографии и перспективы исследования // Вопросы истории Сибири. Омск, 2010. Вып. 1. С. 16.

⁸² *Курусканова Н. П.* Нелегальная печать сибирских эсеров в период борьбы с самодержавием (1901 – февраль 1917 гг.): учеб. пособ. Омск, 2000. С. 56–58, 58–59.

⁸³ Обзор революционной деятельности в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. СПб., 1908. С. 33.

ние о нецелесообразности массовых революционных выступлений. В условиях спада политической активности рекомендовалось создавать профессиональные союзы и работать в них «в целях организации рабочих масс». Делегат от Читы свидетельствовал о проявлении симпатий в его организации к ультралевым взглядам. Причину увлечения максимализмом он усматривал в «недовольстве партийных работников одной созидательной деятельностью», стремлением их «к экспроприациям, ... террору во всех видах и по всякому поводу»⁸⁴. Съезд рассмотрел вопрос о создании «Сибирского кружка» для пропаганды идеи автономии Сибири. В протоколе по этому поводу зафиксировано:

Нашим лозунгом является самое широкое самоуправление Сибири, для чего должна быть учреждена Сибирская Областная Дума или две Думы – Западная и Восточная. Когда Сибирь является широким полем для эксплуатации ее со стороны метрополии и иностранных капиталов..., идея областного управления должна иметь под собой прочную почву. В этом убеждается каждый из нас, как только попытается пропагандировать ее. Можно сказать, что эта идея живет в сознании сибирских обывателей и ее нужно только пробудить, организовать, и она скоро захватит умы сибиряков. Ее одинаково воспринимают как крестьяне, учителя, так священники, купцы, промышленники везде, во всех заголустях Сибири идея областного управления должна быть известна, потому что для всех ясно нам следует не забывать, что время не ждет. Пропагандируйте же товарищи автономии Сибири. Для деятельности кружка необходима также самая широкая корреспонденция с местным населением⁸⁵.

Политическим образованием блокнотского типа и левоэкономической направленности стала Забайкальская федерация групп вооруженного народного восстания (ЗФГВНВ), которую А. А. Штырбул характеризовал следующим образом: «...Явление из того же ряда, что и такие своеобразные и в известной мере героические проявления политической активности масс периода Первой революции и реакции, как “лесные братья” Латвии, Прикамья (“лбовцы”), Гомельщины; “народные мстители” Бессарабии (котовцы); “красные сотни” Грузии и т. п. Все это – проявления той “партизанской борьбы”» указанного периода,

⁸⁴ *Медведева Н. Н.* Неонародники в общественно-политической жизни Восточной Сибири (1905–1917 гг.). Абакан, 2006. С. 45–46.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 9. Ч. 63. Л. 117.

которую приветствовали максималисты и большевики, причем первые – до конца, а вторые – до тех пор, пока «партизанская борьба» в условиях поражения революции не стала явно вырождаться местами в обыкновенную уголовщину»⁸⁶.

Федерация являлась внепартийной политической организацией, объединившей радикально настроенных участников революционного подполья в Забайкалье из числа анархистов, эсеров, социал-демократов. Появилась она в июле 1906 г. в результате слияния выделившейся из Читинской организации РСДРП экстремистской группы З. Бермана и анархистов во главе с Н. Коном. Затем к ним присоединились представители эсеров, а руководящие позиции заняли социал-демократы Н. Сено-трусов, И. Бочаров, Д. Кривоносенко. Руководство формирования ставило целью объединение всех революционных групп, признающих необходимость немедленного осуществления вооруженного восстания против самодержавия. Девизом организации стали слова «У кого булат – у того свобода». К концу 1906 г. федерация насчитывала не менее 30 чел. и состояла в основном из служащих железнодорожного телеграфа и учащихся средних учебных заведений Читы.

В изданной отдельной листовкой проекте программы ЗФГВНВ отмечалось, что в социальной и политической сферах она руководствуется программой РСДРП. Главной тактической задачей считалось свержение самодержавия и власти буржуазии посредством вооруженного восстания. Поэтому объединение должно заняться «возбуждением и подготовлением широких народных масс и армии» к выступлению путем организации боевых дружин, пропаганды массового политического и экономического террора, приобретения путем экспроприации средств для закупки вооружения и боеприпасов. В организационном плане федерация признавала не только «совершенную автономность» входящих в нее групп, но и право каждого члена ее «самостоятельно проводить террористические акты». В августе 1906 г. Читинский комитет РСДРП выступил с критикой деятельности ЗФГВНВ, поскольку некоторые ее члены, вербуя в свои ряды сторонников, называли себя «социал-демократами по убеждению». Это компрометировало партию и вводило в заблуждение

---

⁸⁶ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 99.

часть рабочих. Была даже издана специальная листовка, осуждающая авантюристические пассажи федератов.

Во второй половине 1906 г. члены ЗФГВНВ провели серию экспроприаций, из которых наиболее громким стало упомянутое выше ограбление картежников в читинском Общественном собрании. Они же убили полицмейстера Горпинченко, за что троих участников террористической акции приговорили к смертной казни. В декабре того же года в результате первой «ликвидации» формирования были арестованы 24 чел. Но организация продолжала свою деятельность вплоть до начала октября 1908 г., когда была раскрыта и разгромлена ее типография и арестованы руководители федерации – Сенотрусов, Таранов, Золотухин, Кривоносенко⁸⁷.

В рассматриваемый период в Сибири действовали лишь две оформленные группы Народно-социалистической партии. Первая возникла весной 1906 г. в Иркутске, объединив 40–50 чел., в также много «сочувствующих, как в городе, так и вне»⁸⁸. Второе формирование под названием Народная социалистическая партия возникло в Красноярске в октябре 1906 г. из числа тех, кто весной этого года позиционировал себя беспартийными «левее кадетов». Однако уже в начале 1907 г. местные сторонники энесов выступили в предвыборной кампании во 2-ю Государственную думу в качестве беспартийных⁸⁹.

Из жандармских документов известно о попытке создания в Забайкалье Партии сибирской независимости. 29 марта 1907 г. в Чите распространяли прокламацию «Сибиряки», подписанную этим формированием. Судя по донесению, «видно, что лица, входящие в состав ее, есть коренные жители Сибири и весьма вероятно инородцы. Так в воззвании коренное население Сибири возбуждается против пришлого из России, которые «как стая собак, напущенных на нас Русским правительством наводняют всю страну, теснят и давят нас». «Итак, – заканчивается

---

⁸⁷ Макаруж С. В. Забайкальская федерация групп вооруженного народного восстания. 1906–1908 гг.: опыт энциклопедического осмысления // Сибирь: XX век. Кемерово, 2007. Вып. 6. С. 29–31.

⁸⁸ Сыпченко А. В. Народно-социалистическая партия в 1907–1917 гг. М., 1999. С. 239.

⁸⁹ Кучер В. В. Политические партии в России в начале XX века. Новосибирск, 1993. С. 62–63.

воззвание, – мы зовем всех, кому дорога Родина под наши Знамена борцов за идею сибирской независимости»⁹⁰.

В 1906 г. завершилось образование в регионе организаций кадетской партии (народной свободы). 30 апреля организационное собрание прошло в Омске, на котором присутствовало 96 членов партии и еще 185 приглашенных по билетам. Среди них преобладали интеллигенты и служащие. В состав руководящего комитета формирования вошли: податный инспектор Ф. Ф. Вереденко, присяжный поверенный Поваренных, инженер С. И. Яздовский, врач И. И. Шершевский, учителя А. Д. Квак и Г. П. Кастров, приказчик А. Я. Малышев, купец П. М. Савин и отставной офицер П. Б. Ящеров, возглавивший отдел⁹¹. В апреле того же года временный комитет ПНС оформился в Ачинске, в состав которого вошли: нотариус А. М. Тресков, врачи Д. Н. Ермолович, И. Г. Корн, И. Н. Копельман, владелица книжной лавки Троицкая, священник Каманский, железнодорожник Победоносцев, секретарь городской управы Г. С. Невзоров и др. В Иркутске отдел кадетской партии оформился в середине мая, и в состав его губернского комитета были избраны врачи Д. Г. Гинзбург-Шик, Б. А. Ельяшевич, П. И. Федоров, инженер Н. Н. Горчаков, присяжные поверенные Б. С. Орнштейн, Л. О. Шапиро, купец Ш. Т. Шафигуллин⁹². Всего в том году в Сибири организации конституционно-демократической партии действовали в 17 поселениях – Омске, Тюмени, Тюкалинске, Томске, Мариинске, Каинске, Красноярске, Канске, Ачинске, Минусинске, селах Троицко-Зоозерном Канского уезда, Безкишенском и Комском Минусинского уезда, Иркутске, Нижнеудинске, ст. Черемхово и Верхнеудинске⁹³. Общую численность членов партии в рассматриваемое время в регионе определяют в 2190–2280 чел.

На 3-м съезде ПНС в Петербурге присутствовали делегаты: от Красноярской организации В. П. Любимов и С. В. Востротин,

⁹⁰ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 211. Л. 33.

⁹¹ Очерки истории города Омска. С. 236–237.

⁹² Харусь О. А. Хроника либерального движения в Сибири в 1905–1907 гг. // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 39, 40.

⁹³ Харусь О. А. Формирование организаций кадетской партии в Сибири. Конец 1905 – начало 1906 гг. // Сибирь: XX век. Кемерово, 2002. Вып. 4. С. 59.

Томской – А. В. Витте, А. А. Жемчужников, Р. С. Вейсман. Выборгский манифест в начале июля 1906 г. подписали депутаты-кадеты I Государственной думы от сибирских территорий С. И. Колокольников, А. И. Макушин. На кадетов ориентировались многие сибирские газеты, в частности томская «Сибирская жизнь». Томский отдел, кроме того, специально для крестьян выпускал еженедельную газету «Народные нужды». К кадетским или околкадетским повременным изданиям относились омские «Иртыш», «Степная речь», «Степной голос», «Омич»; красноярские «Голос Сибири», Енисейский край, «Сибирь», «Красноярск»; иркутские «Сибирь», «Сибирская речь», «Восточный край», «Сибирское обозрение».

Более сложный социальный состав местных кадетских формирований, широкое представительство в них буржуазии, интеллигенции, мелкобуржуазных слоев определили пестроту их политических позиций, «левизну» кадетов в Сибири по сравнению с общероссийским уровнем. Повлиял на позиции либералов и приход в организации ПНС большой группы народнической интеллигенции из числа бывших политических ссыльных (И. И. Попов, В. А. Караулов, П. И. Кусков и др.). Данное обстоятельство вызвало конфронтацию между местными кадетами и октябристами. В газете «Время», органе томских октябристов, кадеты и их союзники по Сибирскому областному союзу подверглись резкой критике за сепаратизм, т. е. за идею создания Сибирской областной думы. «К сожалению, – констатировалось в одной из передовых статей указанного повременного издания за 1906 г., – сепаратистские тенденции среди сибирских деятелей и на столбцах сибирской печати, именующей себя прогрессивной, а на самом деле в большинстве случаев просто радикальной, были явлением обыкновенным, а в переживаемую нами эпоху “освободительного движения” стали распространяться с новой силой»⁹⁴. В свое оправдание конституционные демократы поясняли, что выступают за автономию, но «автономия ни в коем случае не есть отделение окраин от России»⁹⁵.

В свою очередь томские кадеты через свой рупор – газету «Сибирская жизнь», редактируемую тогда профессорами университета М. Н. Соболевым и И. А. Малиновским, развернули

⁹⁴ Время (Томск). 1906. 29 окт.

⁹⁵ Народные нужды (Томск). 1906. 9 марта.

массированную пропаганду против октябристов, обвиняя их в том, что «они становятся идейными защитниками интересов капитала» (?!)⁹⁶. Конфронтацию можно объяснить еще и более правыми позициями местных октябристов, смыкавшихся с черносотенцами.

Не была образцовой дисциплина и в кадетских организациях, поскольку в целом партия эта, по словам В. И. Ленина, была «с дисциплиной не из строгих и сплоченностью не из крепких»⁹⁷. Местные газеты постоянно информировали о срывах собраний отделов и их переносе. В Омске 13 августа 1906 г. из 290 членов, на собрание явилось 25 чел., в Иркутске 11 августа того же года ситуация повторилась⁹⁸. Организационная рыхлость не помешала сибирским кадетам развернуть активную пропагандистскую работу, особенно в связи с выборами в 1-ю и 2-ю Государственные думы.

В целом сибирские отделы Партии народной свободы поддерживали и разделяли программные положения партии. Но вместе с тем по отдельным вопросам они принимали самостоятельные формулировки, обусловленные влиянием местных условий, спецификой социально-экономического развития региона. Кадеты пролонгировали ранее выдвинутую ими совместно с областниками и эсерами идею земской реформы, в том числе создания органа регионального самоуправления – Сибирской областной думы. Самыми «левыми» оказались красноярские либералы, заявившие, «что вопрос о создании областной власти важен сам собой и со стороны сибиряков было бы аполитизмом отказываться от собственной областной автономии»⁹⁹. Омские и иркутские кадеты в принципе допускали областное самоуправление, но связывали его введение с законодательной деятельностью Государственной думы¹⁰⁰. Томский отдел в своей программе высказался за предоставление областной автономии с местными представительными органами областям, «обособленным по языку народности, географическому положению и

---

⁹⁶ Сибирская жизнь. 1906.13 янв.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 79.

⁹⁸ Иртыш 1906 19 авг.; Сиб. речь. 1906, 14 авг.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 408. Оп. 1. Д. 39. Л. 39.

¹⁰⁰ Сибирская речь. 1906. 31 июля.

историческому прошлому»¹⁰¹. В целом местные кадеты не порвали с областниками и выступали в союзе с ними.

Организации ПНС в Сибири поддерживали общепартийную программу по аграрному вопросу, пытаясь приспособить ее к местным условиям, но единодушно отрицали наличие аграрного вопроса в регионе из-за отсутствия здесь помещичьего землевладения. Как установил В. В. Кучер, отделы кадетской партии в Томске, Омске, Иркутске «занимали более левые позиции по сравнению с большинством партии, выступая за национализацию земли... При этом предполагалось сохранить мелкие имения и оставить в неприкосновенности земли казны и кабинета. Разумеется, “левые” кадеты полностью соглашались с обязательностью выкупа»¹⁰².

Сибирские либералы высказывались за постепенную ликвидацию некоторых крепостнических пережитков в деревне, против сословной неравноправности крестьян, выступали за отмену паспортов, уничтожение круговой поруки, натуральных повинностей (дорожной, ямской, опалка кабинетских лесов, помощь землеустроительным партиям). Они отвергали институт крестьянских начальников, которых должны были заменить земские учреждения. Защищая собственнические интересы зажиточных старожилов, кадеты осуждали переселенческую политику самодержавия. По рабочему вопросу придерживались программных положений партии, прежде всего требования восьмичасового рабочего дня «где это возможно», социальное страхование в случае болезни, увечий, старости.

Существенное воздействие на консолидацию либералов оказали выборные кампании в первые две Государственные думы, составившие главное содержание их деятельности в период отступления революции. Дума рассматривалась как главный гарант мирного, эволюционного развития страны, как орудие проведения реформ. «Дума и, главным образом, партия «Народной свободы» смотрели на себя как на центр, который должен был задержать стихийный размах в совершающейся борь-

¹⁰¹ ГАНУ. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 161. Л. 3.

¹⁰² Кучер В. В. Сибирские организации буржуазно-монархических партий об аграрном вопросе в годы Первой российской революции // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 108.

бе. Дума являлась той политикой, которая препятствовала народной волне разлиться по всему полю русской жизни, затопить, залить без всякого разбора его худшие и лучшие места», – декларировала газета иркутских кадетов в 1906 г.¹⁰³

Гораздо меньшим влиянием в Сибири пользовались октябристы. Всего в 1906 – начале 1907 г. отделы «Союза 17 октября» действовали в Томске, Омске, Красноярске, а также в 9 населенных пунктах Томской губернии: Барнауле, Бийске, Змеиногорске, Каинске, Кузнецке, Мариинске, с. Камень и Нарыме¹⁰⁴. Данное обстоятельство определялось социальной базой объединения, представленного в основном предпринимателями и высокопоставленными чиновниками. Так, в комитет Омского отдела, оформившегося в апреле 1906 г., вошли военный врач А. В. Соболевский, 6 интеллигентов и купец, миллионер Г. А. Липатников¹⁰⁵. К тому же местные октябристы занимали более правые позиции, напрямую смыкавшиеся с черносотенными. Так, в ноябре 1906 г. на базе Томской организации «Союза 17 октября» возникло Русское народное общество за веру, царя и отечество, куда ушла большая часть членов во главе с профессором Технологического института А. И. Ефимовым, библиотекарем университета Н. В. Миницким, чиновником А. В. Дуровым, В. А. Залесским¹⁰⁶. Омские октябристы осуществляли пропаганду под лозунгом «За царя, за свободный народ, за неделимую Россию!»¹⁰⁷. Весной 1907 г. делегаты Томского отдела октябристов Виноградов и Гурьев, Омского – А. К. Двинянинов и представитель Тобольской организации Шильдер-Шульднер приняли участие во 2-м съезде партии в Петербурге¹⁰⁸. Занимавшая промежуточное положение между кадетами и октябристами Партия мирного обновления была представлена в регионе одной организацией в Иркутске, открытой в феврале 1906 г.¹⁰⁹ Ее численность колебалась в пределах 20–100 членов. Впрочем, ничем су-

¹⁰³ Сиб. речь. 1906. 15 июня.

¹⁰⁴ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 62.

¹⁰⁵ Очерки истории города Омска. С. 237.

¹⁰⁶ Время. 1906. 9 нояб.

¹⁰⁷ Очерки истории города Омска. С. 237.

¹⁰⁸ Харусь Л. А. Хроника либерального движения в Сибири. С. 44–45.

¹⁰⁹ Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 83.

шественным в плане участия в политической жизни объединение не отличалось.

Не успели развернуть в рассматриваемое время сеть своих формирований черносотенцы. В марте 1906 г. в Иркутске образуется Русское собрание, которое 23 апреля провело первое собрание. На нем присутствовало 250 чел. 28 ноября открылось отделение Союза русского народа (СРН), которое свои задачи сформулировало следующим образом: при сохранении православия, самодержавия, господства русской народности провести в жизнь всеобщее образование, страхование рабочих, уменьшение продолжительности рабочего дня, наделение земель малоземельных, учреждение мелкого государственного земельного кредита¹¹⁰. В Томске черносотенное «Русское народное общество за веру, царя и отечество», как уже сообщалось выше, возникло на базе местной организации «Союза 17 октября». Не позднее декабря 1906 г. возник Красноярский отдел СРН¹¹¹. Впрочем, черносотенные настроения проявлялись и в других городах региона. Так, А. В. Адрианов 23 июля 1906 г. сообщал из Барнаула: «В Барнауле чрезвычайно тревожное настроение, близкое к панике; двое полицейских надзирателей обходили части города, приглашая черносотенцев действовать, но на Горе и Алтайских улицах получили решительный отказ, а в Заячьей нашли охотников. Было решено пустить в дело дубины и прочий инструмент, если начнут ходить с красными флагами и собираться для произнесения речей»¹¹². В наказе депутату 1-й Государственной думы В. И. Ищерскому от рабочих Омских железнодорожных мастерских и депо от 27 июня 1906 г. утверждалось: «Здесь в Омске носятся слухи о готовящемся погроме, и эти слухи подтверждаются фактами: на вокзале изранено черносотенцами несколько сознательных рабочих, какие-то пьяные солдаты грозятся избивать евреев»¹¹³.

¹¹⁰ Там же. С. 70, 71, 79.

¹¹¹ Толочко А. П. Черносотенцы в Сибири (1905 г. — февраль 1917 г.). Омск, 1999. С. 91.

¹¹² Адрианов А. В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г. Н. Потанину. Томск, 2007. С. 181.

¹¹³ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Общественное движение в Степном крае в 1895 — марте 1917 гг.: Хроника, материалы, документы. Омск, 2004. С. 45.

Накал революционных событий конца 1905 г. снял с обсуждения земскую реформу в Сибири. Иркутского генерал-губернатора, графа П. И. Кутайсова отправили в отставку. Сменивший его генерал К. М. Алексеев решил прекратить обсуждение предполагаемой реформы и в марте 1906 г. получил согласие со стороны МВД. Следующий генерал-губернатор Н. П. Синельников поручил делопроизводителю В. А. Закревскому обобщить собранные материалы, в результате был составлен «Опыт проекта положения о земских учреждениях в Сибири», который вместе с предложениями тобольского губернатора осел в архиве МВД¹¹⁴.

Прекращение обсуждения вопроса о земской реформе в Сибири и необходимости создания в ее рамках областной думы существенно повлияло на активность сторонников сибирского областничества. Свои надежды на реализацию проекта они, вместе с либералами, связывали с деятельностью Государственной думы. Но и они не осуществились. Необходимо было проанализировать причины неудач и наметить новую тактику движения. Этим занялся Г. Н. Потанин. В ряде публикаций поражение кадетов на выборах он объяснил разобщенностью местной интеллигенции и народа, вследствие чего «обезглавленное местное общество, т. е. лишенное местной интеллигенции, не в состоянии доводить свои нужды до всеобщего сознания русского общества»¹¹⁵. Единственный выход из создавшегося положения виделся в реанимации идеи областной думы. Борьба за нее вступает в новую стадию. Но теперь вопрос об областной думе, по мнению ее сторонников, должен решиться в Государственной думе, а за отправную точку должны быть взяты «Основные положения Сибирского областного союза»¹¹⁶. С этой целью, по мнению А. Ушакова, необходимо «созвать общесибирский съезд уполномоченных, который выработал бы земское положение; сибирские депутаты вменили бы себе в обязанность поддержать этот местный проект в Государственной думе»¹¹⁷.

¹¹⁴ *Воронцова Л. Н.* Постановка вопроса о реформе местного управления сибирской администрацией (80-е гг. XIX в. – 1919 г.) // *Общественно-политическая жизнь Сибири XX век.* Новосибирск, 1994. С. 24–25.

¹¹⁵ *Потанин Г. Н.* Земская реформа в Сибири и инородцы // *Сиб. вестник.* 1905. 8 сент.

¹¹⁶ *Потанин Г. Н.* Локализация интеллигенции // *Сиб. жизнь,* 1906, 6 июля.

¹¹⁷ *Ушаков А.* О сибирском самоуправлении и сибирских депутатах // *Там же.* 1907. 17 апр.

В целом же по вопросу о Государственной думе сторонники областного движения в 1906 – первой половине 1907 г. консолидировались с кадетами и стояли на позициях поддержки ее. По отношению к Думе провозглашался лозунг ее «бережения». В свою очередь, сибирские депутаты 2-й Государственной думы сразу же после ее разгона потребовали: «Установление областной или областных сибирских дум с законодательными функциями, ибо центральная Дума, как показывает опыт, не имеет ни времени, ни возможности заняться сибирскими нуждами, для этой окраины неотложными, ввиду множества своих собственных российских назревших вопросов, подлежащих немедленному рассмотрению и разрешению»¹¹⁸.

Говоря о конечных результатах попытки добиться земского самоуправления в ходе Первой русской революции, газета «Сибирь» констатировала: «Вопрос о введении земских учреждений в Сибири заглох. Осуществление этой важной реформы отложено на неопределенное время»¹¹⁹. Раскрывая причины неудачи, А. Ушаков признавал: «Однако самое важное заинтересовать в этих рассуждениях (об областной думе. – *М. Ш.*) деревню, ибо сибирское земство будет не крестьянским едва ли»¹²⁰. Так реально оценивали сложившуюся ситуацию наиболее дальновидные сторонники движения.

Национальное движение аборигенных этносов в Сибири в самом начале 1906 г. привело к созданию первого политического объединения в этой сфере – Союзу якутов. Побудительным толчком стало обсуждение проекта земской реформы. Инициативная группа во главе с В. В. Никифоровым 4 января 1906 г. на частной квартире провела собрание представителей от улусов из среды улусной аристократии, интеллигентов, купцов, домовладельцев. Открывая его, Никифоров четко связал собрание с происходящей революцией, сказав, что нужно «поддержать освободительное движение в центре» созданием союза инородцев-якутов. Принимается устав объединения, преследующего цель – «прочное установление своих гражданских и экономических прав». Для этого предполагалось в изложении Н. Н. Дьяковой добиваться: «признания всех земель, находящихся в

---

¹¹⁸ Сиб. вопросы. 1907. № 16. С. 34, 35.

¹¹⁹ Сибирь. 1907. 3 марта.

¹²⁰ Ушаков А. О сибирском самоуправлении...

пользовании якутов, их собственностью, учреждения земского самоуправления, а до этого уничтожения полицейской опеки над инородческими общественными учреждениями, представительство в Государственной Думе и ряд других пунктов, обеспечивающих равноправное положение якутов»¹²¹. Собравшиеся избрали ЦК Союза в составе: П. А. Афанасьева, И. Г. Васильева, И. С. Говорова, В. Н. Ксенофонтова, В. В. Никифорова, И. И. Аммосова, П. В. Слепцова, Н. Н. Скрыбыкина, И. А. Попова и в качестве кандидата – В. Ф. Артамонова.

5 января на квартире И. Г. Васильева ЦК «Союза якутов» обсудил и утвердил подготовленный Никифоровым текст телеграммы на имя председателя Совета министров, графа С. Ю. Витте следующего содержания: «Союз инородцев-якутов, не получая ответа на ходатайство своих представителей о допущении представителя от якутов в Государственную Думу, постановил требовать признания всех земель, находящихся во владении инородцев, а также находящихся в распоряжении казны, монастырей, церкви и отведенных ссыльным, собственностью якутов; скорейшего введения земского самоуправления в области, предоставления права избрания в Государственную думу представителя от якутов и передачи функций окружных полицейских управлений в заведование самих инородцев»¹²². В заключении информировалось, что до принятия требований Союз призывает к приостановке внесения податей и исполнения натуральных повинностей.

Первой практической акцией формирования стало так называемое «вторжение в Думу» 9 января 1906 г. В этот день в Якутске состоялась многолюдная демонстрация в связи с годовщиной «Кровавого воскресенья» с пением «Марсельезы», и члены Союза В. В. Никифоров, И. С. Говоров, П. В. Слепцов, Д. Н. Андреев и другие вместе с некоторыми представителями средних городских слоев Якутска явочным порядком ворвались на заседание городской думы, настаивая на том, что власть в России уже принадлежит народу. Под их давлением муниципалитет решил удовлетворить требования «Союза мелких торгов-

¹²¹ Дьяконова Н. Н. Якутская интеллигенция в национальной истории: судьбы и время (конец XIX в. – 1917 г.). Новосибирск, 2002. С. 86–87.

¹²² Документы о революционных событиях 1905–1907 гг. в Якутии. Якутск, 1957. С. 164–165.

цев» и согласился прекратить свои полномочия для проведения новых выборов гласных на демократической основе¹²³.

После организации «Союза якутов» члены ЦК и участники собрания 4 января 1906 г. разъехались по улусам и наслегам для создания местных его организаций. На 5 февраля был назначен областной съезд объединения, но в ночь на 19 января 1906 г. начались аресты активистов Союза. Губернатор В. Н. Булатов разослал окружным исправникам предписание принять решительные меры по пресечению деятельности объединения. Местные власти организовали проведение сходов в наслегах для зачтения предписания высшего должностного лица области и принятия приговоров о том, что местные обыватели не являются членами Союза, не отказывались и не отказываются вносить подати. В конечном счете по приговору Якутского окружного суда от 15 сентября 1907 г. В. В. Никифоров был признан «главным руководителем и... душою преступного сообщества Союз Якутов и получил 1 год и 6 месяцев заключения в исправительном доме. И. С. Говоров, И. А. Попов, И. Ф. Афанасьев, Н. Ф. Степанов, П. Е. Николаев, П. В. Слепцов, П. А. Афанасьев, Д. В. Парфенов получили от 2 до 6 месяцев заключения; Н. А. Готовцев, Н. Н. Скрыбыкин, П. И. Слепцов, Д. И. Слепцов, В. Ф. Артамонов, И. Г. Васильев, П. М. Артаханов (Попов) были оправданы¹²⁴. Оценивая опыт создания «Союза якутов», Н. Н. Никифоров в воспоминаниях подчеркивал: «В этом движении, напротив того, вылилось веками копившееся недовольство над произволом и несправедливостью, над угнетением русского самодержавного правительства и над преградой, чинимой им культурному развитию и просвещению якутского народа, и стремление к развитию национального саморазвития и самоуправления»¹²⁵.

Что касается позиции православного духовенства на этапе отступления революции, то по материалам, собранным В. И. Косых (Забайкальская епархия РПЦ), местный епископ Мефодий принял участие в заседании временного военного суда по делу

¹²³ Николаева В. В. Революционные события в Якутии // Революционные события 1905–1907 гг. в Якутии. Якутск, 1956. С. 18.

¹²⁴ Федоров В. И. Якутия в эпоху войн и революций (1900–1919). М., 2002. Кн. 1. С. 169–171.

¹²⁵ Никифоров-Кюлюмнюр В. В. Почему и как написана пьеса «Манчаары» // Никифоров-Кюлюмнюр В. В. Солнце светит всем: Статьи. Письма. Произведения. Якутск, 2001. С. 367.

генералов Холщевникова и Румшевича в мае 1906 г. Давая свидетельские показания, он отметил, что в 1905 г. в Чите «это было грандиозное посрамление царской особы, всех верноподданных. Не раз, когда в церкви шла служба, до меня доносилось с улицы пение этой разбойничьей песни “Марсельезы”; ораторы водили публику на свои митинги посвящать ее во все тайны своего красноречия. Я послал как-то своего человека послушать о чем говорится на этих митингах, – так Боже мой, какие ужасы он мне сообщил! Там посрамлялась царская особа, травили всех административных лиц, Холщевникова называли царской собакой, а меня волшебником, который, дескать, околдовал солдат присягой. Да, было тяжкое время!»¹²⁶. Следует отметить, что благодаря ходатайствам и прошениям архиерея удалось избежать смертной казни А. К. Кузнецову, братьям Кларк, П. Кривоносенко. Несмотря на отдельные выступления в целом, «идейных противников церкви и духовенства среди рабочих было совсем немного», а основная часть крестьян доверяла духовенству и поддерживала его¹²⁷.

Для давления на крестьян епархиальные управления, в том числе сибирские, использовали тактику Орловской епархии. Ее суть сводилась к тому, что крестьян, отказывающихся обслуживать причты и вносить ругу, наказывали закрытием церкви и переводом причта в другой приход. Верующие лишались возможности регулярно посещать службы, исполнять обряды, регистрировать церковные браки и т. д. Такое положение сохранялось до тех пор, пока крестьяне не соглашались выполнить все требования причта. Осенью 1906 г. енисейский епископ Евфимий временно закрыл приход в с. Имиском Минусинского уезда из-за отказа крестьян выделить деньги из церковных сумм «на нужды епархии». В июне 1907 г. в Иркутской епархии из-за отказа сельских обывателей содержать причты были закрыты приходы в селах Тутурском, Илимском, Тимошинском. Аналогичными мерами пригрозил некоторым приходам Забайкальской епархии епископ Мефодий¹²⁸.

¹²⁶ Сиб. вопросы. 1906. № 1. С. 80.

¹²⁷ Косых В. И. Забайкальская епархия накануне и в годы Первой русской революции. Чита, 1999. С. 116, 127.

¹²⁸ Косых В. И. Православная церковь Восточной Сибири в борьбе против крестьянского движения в 1905–1907 гг. // Забайкалье: некоторые аспекты истории края. Чита, 1993. С. 48–49.

4.3. ВЫБОРНЫЕ КАМПАНИИ В 1-Ю И 2-Ю ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ

Принципиально новым моментом политической жизни региона, как и всей страны, в рассматриваемое время стали предвыборные кампании в 1-ю и 2-ю Государственные думы и их деятельность. 11 декабря 1905 г. утверждается новое положение о выборах в Думу, лишившее избирательных прав более половины самостоятельного населения Российской империи: женщин, лиц моложе 25 лет, военнослужащих, рабочих мелких предприятий, «бродячих инородцев», иностранных подданных, учащихся. Как известно, самодержавие первоначально сделало ставку на крестьянство, и избирательный закон обеспечивал ему громадное преобладание в выборных процедурах. Если в Европейской России крестьяне избирали 43 % выборщиков в Думу, то в Сибири – свыше 75 %, а в Тобольской губернии свыше 80 %. В закон о выборах вносится дополнение о том, что в «губерниях Польши, Уральской и Тургайской областях, Сибирских губерниях и областях, Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах и на Кавказе среди местных подданных, а также кочевых инородцев выборы должны проводиться на основе особых правил».

Суть их сводилась к разным нормам представительства: если в Европейской России один депутат избирался от 250 тыс. избирателей, то за Уралом – от 350 тыс. Не могли быть депутатами лица, «не владеющие русским языком». Отдельно избирались депутаты от казачьего населения территории – Сибирского и Забайкальского казачьих войск, от русского и аборигенного населения степных областей и Забайкалья. Всего в первых двух думах Сибирь должны были представлять в каждом созыве 26 депутатов. Для городского населения выборы были двухступенчатыми. Сначала на городском съезде избирались выборщики, а позднее они, совместно с выборщиками от сельской местности на губернском избирательном собрании, избирали депутатов от соответствующего административно-территориального образования по установленной квоте. Для сельского населения вводилась четырехступенчатая избирательная процедура. Сначала из расчета один представитель от десяти дворохозяйств избирались члены волостного собрания, которые, в свою очередь, избирали уполномоченных из расчета по одному на каждую

тысячу обывателей, но не менее двух и не более четырех на волость. Волостные уполномоченные избирали на уездном съезде выборщиков согласно установленной квоте в зависимости от численности избирателей. Так, в Томской губернии количество выборщиков по Мариинскому уезду составляло 7 (6 от крестьян и 1 – от горожан Мариинска), Томскому – 12, Бийскому – 15, Барнаульскому – 25¹²⁹. Наконец, избранные сельским населением выборщики совместно с городскими на губернском съезде (собрании) выбирали депутатов в Думу.

Выборы по городской курии проходили по своим правилам. Здесь право голоса получали следующие категории городских обывателей: а) лица, владеющие в пределах города недвижимым имуществом, оцененным для обложения земским сбором на сумму не менее 1,5 тыс. руб. или требующим выборки промыслового свидетельства торгово-промышленным предприятием: торговым – одного из первых двух разрядов, промышленным – одного из первых пяти разрядов; б) лица, уплачивающие в пределах города государственный квартирный налог, начиная с десятого разряда и выше; в) лица, уплачивающие в пределах города и его уезда промысловый налог на личное промысловое занятие по первому разряду; г) лица, владеющие в уезде торгово-промышленным предприятием, указанным в пункте «а».

Работу по составлению списков избирателей, проведению голосования, утверждению результатов выборов выполняли уездные по делам выборов комиссии, формируемые на основе предписаний избирательного закона. Например, в состав Мариинской уездной комиссии входили: член Томского окружного суда Я. И. Семенов (председатель), председатель уездного съезда крестьянских начальников А. А. Штирен, городской голова И. Т. Савельев, крестьянский начальник А. Н. Белоконов, уездный податный инспектор И. С. Скурлатов¹³⁰. О том, сколько горожан получили избирательные права, можно судить по следующим данным: Томск – численность населения (1904 г.) 67,5 тыс. чел., число лиц, «имеющих право на выборы в Государственную Думу

---

¹²⁹ Ермолаев А. Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008. С. 560.

¹³⁰ Там же. С. 560–561.

по городскому избирательному собранию» – 10 946¹³¹; Омск – 75 376/4987¹³²; Мариинск – 15 614 (1904 г.)/2186¹³³.

Избрание выборщиков от городской курии осуществлялось следующим образом (Мариинск):

В здании, где проходило голосование, были установлены печатанные ящики, граждане, имеющие право голоса, бросали в них заполненные бюллетени. Выборы проходили с 9 утра до 9 вечера. После голосования ящики с избирательными записками (бюллетенями) помещали в несгораемый сундук, который печатавали и сдавали под охрану полицейской команды. На следующий день, 9 апреля, начался подсчет голосов. Он имел весьма сложную и длительную процедуру. Сначала члены комиссии удостоверяли целостность печатей, затем вскрывали сундук и ящики. Председатель комиссии в присутствии членов комиссии и свидетелей зачитывал каждый бюллетень, затем его читали все члены комиссии, велся протокол¹³⁴.

Избирательная кампания в 1-ю Государственную думу проходила в условиях режима военного положения в уездах вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Вместе с тем, организации леворадикальных партий, самые многочисленные в регионе, бойкотировали выборы, а объединения либералов и черносотенцев, как было показано выше, находились в стадии формирования, и избирательный процесс ускорил эту процедуру.

Социал-демократы на своей 1-й конференции в Таммерфорсе (12–17 декабря 1905 г.) высказались за бойкот Думы, рассчитывая на дальнейшее развитие революционного процесса в условиях массового вооруженного противостояния конца 1905 г. Сформированный на съезде Объединенный ЦК РСДРП предоставил право местным организациям самостоятельно определяться: использовать ли большевистскую тактику бойкота или меньшевистское предложение полубойкота (участие в избирательной кампании в первых стадиях многостепенных выборов выборщиков при отказе от избрания непосредственно депутатов). На IV съезде РСДРП (10–25 апреля 1906 г.) бойкот признавался

¹³¹ ГАНУ, Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 265.

¹³² Буктугутова Р. С. Очерки истории общественного движения в Степном крае в конце XIX – начале XX вв. Усть-Каменогорск, 2006. С. 202.

¹³³ Ермолаев А. Н. Указ. соч. С. 40, 561.

¹³⁴ Там же. С. 561–562.

верным, прогнозировалась неизбежность конфликтов между парламентом и правительством и внутри его, что будет способствовать революционизации страны и трансформирует это «мнимоконституционное учреждение» из орудия контрреволюции в орудие революции. Как отмечает М. И. Леонов, «социал-демократы проявили большую, чем эсеры, политическую приспособляемость. Их съезд разрешил выставлять на выборах, там, где они еще предстояли (в том числе и в Сибири. – *М. Ш.*), кандидатуры партийных делегатов, а также признал желательным образование в Думе социал-демократической группы»¹³⁵.

За бойкот Думы высказался 1-й съезд ПСР (29 декабря 1905 – 4 января 1906 г.), ориентировавший партийные массы на подготовку вооруженного восстания. Первый совет партии (25–27 апреля 1906 г.) подтвердил тактику бойкота. Вместе с тем ставилась задача через Трудовую группу в 1-й Государственной думе оказывать давление на парламент с целью реализации требования о созыве Учредительного собрания и «провозглашения лозунга об уничтожении частной собственности на землю». Депутатам-эсерам было отказано выступать в Думе от имени ПСР. Они получили статус «союзников партии».

По подсчетам Л. И. Давыденко, большевистский призыв бойкотировать Государственную думу и добиваться вооруженным путем созыва Учредительного собрания в январе–марте 1906 г. нашел отражение в листовках Омского, Красноярского, Читинского и Союзного комитетов, Слюдянской, Черемховской, Канско-Иланской, Бийской и Барнаульской групп РСДРП¹³⁶. К ним следует добавить Обскую группу, издавшую и распространившую 5 марта 1906 г. прокламацию с призывом бойкотировать выборы в Государственную думу, как не имеющую ничего общего с настоящим народным представительством¹³⁷. Красноярский комитет 21 февраля 1906 г. в специально изданной листовке призывал избирателей записываться в избирательные

¹³⁵ Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 265.

¹³⁶ Давыденко Л. И. Борьба сибирских большевиков за массы в период выборов в I Государственную думу (первая половина 1906 г.) // Революционное и общественное движение в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 23.

¹³⁷ Хроника Новосибирской организации КПСС (1891–1987 годы). Новосибирск, 1988. С. 28.

списки и ходить на собрания, но «не для того, чтобы производить законные выборы, а для того, чтобы, придя на избирательные собрания, разъяснить там всем, кто еще не понимает обмана, что они должны отказаться от законных выборов в Думу». Заканчивалось обращение призывами: «Долой черносотенную Думу! Да здравствует вооруженное восстание! Не выбирайте в Думу, иначе вы изменники народа»¹³⁸. Томский и Союзный комитеты РСДРП (соответственно в марте и не ранее 27 апреля) почти в одинаковых выражениях призвали членов партии проникать на избирательные собрания для разоблачения очередного гнусного обмана самодержавия и использовать их «для широкой организации пролетариата и других революционных слоев населения в целях подготовки вооруженного восстания»¹³⁹.

За бойкот выступали и местные эсеры. В конце января 1906 г. Мариинская группа выпустила специальную прокламацию с призывом к населению не участвовать в избирательной кампании. В феврале Иркутский комитет также призвал воздержаться от участия в выборах. Омские эсеры совместно с социал-демократами приходили на предвыборные собрания кадетов и разоблачали последних как предателей освободительного движения¹⁴⁰.

Активное участие в избирательной кампании в первой половине 1906 г. приняли кадеты. В Барнауле они выдвинули В. К. Штильке, бывшего городского голову П. В. Орнатского, ученого-лесоведа В. П. Дорошевского; в Бийске – инструктора маслоделия А. Я. Флоренского, крестьянина Л. С. Лукичева; в Новониколаевске – купца В. А. Горохова¹⁴¹. Как правило, на городских собраниях выборщиками избирались представители этой партии: в Томске – А. И. Макушин, Г. Н. Потанин, П. В. Вологодский, М. Н. Соболев, Н. В. Некрасов; в Енисейске – врач А. А. Станкевич; Тобольске – Н. Л. Скалозубов, А. Н. Ушаков (оба находились в административной ссылке на севере губернии); Ачинске – нотариус А. М. Тресков¹⁴². Только в Мариинске из 14 пре-

¹³⁸ Большевики Западной Сибири... С. 345, 346.

¹³⁹ Там же. С. 354, 390

¹⁴⁰ *Штырбул А. А.* Указ. соч. С. 145.

¹⁴¹ Народные нужды. 1906. № 16.

¹⁴² *Родионов Ю. П.* Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 92, 93.

тендентов выборщиком избрали выдвиженца уездного комитета «Союза 17 октября» мещанина М. В. Чевелева¹⁴³. В Красноярске для выдвижения кандидатур выборщиков местный отдел ПНС предпринял индивидуальный опрос членов объединения, в ходе которого большинство голосов (134 из 175) получил В. А. Караулов¹⁴⁴.

Члены же местной группы Сибирского областного союза в специально составленной программе для предвыборной кампании квалифицировали Думу как организованную не на всеобщем, равном и прямом избирательном праве, а, следовательно, не авторитетную в глазах народа и «протезирующую буржуазную часть общества». Такой парламент, подчеркивали они, «не может удовлетворить страну своей законодательной деятельностью». Поэтому он должен ограничиться упразднением чрезвычайного положения, амнистией за политические преступления и организацией новой Думы «по четырехчленной избирательной системе». Через две недели областники решили в выборах не принимать участия, но предоставить своим членам свободу действий. Вл. М. Крутовский, критикуя кадетов, отмечал: «Я еще понимаю голосовать за народных представителей, которые полностью могут провести требования народа. Но их нет. Они или отстранены... или отказались, или сидят в тюрьмах»¹⁴⁵.

Выборы уполномоченных от волостей в уездные избирательные собрания проходили в Тобольской губернии в марте 1906 г. и сопровождались высокой активностью крестьян. Все уполномоченные явились на уездные съезды. Власти пытались оказать давление, но безуспешно. Так, 28 марта на выборах губернских выборщиков от Тобольска, провалив «правительственных» кандидатов, избрали находившихся в ссылке Н. Л. Скалозубова и А. Н. Ушакова. Уездная избирательная комиссия отменила результаты выборов и назначила новые на 18 апреля, но губернская избирательная комиссия отменила решение уездной. 15–16 мая состоялись выборы депутатов от Тобольской губернии на губернском избирательном собрании. Депутатами думы стали: чиновник поземельно-устроительной партии А. Н. Ушаков, тюменский купец С. И. Колокольников, торговец из крес-

---

¹⁴³ *Ермолаев А. Н.* Указ. соч. С. 562.

¹⁴⁴ *Кудряшов Э. Г.* Указ. соч. С. 57.

¹⁴⁵ Там же. С. 62.

тьян А. Д. Нестеров и зажиточный крестьянин Тюкалинского уезда Т. В. Алексеев¹⁴⁶. В ходе выборной кампании они позиционировали себя как прогрессисты, близкие к кадетам, но в Думе к кадетской фракции примкнули А. Д. Нестеров, Т. В. Алексеев и С. И. Колокольников, а А. Н. Ушаков присоединился к трудовикам.

30–31 мая в Томске 87 выборщиков из 90 из 36 претендентов избрали 6 депутатов от губернии: врача А. И. Макушина, крестьян М. И. Овчинникова (Бийский уезд), Д. Н. Немченко (Томский уезд), Е. П. Пуртова (Каинский уезд), Г. И. Ильина (Барнаульский уезд), Е. С. Ерлина (Кузнецкий уезд)¹⁴⁷. По партийной принадлежности А. И. Макушин, М. И. Овчинников, Е. П. Пуртов в Думе примкнули к кадетской фракции, алтаец Е. С. Ерлин – к октябристам, Д. Н. Немченко и Г. И. Ельин остались беспартийными.

О том, как проходило выборное собрание в Красноярске, дает представление следующая зарисовка современника: «Слышались возгласы...: “Голосуйте за народную свободу!” В избирательной комнате некоторые прямо спрашивали: «Где здесь подают голос за «народную свободу?»»¹⁴⁸. Выборы депутатов от Енисейской губернии состоялись 30 мая 1906 г. Но еще в конце апреля крестьяне-выборщики от Ачинского уезда И. А. Ячменев, М. П. Андреев, Д. А. Дутов, Е. С. Калинин, Е. Кузьмишко обратились через газету «Голос Сибири» с открытым письмом ко всем крестьянам-выборщикам от губернии «приехать дней за 5 раньше, чтобы сговориться». Действительно, они собрались и провели 25–29 мая собрания с участием выборщиков по городской курии из числа либералов. В центре внимания находился аграрный вопрос. Как установила С. А. Бердникова, наиболее радикальные позиции по аграрному вопросу занял И. А. Ячменев с требованием отчуждения частновладельческих земель без выкупа. Он подчеркивал, что «затраченный помещиками в землю труд давно уже с лихвой в сто раз больше взят обратно». Кроме того, Ячменев «в страстных словах жаловался на гнет чиновников, сидящих на горбу крестьянина, говорил о ненужности и

¹⁴⁶ Копылов Д. И. Тобольские крестьяне и Государственная дума в 1905–1907 гг. // Революция 1905–1907 гг. на Урале и в Сибири. Тюмень, 1983. С. 79.

¹⁴⁷ Родионов Ю. П. Указ. соч. С. 96.

¹⁴⁸ Сиб. вопросы. 1906. № 1. С. 97.

беспольности крестьянских начальников, лесничих, сотских и десятских. Кроме земли крестьянину нужны человеческие права и воля». Либерал В. А. Караулов «отстаивал необходимость и справедливость выкупа земли по справедливой оценке, грозил общим биржевым и экономическим крахом, раз будет отчуждено безвозмездно». Его никто не поддержал, и большинство крестьян-выборщиков высказались против выкупа земли, возложив окончательное решение этого вопроса на Государственную думу¹⁴⁹.

Депутатами от Енисейской губернии были избраны крестьянин с. Шушенское Минусинского уезда, трудовик С. А. Ермолаев и сельский врач с. Каратузского того же уезда, трудовик Н. Ф. Николаевский. Первый в беседе с корреспондентом заявил: «Кадетскую партию я отрицаю. Она никогда, ничего, по моему мнению, не сделает»¹⁵⁰. В проходах Н. Ф. Николаевского на вокзале Красноярска приняли участие несколько тысяч человек, состоялся митинг. С. А. Ермолаева провожали в Минусинске с не меньшим размахом. 16, 18 июня прошли собрания для выработки наказа. В день отъезда 20 июня на городской площади был отслужен молебен, во время которого священником, эсером А. И. Бриллиантовым, «были провозглашены вечная память борцам, павшим за свободу и многолетие настоящим борцам за свободу». Затем состоялась демонстрация с красными флагами с надписями «Долой смертную казнь», «Амнистия» и др. Произносились речи, в которых выражалась уверенность, что «депутат, не щадя жизни, будет добиваться земли и свободы». Социал-демократ И. С. Ружейников призывал «защищать свои права с оружием в руках»¹⁵¹.

В Восточной Сибири и в Актмолинской области выборы должны были состояться позднее, поэтому к предвыборной кампании на основе решений IV съезда РСДРП подключились социал-демократы. При этом, пожалуй, впервые в Сибири в деятельности социал-демократических организаций четко проявилась фракционность. В Иркутске и Верхнеудинске имели место

---

¹⁴⁹ Бердникова С. А. Выборы депутатов от Енисейской губернии в I Государственную думу // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы. Красноярск, 2006. С. 123–124.

¹⁵⁰ Енисейский край (Красноярск). 1906. 2 авг.

¹⁵¹ Бердникова С. А. Указ. соч. С. 125.

попытки меньшевиков войти в соглашение с кадетами, но они не были реализованы из-за противодействия большевиков. Представляет интерес в этом плане оценка собственных позиций Иркутским комитетом РСДРП в листовке «К выборам», изданной в ответ на сообщение местной кадетской газеты «Сибирское обозрение» об участии комитета в выборах на большевистских позициях. «Если бы наш комитет был большевистским, – говорилось в листовке, – мы бы с гордостью это признали, потому что «большевики» – социал-демократы и правильнее мыслят, чем кадеты, но это заявление фактически неверно. Иркутский комитет никогда не был большевистским, как не был и меньшевистским. Сибирский союз сознательно остался в стороне от раскола»¹⁵². В ходе выборной кампании в Иркутске активно действовали кадеты. Тем не менее на предвыборном собрании 5 июля в Обществе иркутских приказчиков, на котором присутствовало 600 чел., была принята резолюция о выдвижении кандидатом в депутаты члена местного комитета РСДРП В. Е. Мандельберга¹⁵³. В целом, в связи с разгоном 1-й Государственной думы 8 июля 1906 г., выборы в нее в Восточной Сибири не завершились. Здесь только 26–30 июня проходили уездные съезды уполномоченных в Нижнеудинске, Балаганске, Киренске, Верхоленске.

В Акмолинской области, административным центром которой являлся Омск, избирательный съезд 20 выборщиков (9 от городов, 11 – от сельской местности) состоялся 15 июня 1906 г. Перед этим от тактики активного бойкота отказался Омский комитет РСДРП. Еще в начале мая он в листовке «Дума и революция» призывал: «Готовьтесь к вооруженному восстанию, которое сметет теперешний строй»¹⁵⁴. А 14 мая в газете «Степной голос» публикуется объявление: «Внимание избирателей! Съезд РСДРП постановил принимать участие в выборах в Государственную Думу. Омский комитет РСДРП в согласии с этим постановлением выставит своих кандидатов в выборщики по Омску»¹⁵⁵. Местные кадеты сразу же предложили социал-демократам заключить предвыборное соглашение, но последние отве-

¹⁵² Давыденко Л. И. Указ. соч. С. 26.

¹⁵³ Там же. С. 27.

¹⁵⁴ Революционное движение в Омске в годы Первой русской революции: сб. документов Омск, 1957. С. 114.

¹⁵⁵ Степной голос. 1906. 14 мая.

тили категорическим отказом¹⁵⁶. 17 мая публикуется список социал-демократических кандидатов от Акмолинской области в Думу, в него вошли машинист паровоза В. П. Навдинас, железнодорожный врач В. И. Ищерский, инженер А. И. Корнеева, техник Н. П. Рахманов¹⁵⁷. На городском съезде по избранию выборщиков 21 мая социал-демократический список получил на 700 голосов больше, чем кадетский, а октябристы значительно отстали. 15 июня убедительную победу одержал И. П. Ищерский, от Сибирского казачьего войска был избран податный инспектор, кадет И. П. Лаптев, от казахов области 15 июня на аналогичном съезде выборщиков от коренного населения в Кокчетаве прошел 36-летний мулла Ш. Кошегулов.

Как известно, 1-я Государственная дума начала работу 27 апреля 1907 г. в самый разгар избирательной кампании в Сибири. О непосредственной реакции сибиряков на это событие можно судить по Енисейской губернии. В волостном селе Казачинском Енисейского уезда в этот день вывесили красный флаг с надписью «Да здравствует Государственная дума». «По селам стали циркулировать слухи, что скоро придет «царский манифест» к депутатам Думы, ожидалось прощение недоимок, передача всех лесов населению, уравнивание прав крестьян с другими сословиями, введение земства в Сибири. В день поступления первой почты после открытия Думы в с. Подсосенском Подсосенской волости Ачинского уезда у волостного правления собралась толпа из жителей с просьбой почитать о Думе. Большое впечатление произвели речи крестьянских депутатов Аладьяна, Аникина, Заболотного, Назаренко. Крестьяне сопровождали чтение восклицаниями: «Ай, да молодцы!», «Вот головушки-то!», «Есть, значит умники среди крестьян!». Пристав первого стана Енисейского уезда доносил в июне 1906 г.: «Все хоть сколько-нибудь мыслящее население прониклось ожиданием каких-то особенных для себя выгод и льгот, вытекающих из деятельности Государственной думы, ... положение в стане тревожное, и для возникновения здесь беспорядков почву можно считать достаточно подготовленную»¹⁵⁸.

¹⁵⁶ Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978. С. 116.

¹⁵⁷ Степной голос. 1906. 17 мая.

¹⁵⁸ Бердникова С. А. Указ. соч. С. 123.

Всего же в 1-ю Государственную думу от Сибири успели избрать 14 депутатов, в том числе по партийной принадлежности: кадет – 7, трудовиков – 3, беспартийных – 2, октябристов – 1, социал-демократов – 1. Народные избранники от Тобольской, Томской и Енисейской губерний, Акмолинской области успели приехать в Петербург до разгона парламента. Провожая 27 июня В. И. Ищерского из Омска в столицу, местные рабочие-железнодорожники вручили ему наказ, который заканчивался следующим образом: «Дума бессильна что-нибудь сделать и потому, что живет еще виновник всех бедствий народных, и потому, что рядом с этим в самой Думе в большинстве сидят не истинные представители. Только рабочая группа поняла и трудовая группа начинает понимать, что не Дума, а демократическая часть ее, связанная с революционным народом, путем упорной борьбы приведут Россию к властному Учредительному собранию на 4-х основах, только таким путем крестьяне добудут себе землю, рабочие 8-часовой рабочий день, только таким путем будет завоевано счастье народа – демократическая республика»¹⁵⁹.

После роспуска 1-й Государственной думы четверо сибирских депутатов В. И. Ищерский, А. И. Макушин, А. Н. Ушаков, С. А. Ермолаев в числе 214 депутатов стали участниками Выборгского совещания и подписались под воззванием «Народу от народных представителей», за что подверглись репрессиям. В частности, А. И. Макушина приговорили к трехмесячному заключению в тюрьме и по требованию властей в ноябре 1906 г. он был исключен из числа гласных Томской городской думы. В. И. Ищерского выслали в Уфу, а во время выборов во 2-ю Государственную думу Акмолинская областная избирательная комиссия постановила 15 января 1907 г. исключить его из списка городских избирателей. С. А. Ермолаев, уклоняясь от ареста, семь месяцев прожил в Монголии. По возвращении был арестован и приговорен к заключению в крепость, позднее лишен избирательных прав. Власти старались нейтрализовать внешнюю деятельность бывших депутатов. 30 июля 1906 г. тобольский губернатор приказал тюменскому исправнику: «Ни под каким видом не следует допускать преступной агитации быв-

---

¹⁵⁹ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Указ. соч. С. 45.

ших членов Государственной Думы, в особенности среди крестьян»¹⁶⁰.

«Выборгское воззвание» рекомендовало практиковать в знак протеста против разгона представительного органа пассивные формы протеста: «Правительство не имеет право без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, – говорилось в нем, – ни призывать народ на военную службу, и потому теперь, когда правительство распустило Государственную думу, вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег. Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, заключенные без согласия народных представителей, то такие займы отныне недействительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет. Итак, до созыва народных представителей не давайте ни копейки в казну, ни одного солдата в армию. Будьте тверды в своем отказе, стойте за свое право все, как один человек. Пред единой и непреклонной волей народа никакая сила устоять не может»¹⁶¹. Тем не менее документ переиздавали и социал-демократы, в частности, Томский, Омский, Барнаульский, Красноярский, Иркутский комитеты, Бийская, Курганская, Тобольская группы, социал-демократический кружок в Ишиме.

По-разному отреагировали в регионе на разгон Думы. Во всех выявленных социал-демократических листовках, посвященных этому событию, звучал призыв к вооруженному восстанию, но имелись и существенные различия. Так, Тюменская группа формулировала: «Государственная дума уничтожена, народ должен встать на защиту от ее врагов... Вооружайтесь и готовьтесь к беспощадной войне с отживающим строем, ибо теперь только в оружии верный залог победы»¹⁶². Омский комитет упрекал парламент в нерешительности, а барнаульские эсдеки констатировали, что Дума разогнана «за тайную защиту народного дела»¹⁶³. Иркутские эсеры скорбели по поводу краха реформа-

¹⁶⁰ Флеров В. С., Кондриков Б. В. Выборы в I и II Государственные думы в Западной Сибири // Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1965. Вып. 3. С. 97.

¹⁶¹ Отечественная история. 1994. № 4. С. 70.

¹⁶² Революционное движение в Тобольской губернии... С. 78.

¹⁶³ Омская организация РСДРП... С. 138; Большевики Западной Сибири... С. 446.

торской альтернативы в плане улучшения своего положения и призывали к вооруженному восстанию¹⁶⁴. Скорбели и местные кадеты. В передовой статье органа Иркутской организации ПНС от 15 июля 1906 г. по этому поводу сообщалось: «Дума и главным образом партия народной свободы смотрели на себя, как на центр, который должен был задержать стихийный размах в совершающейся борьбе. Дума являлась той плотиной, которая препятствовала народной волне разлиться по всему полю русской жизни, затопить, залить без всякого разбора его худшие, и лучшие места. Теперь этой плотины нет и что будет дальше, каким путем двинется освободительное движение, мы не знаем. Будущее закрыто от нас туманом»¹⁶⁵. Непосредственную реакцию на разгон Думы воспроизводит в письме от 23 июля 1906 г. А. В. Адрианов: «Уже в Ново-Николаевске наш пароход получил неясное известие о роспуске Думы (утром 10/VII); пассажиры обменивались тревожными мыслями, испытывали тягостное настроение – не хотелось верить слуху, в голову лезли разные объяснения. Вечером в тот же день пристали на хлебной пристани Кирза, на пустоплестье и в разговоре с одним крестьянином сообщили о роспуске Думы; мужик тотчас же нам ответил “ну будет резня”»¹⁶⁶.

Подготовка к выборам во 2-ю Думу началась с формирования уездных и городских избирательных комиссий в ноябре 1906 г. На основании принятых Сенатом комментариев к избирательному закону власти осуществили сокращение числа избирателей. Избирательных прав лишались вахтеры, курьеры, швейцары, истопники, проживавшие в принадлежавшем государству жилье; железнодорожники – сигнальщики, дорожные мастера, машинисты паровозов и их помощники, слесари-ремонтники, составители поездов, смазчики, стрелочники, кондукторы. О масштабах «зачистки» можно судить на примере Мариинска. Если на выборах в 1-ю Думу право голоса здесь получили 2186 чел., то во 2-ю – 1170 чел.¹⁶⁷

Политические формирования региона учли опыт предвыборной кампании в 1-ю Государственную думу. От бойкота от-

---

¹⁶⁴ Курусканова Н. П. Нелегальная печать сибирских эсеров... С. 75–76.

¹⁶⁵ Сибирская речь. 1906. 15 июля.

¹⁶⁶ Адрианов А. В. «Дорогой Григорий Николаевич...». С. 181.

¹⁶⁷ Ермолаев А. Н. Указ. соч. С. 561, 563.

казались социал-демократы и эсеры. Кроме них в избирательную кампанию активно включились кадеты и октябристы. В процессе подготовки к выборам 2-я конференция Сибирского союза РСДРП в декабре 1906 г. высказалась за участие в предвыборной кампании с целью использовать парламент как орудие «развития революционного движения». Достаточно обтекаемая формулировка дополнялась резолюцией «Об избирательных соглашениях», которая предписывала партиям выступать в избирательном марафоне самостоятельно, выставляя по возможности своих кандидатов. Соглашения допускались чисто технического характера, на вторичных стадиях выборов с «революционно-демократическими организациями»¹⁶⁸. На Западно-сибирской социал-демократической конференции в Омске (сентябрь 1906 г.) в специальной резолюции оговаривалось, «что участие в выборах в Думу и в Думе возможно лишь при условии революционного затишья и целью его должно быть: 1) использование и выборов, и Думы для организации пролетарских сил под знаменем РСДРП и подготовки всех революционных сил страны к непосредственной борьбе за созыв Учредительного собрания революционным путем и 2) при благоприятном некадетском составе думского большинства превращение Думы в целом, а при иных [условиях] – ее левого крыла в организующий центр революции»¹⁶⁹.

Красноярские социал-демократы свою тактическую линию по рассматриваемому вопросу определяли дважды. На общегородской конференции в октябре 1906 г. была признана необходимость участия в ней. В резолюции «О соглашении с буржуазными партиями» указывалось, что для отпора черносотенным и либерально-монархическим партиям в целях создания в Государственной думе революционно-демократического большинства допустимы избирательные соглашения с «левыми» партиями мелкой буржуазии. Но необходимым условием их является сохранение за социал-демократами свободы критики «половинчатости, непоследовательной демократичности или несоциальности всех тех партий, с которыми вступит она в соглашение». Накануне выборов на очередной общегородской конфе-

---

¹⁶⁸ Большевики Западной Сибири... С. 504, 505.

¹⁶⁹ Омская организация РСДРП... С. 168.

рениции 20 января 1907 г. организация определилась с кандидатурами от РСДРП на городской съезд выборщиков¹⁷⁰.

Во время выборов во 2-ю Государственную думу сибирские кадеты пошли на объединение в единый блок всех «прогрессивных» партий, в том числе эсеров, народных социалистов, социал-демократов. Предвыборный блок эсеров и кадетов был создан почти во всех крупных городах региона. В избирательный список включалось по равному количеству кандидатур от каждой партии. Только в Барнауле, Новониколаевске, Тюмени и Красноярске социал-демократы выступили самостоятельно. В Чите, Иркутске, Кургане они заключили блок с либералами. В частности, в Иркутске был создан «избирательный комитет» с представительством кадетов, эсеров, социал-демократов. Призывая голосовать за выдвинутый объединением список, они рассматривали будущую Думу как «могучую цитадель революции, и в попытках взять эту крепость правительство может, наконец, найти свою гибель»¹⁷¹. Томский комитет РСДРП пытался договориться об избирательном соглашении с кадетами и очень обиделся, когда последние предпочли бороться за депутатские мандаты в союзе с эсерами и беспартийными прогрессистами¹⁷².

О том, как происходила предвыборная агитация и выдвигались кандидаты в депутаты, можно судить из полицейского протокола о собрании в помещении Западно-Сибирского отдела ИРГО в Омске 13 января 1907 г. «Оратор, – сообщает правоохранитель, – назвавший себя каким-то Н., начавший говорить из темноты зала, из-за печи, предложил выбор кандидатов только из партии социал-демократов. Все последующие за ним ораторы даже не трудились сказать председателю, кто они, и говорили речи, в которых ясно видно было, что они принадлежат партиям социал-демократов и социалистов-революционеров. Последующие ораторы – явно и прямо проводили в своих речах противоположные революционные идеи, так, напри-

¹⁷⁰ Груш Д. Б. Указ. соч. С. 110–111.

¹⁷¹ Цит. по: Порхунев Г. А. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.). Омск, 1993. С. 85.

¹⁷² Давыденко Л. И. Сибирские комитеты РСДРП в период выборов во II Государственную думу // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 112.

мер, фразы “«что самодержавие – строй отживающий, и надо эту змею раздавить”, “надо идти рука об руку с революцией”, “устранить произвол временного теперешнего правительства и собрать Учредительное собрание, так как нам необходим республиканский образ правления, который только может привести страну к успокоению”, и в выборщики предлагать исключительно только социал-демократов и социалистов-революционеров, причем тут же резко и грубо порицался образ действия (бывшего) министра финансов Коковцева и товарища министра Гурко»¹⁷³.

В многочисленных прокламациях, на митингах, собраниях социал-демократы разъясняли свое видение российского парламентаризма. Так, Омский комитет, издавший в общей сложности 7 листовок, призывал население реализовывать свои избирательные права и «ради борьбы за Учредительное Собрание, за демократическую республику» выбирать в Думу «кандидатов Российской социал-демократической партии»¹⁷⁴. Томская организация в листовке (январь 1907 г.) декларировала от имени своих кандидатов борьбу за полное народовластие «на основе широкой автономии общин и округов, и безусловное самоопределение национальностей». Учитывая, что большую часть выборщиков в губернии составляли крестьяне, эсдеки выступали «за объявление всей земли общественным достоянием и отдачу ее в уравнительное пользование всех желающих приложить свой труд к земле в пределах между потребительской и трудовой нормами»¹⁷⁵.

Активную предвыборную агитацию проводили и эсеры. В Омске они участвовали в предвыборных собраниях, печатали и распространяли листовки, выпустив в январе 1907 г. два их наименования. Томский комитет ПСР в листовке «К учителям» призывал их помочь эсерам уберечь народ от ошибок, поскольку «вы, и только вы, являетесь проводниками критической мысли в нашей деревне». В другом воззвании «К избирателям» (март 1907 г.) пояснялось: «Ввиду черносотенной опасности в Томске нами заключено именное соглашение с местными кадетами. Мы призываем граждан голосовать за явившийся результатом этого соглашения список кандидатов выборщиков, выставленный от

---

¹⁷³ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Указ. соч. С. 59.

¹⁷⁴ Омская организация РСДРП... С. 202.

¹⁷⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3585. Л. 46.

имени прогрессивных избирателей; и этим самым устранить черносотенную опасность, дать возможность провести наших кандидатов непосредственно в Думу на губернском съезде выборщиков 9 мая»¹⁷⁶.

В предвыборную борьбу включились и октябристы. 23 января 1907 г. в Омске они провели избирательное собрание. В своей речи его председатель Н. В. Соболевский, обличая политических противников партии, прежде всего социалистов, подчеркнул, что «социализм в цивилизованных странах начинает стухевываться, как, например, в Америке, там уже его считают отжившим». По мнению докладчика, «Союз 17 октября» на выборах в I-ю Думу потерпел поражение потому, что «очень много было выставлено всех кандидатов и избиратели не могли в них разобраться»¹⁷⁷.

«Довольно активно на выборах во II Государственную думу в Сибири проявили себя либералы, особенно кадеты, – делает вывод А. А. Штырбул. – Предвыборная деятельность кадетов особенно заметна была в Омске, Томске, Красноярске, Иркутске, Кургане, Забайкалье. Рядом с кадетами действовали и другие либералы, близкие к ним: группа партии демократических реформ в Омске, внепартийные прогрессисты в Красноярске. Тактика либералов, и прежде всего кадетов, состояла в образовании избирательного прогрессивного блока. Учитывая опыт предыдущей избирательной кампании, используя угрозу победы правых, черносотенных кандидатов на выборах, либералы Сибири сделали в этом направлении определенные успехи. Значительным успехом сибирских либералов стало то, что почти повсеместно в Сибири им удалось вовлечь в прогрессивный блок социалистов-революционеров»¹⁷⁸. Тем не менее, как отмечал в своем донесении в МВД от 30 января 1907 г. акмолинский губернатор, «правые партии, несмотря на легализацию... отличались своей неподвижностью и проявили полный индифферентизм к выборам»¹⁷⁹.

Участники избирательного процесса развернули массированную для своего времени пропагандистскую кампанию. Только эсеровские организации региона с ноября 1906 по февраль 1907 г.

---

¹⁷⁶ Курусканова Н. П. Указ. соч. С. 80, 83.

¹⁷⁷ Степное эхо. 1907. 23 янв.

¹⁷⁸ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 154.

¹⁷⁹ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Указ. соч. С. 61.

издали 14 наименований агитационных листовок. Помимо всех комитетов, включая областной, их выпустили даже такие мало-значимые формирования, как Ачинская и Тюменская группы¹⁸⁰. В отдаленном от центров общественно-политического движения Кузнецком уезде и самом Кузнецке в январе–марте 1907 г. регулярно распространялись листовки Барнаульского и Томского комитетов РСДРП, большую активность проявили в рассматриваемое время и мариинские эсеры¹⁸¹. В Новониколаевске 1–3 февраля и в апреле разбрасывались и расклеивались прокламации с призывом выбирать в Государственную думу социал-демократов – «самых решительных врагов правительства»¹⁸². Бийские социал-демократы в листовке «К выборам» (7 января 1907 г.) призывали выбирать «в новую Думу... борцов, готовых вместе со всем народом добиваться для него земли и воли, людей которые способны будут руководить борьбой за переход всей власти в руки народа, за созыв Учредительного собрания». Такими могут быть социал-демократы, «которые защищают интересы всех трудящихся и эксплуатируемых при современном общественном строе»¹⁸³.

Избрание выборщиков от крестьян происходило под контролем администрации. В Тобольской губернии прошло только одно собрание избирателей в губернском центре, организованное местным отделом Союза русского народа. Кроме того, собрания состоялись в Кургане, Тюмени, Туринске, Тюкалинске и Ялуторовске. Выборы волостных уполномоченных проводились 21 декабря 1906 г. Когда волостной сход избрал выборщиком бывшего депутата 1-й Думы Т. В. Алексева, Тюкалинская уездная избирательная комиссия отменила результаты выборов, но две недели спустя, новые выборы дали те же результаты¹⁸⁴. 20 января 1907 г. на съезде городских избирателей избираются два выборщика от Тобольска. Из 1496 избирателей Н. Л. Скалозубов получил 1018, второе место принадлежало Лещинскому¹⁸⁵. На губернское избирательное собрание крестьяне избра-

¹⁸⁰ Подсчитано по: *Курусканова Н. П.* Указ. соч. С. 35–39.

¹⁸¹ *Макарчук С. В.* Кузбасс в революции 1905–1907 годов: общество, партии, власть. Кемерово, 2006. С. 37–38.

¹⁸² Хроника Новосибирской организации КПСС. С. 32–33.

¹⁸³ *Большевики Западной Сибири...* С. 532.

¹⁸⁴ Сиб. вопросы. 1907. № 7. С. 27, 28.

ли 50 выборщиков, преимущественно из зажиточных дворохозяев, торговцев и писарей. На выборах 12 февраля 1907 г. подавляющим большинством голосов от Тобольской губернии в Думу избираются: Т. В. Алексеев, крестьянин Тюменского уезда Ф. И. Байдаков, лесной ревизор Тарского уезда В. В. Колокольников и бывший губернский агроном Н. Л. Скалзубов.

28 января в Омске состоялись выборы по городскому съезду избирателей. Заключив «прогрессивный блок» с кадетами, местные эсеры выдвинули присяжных поверенных И. Д. Янкевича и И. А. Поваренных (редактор газеты «Иртыш»). Из 4987 зарегистрированных избирателей явилось 2224 (44 %). «Социал-демократическая рабочая партия получила в среднем 1008 голосов, прогрессивный блок – 836 голосов, октябристы – 201 человека, а остальные голоса разбились между беспартийными»¹⁸⁶. Все четыре выборщика прошли от РСДРП, «два из них железнодорожные рабочие из мещан г. Омска (Игнатьев, Липин), один конторщик из крестьян (Малышев) и один врач (А. К. Виноградов)». Кадеты, как отмечали социал-демократы, набрали голосов больше, чем в первой избирательной кампании, но были «обязаны этим исключительно социалистам-революционерам».

Живую зарисовку происходившего в этот день в городе дает нелегальная газета «Голос социал-демократа»: «С 10 час[ов] утра против Городской думы стояла густая толпа избирателей и публики; велась оживленная агитация. Полиция, до сих пор корректная, в этот день проявила накопившуюся энергию: к 5 часам было арестовано 19 человек. Время от времени появлялись казаки и очищали улицу, но ненадолго».

– Нет, в прошлом году было совсем иначе и настроение было другое, – говорили полицейские чины не то с сожалением, не то с чувством удовлетворения.

Не обошлось без курьеза. Через толпу пробирался в Думу лидер октябристов, военный врач Соболевский.

Его окружили. Октябрист повел агитацию. Толпа потешалась. Пристав решил вмешаться.

– Разойдись! Нельзя агитировать! – расталкивал он публику.

Кто-то кричит:

¹⁸⁵ Флеров В. С., Кондриков Б. В. Указ. соч. С. 127–128.

¹⁸⁶ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Указ. соч. С. 61.

– Арестуй оратора, вот он!

Пристав проталкивается и смущается. Кругом хохот.

Другая картина. Рабочий социал-демократ горячо убеждает голосовать за список социал-демократии. Налетает околоточный и хочет схватить рабочего. Толпа дружно налегает и отбивает оратора»¹⁸⁷.

По Омскому уездному съезду от крестьян выборщиками «избран ряд неграмотных крестьян-переселенцев, все живут в области третий год»¹⁸⁸. 12 февраля на выборах во 2-ю Государственную думу от Сибирского казачьего войска вновь избрали Н. П. Лаптева, за него проголосовало 65 выборщиков, против – 7¹⁸⁹. 14 февраля съезд (собрание) выборщиков Акмолинской области избирает депутатом 2-й Государственной думы от ее русского населения врача А. К. Виноградова.

В сельской глубинке Томской губернии, как ни странно, фаворитами оказались правые. В Кузнецке на представительство по городской курии претендовали кандидат от социал-демократов Г. Дьяков и ставленник монархистов городской староста С. Попов, избранный выборщиком. Позднее в «Сибирской жизни» прошла информация о том, что Попов включил в состав избирательного собрания писарей городской управы, «с тем, чтобы они заполняли избирательные карточки неграмотных и малограмотных избирателей. Без пояснений понятно, как заполнялись карточки ставленниками г. Попова! Таким, и только таким путем “заправила” города мог попасть в выборщики»¹⁹⁰. В Мариинске снова победил представитель «Союза 17 октября» М. В. Чевелев (336 голосов из 640 поданных). В губернской столице на собрании победил «прогрессивный блок»: выборщиками от Томска стали П. В. Вологодский, Г. Н. Потанин, А. М. Головачев, В. Л. Некрасов. 9–10 мая 1910 г. состоялось губернское собрание (съезд) выборщиков губернии. На нем присутствовало 84 чел. из 90. Депутатами Думы избираются из 37 претендентов: профессор Томского университета Н. Н. Розин, присяжный поверенный П. В. Вологодский, крестьянин Змеиногорского уезда А. Г. Мягкий, крестьянин Барнаульского уезда Я. А. Ревя-

¹⁸⁷ Омская организация РСДРП... С. 209.

¹⁸⁸ Толочко А. П., Буктугутова Р. С. Указ. соч. С. 61.

¹⁸⁹ Сиб. вопросы. 1907. № 4. С. 30.

¹⁹⁰ Сиб. жизнь. 1907. 26 апр.

кин, крестьяне Бийского уезда Е. И. Шишкин и скотопромышленник, алтаец Д. М. Тобоков¹⁹¹. На момент избрания только Н. Н. Розин (кадет) и П. В. Вологодский (эсер) имели четкую партийную принадлежность.

В Енисейской губернии 6 февраля 1907 г. Красноярский комитет РСДРП выдвинул своими кандидатами в выборщики по городской курии рабочего железнодорожных мастерских Ф. М. Никитина и председателя городского союза приказчиков И. К. Юдина. Последний был выходцем из мещан г. Кургана, окончил городское училище и с 1884 г. работал в фирме Н. Г. Гадалова, причем 19 лет управляющим конторой пароходства. 10 февраля социал-демократы издали легальную газету «Сибирский путь», где изложили свою предвыборную программу, разоблачили черносотенцев и кадетов, воспроизвели биографии своих выдвиженцев и призвали голосовать за них. 11 февраля состоялось избрание выборщиков по городской курии: И. К. Юдин и Ф. М. Никитин одержали убедительную победу, набрав 1701 голос (42 %), кадеты – 24 %, черносотенцы – 26, эсеры – менее 7 % (их кандидат В. И. Анучин получил всего 70 голосов). Позднее Никитина по формальным предложениям вывели из числа выборщиков. В середине марта собрание выборщиков избрало депутатами Думы от Енисейской губернии И. К. Юдина и мунисинского священника – эсера А. И. Бриллиантова.

В Иркутске в марте 1907 г. кадетами был образован «прогрессивный блок», включивший, кроме них, эсеров, трудовиков и энесов. В соответствии с решениями 2-й конференции РСДРП Иркутского района к нему присоединились и меньшевики, оправдывая свою позицию необходимостью бороться с «черносотенной опасностью» на выборах. Главная задача избирательной кампании формулировалась следующим образом: «Прогрессивная Государственная Дума и прогрессивный депутат от Иркутской губернии, который принесет в нее горячие желания местного населения»¹⁹². В составе блока эсдеки выступили на стадии избрания выборщиков по городской курии, но затем, набрав равное количество голосов выборщиков, кадеты, социал-демократы и неонародники на стадии губернского избирательного собрания выдвинули своих кандидатов самостоя-

¹⁹¹ Там же. 11, 12 мая.

¹⁹² Сибирь. 1907. 14 марта.

тельно. 22–24 марта состоялось это собрание (съезд). От сельского населения губернии депутатом избирается скотопромышленник, народный социалист Е. И. Иванов. По городской курии, «обойдя правых, кадеты и социал-демократы набрали равное количество голосов, причем свои голоса были отданы кадетскому кандидату частью выборщиков от «народнического блока». В этих условиях только случай привел к победе кандидата от РСДРП, меньшевика В. Е. Мандельберга: спор между ним и кадетом Титковым решил жребий»¹⁹³.

В Забайкальской области от русского населения депутатом избирается присяжный поверенный, кадет Д. А. Кочнев, от казачьего – кадет С. А. Таскин, от бурят – волостной старшина, кадет Б.-Д. Очиров. В Якутске 15 марта состоялось избрание выборщиков по городской курии. Ими стали В. В. Жаров, И. Н. Эверестов, В. А. Бубякин, Н. Н. Грибановский, а также якуты – В. Н. Ксенофонтов, Г. В. Слепцов, И. И. Чириков, И. А. Ионов. Но областного избирательного собрания вплоть до 3 июня 1907 г. не состоялась, от Якутской области депутат не был избран¹⁹⁴.

Таким образом, от сибирских губерний и областей во 2-ю Государственную думу избирается 19 чел. По партийной принадлежности, с учетом членства во фракциях парламента они распределились следующим образом: кадеты – 6 (32,22 %) (Т. В. Алексеев, Д. А. Кочнев, И. П. Лаптев, Б.-Д. Очиров, Н. Н. Розин, С. А. Таскин), социал-демократы – 3 (16,11 %) (А. К. Виноградов, В. Е. Мандельберг, И. К. Юдин), народные социалисты – 3 (К. И. Иванов, В. В. Колокольников, Н. Л. Скалозубов), эсеры – 2 (10,74 %) (А. И. Бриллиантов, П. В. Вологодский), трудовики – 2 (Ф. И. Байдаков, А. Г. Мягкий). Возраст народных избранников – от 51 года (И. П. Лаптев) до 30 лет (И. Г. Мягкий, Д. М. Тобоков); до 35 лет – 5, 35–40 – 6, 41–50 лет – 6 чел. По образованию в изучаемой совокупности четко определилось две группы – имеющих высшее образование – 8 чел. (42,96 %) и 8 чел. с домашним (начальным) образованием. Два депутата имели среднее образование, один – незаконченное высшее. По роду деятельности: крестьян – 5, скотопромышленников – 3, врачей – 2, присяжных поверенных – 2, священник, лесовод, податный

¹⁹³ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 157.

¹⁹⁴ Калашников А. А. Якутия. Хроника. Факты. События. 1632–1917 гг. Якутск, 2000. С. 324.

инспектор, профессор, агроном, учитель, торговый служащий. По национальной принадлежности: 16 русских, по одному – еврей, бурят, алтаец. Политическим аутсайдерами на выборах в этот раз стали октябристы и черносотенцы, в силу прежде всего слабости своих организаций.

После избрания депутатов состоялась выработка наказов им и торжественные проводы в столицу. В Омске 17 февраля 1907 г. А. В. Виноградова провожала на вокзале большая толпа, состоялся импровизированный митинг, разогнанный полицейскими и казаками. 16 мая в с. Медведском Барнаульского уезда проводжали своего земляка, депутата Я. А. Ревякина. Волостной писарь зачитал адрес от обывателей волости, пожелав народному избраннику бороться за решение проблемы землеустройства, сокращение налогов, улучшение здравоохранения¹⁹⁵.

Прибыв в Петербург, сибирские депутаты начали с создания своего регионального объединения. Уже в 1-й Государственной думе А. И. Макушин предложил организовать на внепартийной основе Сибирскую парламентскую группу (СПГ). Образовали организационное бюро в составе бывшего редактора газеты «Восточное обозрение» И. И. Попова и депутатов А. И. Макушина, Н. Ф. Николаевского, но Дума была вскоре распущена¹⁹⁶. Идею реанимировали во 2-й Думе. 24 марта 1907 г. утверждается ее устав, 11 апреля проведено первое организационное собрание. СПГ объединили 23 депутата от Сибири, Дальнего Востока и Степного края разной партийной принадлежности. Председателем Сибирской парламентской группы избирали кадета И. П. Лаптева, секретарем и казначеем В. В. Колокольникова. Согласно уставу формирование создавалось для разработки сибирских вопросов, подготовки относящихся к региону законопроектов, установления связей с избирателями. Все вопросы решались простым большинством голосов, но постановления не были обязательными для меньшинства. Членами группы могли быть не только депутаты, но и «сведущие люди»¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Сиб. жизнь. 1907. 18 мая.

¹⁹⁶ Мосина И. Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. С. 91.

¹⁹⁷ Шиловский М. В. Сибирская парламентская группа: опыт отстаивания региональных интересов (1907–1917 гг.) // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы. Красноярск, 2006. С. 145.

Объединение предполагало заняться разработкой и внесением в Государственную думу таких законопроектов, как организация местного самоуправления (введение земства), упорядочение переселений, по лесопользованию, введению портофранко в устьях Оби и Енисея и т. д. Поэтому в группе создаются комиссии: аграрная, по местному самоуправлению, по казначейству и иностранному вопросам, финансовая. Вторым направлением деятельности Сибирской парламентской группы становится внедумская работа (установление прочных связей с избирателями, создание внепарламентского актива для консультирования при подготовке законопроектов). Формирование начало проработку наиболее актуальных для региона законопроектов – земской и землеустроительной реформ. Разгон Думы 3 июня 1907 г. приостановил деятельность сибирских депутатов. Уезжая из Петербурга, они образовали специальный секретариат для передачи наработок депутатам 3-й Думы.

Аграрно-переселенческий вопрос стал главным в усилиях сибирских депутатов, хотя в публичных заявлениях он отодвигался на третье место после введения земства и увеличения нормы представительства от региона в парламенте¹⁹⁸. В аграрную комиссию Сибирской парламентской группы вошли 3 депутата (Н. Л. Скалозубов, И. П. Лаптев, депутат от русского населения Семипалатинской области Н. Я. Коншин) и 3 внепарламентских члена. Депутаты вошли в состав важнейших комиссий Думы: бюджетной (Н. Л. Скалозубов), финансовой (В. В. Колокольников и И. П. Лаптев), продовольственной (А. В. Виноградов). Одновременно они пытались наладить контакты с населением. Так, народные представители от Тобольской губернии Т. В. Алексеев и Ф. И. Байдаков через газету обратились к своим избирателям с предложением присылать им наказы сельских обществ, касающиеся переселенческого дела, действий землеустроительных комиссий и т. д.¹⁹⁹

Сибирская парламентская группа в рассматриваемой Думе, за краткостью своего существования, не выработала ни общей платформы аграрного вопроса в регионе, ни тактики борьбы за его решение. В целом же члены объединения выступали за национализацию земли, соглашаясь с необходимостью выкупа ее

---

¹⁹⁸ Сиб. вопросы. 1907. № 16. С. 35.

¹⁹⁹ Сиб. жизнь. 1907. 4 мая.

у помещиков. Трудовики Т. В. Алексеев и Ф. В. Байдаков поставили свои подписи под законопроектом 105-ти. Сибирская парламентская группа во 2-й Государственной думе начала выработать свою позицию в отношении переселенческой политики самодержавия, сделавшего ставку на организацию массовых крестьянских миграций в Азиатскую Россию. Раскрывая ее суть, внепарламентский член изучаемого формирования Г. И. Жерновков замечал: «Переселением в Сибирь правительство намерено ослабить остроту аграрного вопроса, а если можно, то победить аграрную революцию в России»²⁰⁰.

По инициативе Н. Л. Скалозубова для обсуждения вопроса об отношении к переселенческой политике правительства СПГ собиралась дважды. Было принято решение подать запрос министрам об организации переселенческого дела и землеустройства старожилов в следующей последовательности – сначала землеустройство старожилов, затем отвод земли переселенцам. 17 апреля 1907 г. запрос главному управляющему ГУЗиЗ по поводу принятых ведомством мероприятий по переселенческому делу за подписями 34 депутатов поступил в Государственную думу. С обоснованием его выступили Н. Л. Скалозубов и В. В. Колокольников, заявившие, что переселенческая политика властей – это попытка разрешить аграрный вопрос негодными средствами²⁰¹. В констатирующей части запроса указывалось, что стремление ослабить аграрное движение в Европейской России путем массовых переселений сопровождается сокращением землеустроительных работ по землеустройству старожилов и увеличением землеотводных работ для нарезки колонизационного фонда. Он расширяется за счет изъятия «излишков» земли у старожилов и казеннооброчных статей, что идет вразрез с интересами старожилов и нарушает действующие законы. Запрос особой реакции не вызвал, но Дума признала «мероприятия Главного управления по организации переселенческого дела не обеспечивающими интересов переселенцев и нарушающими интересы коренного сибирского населения»²⁰².

²⁰⁰ Жерновков Г. Сибирь и правительство. Б. м., 1907. С. 8.

²⁰¹ Государственная Дума: стеногр. отчет. Созыв II. Сессия I. СПб., 1907. Т. 1. С. 2263–2271.

²⁰² Цит. по: Барсуков В. Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1896–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. С. 174.

Основы тактики Сибирской группы по аграрному вопросу во 2-й Государственной думе были разработаны Н. Л. Скалозубовым. С ее трибуны он первым призвал прекратить беспорядочные переселения и начать планомерную аграрную колонизацию Сибири, для чего завершить там землеустроительные работы и создать земские учреждения, которые взяли бы на себя организацию вселения новоселов²⁰³. Он же добился отклонения в бюджетной комиссии парламента сметы Переселенческого управления, выступив в ней с аргументированным докладом²⁰⁴.

Деятельность Думы не вызывала особого интереса у радикальных политических объединений в регионе. Либералы в своих повременных изданиях активно пропагандировали тактику ее «бережения». «Отнять у реакции «бронированный кулак», – разъясняла иркутская «Сибирь», – значить лишить ее главного средства борьбы, значить ослабить ее до крайней степени. А этого Государственная Дума до известной степени может достигнуть уже одним фактом своего существования»²⁰⁵.

Не дожидаясь решительных действий думцев, император Николай II подписал 3 июня 1907 г. Манифест о роспуске 2-й Государственной думы. В нем, в частности, говорилось: «Созванная Нами вторая Государственная дума призвана была действовать согласно Державной воле Нашей к успокоению России и переее всего работою законодательною, без которой невозможна жизнь государства и усовершенствование его строя ... К прискорбию Нашему значительная часть второй Государственной думы не оправдала ожиданий наших. Не с чистым сердцем, не с желанием укрепить Россию и улучшить ея строй приступили многие из присланных от населения лиц к работе, а с явным стремлением увеличить смуту и способствовать разложению государства».

Непосредственно в Сибири на эту акцию отреагировали социал-демократы и эсеры. Листовки первыми были выпущены в Омске, Тюмени, Новониколаевске, Красноярске и Иркутске. В частности, в обращении Обской группы РСДРП по это-

²⁰³ Государственная Дума: стеногр. отчет. СПб., 1907 Т. II. С. 1108.

²⁰⁴ Чиркин Г. Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. II. С. 126.

²⁰⁵ Сибирь. 1907. 19 апр.

му поводу говорилось: «Граждане! Вызов брошен, представители наши разогнаны. Помните, что, посылая их туда, наказывая им выставлять наши требования, мы говорили, что поддержим их. Пришло время исполнить свое слово, и поддержка должна быть не по-кадетски, молчаливая, – а в ответ на призыв пусть раздастся могучий клич восставшего народа: всей воли, всей земли! К этой борьбе зовем вас, сильные духом, под сень своего рабочего знамени, смыкайте свои ряды с рядами пролетариата. Идя за ним и с ним, вы только добьетесь свободы, и, став дружно в ряды, как только раздастся призыв, двинемся в битву за всю волю, за всю землю, за освобождение из неволи товарищей!»²⁰⁶. Как видим, прямого призыва к активным акциям протеста в прокламации не содержится и предлагается ждать призыва.

Местные эсеры свою позицию сформулировали более радикально. В листовке Тобольской группы ПСР декларировалось: «Народные представители ничего не дали залитой кровью русской земле и, при существовании министерской опеки, и опеки Государственного совета, не смогли провести ни одного законопроекта, действительно полезного для народа. Не будем, товарищи, жалеть о разгоне Думы, но сплотимся для борьбы за Учредительное собрание, без чего не будет ни правды для народа, ни земли, ни воли»²⁰⁷. Поэтому в ряде городов региона социалисты-революционеры попытались перейти от пропаганды восстания к прямой агитации и организации вооруженных выступлений, опираясь на свои военные организации в гарнизонах. Единственная попытка в Красноярске поднять восстание 8 июня закончилась крахом. Радикалы в Сибири, как и в целом по стране, в силу резкого спада массового движения, разгрома нелегальных организаций, политической усталости средних городских слоев оказались не в состоянии поднять массовую протестную кампанию в связи с разгоном 2-й Государственной думы. Данное обстоятельство, в свою очередь, свидетельствовало о нормализации общественно-политической ситуации в провинции и завершении революции.

С начала 1906 г. начинается период отступления Первой русской революции, в том числе в Сибири. Уменьшается активность индустриальных рабочих, прежде всего железнодорож-

---

²⁰⁶ Большевики Западной Сибири... С. 556.

²⁰⁷ Курусканова Н. П. Указ. соч. С. 85.

ников, но в борьбу за свои права включаются торговые служащие, горнорабочие, рабочие обрабатывающих предприятий. В сибирской деревне в течение 1906 г. наблюдался рост крестьянских выступлений. Наиболее массовой формой социального протеста выступали коллективные порубки леса. Большое воздействие на крестьянское движение оказывали слухи. Активное участие в аграрных беспорядках приняли демобилизованные фронтовики. После возвращения в места расквартирования активно начинают бороться за свои права военнослужащие местных гарнизонов. Для работы с ними социал-демократические и эсеровские объединения создают специальные военные организации (Чита, Иркутск, Красноярск, Верхнеудинск, Ачинск, Омск, Барнаул), которые занимались распространением листовок, устной агитацией. Под их руководством по региону прокатилась волна солдатских забастовок. Революционные события стимулировали рост масштабов террористической деятельности эсеров и ряда малочисленных экстремистских группировок анархистов.

Важное место в событиях периода отступления революции заняли избирательные кампании в 1-ю и 2-ю Государственные думы. Избирательный закон от 11 декабря 1905 г. обеспечивал в Сибири громадное преобладание крестьянства. Выборы проводились на основе «четырёхступенчатой формулы» (не равные, не всеобщие, не прямые, тайные), что существенно ограничивало число избирателей. Избранные во 2-ю Думу 23 сибирских и дальневосточных депутата в апреле 1907 г. организуют Сибирскую парламентскую группу для разработки и внесения законопроектов, касающихся региона.

В 1906 – первой половине 1907 г. завершился процесс оформления российской многопартийности, в том числе и на региональном уровне. У истоков радикальных формирований стояли политические ссыльные и молодые местные интеллигенты. Среди либералов доминировала городская интеллигенция, среди монархистов – духовенство, чиновники и купцы. Организации всех партий в Сибири не отличались социальной однородностью. Практически все они ориентировались на горожан. Каждое крупное объединение на региональном уровне имело свои программные и тактические установки. Вместе с тем многое в практической деятельности, например социал-демо-

кратов, несло зримые черты будущего «ордена меченосцев», с их нетерпимостью к инакомыслию, презрением к либералам, собственникам, ставкой исключительно на радикальные методы достижения цели. Сибирские областники во главе с Г. Н. Потаниным, напротив, открыто выступали с претензией на роль надпартийного образования, призванного выражать интересы всего населения Сибири. Однако в повседневной практике того времени организации различных партий активно взаимодействовали, что объясняется, в первую очередь, неразмежеванностью политических сфер и преобладанием интеллигенции в руководящих органах объединений.

«ЗАМИНКА БУДЕТ НЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНА...». ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Разгон 2-й Государственной думы 3 июня 1907 г. прошел без эксцессов и протестных акций. Депутаты надеялись, что народ заступится за своих избранников. «А город (Петербург. – *М. Ш.*) молчал! Спокойным, обычным путем, шла его жизнь, – вспоминал депутат от Иркутской губернии, социал-демократ В. Е. Мандельберг, – точно ничего особенного не случилось, точно не совершено грубое насилие над народным представительством, над всем народом»¹.

Радикалы в Сибири восприняли акцию как очередной маневр самодержавия сбить волну протестных действий. В своих листовках социал-демократы призывали ждать призыва на «битву за всю волю, за всю землю, за освобождение из неволи товарищей». Эсеры предлагали сплотиться «для борьбы за Учредительное собрание, без чего не будет ни правды для народа, ни земли, ни воли». Постепенно приходит осознание завершения революционного цикла. И будущий видный меньшевик И. М. Майский в письме от 23 сентября 1907 г. высказывает своему корреспонденту А. М. Ляховецкому следующие соображения на сей счет: «Долго ли, однако, протянется заминка? Здесь трудно сказать что-нибудь определенное. Раньше, до 2-ой Думы, я полагал, что заминка будет не продолжительна, что в течение 1907, в крайнем случае, 1908 г. должна наступить развязка. Теперь я начинаю думать несколько иначе. Российская действительность оказалась сложнее, чем можно было предполагать и, мне думается, интервал в развитии революции будет значительно длиннее, так 3–4 года, если не больше. Это, конечно, очень печально, но что ж делать? Не мы командуем историей, а история нами»².

¹ Цит. по: *Головков Г. З.* Бунт по-русски: палачи и жертвы. Рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005. С. 598.

Социальный катаклизм 1905–1907 г. был порожден комплексом взаимоисключающих противоречий, вызванных сосуществованием, особенно в городском социуме, традиционной и новой индустриальной культуры, неспособностью монархической власти к самодернизации и оперативной реакции на кардинальные изменения в стране, позицией «общественных сил», воспитанных на концептах западноевропейской цивилизации, страстным желанием социалистов всех оттенков разрушить до основания традиционные основы повседневной жизни и примерно таким же стремлением монархистов сохранить «истинно русские» начала этой жизни. Революция происходила «в многомерном пространстве, где свою роль играли факторы классового антагонизма, сословной неоднородности, а также геополитические, ментальные, аксиологические, психогенные и множество других»³.

Применительно к Сибири региональными факторами формирования предпосылок для революционного катаклизма стали: массовое переселение, породившее масштабное противостояние новоселов, старожилов и аборигенов; формирование национальных элит и выдвижение ими программы защиты национально-культурной самобытности и противодействия переводу на оседлость; рост численности городского населения, размывание в его среде сословных устоев, его «окрестьянивание»; ведущая роль интеллигенции и средних городских слоев в общественно-политической жизни, ее слабая политическая дифференциация; нарастание радикализма во взглядах либералов; значительное воздействие на общественно-политическую жизнь политической ссылки; наличие в регионе, прежде всего в городах, консервативно настроенных групп населения из числа бывших крестьян, негативно воспринимавших модернизационные процессы. «Мигранты из деревни медленно воспринимали нормы городской культуры», – делает вывод А. В. Литягина⁴.

---

² *Майский И. М.* Избранная переписка с российскими корреспондентами. М., 2005. Кн. 1. С. 37.

³ *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 392.

⁴ *Литягина А. В.* Ценностные ориентации и социальные нормы горожан Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Барнаул, 2010. С. 68.

Для сибиряков и прежде всего их интеллигентных представителей был характерен низкий уровень религиозности, многие из них находились под надзором полиции. Ее оппозиционность подпитывалась отсутствием в регионе земских учреждений, поздним (самый конец XIX в.) проведением судебной реформы. Ведущая роль интеллигенции во всех политизированных формированиях определяла специфическое положение сибирского областничества, оказавшего определенное воздействие на общественно-политические процессы периода Первой русской революции. В рассматриваемое время у сторонников движения окончательно складывается представление о Сибири как о колонии в экономическом и политическом отношениях, преодолеть это положение можно было, по их мнению, путем предоставления региону в рамках земской реформы автономии.

Радикализации настроений сибиряков во многом способствовала Русско-японская война 1904–1905 гг. Уже в конце 1904 г. крупные города региона, железнодорожные узлы вступили в полосу революционного брожения. На всем протяжении Транссибирской железнодорожной магистрали социал-демократы готовили политическую забастовку. События 9 января 1905 г. в Петербурге подтолкнули средние городские слои к радикальным действиям и усилению давления на власть. Первые протестные акции января–февраля этого года выявили еще одну пассионарную силу революции – молодежь (студенты, учащиеся, молодые рабочие). В течение всего 1905 г. местные социал-демократы призывали к всеобщей политической стачке, которая должна была перерасти в вооруженное восстание.

Центрами концентрации либеральной оппозиции становятся городские думы. Местные либералы отвергли проект Булыгинской законосовещательной думы. Томский профессор-юрист И. А. Малиновский резюмировал по этому поводу: «Конец XIX века – 80 и 90 годы – были эпохой господства бюрократии. А на наших глазах в начале XX в. общественное мнение с замечательным единодушием указывает на всю непригодность бюрократии и на неотложную необходимость участия выборных представителей от населения в государственных делах»⁵. Новый импульс деятельности либеральной оппозиции придал рескрипт императора Николая II иркутскому генерал-губернатору П. И. Ку-

---

⁵ Малиновский И. Общество и правительство // Сиб. жизнь. 1905. 23 февр.

тайсову от 3 апреля 1905 г. относительно разработки вопроса о введении земских учреждений на восточной окраине империи.

Революционная волна застала врасплох местные власти, выявила неготовность правоохранительных органов к пресечению массовых протестных акций. Административные структуры постоянно отступали под нажимом митингующих и бастующих. Они старались избежать обострения ситуации и использования силовых методов подавления массовых выступлений, что воспринималось либерально-радикальными кругами как признак слабости власти. На примере Томска можно наблюдать, как органы государственного управления проигрывали PR-кампании оппозиции, которая в своих легальных и нелегальных изданиях формировала в глазах обывателя отталкивающий образ власти, прибегая к откровенной фальсификации, умолчанию, передержкам и прочим приемам массивированной информационной войны. Можно согласиться в этом плане с основополагающим выводом Б. Н. Миронова: «Убежденность в кризисе самодержавия, вследствие его якобы фатальной неспособности к прогрессивному развитию, была столь прочной и непогрешимой, что все, что ей противоречило, просто не воспринималось»⁶.

В течение января–сентября 1905 г. Сибирь прошла через этап «разогревания» всех слоев городского населения (радикалов, либералов, консерваторов) в плане отработки навыков борьбы с самодержавным режимом и формирования негативного отношения к революционерам. Революционная волна парализовала властные структуры. К октябрю ее функционеры практически утратили контроль по линии Транссибирской железнодорожной магистрали.

Октябрьская всеобщая политическая стачка привела к полной остановке движения на Сибирской и Забайкальской железных дорогах. В результате воздействия целого комплекса факторов, сначала в Томске к 20-м числам октября 1905 г., затем в Красноярске, Иркутске, Чите сложилось своеобразное двоевластие. В первом радикалы (эсдеки и эсеры) и левая часть либералов (профессура, сотрудники окружного суда, железнодорожные служащие, лица свободных профессий и т. д.), концентрирующиеся в городской думе, используя в качестве ударной силы

---

⁶ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 672.

молодежь (студентов, учащихся средних и специальных учебных заведений), уже с января 1905 г. последовательно и агрессивно усиливали давление на местный социум и органы государственного управления. Уже 17 октября заговорили о необходимости свержения губернатора и вооружении.

Традиционно, касаясь Манифеста 17 октября 1905 г., внимание сосредоточивают на первом пункте его констатирующей части, дарующем «незыблемые основы гражданской свободы» и т. д. При этом не обращается внимание на заключительный абзац, в котором император призывает «всех верных сынов России вспомнить свой долг перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Верховная власть напрямую обращалась к законопослушным подданным за помощью в преодолении очередной, причем, «неслыханной» смуты. Призыв был услышан, и началась консолидация благомыслящих элементов в рамках мещанского общества и его управы, недовольных дестабилизацией привычных устоев повседневной жизни.

Проявив достаточно высокий уровень самоорганизации, правые 20 октября начали несанкционированную властями манифестацию, перечеркнувшую планы радикалов и либералов. Разъяренная толпа осаждала, а затем подожгла здание железнодорожного Управления, забивая насмерть каждого пытавшегося покинуть его. Прибывшие к месту трагедии войска не были использованы для очищения площади от погромщиков и спасения осажденных. Губернатор не дал команды на использование войск для пресечения массовых противоправных действий, находившиеся на площади воинские начальники не проявили инициативы по использованию военнослужащих с этой целью.

В Томске натиску революционеров противостояли традиционные слои городского населения, прежде всего крестьяне и мещане. События 20–22 октября 1905 г. показали достаточно высокий уровень организации консервативных элементов в рамках основополагающих методов функционирования мещанского общества и принципов общинной организации. Погром, помимо всего прочего, отобразил радикальную реакцию «низов» городского социума против носителей модернизационных процессов, разрушающих единообразие и замкнутость традиционного полукрестьянского общества. Помимо евреев, в их каче-

стве выступали студенты, поляки и железнодорожные служащие. Железнодорожные и студенческие шинели являли своеобразный и ненавистный символ происходящих перемен. Поляки выступали в качестве «фишки» инновационной активности.

Октябрьская политическая стачка в Сибири имела массовый характер. Ведущей силой протестных акций выступали железнодорожные рабочие и служащие; в крупных и средних городах, а кроме того, – интеллигенция, средние городские слои, студенты томских вузов, учащиеся старших классов, приказчики, служащие, чиновники. Следует признать руководящую роль организаций РСДРП в организации «раскручивания» и пропагандистском обеспечении выступлений (стачки, митинги, собрания, сходки, демонстрации и т. д.) в Чите, Иркутске, Красноярске, Томске, Новониколаевске, Барнауле, Кургане. Наиболее радикальный характер события приобретали в крупных городах с более сложной социальной структурой населения (Чита, Иркутск, Красноярск, Томск, Омск, Тюмень, Барнаул).

Факты погромных действий в Омске, Томске, Барнауле, Красноярске и Иркутске обуславливались политическим моментом противостояния либерально-революционной демократии и «патриотически» настроенных обывателей с целью подавления или пресечения активности первых. Главными участниками погромных акций стали мешане и выходцы из крестьян (мелкие торговцы, ремесленники, извозчики, мясники и т. д.). На короткое время «старые» (традиционалистские) городские слои консолидировались на почве защиты самодержавия и своих интересов. «Патриоты» показали в этих событиях высокий уровень организованности. Погромные акции отчетливо продемонстрировали, чем могут обернуться политические свободы в условиях отсутствия гражданского общества и его носителей.

Манифест 17 октября 1905 г. был восторженно встречен либералами и средними городскими слоями малых и средних городов Сибири. В более крупных городских поселениях отношение к нему было неоднозначным. Продолжили курс на дестабилизацию ситуации и вооруженное восстание социал-демократы и часть эсеров. На позицию поддержки его положений постепенно стали переходить либералы. На развитие событий в последующем повлияли результаты октябрьской стачки, полученный опыт, в том числе негативный. В Красноярске, Иркут-

ске, Чите события неуклонно продолжали развиваться в сторону радикальных изменений.

В конце 1905 – начале 1906 гг. в упомянутых выше городах совместными усилиями радикалов и либералов, при руководящей роли социал-демократов, устанавливается двоевластие. На остальной территории Сибири в последней декаде октября 1905 г. – январе 1906-го основной район революционной активности концентрировался вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали – от Кургана до Сретенска с отклонениями (Тюмень, Тобольск, Бийск, Барнаул, Троицкосавск). По нарастающей с запада на восток в городах и на железнодорожных станциях практически непрерывно происходили забастовки, митинги, собрания, демонстрации, распространялись прокламации, создавались профсоюзы, дружины, рабочая милиция, продолжали действовать стачечные и смешанные комитеты. Вторая половина 1905 г. характеризуется активизацией выступлений сибирского крестьянства.

Тем не менее, в течение изучаемого периода зафиксировано 2089 стачек, в том числе 1664 организованных, с 146,9 тыс. участниками (89,9 % к числу рабочих на забастовавших предприятиях). Средняя продолжительность акций составила 2,9 дня. Наибольшую активность проявили железнодорожники. В частности, рабочие и служащие Красноярского узла провели 19 стачек с 40 тыс. участников, станции Чита соответственно 18 и 20 тыс., ст. Омск – 12 и 9,8 тыс., ст. Иннокентьевская – 11 и 1,6 тыс., ст. Тайга – 10 и 3,2 тыс. чел. Вместе с тем статистические данные показывают, что авангард пролетарского движения в Сибири, состоящий из рабочих железнодорожных мастерских и депо, городских фабрик и типографий, «был слабо поддержан основной массой местных рабочих»⁷.

К февралю 1906 г. в основном завершилась активная фаза революции 1905–1907 гг. в регионе и начался новый ее период, связанный с резким падением революционной мобильности масс и переходом общественно-политического движения к преимущественно легальным проявлениям в рамках избирательных кампаний в Государственные думы. Существенно уменьшается активность рабочих, прежде всего железнодорожников. В борьбу

---

⁷ Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск, 1990. Т. 2. С. 12, 16, 50.

за свои права подключаются горные рабочие, торговые служащие, пролетарии обрабатывающих предприятий. По инерции в первой половине 1906 г. выступления рабочих носили политический характер, но уже с лета в движении явно начинают преобладать экономические мотивы.

Традиционно степень социальной активности российского, в том числе сибирского, крестьянства начала XX в. определялась уровнем имущественной дифференциации деревни и степенью воздействия радикальных партий. Основной силой антисамодержавного движения объявлялись бедняки, антиреволюционного – кулаки. Средняки, как правило, колебались между обозначенными полюсами. В рассматриваемое время сибирское крестьянство, являясь социумом преимущественно традиционного общества, действовало солидарно, всем миром. Как уже отмечалось, на его активность влияли стремление сохранить привычный патриархальный уклад жизни, традиционное неприятие властей и некоторые константы российской ментальности – страстность, максимализм, экстремизм, анархизм. Сибирское крестьянство постоянно балансировало на грани выживания и нередко использовало насилие для защиты своих интересов. Сдерживаемая до поры до времени жестокость выплескивалась наружу в периоды социальных катаклизмов. Террор, развязанный ПСР, стал лишь одной из составляющих открытого и жестокого противостояния власти и народа, выполняя зачастую роль детонатора.

Всего за все время революционного катаклизма в Сибири было зафиксировано 1269 крестьянских выступлений. Они были распылены, носили стихийный характер. Так, в Томской губернии движение охватило 60,7 % волостей и 11,7 % селений; в Иркутской – соответственно 38 и 3,2 %⁸. Подавляющее большинство протестных акций сибирских крестьян были скоротечными. В многообразии форм борьбы за свои права выделялись по массовости коллективные жалобы, коллективные порубки леса на казенных и кабинетских дачах, отказ от уплаты податей, выполнения натуральных повинностей и т. д.

---

⁸ Горюшкин Л. М., Кучер В. В., Ноздрин Г. А., Сагайданий А. Н., Шустов К. Б. Крестьянское движение в Сибири. 1861–1907 гг. Хроника и историография. М., 1985. С. 101, 104.

В период отступления революции еще одной силой, активно включившейся в революционный процесс, стали военнотрудовые дружины местных гарнизонов. Возрастают масштабы террористической деятельности эсеров и ряда малочисленных группировок анархистов. В 1906 г. в Сибири было осуществлено 23 террористических акта, в 1907 г. – 25.

Накал революционных событий конца 1905 г. снял с обсуждения проекты земской реформы в Сибири. Прекращение ее разработки существенно повлияло на активность сторонников сибирского областничества, которые свои надежды на реализацию проекта с организацией Сибирской областной думы, вместе с либералами, связывали с деятельностью Государственной думы. Но и они провалились.

Принципиально новым моментом политической жизни региона в период отступления революции стали избирательные кампании в 1-ю и 2-ю Государственные думы, а также их деятельность. Избирательная кампания в 1-ю Думу проходила в условиях режима военного положения. Вместе с тем, организации леворадикальных партий, самые многочисленные в регионе, бойкотировали выборы, а объединения либералов и черносотенцев находились в стадии формирования, а избирательный процесс ускорил эту процедуру. Всего в первый российский парламент от Сибири успели избрать 14 депутатов, в том числе: от кадетов – 7, трудовиков – 3, беспартийных – 2, октябристов – 1, социал-демократов – 1. Народные избранники от Тобольской, Томской, Енисейской губерний, Актмолинской области успели приехать в Петербург до разгона Думы.

Политические формирования региона учли опыт предвыборной кампании в 1-ю Государственную думу. От бойкота отказались социал-демократы и эсеры. В предвыборную борьбу активно включились кадеты и октябристы. Местные кадеты пошли на объединение в единый блок всех «прогрессивных» партий, включая эсеров, народных социалистов, социал-демократов. Предвыборные блоки эсеров и кадетов были созданы почти во всех крупных городах Сибири. В избирательный список включалось по равному количеству кандидатур от каждой партии. Только в Барнауле, Новониколаевске, Томске, Тюмени и Красноярске социал-демократы выступили самостоятельно. В Чите, Иркутске, Кургане они заключили блок с либералами.

От сибирских губерний и областей во 2-ю Государственную думу было избрано 19 чел. По партийной принадлежности, с учетом членства во фракциях парламента, они распределились следующим образом: кадеты – 6, социал-демократы – 3, народные социалисты – 3, эсеры – 2, трудовики – 2. Прибыв в Петербург, сибирские депутаты образовали Сибирскую парламентскую группу. Объединение предполагало заняться разработкой и внесением в парламент таких законопроектов, как организация местного самоуправления (введение земства), упорядочение переселений, лесопользования, введения порто-франко в устьях рек Оби и Енисей и т. д. Деятельность Думы не вызвала особого интереса у радикальных политических объединений в регионе. Либералы активно пропагандировали тактику ее «бережения».

В период революции 1905–1907 гг. в Сибири действовало в разное время 32 организации РСДРП, 24 эсеровских, 17 кадетских, 12 октябристских и 15 черносотенных⁹. К ним следует добавить 5 формирований Торгово-промышленной партии, 2 – Народно-социалистической, 4 объединения социалистов-революционеров максималистов (ССРМ), 9 групп анархистов, около 13 сионистских объединений и 2 организации Бунда¹⁰. Максимальная численность социал-демократов в рассматриваемое время определяется в 3 тыс. чел., эсеров – 1,4 тыс., кадетов – 2,5 тыс., октябристов 1,5 тыс.¹¹ Во всех политических формированиях региона насчитывалось до 10 тыс. чел. Как правило, полный спектр их имелся в губернских и областных центрах, а так-

⁹ Шоловский М. В. Факторы, влиявшие на общественно-политическую жизнь западносибирских городов второй половины XIX – начала XX в. // Города Сибири XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2001. С. 127. А. А. Штырбул, изучая региональную многопартийность в Сибири рассматриваемого времени, определяет число социал-демократических объединений в 46, эсеровских – 36, кадетских – 19. Но он учитывает не только собственно организации (комитеты, отделы) и группы, но и кружки, которые, в частности, создавали политические ячейки на поселениях. – См.: Штырбул А. А. Политическая культура Сибири: Опыт провинциальной многопартийности (конец XIX – первая треть XX века). Омск, 2008. С. 563.

¹⁰ Там же. С. 563.

¹¹ Плотников А. Е. Организации политических партий в Сибири в период Первой российской революции (1905–1907) (перечень и предварительный анализ) // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 100.

же в крупных городах. В них возникали наиболее многочисленные формирования. На волне революционной активности и под воздействием Октябрьской всеобщей политической стачки началось создание протопартийных либеральных формирований: «Сибирский областной союз» (Томск, Красноярск, Иркутск), «Союз гражданской свободы» (Тобольск), «Торгово-промышленный союз» (Иркутск). Появление их ускорило оформление организацией кадетской партии.

Каждая из партий на региональном уровне имела свои программные и тактические установки. В повседневной практике организации различных партий активно взаимодействовали, что объясняется в первую очередь неразмежеванностью политических сфер и преобладанием интеллигенции в руководящих структурах объединений. Деятельность нелегальных объединений осуществлялась в условиях детально разработанной конспиративной системы. В организационном отношении они, в зависимости от численности, делились на центральные группы, районы, членские десятки. На собраниях выбирали руководящие органы (десятников, членов центральной группы). Путем подачи записок («референдум») допускалась кооптация. Каждому десятку (7–15 чел.) присваивался номер, вступивший в объединение регистрировался на собрании десятников и получал членский номер. Членство, кроме того, оформлялось выдачей «карточек», похожих по формату и оформлению на обыкновенные визитки. Прообраз будущего партийного билета в Красноярском комитете РСДРП представлял собой небольшой прямоугольный лист плотной бумаги (картона) размером 6 × 9 см с оттиском печати в форме правильного эллипса 4 × 6 см с типографским текстом: «Российск. Соц.-Дем. Рабочая Партия. Красноярский комитет». От руки с правой стороны оттиска вписывался членский номер владельца. Для защиты от провокаторов практиковались перерегистрации членов. По аналогичной схеме осуществлялось партийное строительство у эсеров.

С целью конспирации при переписке и разговорах на улицах применялись условные обозначения: сортировщик – социал-демократ, слесарь – эсер, кочегар – анархист-коммунист, машинист – максималист, условие – программа, хор – собрание, мастерская – организация, певец – оратор и т. д. Партийные активисты и профессиональные революционеры работали под

псевдонимами и кличками (С. Л. Дробило – «Старательный», Н. Н. Баранский – «Николай Большой», Т. П. Белоногов – «Потапыч» и др.), по подложным паспортам, которые похищались или покупались у коррумпированных чиновников в правоохранительных органах; нередко для их оформления при организациях создавались паспортные бюро. Паспорта предназначались также для сбежавших из мест отбывания наказания. «Засветившиеся» профессионалы уезжали из Сибири в другие районы, их место занимали политические ссыльные или прибывшие из-за Урала.

Нелегальные формирования располагали сетью явочных и конспиративных квартир. Членские взносы собирались десятниками, в кассовых отчетах организаций указывались членские номера и суммы взносов. Кроме того, денежные средства получали по подписным листам от сочувствующих и путем устройства финансовых предприятий – лотерей, продажи фотографических карточек (открыток), рефератов и др. В нелегальных объединениях, использовавших индивидуальный террор и экспроприации (эсеры, анархисты), создавались специальные, глубоко законспирированные боевые отряды, дружины; значительная часть средств направлялась на покупку оружия и взрывчатки. Несмотря на принимавшиеся профилактические меры и ужесточение режима конспирации, правоохранительные органы держали под постоянным контролем революционное подполье, ведя наружное и внутреннее наблюдение посредством агентуры и провокаторов. Именно в Сибири, в Иркутске, началась «карьера» наиболее известного среди эсеров до Е. Азефа предателя Н. Ю. Татарова. За свою «работу» с марта 1905 г. по день убийства членами Боевой организации ПСР 4 апреля 1906 г., Татаров получил 16 100 руб. Как отметил И. И. Попов, «известие о провокаторстве Татарова произвело среди ссыльных ошеломляющее впечатление: они не верили этому, считали, что он погиб в результате рокового недоразумения. Особенно смущала всех не выданная им иркутская типография социалистов-революционеров»¹². Регулярно жандармы осуществляли «ликвидации» нелегальных формирований. В 1905–1907 гг. члены практических всех местных организаций ПСР неоднократно подвергались повальным арестам.

---

¹² Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 163.

Агитационно-пропагандистское воздействие на население осуществлялось в устной форме через организацию нелегальных кружков, в рамках деятельности неполитических общественных формирований, через собрания, митинги, маевки, а также посредством повременных изданий (газеты и журналы), нелегальных листовок и брошюр. По мере оформления нелегальных объединений каждое из них стремилось организовать выпуск листовок, которые иногда являлись единственным свидетельством их существования. Первоначально печатная продукция размножалась от руки, на пишущих машинках «Ремингтон», мимеографах и гектографах, но уже к 1905 г. подавляющая часть сибирских радикальных организаций обзавелась собственными типографиями.

Они устраивались, как правило, на конспиративных квартирах. Разъездной агент Сибирского союза РСДРП М. К. Ветошкин так описывал ее устройство: «“Наборный цех” представлял обыкновенную деревянную кассу, наполненную шрифтом из местных легальных типографий. Покупать шрифт мы, конечно, не могли: для этого у наших организаций не было обычно средств. Оставалось таскать шрифт потихоньку из легальных (казенных и частновладельческих) типографий. Печатную машину заменял примитивный станок..., укрепленный на станине рельс, по которым прокатывался тяжелый чугунный вал, обитый сукном. Вал и рельсы изготовлялись нелегально в каких-либо местных мастерских (большей частью железнодорожных)»¹³.

Как правило, авторами прокламаций являлись члены нелегальных партийных формирований из числа профессиональных революционеров, имевших образование. «Прокламация у нас была излюбленным средством агитации, – вспоминал В. Д. Виленский-Сибиряков. – В качестве образца нам служила в своем роде знаменитая прокламация, написанная, кажется, Николаем Большим (Баранским) “Восемь лошадей – сорок человек”. Эта надпись украшала тогда товарные вагоны, которые были употребляемы для перевозки переселенцев в Сибирь. Вот эту тему он и использовал, дав образчик сильной политической агитации против царизма»¹⁴. Определенное место среди опубликованных си-

---

¹³ ГАЧО. Ф. 4307. Оп. 2. Д. 829. Л. 67.

¹⁴ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 6. Л. 25.

бирскими радикалами листовок занимали перепечатки изданий центральных партийных органов.

По мере роста численности организаций, укрепления их полиграфической базы происходило увеличение тиражей печатной продукции, расширение ее ассортимента. В период Первой русской революции тираж отдельных листовок достигал 4–5 тыс. экз., а прокламация Томского комитета ПСР с изложением избирательной платформы партии во 2-ю Государственную думу (январь 1907 г.) была издана тиражом в 20 тыс. экз. Увеличивается количество выпускаемых брошюр. В большом количестве экземпляров печатались, начиная с 1906 г., нелегальные газеты, как правило, периодичностью 1–5 номеров каждая. Эсеры в 1906–1907 гг. всего издавали примерно 10 газет («Революционное слово» (Иркутск), «Крестьянин и рабочий» (Томск), «Солдатская жизнь» (Верхнеудинск) и т. д.).

В конце 1905 г., когда в ряде городов устанавливалось двоевластие, местные комитеты РСДРП в захваченных типографиях печатали массовыми тиражами свои газеты. Так, в Красноярске с 10 по 24 декабря 1905 г. увидело свет 5 номеров «Красноярского рабочего», разовый тираж которого составлял 5–6 тыс. экз. В Чите с 7 декабря 1905 г. по 22 марта 1906 г. выходил «Забайкальский рабочий». Всего выпустили 8 номеров, из них три последних нелегально. Суммарные данные по нелегальной издательской деятельности организаций РСДРП и ПСР в рассматриваемый период выглядят следующим образом. Социал-демократы выпустили 1041 наименование листовок, 26 брошюр, издавали 19 нелегальных газет и один журнал. Эсеры соответственно: 264 наименований листовок, 24 брошюры, 5 нелегальных газет и два журнала¹⁵.

С распространения листовок начинали свою пропагандистскую деятельность и кадеты в Сибири. В отличие от радикалов они не создавали нелегальных типографий, а заказывали печатную продукцию в частновладельческих полиграфических предприятиях. Омский отдел Партии народной свободы в 1906 г. выпустил агитационной литературы (брошюры, воззвания) общим тиражом 30,5 тыс. экз. (в среднем от 3 до 8 тыс. экз. каждое издание). В Томске кадеты в то же самое время издали листовки следующих наименований: «О крестьянских нуждах»,

¹⁵ Штырбул А. А. Указ. соч. С. 47, 50.

«Кого выбрать в Государственную думу», «Что такое русская либеральная партия?», «О манифесте 17 октября», «Толкование Манифеста 17 октября». Тираж последней составил 25 тыс. экз.¹⁶.

В последующем местные кадетские формирования ориентировались в основном на издание собственных легальных газет: «Сибирская жизнь», «Народные нужды» (Томск), «Омский вестник», «Иртыш», «Степная речь» (Омск), «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Сибирская речь», «Сибирь» (Иркутск), «Верхнеудинская конституционная газета», «Речь Востока» (Чита) или на массированное участие в других повременных изданиях. Причем либеральная окраска и легальный статус периодического органа не гарантировали ее редакцию от неприятностей. Например, тюменская газета «Сибирский голос», первый номер которой вышел 19 ноября 1906 г., в течение года сменила семь названий по причине закрытия предшественников («Тобольский край», «Тобол», «Тобольская речь», «Тобольский голос», «Сибирская окраина», «Сибирский край»). За это время на их редактора наложили штрафов на общую сумму 1700 руб.¹⁷

С листовок начинали свое воздействие на население Сибири и проточерносотенные образования. В типографии Томского епархиального братства печатался листок № 1 Томского отдела Союза русских людей «Главное дело», датированный 16 июля 1905 г.¹⁸ Примерно в то же время и в той же типографии издавалась еще одна листовка – «К русским людям» от имени «Кружка русских людей», в которой провозглашалось: «Истинная задача нашего времени состоит в полноте и чистоте проявления Самодержавной Царской власти, ибо только она одна, руководствуясь высшей правдой и основываясь на свободно выраженных истинных желаниях и потребностях народных, способна со всею полнотою разрешить все запросы русской жизни и духа»¹⁹. По мере оформления сибирских отделов

¹⁶ Порхунев Г. В. Городские демократические слои населения Сибири в общественно-политическом движении (1905–1914 гг.): учеб. пособ. Омск, 1993. С. 137–138.

¹⁷ Жукова Н. А. Оппозиционная печать г. Тюмени: на примере газеты «Сибирский голос» (1906–1907 гг.) // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2004. Вып. VI. С. 134–139.

¹⁸ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 1. Д. 182. Л. 12.

¹⁹ Там же. Оп. 2. Д. 272. Л. 4.

«Союза русского народа», при наиболее крупных из них начинают печататься газеты: «Сусанин» (Красноярск с 1907 г.), «Сибирский черносотенец» (1906 г.) и «Сибиряк» (Иркутск, 1906–1907 гг.).

В целом период Первой русской революции характеризуется резким увеличением числа повременных изданий. К тому же «Временные правила о печати» от 24 ноября 1905 г. существенно упрощали процедуру их открытия (свидетельство на право издания выдавалось губернскими управлениями). Всего в 1905 – и до июня 1907 гг. в сибирских губерниях и областях в разное время выходило 127 частных и акционерных общественно-политических, литературных и сатирических изданий (115 газет и 12 журналов)²⁰. По территориально-административным образованиям региона они распределились следующим образом (в скобках указано количество изданий, тиражировавшихся в губернских и областных центрах): Тобольская губерния – 12 (3), Томская – 22 (16), Енисейская – 21 (19), Иркутская – 26 (26), Акимолнинская область – 17 (17), Забайкальская – 29 (18), Якутская – 1 (1). Из этого количества 13 изданий являлись продолжавшимися, т. е. выходившими до 1905 г. Остальные 114 издавались в период революции, в том числе: в 1905 г. – 3, 1906 – 66, 1907 – 19, 1906–1907 гг. – 26. 36 газет имели стаж от нескольких дней до нескольких месяцев, но не более полугода. Примерно столько же выходило больше полугода, но меньше года.

Буквально издательско-учредительский бум пережил в конце 1905 – начале 1906 гг. Томск. С 4 ноября 1905 г. по 19 февраля 1906 г. губернское управление на основании прошений на разрешение издания выдало свидетельство на выпуск 14 повременных органов: присяжному поверенному М. Н. Вознесенскому – на ежедневную газету «Сибирь» в Томске; профессору университета И. А. Малиновскому и М. Н. Соболеву – на газету «Народные нужды» в Томске; потомственному почетному гражданину В. И. Федорову – на литературно-сатирический листок «Оса» в Томске; профессору университета И. А. Базанову – на газету «Время» в Томске; педагогу М. О. Курскому – на газету «Алтай» в Барнауле; врачу Н. В. Соколову на газету обществен-

---

²⁰ Подсчитано по: Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): указатель газет и журналов / сост. И. Г. Мосина, Е. Н. Косых. Томск, 1991. (Далее все подсчеты осуществлены на основе этого издания.)

но-политического характера в Томске; И. Д. Реброву – на газету «Барнаульские известия»; профессорам Технологического института В. А. Обручеву и Е. Л. Зубашову – на газету «Жизнь Сибири» в Томске; мещанину И. П. Баеву – на газету «Вестник Сибири» в Томске; частному поверенному В. А. Долгорукову – на газету «Сибирские отголоски» в Томске; жене коллежского секретаря Л. Н. Симаниной – на журнал «Рабочий юморист» в Томске; ирбитскому мещанину В. Ц. Черемных – на литературно-художественно-сатирический листок «Бич» в Томске; сыну чиновника М. С. Попова – на газету «Томский вечерний листок»; дворянину Е. Н. Зандрок – на газету «Сибирские ведомости» в Томске²¹.

Особое место среди возникших в рассматриваемое время изданий занимает сатирическая повременная литература, количество наименований этого жанра в стране достигло 263²². В Сибири тогда издавались следующие сатирические журналы и листки: «Да будет свет», «Сибирская саранча» (Омск), «Бич», «Бубенцы», «Ерш», «Красный смех», «Осы», «Рабочий юморист» (Томск), «Фонарь» (Красноярск), «Жало», «Овод», «Паут» (Иркутск). «Никогда прежде в России за столь короткое время не было написано и опубликовано такого количества сатирических стихотворений, – замечает А. А. Нинов. – Никогда еще политические страсти момента не получили столь явного отражения в изогнутом зеркале сатирической поэзии»²³. Местные журналы в основном реагировали на общероссийские сюжеты и проблемы. Например известный литератор П. А. Казанский следующим образом прокомментировал в журнале «Ерш» (1906 г.) смерть «усмирителя», генерала Д. Ф. Трепова: «Здесь Трепов погребен. Вреда он сделал много: / «Патронов не жалел», свободу он губил». А вот как в журнале «Бубенцы» характеризовалась общероссийская общественно-политическая ситуация в 1906 г.:

«Заключенья», «выселенья»,
Плюс «особых прав лишенья»,

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3305. Л. 1–3, 4–6, 10–16, 28–29, 37–38, 53–55, 60–65, 81, 116–117, 175, 183, 186, 188, 191, 224, 227.

²² Левинтов Б. М. Сатирическая журналистика 1905–1907 годов // Вопросы советской литературы. М.; Л., 1957. Т. 5. С. 269.

²³ Нинов А. Русская сатирическая поэзия 1905–1907 годов // Стихотворная сатира Первой русской революции (1905–1907). Л., 1969. С. 5.

«Избиенья», «усмиренья»,
«Циркуляры», «донесенья»,
Тьма «проектов», «отношенья»,
«Усмотренья», «подозренья»,
Плюс «охраны», «положенья»
При внимательном сложеньи,
По министров выраженью,
Даст – «страны успокоенье!»²⁴.

Одной из главных фигур обличения становится царь Николай II как воплощение всей бездарности и обреченности самодержавной системы. Радикалами была развернута мощная PR-кампания дискредитации императора и всей управленческой элиты с целью формирования антимоноархического сознания. В прокламациях сибирских социал-демократических организаций Николай II репрезентовался как: «венценосный негодяй», «Николая Обманов», «изверг-царь», «тиран», «коронованный злодей», «зазнавшийся, обезумевший поработитель и угнетатель, есть осатаневший от крови палач и мучитель»²⁵. Не менее обличительными были характеристики чиновников – «палачи», «опричники», «холопы», «башибузуки», «вооруженная банда», «верные псы», «негодяи», «прохвосты», «мерзавцы», «чиновники-крепостники», «кровавые старики Сухотины, Кутайсовы», «придворная свора» и т. д.²⁶ Политические противники дискредитировались не только в режиме реального времени, но и в мемуарах, спустя длительное время. Так, А. Яропольская в 1925 г. следующим образом характеризовала своего вагонного попутчика, казачьего офицера, участника событий 20–22 октября 1905 г. в Томске: «более тупой, преступной рожи я еще не видела»²⁷.

Организации партий социалистической ориентации предлагали радикальные проекты технократизации страны и ликвидации всех пережитков. «Общий интерес всех рабочих без различия веры и племени, – подчеркивалось Сибирским союзом РСДРП (апрель 1905 г.), – без различия мастерства и занятий,

²⁴ Стихотворная сатира... С. 251, 589.

²⁵ Большевики Западной Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 гг.: документы и материалы. Новосибирск, 1958. С. 41, 172, 177, 179, 191, 440.

²⁶ Там же. С. 186, 190, 195, 220, 225, 226, 274, 322, 330, 498.

²⁷ ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 179. Л. 8.

без различия страны и государства, общий интерес всего рабочего класса заключается в том, чтобы весь капитал, все, без чего нельзя работать – земля, фабрики, здания и машины, – чтобы все это принадлежало не частным лицам, не кучке капиталистов, как теперь, а всему обществу. Только при таком социалистическом порядке не будет эксплуатации одной части населения другой»²⁸.

Социал-демократы обобществление средств производства рассматривали как главное условие «воцарения социализма». «Труд должен быть успешным, или, как говорят, производительным, – утверждали томские эсдеки. – В общественном труде необходимо применять все самые усовершенствованные машины, все способы, указываемые наукой, ибо они облегчают и ускоряют работу человека»²⁹. Они же в листовке от января 1906 г. поясняли относительно перспектив построения социализма в России: «Но мыслимо ли ввести у нас в России социализм сейчас? Нет, наша деревня еще слишком темна и бессознательна. Еще слишком мало настоящих социалистов (социал-демократов) среди крестьян. Прежде всего нужно свалить самодержавие, которое держит народные массы во тьме. Нужно освободить деревенскую бедноту от всяких податей, нужно ввести подоходно-прогрессивный налог, всеобщее обязательное обучение, нужно, наконец, объединить деревенский пролетариат и полупролетариат в одну социалистическую армию. Только такая армия сможет совершить великий социалистический переворот»³⁰. Касаясь этой стороны общественно-политических взглядов российских интеллектуалов рассматриваемого времени, П. Б. Струве писал: «В основе нашего интеллигентского экономического мирозерцания может лежать либо тот безрелигиозный механический рационализм, из которого выросла доктрина западноевропейского социализма, своего рода общественный атеизм, либо то религиозное народничество, самым ярким выразителем которого является Лев Толстой и для которого идеал человека – Иванушка – дурачок»³¹.

²⁸ Большевики Западной Сибири... С. 78.

²⁹ Там же. С. 519–520.

³⁰ Там же. С. 334–335.

³¹ *Струве П. Б.* Интеллигенция и народное хозяйство // Струве П. Б. *Patriotica: Россия. Родина. Чужбина.* СПб., 2000. С. 86.

В процессе повседневной деятельности политические объединения различной направленности по-разному выстраивали отношения друг с другом – от открытого неприятия до активного взаимодействия и союза. На практике это проявлялось как в призывах к совместным действиям, так и в жесткой критике. Так, в резолюции собрания-митинга в Томске 12 января 1905 г. подчеркивалось: «Признавая, что всякий честный гражданин в настоящий исторический момент обязан активно поддерживать революционное движение пролетариата, настоящее собрание приветствует призыв Сибирского социал-демократического союза к всеобщей политической стачке по линии Сибирской дороги как наиболее подходящий конкретный способ борьбы в настоящее время в районе Сибири»³². С другой стороны, например, социал-демократы последовательно разоблачали «интеллигентных обывателей», в том числе с профессорскими дипломами, которые «поддерживают забрызганный народной кровью царский трон» и являются, по сути, «политическими самозванцами и врагами народа»³³.

Независимо друг от друга радикалы-подпольщики, либералы и правые действовали, ориентируясь на определенные образцы политического поведения, отражающие определенные типы культурных традиций. Прежде всего, к 1905 г. в России и в регионе сложилась развитая субкультура революционного подполья. Как установил Б. И. Колоницкий: «Несколько поколений радикальной интеллигенции создали систему ритуалов, традиций, символов, которые играли важную роль в воспроизводстве структуры революционного подполья, несмотря на все полицейские преследования»³⁴.

Элементом ее являлся красный цвет. «Красными» называли себя радикалы, так их квалифицировали в повседневной практике правоохранители с 1860-х гг. Так, Г. Н. Потанин в письме к А. Д. Шайтанову (апрель 1863 г.) презентовал последнего как «красного сепаратиста»³⁵. Жандармский офицер, производивший

³² ГАНО. Ф. п. 5. Оп. 2. Д. 55. Л. 289.

³³ Большевики Западной Сибири... С. 236, 328.

³⁴ Колоницкий Б. И. Политическая топография Петрограда и революция 1917 года (Невский проспект) // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124). С. 329.

³⁵ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. С. 66.

обыск у того же Г. Н. Потанина в Томске 31 мая 1865 г., своем в отчете подчеркнул, что обнаруженная литература и корреспонденция подозреваемого характеризуют его как «сочувствующего разных красных идей лицам»³⁶. К слову сказать, не конфузились тогда употреблять и неприличную ныне в России дефиницию «коммунизм». Так, сибирский чиновник Н. А. Костров, вспоминая о своих встречах с ссыльным М. В. Петрашевским, называет петрашевцев «несчастливыми коммунистами»³⁷.

Красная символика активно использовалась радикалами в период Первой русской революции. Томский комитет РСДРП накануне демонстрации 18 января 1905 г. в листовке призывал «дружно выходить на улицу и смело соединяться с рабочими и студентами под красным знаменем социал-демократии»³⁸. В ходе демонстрации ее участники «несли четыре красных флага, один из которых был с кистями, и пели песни революционного содержания»³⁹. Характерно, что в перечне трофеев на первом месте стояли красные флаги, за попытку отобрать один из них полицейский получил серьезное ранение. Революционной символике противоборствующие стороны уделяли особое внимание. Соответствующая цветовая гамма использовалась в агитационных целях при похоронах. Например, выше уже отмечалось, какое значение для консолидации томских радикалов имели состоявшиеся 25 ноября 1905 г. похороны студента университета, социал-демократа И. В. Писарева. «Похоронная процессия (200–300 чел., по разным оценкам. – *М. Ш.*) с красным гробом прошла довольно медленно (умышленно) по главным улицам гор. Томска с пением ... революционных песен, – докладывал полицмейстер, – впереди процессии несли 17 венков с необычайно широкими красными лентами, на которых были ... надписи революционного содержания»⁴⁰. Красная символика использовалась не только социал-демократами.

³⁶ Цит. по: *Шиловский М. В.* Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50-х – 60-х годах XIX века. Новосибирск, 1989. С. 76.

³⁷ *Шевцов В. В.* Воспоминания Н. А. Кострова о М. В. Петрашевском // *Человек – текст – эпоха.* Томск, 2011. Вып. 4. С. 166.

³⁸ Революционное движение в 1905–1907 гг. в Томской губернии. С. 23–24.

³⁹ Там же. С. 27.

⁴⁰ Там же. С. 84.

Большое распространение, например, получили листовки Всероссийского крестьянского союза (ВКС) «Чего хотят люди, которые ходят с красным флагом». Кстати, и сегодня красный цвет, как символ протеста, используется не только политическими объединениями. Например, жители одного из микрорайонов Новосибирска в июле 2011 г., протестуя против решения ущемляющего их интересы, изготовили 250 красных флагов и развесили на своих домах⁴¹.

Массовые протестные акции сопровождались исполнением революционных песен, особенно «Марсельезы». Читинский епископ Мефодий, вспоминая о событиях 1905 г. в городе, подчеркивал: «Не раз, когда в церкви шла служба, до меня доносилась с улицы пение этой разбойничьей песни “Марсельзы”»⁴². А сами эти акции можно подразделить на митинги, демонстрации, стачки (забастовки), похороны (панихиды). Например, в Томске последний тип перечисленных выше мероприятий в отношении убитого во время демонстрации 18 января 1905 г. рабочего-печатника И. Е. Кононова использовался дважды: во время похорон 30 января 1905 г. и 1 июня того же года при открытии памятника на его могиле. В Красноярске с этой же целью были использованы похороны рабочего-железнодорожника М. Чальникова 13 августа 1905 г., в Чите – железнодорожника А. Е. Кисельникова 19 октября того же года, смертельно раненого при похищении оружия из воинского эшелона.

Как правило, для проведения массовых протестных акций радикалы использовали центральные кварталы и улицы крупных сибирских городов. Там, где железнодорожные узлы (станции, депо, мастерские) отстояли на удалении от городских кварталов (Чита, Красноярск, Омск), там митинги, собрания, демонстрации проходили попеременно: утром в железнодорожных мастерских, после обеда – в городе. Особенность ситуации в октябре 1905 г. заключалась в проведении стационарных митингов в течение всего дня в культурно-просветительных учреждениях: Томск (театр, Бесплатная библиотека, Общественное собрание), Красноярск (Народный дом), Иркутск (Общественное собрание, клуб приказчиков), Омск (железнодорож-

---

⁴¹ Гайдукова Т. Против точечной застройки жители возразили... красными флагами // Комсомольская правда. 2011. 9 авг.

⁴² Сиб. вопросы. 1906. № 1. С. 80.

ное собрание), Мариинск (Народный дом) и т. д. В последнем группа местных интеллигентов получила разрешение на проведение в Народном доме публичных чтений на тему развития гражданских свобод. Прибывший для осуществления надзора полицейский чиновник был сильно удивлен, когда вместо запланированной лекции услышал пение «Марсельезы», получил комплект прокламаций, ознакомился с программой РСДРП и услышал революционные речи.

Свои практики и ритуалы использовали в противостоянии с революционерами и правые силы. Томский погром 20–22 октября 1905 г. начался с организованного мещанским обществом шествия с портретами императора Николая II и национальными (государственными) флагами, напоминающего патриотические манифестации в Томске и Иркутске в связи с началом Русско-японской войны. В Барнауле такой же акции предшествовали литургия в храме, молебен о здравии императора на площади, после чего толпа двинулась крестным ходом, сопровождаемая оркестром и певчими. Литургии и молебны состоялись в Томске, Красноярске, Иркутске.

Можно согласиться с основополагающим выводом К. Гумбы о том, что «1905 год изменил практику осуществления власти в Российской империи», в том числе и в Азиатской России. «С помощью назначения генерал-губернаторов удавалось обойти бюрократические преграды для восстановления порядка. Вместо формализованного варианта государственного господства ставка делалась на персонализированные формы осуществления власти. На улице это выражалось в практиках, которые возникли на периферии многонациональной империи: военно-полевых судах, карательных экспедициях, чрезмерном применении насилия, одним словом – в политике «короткой расправы». Символическая угроза вынуждена была уступить место насилию, приводимому в исполнение»⁴³.

К концу XIX в. основным нормативным источником для административного и судебного преследования по политическим преступлениям являлось «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. 7 июня 1904 г. вводится в действие новая редакция этого законодательного акта, которая фор-

---

⁴³ Гумб К. Угрожать и наказывать: Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 192.

мулировала составы четырех государственных (политических) преступлений: 1) бунт против верховной власти и преступления против особы государя и членов императорского дома (ст. 97–107); 2) смута (ст. 121–123, 125–132, 134); 3) противозаконные сообщества (ст. 124) и 4) преступления против народного права (ст. 260–261). Кроме того, использовалось чрезвычайное законодательство, например, указ от 2 декабря 1905 г. «О забастовках, имеющих государственное значение». Преступления, связанные с аграрными волнениями, стачками, пропагандой в печати, сопротивлением действиям властей, побегам из мест отбывания наказания, квалифицировались как уголовные. Дела по перечисленным составам преступлений рассматривались в судебных палатах (Омская, Иркутская) и окружных судах (Тобольск, Омск, Томск, Красноярск, Иркутск, Чита). Только судебные палаты рассматривали дела о преступных сообществах.

Помимо судов ведомства Министерства юстиции, рассмотрением политических дел занимались военные суды разных уровней в связи с преступлениями в основном военнослужащих. Для их использования в сфере гражданского судопроизводства по политическим преступлениям правительство применяло «Положение о мерах по охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. и «Правила о местностях, объявленных состоящими на военном положении» от 18 июня 1892 г. Согласно «Положению» в местностях (уезд, область, губерния), объявленных на военном положении, вводился режим чрезвычайной и усиленной охраны, предусматривающий передачу всей полноты власти специально назначенным генерал-губернаторам из числа штаб-офицеров и генералов. Администрация получала санкцию рассматривать в военных судах дела о государственных (политических) преступлениях по законам военного времени. Временные генерал-губернаторы получали право прекращать занятия в учебных заведениях, закрывать повременные издания и общественные формирования, высылать в административном порядке за пределы вверенного им территориально-административного образования любое лицо, заподозренное в антиправительственной деятельности, вплоть до отмены военного положения.

В объявлении временного генерал-губернатора Томской губернии К. С. Нолькена от 30 января 1906 г. по этому поводу сообщалось: «Ввиду объявленного в г. Томске военного поло-

жения, признаю необходимым, согласно 6 и 7 пун[ктам] Ст[а-
тьи] 19 прилож[ения] к ст[атье] 23 Общ[их] Учр[еждений] Губ[ер-
нских] Т. II изд. 1892 г., изъять из общей подсудности и пе-
редать к производству военного суда дела о насилии против
должностных лиц и учреждений по правилам, определенным в
ст[атье] 20 указанного приложения, с тем, чтобы лицам, винов-
ным в вооруженном сопротивлении властям или нападении на
чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц,
при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие
исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти со-
провождались убийством или покушением на убийство, нане-
сением ран, увечий, тяжелых побоев или поджогом, определя-
лось наказание, предусмотренное ст. 207 воин[ского] Устава о
наказаниях, то есть смертная казнь»⁴⁴.

В конце 1905 г. самодержавие для восстановления управле-
ния по линии Транссибирской железнодорожной магистрали на-
правило две карательные экспедиции (отряда) генералов А. М. Мел-
лер-Закомельского из Москвы и П. К. Ренненкампа из Хар-
бина, с предоставлением им «всех мер, которые будут ими при-
знаны необходимыми для восстановления порядка как по от-
ношению к железнодорожным служащим, так и к возвращаю-
щимся с Дальнего Востока войсковым эшелонам». Вдогонку 3 ян-
варя 1905 г. специальной телеграммой министр внутренних дел
П. Н. Дурново потребовал «избегать арестов и истреблять мя-
тежников на месте или немедленно судить военно-полевым су-
дом и казнить». Уже в 1906 г. для борьбы с беспорядками на
сибирских железных дорогах создаются четыре мобильно-кара-
тельных («летучих») отряда на станциях Омск, Тайга, Красно-
ярск, Иннокентьевская⁴⁵.

В развитие чрезвычайного карательного законодательства
указом от 11 августа 1906 г. вводилось временное положение
(действовало до апреля 1907 г.) о военных судах. Оно давало
временным генерал-губернаторам и другим начальствующим
лицам право передавать дела о преступных сообществах непосредственно в военно-полевые суды, которые обязывались вы-
носить приговоры о смертной казни через 48 часов после свер-
шения преступления обвиняемым. В состав суда приказом на-

---

⁴⁴ Цит. по: *Штырбул А. А.* Указ. соч. С. 81.

⁴⁵ История Сибири: учеб. пособ. Томск, 1987. С. 381.

чальника соответствующего гарнизона включались пять строевых офицера, даже не имеющих юридической подготовки. Наконец, согласно «Положению о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» губернаторы получали право на административную ссылку правонарушителей. В таких случаях материалы жандармского дознания представлялись на рассмотрение Особого совещания при министре внутренних дел, состоявшего из председателя и четырех членов. Постановление органа приобретало законную силу после утверждения его министром внутренних дел.

Все государственные (политические) преступления согласно «Уложению о наказаниях...» 1904 г. подразделялись на тяжкие, просто преступления и проступки. За тяжкие преступления по суду могли быть назначены: смертная казнь, каторга и ссылка на поселение. Лица, совершившие «просто преступления», заключались в исправительный дом, крепость или тюрьму. Проступки карались кратковременным арестом и денежным штрафом. Сюда же следует добавить административную ссылку на кратковременный срок. По действовавшему законодательству (ст. 99–100 «Уложения о наказаниях...») к смертной казни приговаривались лица, покушавшиеся «на жизнь, здоровье, свободу, неприкосновенность царя или наследника престола», а также виновные в «насильственном посягательстве на изменение в России... образа правления». На практике указанные статьи применялись к членам революционных формирований, совершивших террористические акты в отношении должностных лиц, к руководителям и участникам вооруженных выступлений.

К каторжным работам с последующей ссылкой приговаривались лица, совершившие тяжкие государственные преступления (ст. 100–106, 121, 123, 126–131): это члены боевых групп, участники покушений и вооруженных выступлений. Царской юстицией часто применялась и ст. 126, каравшая каторгой и ссылкой на поселение за участие в «сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в государстве общественного строя или учинении тяжелых преступлений посредством взрывчатых веществ или снарядов». Каторжными работами каралось публичное оскорбление словами царя, правящего императорского дома, «разрушение» царского портрета, распространение сочинений, порочащих династию Романовых.

Практически по всем видам государственных преступлений в качестве наказания практиковалась ссылка в Сибирь на вечное поселение. На поселение отправляли отбывших каторжные работы. Ссылка по суду сопровождалась лишением всех прав состояния. Основной контингент политических ссыльнопоселенцев составляли члены радикальных партий и политических объединений.

Репрессивным санкциям подвергались не только отдельные лица, но и неполитические общественные формирования. Например, по постановлению временного генерал-губернатора от 30 января 1906 г. было закрыто Томское общество попечения о начальном образовании «ввиду явно преступной деятельности». В марте это решение одобрил министр внутренних дел. Местное жандармское управление возбудило дело, арестовав председателя объединения Н. Ф. Бундюкова и его помощника М. И. Преловского. Среди выдвинутых обвинений им инкриминировалось участие в пополнении партийных касс (социал-демократической и эсеровской) и противоправительственная пропаганда. В Тобольской губернии в 1907 г. было арестовано руководство Курганского, Петуховского, Тюкалинского и Тарского отделов Московского общества сельского хозяйства.

Специфической формой правонарушений выступали крестьянские волнения (выступления): посягательства на жизнь представителей администрации (убийства, ранения, избиения полицейских, сельских старост, чинов лесной стражи); разгромы и поджоги административных учреждений (волостные правления, полицейские управления, конторы имений Кабинета его императорского величества), а также жилищ чиновников; самовольные порубки леса, захват земли, сенокосных угодий, сопротивление проведению землеустроительных работ, вакцинации скота; отказ платить подати, недоимки по ним, а также отбывать натуральные повинности. С позиций «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» они квалифицировались как уголовные преступления, но в то же время отчетливо обозначен политический аспект. Всего за 1905–1907 гг. крестьянами только Томской губернии сопротивлению чинам полиции, лесной стражи, военнослужащим оказывалось 41 раз. За участие в массовых беспорядках в январе 1907 г. в селах Завьялово, Быстрый Исток и Верхне-Ануйское было арестовано 104 крестьянина. Томский окружной суд 27 мая 1909 г. вынес приговор по

этому делу: двоих осудили на 12 лет каторжных работ, 9 чел. – на два года заключения в исправительных арестантских отделениях и 6 чел. – на четыре месяца тюремного заключения.

По подсчетам Д. А. Глазунова, осуществленным на основе анализа дел, рассмотренных в Томском окружном суде, в период революции 1905–1907 гг. наблюдался рост преступлений, связанных с похищением и истреблением имущества, нанесением побоев, убийствами, посягательствами против порядка управления. Так, если в 1904 г. фиксируется 367 убийства, в 1905 – 414, 1906 – 587, 1907 – 631, 1908 – 735⁴⁶.

Несмотря на поражение, революция 1905–1907 гг. оказала огромное воздействие на все сферы жизни сибирского общества. Именно тогда в России и за Уралом повеяло ветром демократических преобразований, и рядовой обыватель почувствовал себя гражданином, субъектом формирующегося гражданского общества.

---

⁴⁶ Глазунов Д. А. Правовое измерение революции: проблема преступности в 1905–1907 гг. (по материалам Томской губернии) // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. Томск, 2007, с. 130, 133.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. СИБИРЬ НАКАНУНЕ СОЦИАЛЬНОГО КАТАКЛИЗМА 1905–1907 г.	25
Глава 2. ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО. ЯНВАРЬ–ОКТЯБРЬ 1905 г.	53
2.1. Непосредственная реакция	—
2.2. Активизируются либералы	68
2.3. Жаркое лето 1905 г.	87
Глава 3. ВЗРЫВ. ОКТЯБРЬ 1905 – ЯНВАРЬ 1906 г.	106
3.1. Октябрьская всеобщая политическая стачка	—
3.2. Двоевластие: Чита, Иркутск, Красноярск	144
3.3. Всплеск революционной активности	170
Глава 4. «НОВЫЙ БОЙ НЕ ЗА ГОРАМИ». ФЕВРАЛЬ 1906 – ИЮНЬ 1907 г.	214
3.1. Арьергардные бои	—
3.2. Политические и общественные формирования	242
3.3. Выборные кампании в 1-ю и 2-ю Государственные думы	263
«ЗАМИНКА БУДЕТ НЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНА...». ВМЕСТО ЗА- КЛЮЧЕНИЯ	292

Научное издание

Шиловский Михаил Викторович

**ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
1905–1907 гг. В СИБИРИ**

Редактор *В.И. Смирнова*

Художественный редактор *Н.Б. Быковская*

Оператор электронной верстки *Е.Н. Зимица*

Подписано в печать 14.12.2012. Формат 60×84 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 18. Тираж 300 экз. Заказ № 499.

Издательство СО РАН
630090, Новосибирск, Морской просп., 2
E-mail: psb@sibran.ru
тел. (383) 330-80-50
Отпечатано в Издательстве СО РАН
Интернет-магазин Издательства СО РАН
<http://www.sibran.ru>